

Wysocki

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

В. А. ЖУКОВСКИЙ

Собрание сочинений

В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

•

**Государственное издательство
художественной литературы**

Москва 1959 Ленинград

В. А. ЖУКОВСКИЙ

Том первый

СТИХОТВОРЕНИЯ

•

**Государственное издательство
художественной литературы**

Москва 1959 Ленинград

Вступительная статья

И. М. Семенко

*Подготовка текста
и примечания*

В. И. Петушкова

Оформление художника

М. И. Разулевича

Поддѣтелю-ученику отъ похваленаго-учителя.
 зинствѣ въсвѣдѣнныи; деиъ съ коими; оиѣ скончало сѣи
 нѣицу Русланъ и Анжелика
 1820 Мѣсяцъ 26 Великии пятницѣ

В. А. ЖУКОВСКИЙ

С портрета О. Кипренского (1818).

В. А. ЖУКОВСКИЙ

1

«Жуковский был первым поэтом на Руси, которого поэзия вышла из жизни»,¹ — эти слова Белинского чрезвычайно важны для понимания и жизни и творчества Жуковского. «Что за прелесть чертовская его небесная душа!» — говорил о Жуковском Пушкин. «Дела поэта — слова его» — это афоризм самого Жуковского. Современники высоко ценили Жуковского как человека и как поэта, хотя ему была свойственна несомненная односторонность. Реальным путем воздействия на общество он считал не гражданскую активность, а только «образование для добродетели», благотворность личного влияния, пропаганду идей просвещения и гуманности.

Превыше всего ставя то, что он называл «добродетелью», Жуковский остался в стороне от бурных событий своего времени. Нисколько не стремясь затушевать или оправдать это, мы, вместе с тем, должны уяснить непреходящую ценность творчества Жуковского. Тот высокий моральный идеал, на котором поэт основывал и свою поэзию и свою жизнь, идеал личной добродетели (которую он приравнивал к добродетели гражданской) заслуживает уважения.

Поэзия Жуковского — поэзия переживаний, чувств и настроений; ее можно назвать началом русской психологической лирики. Ее лирический герой исполнен своеобразного обаяния; обаяние это — в поэтической мечтательности, в возвышенности и благородстве душевной жизни.

¹ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. VII, М., изд. АН СССР, 1955, стр. 190. В дальнейшем все ссылки даются по данному изданию.

Жуковский не закрывал глаз на трагическое положение человека в современном ему мире и в своих стихах выразил чувство глубокой неудовлетворенности действительностью. О «совершенном недовольстве собою, миром, людьми» как отличительной черте Жуковского-поэта писал в своих «Очерках...» Н. Полевой.¹

В творчестве Жуковского воплотилось гуманистическое представление о человеческой личности как носителнице высоких духовных ценностей. Поэтому творчество Жуковского имело прогрессивный смысл и в эпоху деспотизма по-своему противостояло казенно-бездушному отношению к человеку. Оно оказало, как отмечал Пушкин, «решительное влияние на дух нашей словесности»; и Пушкин совершенно справедливо считал это влияние благотворным. Белинский писал, что «творения Жуковского — это целый период нашей литературы, целый период нравственного развития нашего общества. Их можно находить односторонними, но в этой-то односторонности и заключается необходимость, оправдание и достоинство их».²

Василий Андреевич Жуковский родился 9 февраля (по новому стилю) 1783 года в с. Мишенском, Белевского уезда. Отец поэта — Афанасий Иванович Бунин, тульский помещик. Мать — илленная турчанка Сальха, которую в 1770 году, в возрасте шестнадцати лет, русские крестьяне-маркитанты привезли из-под турецкой крепости Бендеры в «подарок» А. И. Бунину. При крещении Сальху называли Елизаветой Дементьевной. Ребенок был усыновлен, по желанию Бунина, жившим в его доме бедным дворянином Андреем Григорьевичем Жуковским. Таким образом будущий поэт получил дворянство и избежал уготованной столь многим побочным помещичьим детям участи крепостного.

Мать поэта, ставшая домоправительницей Бунина, легко овладела русской грамотой. Она была умна и обаятельна, но сохранившиеся письма к ней мальчика-Жуковского не свидетельствуют об особой душевной близости между ними: Жуковский воспитывался в бунинской семье; положение не изменилось и после смерти отца (1791). С ребенком обходились ласково, но он чувствовал необычность своего положения и страдал от этого. Позднее Жуковский написал в своем дневнике многократно цитировавшиеся строки: «Я привыкал отделять себя ото всех, потому

¹ Н. Полевой. Очерки русской литературы, т. I, СПб., 1839, стр. 121.

² В. Г. Белинский, т. VII, стр. 241.

что никто не принимал во мне особого участия и потому что всякое участие ко мне казалось мне милостию». ¹

Учился Жуковский сначала в частном пансионе Х. Ф. Роде, затем в Тульском народном училище. Первые его стихотворения (не дошедшие до нас) были написаны, по-видимому, в возрасте семи-восьми лет. ² В 1795 году им была написана не дошедшая до нас трагедия «Камилл, или Освобожденный Рим». В 1797 году мальчика увезли из Тулы и поместили в Московский университетский благородный пансион. Пансион возглавлял А. А. Прокопович-Антонский — писатель и педагог, связанный с разгромленными Екатериной масонскими кругами, с Н. И. Новиковым и И. Г. Шварцем. Директором университета был И. П. Тургенев, также масон. Воспитанникам внушались идеи нравственного самосовершенствования, филантропии, гражданского долга и, вместе с тем, политического благомыслия.

Жуковский глубоко воспринял идеалы морального самосовершенствования и личной добродетели. Он трактовал их как идеалы не только личные, но и общественные и, в сущности, остался им верен до конца жизни. Между тем друзья и единомышленники его юности, сыновья директора университета, Александр и Николай Тургеневы стали впоследствии: один — вольнодумцем, близким к декабристским кругам, другой — декабристом. Мироощущение же Жуковского несколько статично; и в жизни и в творчестве поэта процесс развития связан не столько с изменением, сколько с углублением определившихся уже в молодости воззрений.

В 1798 году Жуковский читает на акте университетского благородного пансиона речь «О добродетели»; на другом акте в том же году — одно из первых дошедших до нас своих стихотворений, «Добродетель». Совершенно очевидно, что избранная тема не имела для него казенно-нравоучительного смысла.

Занятия литературой постепенно выдвигаются на первый план и имеют вначале даже практический интерес: не располагая средствами, достаточными для приобретения интересующих его книг, юноша Жуковский переводит несколько ходких авантюрно-сентиментальных произведений А. Коцебу и за перевод одного из его романов («Die jüngsten Kinder meiner Laune», в переводе Жуковского — «Мальчик у ручья») получает 75 рублей. По окончании пансиона, с 1800 по 1802 год, Жуковский служит

¹ Дневник В. А. Жуковского, под ред. И. А. Быкова, СПб., 1903, стр. 27.

² На это есть намек в программе автобиографии поэта (1806).—«Русская старина», 1901, CVI, стр. 36—41.

в Московской соляной конторе, но служба тяготит его, так как отвлекает от любимых занятий.

Если не говорить о детских ученических одах, написанных в духе классицизма XVIII века, основные литературные веяния, воспринятые Жуковским, — сентиментализм (культ природы, «чувствительности» и «добродетели», интерес к «обыкновенному» человеку, сосредоточенность на перипетиях интимной душевной жизни) и преромантизм (увлечение экзотическим и прирациональным, обращение к народной фантастике, к средневековью, романтика «тайн и ужасов»). Установка на субъективизм в художественном отображении действительности сближала сентиментализм и преромантизм; это было предвестие романтического искусства, отказавшегося от строго логического рационалистического мышления классицизма.

В конце XVIII века в России получают большое распространение сентиментальные и преромантические произведения западноевропейской литературы; популярными становятся имена Грея, Шписса, Радклиф. Жуковский увлекается Оссианом (под этим вымышленным именем английский поэт Макферсон опубликовал переработанные им древние ирландские и шотландские легенды), меланхолической поэзией английских преромантиков Юнга и Грея.

Еще в пансионе тесно сблизившись с братьями Тургеневыми (в особенности со старшим, рано умершим Андреем Тургеневым), Жуковский по выходе из пансиона (1800) организует вместе с ними «Дружеское литературное общество». Это общество отличалось широтой поэтических интересов. Андрей Тургенев, под сильным воздействием которого паходился в те годы Жуковский, пропагандировал Шиллера; ему же принадлежит один из первых в России переводов гетевского «Вертера». Интерес к новой немецкой литературе (Гете и в особенности Шиллер) захватывает и Жуковского. Вместе с тем юный Жуковский паходится под воздействием Ломоносова и Державина; через их поэзию он усваивает стиль торжественной оды классицизма (существенного различия между Ломоносовым и Державиным Жуковский в эти годы еще не ощущает). Из русских поэтов сентиментальной школы Жуковского привлекают Н. М. Карамзин, И. И. Дмитриев, Ю. А. Нелединский-Мелецкий, в «песнях» которых пасторальные мотивы окрашены меланхолическим лиризмом.

Воспринимая веяния новой, предшествующей романтизму, литературной культуры, в плане теории искусства юный Жуковский симпатизирует просветительским эстетическим теориям. Он

глубоко воспринимает просветительскую эстетику Шиллера, изучает близкие к эстетике Шиллера теории германских ученых Энгеля, Сульцера, Эшенбурга (сохранились составленные поэтом конспекты их сочинений). Эти симпатии Жуковский сохранит навсегда.

В 1802 году Жуковский сблизился с Н. М. Карамзиным, вождем нового литературного направления. Дружеские отношения с ним продолжают в течение многих лет, до самой смерти Карамзина. Карамзин останется для Жуковского образцом писателя и гражданина и тогда, когда в литературу придут Пушкин, Лермонтов, Гоголь. И здесь Жуковский будет верен идеалам своей юности, как ни высоко оценит он поэзию Пушкина.

В 1802 году, в декабрьской книжке «Вестника Европы», редактировавшегося Карамзиным, Жуковский помещает свою элегию «Сельское кладбище». Это было первое серьезное выступление Жуковского в печати и его первый триумф. Он бросил службу и возвратился в Мишенское, окончательно решив посвятить себя литературной работе.

2

«Сельское кладбище» — программное произведение Жуковского этого периода, и — шире — русского сентиментализма.

Сентиментализм, возникший в Западной Европе во второй половине XVIII века, в значительной мере подготовил почву для романтиков. В сентиментализме выразилось формирование буржуазного сознания, новые представления о правах личности и ценности душевной жизни человека. Однако, в отличие от романтизма, сентиментализм сохранил связь с просветительским рационализмом. Критическая переоценка идей Просвещения еще только начиналась писателями-сентименталистами.

В России веяния сентиментализма стали ощущаться в 70-х годах XVIII века. По своей социальной природе сентиментализм не был единым. Самое радикальное течение европейского сентиментализма (руссизм) оказало воздействие на Радищева, в творчестве которого элементы «чувствительности» были подчинены революционной и демократической мысли.

Признанным главой русского сентиментализма является Карамзин. В его творчестве нашли свое выражение настроения не радикальной, а умеренно-либеральной и даже консервативной части дворянства.

Социальная проблематика в творчестве Карамзина и его последователей сознательно обходилась. В знаменитой повести Карамзина «Бедная Лиза» трагедия героини из социального плана переведена в план чисто личных отношений. Но карамзинизму была свойственна гуманистическая устремленность. Всякий человек, по Карамзину, кто бы он ни был, достоин уважения и сочувствия если он «добродетелен», если благороден его духовный мир. Изображение чувств становится основным содержанием литературы этого направления.

По сравнению с классицизмом, рационалистически изображавшим «свойства» и «качества» человеческой природы, обращение Карамзина и его последователей к душевной жизни человека было фактом прогрессивным, так как раскрывало перед искусством новые возможности. Однако карамзинизм, именно в силу его стремления отказаться от социальной проблематики, не смог избежать условности в искусстве. Ведь конкретность и подлинный психологизм невозможны без раскрытия социальной основы характера. Разница между Радищевым или Руссо, с одной стороны, и Карамзиным, с другой, — не только в масштабах их дарований, но в кардинальном отличии искусства, ставящего социальные проблемы, от искусства, стремящегося их обойти. Именно в силу этого психологический анализ в творчестве Карамзина оказался не очень глубоким. Сама «чувствительность» подается им по рационалистическому принципу, как одно из «свойств» и «качеств» природы человека вообще.

И в идейном и в художественном отношении карамзинизм был близок молодому Жуковскому. Взяв за образец «Элегию, написанную на сельском кладбище» английского поэта Грея, Жуковский разрабатывает тематику и стиль, определившие на многие годы его собственное творчество и вызвавшие множество подражаний. В центре элегии (с гораздо меньшим успехом переводившейся в России и до Жуковского) — образ мечтателя-поэта, глубоко воспринимающего диссонансы жизни и ее несправедливость, сочувствующего «маленьким», незаметным труженикам, чьи безвестные имена скрыты под плитами деревенского кладбища. Судьба была несправедлива к этим людям; но, с другой стороны, поскольку слава и власть, по мнению поэта, неотделимы в обществе от соблазнов и пороков, превыше же всего — нравственное достоинство человека, в элегии прославляется скромная участь простых поселян. Искреннее одушевление, сменившее риторичность эпигонов классицизма, эмоциональность стиля, музыкальная инструментовка стиха — все это поставило «Сельское клад-

бище» в самом центре зарождающейся новой поэзии. Обладая гораздо более значительным поэтическим дарованием, чем Карамзин, Жуковский талантливо развивает принципы его школы.

Переводя элегию Грея, Жуковский перестраивает ее в духе уже сложившейся в России карамзинистской традиции. Он жертвует конкретностью описаний, отдавая предпочтение эмоциональному началу.

Уже бледнеет день, скрываясь за горою,
Шумящие стада толпятся над рекой,
Усталый селянин медлительной стопою
Идет, задумавшись, в шалаш спокойный свой.

В 1839 году Жуковский снова вернется к «Сельскому кладбищу» и переведет его с гораздо большей степенью близости к подлиннику, отказавшись от специфических стилизованных особенностей сентиментализма начала века:

Колокол поздний кончину отшедшего дня возвещает,
С тихим баяньем бредет через поле усталое стадо;
Медленным шагом домой возвращается пахарь, уснувший
Мир уступая молчанью и мне...

Здесь нет ни «бледнеющего» дня, ни «задумавшись», ни «селянина», ни «шалаша». И отличие между первым и вторым переводом связано не только с развитием творческой зрелости Жуковского; это прежде всего отличие художественных систем. Певучий, более условный по своему стилю, построенный в одной подчеркнуто эмоциональной тональности («бледнеет», «усталый», «медлительно», «задумавшись»), перевод 1802 года является поэтически оригинальным произведением Жуковского, характернейшим образцом его стиля первого периода.

«Сельским кладбищем» начинается длинный ряд переводов Жуковского. Они имели для развития русской литературы огромное значение. Жуковский не стремился к буквальной точности перевода; воспринимая сам новые для него темы западноевропейской литературы и приобщая к ним русского читателя, расширяя идейный и тематический диапазон русской поэзии, Жуковский стилистически разрабатывал их по-своему. Создавая свой стиль, Жуковский исходил из лирики Карамзина (автора элегии «Меланхолия»), но довел этот стиль до высокой степени совершенства, придал ему истинную эстетическую ценность.

Элегия, песня-романс и дружеское послание — основные жанры поэзии Жуковского первого периода. В особенности его

привлекает элегия, тематика которой — размышления о суетности земного существования, погружение во внутренний мир, мечтательное восприятие природы — была уже закреплена общеевропейской традицией. Одно из лучших произведений Жуковского — его оригинальная элегия «Вечер» (1806).

Как и «Сельское кладбище», «Вечер» относится к жанру так называемой медитативной элегии. В отличие от первой элегии, размышления (медитации) сосредоточены здесь вокруг лирической темы. Воспоминания об утраченных друзьях, об уходящей молодости слиты с мечтательно-меланхолическим восприятием вечернего пейзажа:

Луны ущербный лик встает из-за холмов...
О тихое небес задумчивых светило,
Как зыблется твой блеск на сумраке лесов!
Как бледно брег ты озлатило!

Сижу задумавшись; в душе моей мечты,
К протекшим временам лечу воспоминаньем...
О дней моих весна, как быстро скрылась ты,
С твоим блаженством и страдапьем!

Жуковский — первый русский поэт, сумевший не только воплотить в стихах реальные краски, звуки и запахи природы — все то, что для человека составляет ее прелесть, — но как бы одухотворить природу чувством и мыслью воспринимающего ее человека. «Мы бы опустили одну из самых характеристических черт поэзии Жуковского, — писал Белинский, — если б не упомянули о дивном искусстве этого поэта живописать картины природы и вложить в них романтическую жизнь». ¹ Жуковский в «Вечере» создает и совершенно державинские по своей описательной выразительности стихи, рисуя, как

...с холмов золотых стада бегут к реке,
И рева гул гремит звучнее над нодами,
И, сети склав, рыбак на легком челноке
Плывет у берега меж кустами, —

и в то же время ему принадлежит знаменитая строфа, где в самом описании пейзажа прежде всего присутствует воспринимающий его и умеющий насладиться им поэт:

Как слит с прохладой растений фимиам!
Как сладко в тишине у берега струй плесканье!
Как тихо веянью зефира по водам
И гибкой ивы трепетанье!

¹ В. Г. Белинский, т. VII, стр. 215.

Восхищение человека передано в трехкратном повторении одной и той же конструкции восклицания («как слит», «как сладко», «как тихо»). Для человека «сладко» плескание струй, в его восприятии фимиам (запах) «слит» с прохладой,¹ и после этого, наконец, возникает впечатление, что для него и «тихо» веет зефир и трепещет гибкая ива. Неверно было бы расценивать такой метод, как крайний субъективизм Жуковского. Внутренний мир человека (в данном случае включающий в себя и восприятие природы) сам по себе является неким объективным фактом, подлежащим раскрытию в лирике, и в лирике Жуковского он раскрывается с необыкновенной поэтичностью и тонкостью. К тому же типу элегий Жуковского, что и «Вечер», относится написанная позднее элегия «Славянка» (1815) — произведение зрелое и глубокое.

Язык Жуковского в «Вечере» сочетает поэтичность и неприужденность. Вместе с тем, Жуковский строго заботится об эстетической стороне языка; он отбирает только те слова, которые по традиции воспринимаются как эстетически значимые, изящные, хотя уже выходит за пределы специально «поэтической», условно-литературной лексики (примеры такой лексики в «Вечере» — «зефир», «Минвана», «Альпин»).

Как уже указывалось выше, сентиментализм, и в особенности «карамзинизм», был еще в большой мере рационалистичен. Черты индивидуалистического мироощущения ему не присущи вовсе. Отсюда — характерная система своеобразных поэтических «клише» — лишенных индивидуального оттенка условных образов, переходящих из одного произведения в другое. Таков был, в частности, образ сентиментального поэта — «певца», страдающего от несчастной любви, предчувствующего свою раннюю гибель. Этот образ, у Жуковского овеянный подлинной поэтичностью, находим в «Тоске по милом», в ряде других стихотворений и баллад. Перелагая стихотворные отрывки из «Дон-Кихота» (не по Сервантесу, а по переделке Флорисана), Жуковский любовный сонет передает в духе сентиментальной насторожки:

Ах, нет! Любви твоей желать
Твой пленник, Хлоя, не дерзает:
Любить и слезы пролипать,
Жестокая, и то блаженством он считает.

¹ Этот характерный для Жуковского образ проанализировал Г. А. Гуковский в книге «Пушкин и русские романтики», Саратов, 1946, стр. 42—43.

В стихотворении «Певец» (1811) Жуковский создал великолепный образец поэзии русского сентиментализма:

Он дружбу пел, дав другу нежну руку, —
Но верный друг во цвете лет угас;
Он пел любовь — но был печален глас;
Увы! Он знал любви одну лишь муку...

Словосочетания «дружбу пел», «пел любовь», «во цвете лет угас», «печален глас» — типичные «клише» карамзинизма. Из таких же «клише», много раз встречавшихся у разных поэтов, состоит все стихотворение (за исключением, пожалуй, одного, психологически более конкретного четверостишия — «Что жизнь, когда в ней нет очарованья...»). Подлинные, интимные переживания Жуковского даны в отвлеченном, сознательно лишенном индивидуальности аспекте. Но Жуковский сумел придать традиционной судьбе сентиментального «певца» колорит драматизма путем создания взволнованной, разнообразной по своим оттенкам интонации. Таковы быстрые переходы от описательного «он сердцем прост», «он нежен был» и т. д. к прямым обращениям к «певцу» — «твой век был миг», «ты спишь»; разнообразие ритмов, рефрен «бедный певец», выделяющийся своим лаконизмом на фоне пятистопных и четырехстопных стихов. «Певец» остался навсегда классически законченным, программным образцом русского сентиментализма 1800-х годов, воссоздающим образ, наиболее характерный для поэзии и прозы этого стиля.

И вместе с тем, хотя стихотворение точно воссоздает сентиментальный канон, в нем много оригинального. Оно построено так, что образ «певца» не слит с образом автора; «певец», его могила, его внешний и внутренний портрет — как бы самостоятельной жизнью живущая картина, которую рисует перед читателем поэт:

В тени дерев, над чистыми водами
Дерновый холм вы видите ль, друзья?

Жуковский начинает постепенно отходить от «клише» сентиментальной поэзии, и они воспринимаются нами в его творчестве как некий анахронизм, как черта преодолеваемой им манеры, в самом его творчестве обнаруживающей свою архаичность. Если в «Сельском кладбище» этот стиль органичен, всецело соответствует содержанию элегии, то уже в финальных строках «Вечера» он кажется наивным и архаичным по сравнению со стилем всего стихотворения:

Так, петь есть мой удел... но долго ль?.. Как узнать?..
Ах! скоро, может быть, с Минваною унылой
Придет сюда Альпин в час вечера мечтать
Над тихой юноши могилой!

В «Славянке» (1815) уже совсем нет этих условных образов в духе сентиментальной поэзии начала века. Творческие связи Жуковского с карамзинизмом становятся все более сложными. Мы видим стремление поэта не только продолжить принципы этого литературного направления, но и реформировать их, отойти от них.

Совершенно новым явлением в русской поэзии явятся баллады Жуковского. От Карамзина и даже от Батюшкова Жуковский отличается также неизмеримо больший размах его литературного творчества, разнообразие жанров и тем, интерес к монументальным формам, развившийся у Жуковского уже в конце 1810-х годов.

«До Жуковского на Руси никто и не подозревал, чтоб жизнь человека могла быть в тесной связи с его поэзией и чтоб произведения поэта могли быть вместе и лучшею его биографиею»,¹ — эти слова Белинского прекрасно характеризуют ту связь поэзии и жизни, которая у Жуковского гораздо более органична, чем в поэзии классицизма и у современных ему русских поэтов 1810-х годов.

И для меня в то время было
Жизнь и поэзия одно... —

говорит о себе сам Жуковский в стихотворении «Мечты».

Грустная настроенность поэзии Жуковского не являлась просто данью модной в те времена элегической «меланхолии». Она основывалась на общественной неудовлетворенности и подкреплялась характером его личной жизни. Вся его молодость прошла под знаком упорной и оказавшейся безнадежной борьбы за личное счастье. Тема самоотверженной, возвышенной и несчастливой любви, проходящая через всю его поэзию, имела глубокие корни в его чувстве к Марии Андреевне Протасовой. Чувство это было взаимным и очень сильным. Жуковский и Маша потратили долгие годы на борьбу и десять лет не теряли надежды, пытаясь добиться согласия матери Маши, Е. А. Протасовой, на их брак. Между тем Е. А. Протасова (урожденная Бунина, единокровная сестра Жуковского) ссылалась на родство и религиозные запреты и была непоколебима в своем отказе. По воспоминаниям всех,

¹ В. Г. Белинский, т. VII, стр. 190.

знавших М. А. Протасову, она была необыкновенно обаятельна, хотя и не отличалась красотой, — живая, остроумная, простая, сочетающая ум с воображением, доброту с образованностью. «Когда вчитываешься в письма М. А. Протасовой-Мойер, как-то сам собою выплывает в памяти образ пушкинской Татьяны», — заметил П. Н. Сакулин.¹

М. А. Протасова является героиней «Песен» Жуковского («Когда я был любим», «Мой друг, хранитель-ангел мой», «О милый друг, теперь с тобою радость!»); стихотворений «Пловец», «Воспоминание» («Прошли, прошли вы, дни очарованья»), «Утешение в слезах», «К месяцу», «19 марта 1923»; баллад «Эолова арфа», «Алина и Альсим» и др. Тема любви всегда предстает у Жуковского в глубоко человеческом, благородном и возвышенном аспекте. Ее личный смысл Жуковскому приходилось скрывать, так как это было условием встреч с М. А. Протасовой, поставленным ее матерью. Так, в августе 1812 года Е. А. Протасова отказала Жуковскому от дома под предлогом намеков на его чувство к Маше в стихотворении «Пловец».

Бесчеловечность законов, разрывающих «союз сердец» («Алина и Альсим»), Жуковский переживал очень мучительно:

Кто слез на хлеб свой не ронял,
Кто близ одра, как близ могилы,
В ночи, бессонный, не рыдал,
Тот вас не знает, вышние силы!

(«Кто слез на хлеб свой
не ронял...»)

«Холодное жестокосердие в монашеской рясе, с кровавою надписью на лбу: должность (выправленную весьма неискусно из слова: суеверие) сидело против меня и страшно сверкало на меня глазами», — так описывает Жуковский одно из своих мучительных свиданий с матерью любимой девушки. «И эти люди называют себя христианами? Что это за религия, которая учит предательству и вымораживает из души всякое сострадание?.. Режь во имя бога и будь спокоен! Я презираю их от всей души, — и с тою религией, которую они так пышно воздают за истинную».²

¹ П. Н. Сакулин. М. А. Протасова-Мойер по ее письмам («Известия II отд. Академии наук, т. XII, 1907, кн. 1). См. также: «Уткинский сборник. Письма В. А. Жуковского, М. А. Мойер и Е. А. Протасовой», М., 1904.

² Письмо Жуковского А. П. Киреевской от 16 апреля 1814 года. Цитирую по книге: К. Зейдлиц. Жизнь и поэзия В. А. Жуковского, Спб., 1883, стр. 61—62.

В 1817 году М. А. Протасова решила выйти замуж за профессора Дерптского университета, хирурга И. Ф. Мойера (впоследствии — учителя Н. И. Пирогова).

Жуковский нашел в себе силы приветствовать брак М. А. Протасовой. «Минута, в которую я решился, — писал он, — сделала из меня другого человека... Я хлебнул из Леты и чувствую, что вода ее усыпительна. Душа смягчилась. К счастью, на ней не осталось пятна; зато бела она, как бумага, на которой ничто не написано. Это-то ничто — моя теперешняя болезнь, — столь же опасная, как первая, и почти похожая на смерть... Но не бойся! Я не упаду. По крайней мере, я надеюсь воскреснуть» (письмо А. И. Тургеневу от 25 апреля 1817 года).

В 1823 году М. А. Протасова-Мойер умерла.

Тот трагический опыт самоотвержения и страдания, через который пришлось пройти Жуковскому, заставлял его искать призрачных религиозных утешений и укреплял в нем настроения христианского самоотречения («Страданье нам учитель, а не враг...» — слова из элегии «На кончину ее величества королевы Виртембергской»).

3

1808—1815 годы — время известного подъема общественной активности Жуковского. Характерно, что впоследствии, в годы создания первых тайных обществ и подготовки декабрьского восстания, поэт останется в стороне от общественной жизни.

В 1808—1811 годах Жуковский принимает активное участие в журнальной деятельности. В 1808—1809 годах он редактирует «Вестник Европы», где печатает несколько литературно-критических и публицистических статей («О басно и баснях Крылова» — 1809; «Критический разбор Кантемировых сатир с предварительным рассуждением о сатире вообще» — 1810). Статьи эти — выдающееся явление на фоне весьма еще наивной критики тех лет. Жуковский касается в них вопроса о роли писателя в обществе и назначении искусства. Он по-прежнему остается верен просветительскому пониманию искусства, воспринимая просветительскую традицию в своеобразном сочетании — через Карамзина, а также Шиллера и Энгеля («Писатель в обществе» — 1808; «О нравственной пользе поэзии» — 1809). При этом Жуковский рассматривает этические проблемы оторвано от их социально-политической

основы. Его мировоззрение остается либеральным и гуманным, но замкнутым в пределах «чистой морали»; потому понимание Жуковским современности и современного человека неисторично и аполитично.

Жуковский, по словам Белинского, «действовал на нравственную сторону общества посредством искусства; искусство было для него как бы средством к воспитанию общества». ¹ Истинно эстетическое для него уже тем самым является нравственным; «стихотворно-прекрасное уже тем самым есть стихотворно-истинное», — утверждает Жуковский в статье «О нравственной пользе поэзии». И там же: «Мечтательность, дар воображать, остроумие, тонкая чувствительность — вот истинные качества стихотворца. Чего требует от поэта искусство? Чтобы он не оскорблял непосредственного чувства морального, чтобы он не противоречил морально-изящному, которое почитается одним из главных источников красоты стихотворческой». ²

Жуковским написаны две статьи, посвященные вопросам крепостного права. В рецензии «О новой книге: (Училище бедных...)» (1808) Жуковский, хотя и очень осторожно, высказывается в пользу умеренного развития «просвещения» среди крепостных, — умеренного потому, что просвещение в полном его объеме несовместимо с положением крепостного раба, ибо неизбежно будет отвлекать его от его «ограниченного состояния». Отрицательное отношение к крепостному праву характерно для Жуковского на протяжении всей его жизни.

Тема, которую можно назвать темой «крепостной интеллигенции», лежит в основе очерка Жуковского «Печальное происшествие, случившееся в начале 1809 года» («Вестник Европы», 1809). Очерк Жуковского бесконечно далек от смелой мысли ставивших эту тему писателей-революционеров (Радищев, Белинский, Герцен); он построен по сентиментальному канону: любовь молодого дворянина и образованной, получившей дворянское воспитание дворовой девушки Лизы. Жуковский, как и многие его современники, не избежал соблазна воспользоваться именем знаменитой героини Карамзина. Но сюжетный ход и смысл его очерка совсем иные, чем у Карамзина. Героиня очерка Жуковского подверглась унизительной участи крепостной, герой сходит с ума. Жуковский с глубоким волнением, не без элементов гражданского пафоса, замечает: «Человек *зависимый*, знакомый с чувствами и с поня-

¹ В. Г. Белинский, т. VII, стр. 223.

² «Вестник Европы», 1809, № 3, стр. 161 и сл.

тиями людей *независимых*, несчастлив навеки, если не будет дано ему право, все превышающее — свобода!»

События Отечественной войны 1812 года вызвали у Жуковского подъем патриотических чувств. Его отношение к национально-освободительной борьбе выражало те же настроения, которыми были охвачены передовые круги русского общества. В августе 1812 года Жуковский поступает поручиком в Московское ополчение. Серьезного участия в военных действиях ему принять не пришлось, так как сначала (в частности, 26 августа, во время Бородинского сражения) ополчение находилось в резерве, и поэт мог слышать только отголосок происходящих боев. Осенью 1812 года Жуковский длительно болел и в конце концов в 1813 году оставил военную службу. Призывания к военному делу у него не было: «Я... записался не для чина, не для креста... а потому, что в *это время* всякому *должно* было быть военным, даже и не имея охоты».¹

Памятником патриотического воодушевления Жуковского и одним из наиболее ярких поэтических произведений об Отечественной войне 1812 года явилось стихотворение «Певец во стане русских воинов». Так же как и военная поэзия Д. Давыдова, хотя и в иных формах, «Певец...» прокладывает пути для новой, лишенной «одического парения» и риторического пафоса трактовки патриотической темы.

Отчизне кубок сей, друзья!
Страна, где мы впервые
Вкусили сладость бытия,
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свет,
Знакомые потоки,
Златые игры первых лет
И первые уроки,
Что вашу прелесть заменит?
О родина святая,
Какое сердце не дрожит,
Тебя благословляя?

В таком подчеркнуто человечном, лирическом плане раскрывается и «Певце...» образ родины.

Давно замечено, что и в лексике и в синтаксисе «Певца...» ощутимы отдельные черты классической оды XVIII века («Но кто сей рьяный великан, Сей витязь полуночи?» и т. д.). Однако

¹ «Письма В. А. Жуковского А. И. Тургеневу», М., изд. «Русский архив», 1895, стр. 98.

в целом стиль стихотворения очень разнообразен; он включает и патетику оды, и непринужденность поэзии Д. Давыдова («Кто любит видеть в чашах дно, Тот бодро ищет боя»), и сентиментально-элегические мотивы («Ах, мысль о той, кто все для нас, Нам спутник неизменный...») и даже мечтательную одухотворенность:

И тихий дух твой прилетит
Из таинственной сени;
И трепет сердца возвестит
Ей близость дружней тени.

В конечном счете лирическое решение темы является в «Певце...» определяющим. И именно это придало «Певцу...» такое обаяние в глазах современников; патриотизм явился здесь и гражданской и личной темой. Единство гражданской и личной темы — характерная черта русской поэзии в дальнейшем.

Особую роль играет в «Певце...» тема дружбы. Являясь традиционной темой карамзинистской поэзии, она придает стихотворению интимно-лирический колорит. В то же время тема дружбы имеет здесь не только интимный, но и общественный смысл, воплощая единение русских воинов. Разумеется, Жуковский понимает это единение абстрактно, не вкладывая в него того конкретного исторического содержания, какое выразил, скажем, Лермонтов в своем стихотворении «Бородино».

Жуковский строит песнь «певца» как выражение общих чувств:

Мы села — в пепел; грады — в прах;
В мечи — серпы и плуги.

...Пришлец, мы в родине своей;
За правых провиденье!

Красноречиво звучащее «мы» проходит через все стихотворение. И самый принцип воссоздания патриотического чувства, объемлющего поколения от Святослава до Багратиона, также создает впечатление нерасторжимой общности, единства. Многочисленные герои, которым поет хвалу певец, воспринимаются не только как «вожди», но как представители этого единства; в самой их многочисленности выражено общее патриотическое одушевление.

В 1810-х годах Жуковский принимает активное участие в литературной борьбе. Его позиция прогрессивна; вместе с поэтами карамзинского лагеря (К. Н. Батюшковым, В. Л. Пушкиным, П. А. Вяземским) он нападает на партию «шишковистов», группировавшуюся вокруг А. С. Шишкова. Охранительная, официозная

идеология «пишковистов», их чуждое устремлениям новой литературы понимание задач национальной культуры, идеализация допетровской Руси, ненависть к новому, европейскому просвещению становятся мишенью для сатирических нападок со стороны карамзинистов и Жуковского. В цикле так называемых «долбинских» стихотворений (1814) многое направлено против пишковистов, например остроумная сатира «Плач о Пиндаре». В 1815 году для борьбы с обществом пишковистов «Беседа любителей русского слова» было создано общество «Арзамас». Жуковский — его вдохновитель и активнейший деятель. Собственно, не Карамзин, а Жуковский и был главным предметом полемики между «арзамасцами» и «варягороссами». Его имя было написано на знамени новой литературы; и для пишковистов с их архаическими вкусами поэзия Жуковского была совершенно неприемлема.

Жуковский становится секретарем «Арзамаса», одним из основных авторов арзамасской «галиматии» — издевательских по отношению к «Беседе» протоколов и речей. Имена и отдельные выражения из его баллад используются в качестве арзамасских прозвищ («Эолова арфа», «Старушка», «Чу», «Вот я вас»; прозвище самого Жуковского — «Светлана»). Жуковский как сатирик и полемист обнаружил неистощимую изобретательность и остроумие; эта сторона его характера и творчества получила у современников широкое признание. Сам Жуковский также подвергался злым нападкам со стороны своих противников. Так, большой шум вызвала комедия А. А. Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды» (1815), где Жуковский был выведен в лице комического персонажа Фялкина, чувствительного поэта и любителя «страшных» баллад.

В 1816 году Жуковский намеревался издать литературный альманах, составил план издания, однако это намерение не было осуществлено.

4

В период расцвета своего творчества Жуковский говорил, что хочет одной независимости, одной возможности «писать, не заботясь о завтрашнем дне...»¹ Однако начиная с 1817 года жизнь его складывается совершенно по-другому — на путях, в высшей степени далеких от идеала «независимости». Еще в 1815 году,

¹ См. в указанной книге К. Зейдлица, стр. 77.

под влиянием успеха «Певца во стане русских воинов», Жуковский был приглашен ко двору в качестве чтеца императрицы Марии Федоровны. В 1817 году ему предложили стать учителем русского языка великой княгини Александры Федоровны (прусской принцессы Шарлотты) — жены великого князя Николая Павловича (будущего Николая I).

Вера в просвещенную монархию, наивно-просветительские идеалы были той почвой, на которой строил Жуковский свою утопию «облагорожения» и «образования для добродетели» русского самодержавия. Вызвав удивление многих своих друзей и почитателей, он принимает приглашение двора. Это решило его дальнейшую судьбу.

В том же 1817 году Жуковский выступил на одном из «арзамасских» заседаний с осуждением программы декабриста М. Ф. Орлова, предлагавшего реформировать деятельность «Арзамаса» и включить в орбиту его интересов общественно-политические вопросы. Лишенный единства, «Арзамас» в 1818 году прекратил свое существование. В 1819 году Жуковский отверг предложение С. П. Трубецкого войти в тайное общество (однако, в течение всех последующих лет зная о существовании тайного общества в России, он сохранил доверенную ему тайну).

С величайшим старанием Жуковский стремился облагородить и смягчить дикие формы русского самодержавия; в особенности серьезно он начинает рассматривать свою миссию с 1826 года, когда его назначают наставником наследника престола, будущего Александра II. Положение «придворного», между тем, все больше отрывало поэта от живой жизни общества, от его реальных запросов; он замыкался в узком кругу дружеских личных отношений с членами царской фамилии, с фрейлинами и т. д. Не всерьез конечно, в плане шутки, но все же в его поэзии появляются стихи, посвященные незначительнейшим дворцовым перипетиям — похоронам дворцовой белки, потере одною из фрейлин носового платка и т. д. Все это вызывало досаду и тревогу любивших Жуковского и высоко ценивших его талант представителей передовых кругов, прежде всего Пушкина, П. А. Вяземского, А. И. Тургенева, и в особенности декабристов. «Чем я хуже принцессы Шарлотты», — полшутя-полусерьезно упрекал Жуковского Пушкин, когда Жуковский ему долго не писал (письмо Пушкина А. И. Тургеневу от 1 декабря 1823 года).

В 1818 году Жуковский издал сборник «Für Wenige. Для немногих»; само название сборника было своего рода программой поэзии, рассчитанной на узкий круг ценителей. В 1821 году

П. А. Вяземский писал Жуковскому: «Страшусь за твою царедворскую мечтательность. В наши дни союз с царями разорван: они сами потоптали его... мне больно видеть воображение твоё, заражённое каким-то дворцовым романтизмом... в атмосфере, тебя окружающей, не можешь ты ясно видеть предметы, и многие чувства в тебе усыплены...»¹

Влияние придворной атмосферы, в частности влияние Александры Федоровны и ее окружения, сказалось на усилении в поэзии Жуковского, начиная с 1818 года, мистических настроений, тем более что Жуковский был склонен и ранее к религиозной мистике в ее романтическом варианте.

Педагогическая деятельность поглощала много времени. Относясь к своей «миссии» с чрезвычайной серьезностью и добросовестностью, Жуковский составлял сложнейшие таблицы и планы; был период, когда в течение трех лет он почти ничего, кроме таблиц, конспектов и учебных планов, не писал (1825—1827). Когда в 1824 году вышло собрание его стихотворений, он уже воспринимался многими как поэт, завершивший свое поприще (к такому мнению был склонен и Пушкин).

В этих условиях было естественно, что декабристская критика, оформившаяся в начале 1820-х годов, отнеслась к поэзии Жуковского настороженно и, более того, враждебно. Получила широкое распространение злая пародия-эпиграмма на Жуковского, написанная, по-видимому, А. А. Бестужевым:

Из савана оделся он в ливрею,
На ленту променял свой миртовый венец,
Не подражая больше Грею,
С указкой втерся во дворец...

Выступившие с программой гражданственной, агитационной поэзии, писатели-декабристы не могли сочувствовать ни идейному направлению поэзии Жуковского, ни казавшемуся им искусственно-эстетизированным пониманию национального колорита, ни элегическому стилю, характерному для творчества поэта. Предвестием критики Жуковского декабристами было направленное против него выступление А. С. Грибоедова по поводу баллады П. А. Катенина «Ольга» (1816). В своей рецензии на эту балладу Грибоедов противопоставляет метод Катенина — «грубость» и «простонародность» в трактовке фольклорных тем — изяществу и мечтательности баллад Жуковского: «Бог с ними, с мечтаниями;

¹ Остафьевский архив князей Вяземских, т. 1, СПб., 1899, стр. 254, 260.

ныне в какую книжку ни заглянешь, что ни прочтешь, песнь или послание, везде мечтания, а натуры ни на волос». ¹

Эти положения в 1824—1825 годах развивались в статьях А. А. Бестужева (например, «Взгляд на старую и новую словесность в России»), В. К. Кюхельбекера («О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие»), а также в их переписке этого времени с Пушкиным.

Подвергается сомнению благотворность влияния поэзии Жуковского на общество и литературу. «Все мы взапуски тоскуем о своей погибшей молодости: до бесконечности жуем и переживаем эту тоску... О мыслях и говорить нечего» (Кюхельбекер). ² Рылеев пишет Пушкину: «Мистицизм, которым проникнута большая часть его (Жуковского. — И. С.) стихотворений, мечтательность, неопределенность и какая-то туманность, которые в нем иногда даже прелестны, растлили многих и много зла наделали». ³

В суждениях декабристов было много справедливого, но была и своя односторонность. Объективную оценку творчества Жуковского дал Пушкин; ставший на путь синтеза всего лучшего, что намечилось в современной ему поэзии.

Творческие и личные отношения Пушкина и Жуковского — важная страница в истории русской литературы. В течение всей своей жизни Пушкин питал к Жуковскому высокое уважение и привязанность; он часто делился с ним теми из своих переживаний, которые не хотел раскрывать посторонним: «посторонним» Жуковский для Пушкина не был. Пушкин именно Жуковскому поверяет во время михайловской ссылки свои столкновения с отцом, пишет по этому поводу брату, Л. С. Пушкину: «Скажи моему гению-хранителю, моему Жуковскому, что, слава богу, все кончено...» (письмо от конца ноября 1824 года). Жуковский хлопочет о смягчении участи Пушкина и о его лечении. В 1826 году, после воцарения Николая, Пушкину особенно дороги неизменные хлопоты Жуковского: «Не смею надеяться, по мне было бы сладко получить свободу от Жуковского, а не от кого другого» (письмо П. А. Плетневу от 26 мая 1826 года). В 1830-х годах единственным своим советчиком Пушкин признает Жуковского.

В отличие от сложных взаимоотношений Пушкина с Карамзиным, отношение его к Жуковскому было неизменным. Недаром

¹ «Сын отечества», 1816, ч. 31, стр. 150.

² «Мнемозина», 1824, ч. 2, стр. 37, 38.

³ Письмо Рылеева Пушкину от 12 февраля 1825 года.

Жуковскому хотел он посвятить «Бориса Годунова»; смерть Карамзина и просьба его дочерей изменили решение, и Пушкин посвятил трагедию памяти Карамзина.¹ Жуковский относился к Пушкину с необыкновенным вниманием и заботой, видел в нем великого поэта, гордость России, всячески стремился уберечь его сначала от правительственной травли, затем, уже в 1830-х годах, от травли со стороны «светской черни». К сожалению, Жуковский в последний период жизни Пушкина не смог понять, что единственным спасением для Пушкина был бы разрыв с придворными сферами; он всячески отговаривал Пушкина от ухода в отставку; здесь сказались дворцовые иллюзии Жуковского. Но в данном случае винить Жуковского трудно; он ошибался, как в этот последний период ошибались в своих суждениях о Пушкине самые близкие его друзья.

Личная дружба Жуковского и Пушкина основывалась прежде всего на взаимном творческом уважении. Еще в 1815 году, прослушав «Воспоминания в Царском селе», Жуковский воскликнул: «Вот у нас настоящий поэт!» Для самого Пушкина Жуковский — его «наперсник, пестун и хранитель» («Руслан и Людмила»). В 1830 году, в черновых набросках восьмой главы «Евгения Онегина», Пушкин с восхищением и благодарностью говорит о Жуковском как о большом поэте, приветствовавшем вместе с Державиным его первые шаги:

И ты, глубоко вдохновенный,
Всего прекрасного певец...

Общеизвестны слова Пушкина о Жуковском («Его стихов пленительная сладость...»). В переписке Пушкина находим любопытнейшие страницы полемики с декабристами о Жуковском. В отличие от декабристов, влияние Жуковского на современную литературу, на «дух нашей словесности», Пушкин считал благотворным и гораздо более значительным, чем влияние Батюшкова: «Зачем кусать нам груди кормилицы нашей? потому что зубки прорезались?.. Ох! уж эта мне республика словесности. За что казнит, за что венчает? Что касается до Батюшкова, уважим в нем несчастья и не созревшие надежды...»²

В творчестве Пушкина есть несколько дружеских пародий на Жуковского (четвертая песнь «Руслана и Людмилы», стихотворение «Послушай, дедушка, мне каждый раз...»). Но пародии, дис-

¹ См. письмо Пушкина Жуковскому от 17 августа 1825 года.

² Письмо К. Ф. Рылееву от 25 января 1825 года.

кредитирующие Жуковского-поэта, всегда вызывали у Пушкина негодование, всегда расценивались им как признак дурных или архаических вкусов: «Я было на Полевого очень ошетинился за... пародию Жуковского», — пишет Пушкин П. А. Вяземскому в апреле 1825 года. То же — в письме В. К. Кюхельбекеру конца 1825 года: «Не понимаю, что у тебя за охота пародировать Жуковского. Это простительно Цертелеву, а не тебе...» (Цертелев — бездарный и реакционный литератор, член «Беседы»).

Пушкин смотрел на Жуковского как на большого и серьезного поэта, единственного из современных русских поэтов, которого он мог поставить рядом с собою. Еще в 1818 году Пушкин писал:

Когда, к мечтательному миру
Стремясь возвышенной душой,
Ты держишь на коленях лиру
Нетерпеливою рукой;
Когда сменяются виденья
Перед тобой в волшебной мгле
И быстрый холод вдохновенья
Власы подымлет на челе, —
Ты прав, творишь ты для немногих,
Не для завистливых судей...
...Но для друзей таланта строгих,
Священной истины друзей.
...Кто наслаждение прекрасным
В прекрасный получил удел
И твой восторг уразумел
Восторгом пламенным и ясным.

(«Жуковскому»)

Характерно, что в этом стихотворении Пушкин, уже автор «Вольности», уже поэт, ставший на путь гражданственности, по своему солидаризируется с принципом творчества «для немногих». Он трактует этот принцип не как измену общественности, а как неизбежный путь для поэта, ограждающего себя от «завистливых судей» и «убогих» невежд. По этой же причине в 1830-х годах Пушкин заключает литературный союз с Жуковским против реакционной журналистики, литераторов-торгашей Греча, Булгарина и т. д.

При всем том, Пушкин осуждал «дворцовый романтизм» Жуковского. Но он никогда не подозревал Жуковского в сервилизме, в утрате общественной совести: «Так! Мы можем праведно гордиться: наша словесность... не носит на себе печати рабского унижения. Наши таланты благородны, независимы... Прочти послание к Александру (Жуковского, 1815 года), вот как русский поэт говорит русскому царю» (письмо А. А. Бестужеву, май-июнь

1825 года). О том же пишет Пушкин в январе 1826 года и самому Жуковскому: «Говорят, ты написал стихи на смерть Александра — предмет богатый. — Но в течение десяти лет его царствования лира твоя молчала. Это лучший упрек ему. Никто более тебя не имел права сказать: глас лиры — глас народа».

Не будучи, конечно, «гласом народа», Жуковский не был равнодушен к общественному долгу, справедливости и истине. Ему совершенно чуждо и фаталистическое преклонение перед победившей силой (присущее, например, Карамзину). Нельзя не отметить, что еще в «Певце во стане русских воинов» царю посвящалось всего несколько строк, среди героев стихотворения он — лицо наименее значительное. В 1814 году в послании «Императору Александру» Жуковский обращался к самодержавию с требованием гуманности и служения общественному долгу. «Вот как русский поэт говорит русскому царю!» — именно по этому поводу заметил Пушкин.

В 1818 году в послании к Александре Федоровне Жуковский снова развивал мысль о единстве гражданского и человеческого, о долге монарха, о том, что «святейшее из званий — человек». Он проявлял мужество в тех случаях, когда вмешательство в политику власти казалось ему необходимым. В один из самых острых моментов общественной жизни, в начале николаевского царствования, Жуковский обратился с письмом к Александре Федоровне, где очень смело коснулся пороков самодержавия, губительной системы воспитания наследников престола: «Когда же будут у нас законодатели? Когда же мы будем с уважением рассматривать то, что составляет истинные нужды народа, — законы, просвещение, права?»

Жуковский никогда не скрывал своего сочувствия к судьбе декабристов, хотя и не разделял их взглядов. Он собственноручно переписал прошение жены И. Д. Якушкина о разрешении отправиться к мужу в Сибирь; пытался использовать свое положение для смягчения участи ссыльных; с удивительным упорством не прекращал своих ходатайств, хотя это постоянно навлекало на него гнев царя. Жуковский в письмах к самому Николаю, к его жене, к наследнику упрямо возвращался все к тому же вопросу, пытался воздействовать на своего воспитанника. После одного из неприятных объяснений с Николаем Жуковский записал в своем дневнике: «Если бы я имел возможность говорить, — вот что бы я отвечал...: я защищаю тех, кто вами осужден или обвинен перед вами... Разве вы не можете ошибаться? Разве правосудие (особливо у нас) безошибочно? Разве донесения вам людей, которые

основывают их на тайных презренных доносах, суть для вас решительные приговоры божии?.. И разве могу, не утратив собственного к себе уважения и вашего, жертвовать *связями целой моей жизни*» (подчеркнуто мною. — И. С.).¹ Николай упрекал Жуковского в том, что его «называют главою партии, защитником всех тех, кто только худ с правительством».²

По ходатайству Жуковского был переведен во Владимир из вятской ссылки А. И. Герцен, и Николай впоследствии говорил, что этого Жуковскому он «никогда не забудет».

Жуковский пытался смягчить участь опального архитектора А. Л. Витберга, друга Герцена; заступался за И. В. Киреевского, когда был запрещен по наущению Бенкендорфа журнал «Европеец». Он говорил царю, что «ручается» за Киреевского; недовольный Николай ответил известной фразой: «А за тебя кто поручится?»

Среди иностранных дипломатов, пытавшихся уяснить себе придворную обстановку, Жуковский прослыл чуть ли не вождем либеральной партии. Разумеется, это не соответствовало действительности, но отражало то впечатление независимости и принципиальности, которое Жуковский на всех производил.

В 1837—1839 годах он совершил с наследником путешествия по России и Западной Европе. Во время пребывания в Сибири он снова упорно возвращался к вопросу о судьбе декабристов.

В течение всей своей жизни Жуковский был противником крепостного права. В 1822 году он освободил своих личных крепостных — шаг, на который решались в то время весьма немногие. Он не пожелал печатать свой перевод стихотворения Шиллера «Три слова веры», так как цензура не пропускала следующего места: «Человек создан свободным, и он свободен, даже если он родился в цепях».

Много энергии Жуковский употребил в борьбе за освобождение Т. Г. Шевченко. Написанный знаменитым живописцем Брюлловым портрет Жуковского по просьбе поэта разыгрывался в лотерею; за полученные 2500 рублей Шевченко был выкуплен из крепостной неволи. В письмах Жуковского к влиятельной генеральше Ю. Ф. Барановой есть ряд его рисунков (Жуковский был даровитым рисовальщиком), изображающих его — маститого поэта и придворного — пляшущим от радости вместе с освобожденным

¹ Цитирую по исследованию Н. Дубровина «В. А. Жуковский и его отношения к декабристам» («Русская старина», т. СХ, 1902, стр. 80).

² Там же, стр. 79.

Шевченко. Жуковский хлопотал об освобождении крепостного поэта И. С. Сибирякова, крепостного архитектора Демидовских заводов Швецова, матери и брата литератора А. В. Никитенко. Судьбы крепостных интеллигентов в особенности вызывали его сочувствие и тревогу. В 1841 году А. В. Никитенко записал в «Дневнике»: «Жуковский с негодованием слушал мой рассказ о моих неудачных попытках и открыто выражал отвращение свое к образу действий графа Шереметьева и к обуславливающему их порядку вещей».

5

Жуковский — первый русский поэт, для которого внутренний мир человека явился главным содержанием поэзии. Рассудочность, риторика, дидактизм классицизма, — все то, от чего не свободен был даже Державин, — после Жуковского становятся решительно невозможными у сколько-нибудь значительного русского поэта. «Заслуга Жуковского собственно перед искусством состояла в том, что он дал возможность содержания для русской поэзии», — писал Белинский.¹

Поэзия Жуковского сформировалась в 1800—1810-х годах. В сущности, он был поэтом допушкинского периода, хотя продолжал писать и позднее. Своеобразный рубеж его творчества — выход в 1824 году итогового собрания стихотворений. После 1824 года его лирическое творчество идет на убыль, уступая место монументальным переводам. Итоговый характер «Стихотворений» 1824 года подчеркнул Пушкин: «Славный был покойник, дай бог ему царство небесное».² Период 1802—1824 годов характеризуется в творчестве Жуковского углубленными исканиями и развитием, и в то же время цельностью, единством основного направления.

Жуковский — родоначальник романтизма в русской литературе. Его творчество — ранний этап романтизма в России; этап, который может быть назван преромантическим. Уже говорилось о том, что субъективизм и стремление преодолеть рационализм — общее для преромантизма и романтизма. Но у Жуковского с его религиозно-просветительскими идеалами нет, как и у преромантиков, ни крайнего индивидуализма, ни полного разрыва с рационализмом. Именно поэтому Жуковский в немецкой лите-

¹ В. Г. Белинский, т. VII, стр. 223.

² Письмо Л. С. Пушкину от 13 июня 1824 года.

ратуре в наибольшей мере сочувствовал Шиллеру, сохранившему в своем творчестве просветительский рационализм и пафос нравственного совершенствования. Иенских же романтиков с их «утонченной» романтически-мистической философией он в полной мере не воспринял. С другой стороны, он совершенно не понял Байрона, в котором ему были чужды не только революционная активность, но и романтический индивидуализм.

Важной особенностью преромантизма и романтизма было обращение к народным преданиям и легендам, к фантастике, столь характерной для фольклора. В европейских литературах второй половины XVIII — начала XIX века огромное распространение приобретает баллада — жанр, восходящий к народно-поэтической традиции. Романтическая баллада отличалась пристрастием к «чудесам», «ужасному», — тому, что не подвластно логике и разуму, — преобладанием эмоционального начала над рациональным, сосредоточенностью на раскрытии чувств.

Еще в конце XVIII века, в эпоху, когда преромантические веяния только начинали ощущаться в русской литературе, появилось несколько весьма беспомощных переводных баллад.

Полна луна просияла над дремлющим морем,
Нечто, как духи, шумит меж гробов!
Какой-то там призрак уныло и с горем
К спящему морю проходит меж зыбких цветов.

Эти стихи — из баллады «Леонард и Блондина», напечатанной в «Московском журнале» в 1799 году.

Жуковский обращается к жанру баллады начиная с 1808 года, и этот жанр становится в его творчестве одним из основных. Образцом для Жуковского были баллады Бюргера, Уланда, Вальтера Скотта, Шиллера, Гете; в русской литературе — «Раиса» Карамзина. Именно в балладах в наибольшей степени выразились романтические устремления Жуковского. Прозаический вариант балладного стиля находим в переведенных Жуковским для «Вестника Европы» фантастических повестях неизвестных авторов («Горный дух Ур», «Привидение»; оба перевода напечатаны в 1810 году). Любопытны также, например, строки одного из этих переводов: «Куда ты идешь?» — спросил у Траули голос, подобный звучному грохотанию грома. Траули поднял глаза — обитатель утеса, грозный, угрюмый, огромный, как горная башня, перед ним возвышался.¹ И с ритмической и с лексической стороны эти строки близки к стихотворной балладной форме.

¹ «Вестник Европы», 1810, № 21, стр. 8—9.

Почти все 39 баллад Жуковского, созданные им за 25 лет, в 1808—1833 годах (за исключением «Золотой арфы», «Ахилла», «Узника», а также по существу оригинальных, хотя и написанных по чужим мотивам «Двенадцати спящих дев») — переводы либо переделки. Жуковский, как известно, сам называл себя «поэтическим дядькой чертей и ведьм немецких и английских». ¹ И, однако, в балладах так же, как и в лирике, мы видим не просто переводчика, а «соперника», по известному выражению Жуковского («переводчик в прозе есть раб, переводчик в стихах — соперник»). В первые годы работы над балладами Жуковский отдавал предпочтение немецкому поэту Бюргеру. Сравнивая Бюргера и Шиллера, Жуковский говорил: «Шиллер более философ, а Бюргер простой новостователь, который, занимаясь предметом своим, не заботится ни о чем постороннем». ² «Ленору» Бюргера Жуковский и взял за образец в начале своего пути «балладника» (так называли его современники).

«Людмила» Жуковского (1808) — свободное переложение «Леноры». Стремясь как можно более приблизить перевод к читателю и, с другой стороны, преследуя цель создания русской баллады, решая задачи, стоявшие перед русской литературой, Жуковский, по старинному выражению, «склоняет» оригинал «на наши нравы». Он превращает действующих лиц средневековой немецкой легенды в русских «девиц» и юношей, переносит действие в старую Русь, вводит национально-патриотический мотив (ливонские войны).

Наибольшую славу принесла Жуковскому баллада «Светлана» (1812), также написанная на сюжетной основе «Леноры» Бюргера. Народные мотивы «Светланы» еще весьма условны, но она была первой большой удачей русской литературы на этом пути и подготовила возможность дальнейших исканий в области литературного воплощения русской фольклорной темы. Ни «Громвал» Г. П. Каменева, ни «Илья Муромец» Карамзина, ни тем более пасторально-идиллические песни И. И. Дмитриева и Ю. А. Нелединского-Мелецкого не производили в обществе столь сильного впечатления. Жуковский преодолел и риторичность и сентиментальную слащавость, которыми до него были отмечены произведения в «народном» стиле. Сама условность народного колорита его баллады как бы оправдывается некоторыми чертами шутильности, сказочности; ведь «страшный» сюжет баллады получает в конце концов шутильное разрешение. Большое место занимает

¹ В. А. Жуковский. Сочинения, изд. 7-е, т. VI, СПб., 1878, стр. 541.

² См. в указанной книге К. Зейдлица, стр. 40.

в «Светлане» народная фантастика, которую Жуковский, как обычно, подает в смягченной, литературной форме. И стиль «Светланы» и трактовка народности окажет несомненное влияние на первую поэму Пушкина «Руслан и Людмила»; в «Евгении Онегине» развит намеченный в «Светлане» мотив гаданья под народные «подблюдные» песни.

В 1814 году Жуковский задумал большую поэму в сказочно-богатырском роде — «Владимир». Замысел этот занимал Жуковского в течение двух лет, но осуществлен не был. В послании 1814 года «К Воейкову» Жуковский набросал как бы либретто будущей поэмы; оно справедливо рассматривается в качестве одного из исходных пунктов «Руслана и Людмилы». ¹ В поэме Пушкина нашел продолжение намеченный Жуковским принцип сочетания народно-фантастического элемента, шутливости и изящества. Необыкновенно близки к «Руслану и Людмиле» такие, например, стихи:

Я вижу древни чудеса:
Вот наше солнышко-краса,
Владимир-князь с богатырями,
Вот Днепр кипит между скалами,
Вот златоверхий Киев-град...
...Там бьется с бабою-ягой,
Там из ручья с живой водой...
Кувшином черпает златым;
...То вранов раздается рокот;
То слышится русалки хохот;
То вдруг из-за седого иня
Выходит леший козлоногий;
И вдруг стоят пред ним чертоги,
Как будто слиты из огня...

Отзвук этих стихов находим не только в самом тексте поэмы Пушкина, но и в написанном позднее «прологе» («Там ступа с Бабою-Ягой» и т. д.). Прочитав «Руслана и Людмилу», Жуковский подарил Пушкину свой портрет с надписью: «Победителю-ученику от побежденного учителя».

Отдельные моменты не осуществленного Жуковским замысла сказочно-богатырской поэмы вошли в балладу «Двенадцать спящих дев». Но тональность ее иная — не шутливая, а мистически-приподнятая. Хотя действие происходит в древней Руси, национальная старина как тема в балладе отсутствует, в отличие от «Людмилы», «Светланы», приведенных стихов из послания к

¹ См. И. Эйгес. Пушкин и Жуковский. — В кн. «Пушкин — родоначальник новой русской литературы», М. — Л., изд. АН СССР, 1941.

Воейкову. «Двенадцать спящих дев» проникнуты религиозно-моралистической идеей «искупления» греха; кроме того, в этой балладе характерная для Жуковского тема мечтательной, идеальной любви приобретает мистическую окраску, что и вызвало известную пародию Пушкина в четвертой песне «Руслана и Людмилы». Однако баллада Жуковского отличается большой поэтической прелестью: в ней выразились не только слабые, но и сильные стороны его поэзии. Все, что касается выражения душевной жизни, тонко подмеченных и безошибочно зафиксированных в слове душевных состояний, находится здесь на уровне лучших его созданий. Вот, например, стихи, рисующие возникновение юного чувства:

Для вас взойдет краснее день,
И будет луг душистей,
И сладостней дубравы тень,
И птичка голосистей.

Пушкин впоследствии (в заметке 1830 года о «Руслане и Людмиле») упрекал себя за пародию на «Двенадцать спящих дев», расценивая ее как проявление «недостатка эстетического чувства».

Большинство баллад Жуковского написано на темы западноевропейского средневековья. Появление средневековой романтики и фантастики в балладах было справедливо оценено Белинским как факт положительный в развитии допушкинской литературы; Белинский даже называл Жуковского «переводчиком на русский язык романтизма средних веков». ¹ Помимо расширения историко-культурных представлений, усвоения целой эпохи европейской истории (хотя и трактуемой неисторично, идеалистически), «средневековые», «рыцарские» баллады вводили в сознание читателя фольклорную фантастику западноевропейских народов. Сам Жуковский зачастую говорил о своих исполненных «ужасов» балладах в шутовском тоне: «Вчера родилась у меня еще баллада-приомыш, то есть перевод с английского. Уж то-то черти, то-то гробы!» (имеется в виду «Баллада о старушке, которая ехала на черном копе вдвоем и кто сидел впереди»).

Цензура несколько раз выражала недовольство по поводу баллад, так как они строились на основе народной фантастики, далекой от догматов официальной церкви. Жуковскому пришлось испытать цензурные неприятности. О вышеупомянутой балладе цензор писал: «Баллада «Старушка» подлежит запрещению, как пьеса, в которой дьявол торжествует над церковью, над богом».

¹ В. Г. Белинский, т. VII, стр. 167.

Долгие мытарства претерпел и «Иванов вечер». По этому поводу Пушкин иронически писал: «В славной балладе Жуковского назначается свидание накануне Иванова дня; цензор нашел, что в такой великий праздник грешить неприлично, и никак не желал пропустить баллады Вальтер Скотта». ¹

Истинный смысл баллад заключался не в мистицизме. Они познакомили читателя с романтически понимаемым миром «рыцарства» — турнирами и зубчатыми стенами замков, культом идеальной любви, самоотречения, верности. В этом смысле Белинский писал: «Мы... не имели своих средних веков: Жуковский дал нам их...» ² Среди баллад Жуковского лучшие в этом роде: «Иванов вечер» («Замок Смальгольм»), «Эолова арфа», «Баллада, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне вдвоем и кто сидел впереди», «Кубок», «Рыбак», «Рыцарь Тогенбург» и др.

Своеобразный культ средневековья, характерный для преромантизма, Жуковским был глубоко постигнут и исчерпан до конца, так что после него и этой теме можно было обращаться либо в плане эпигонства, либо в плане пародии (Козьма Прутков).

Значительное место занимают в поэзии Жуковского баллады на античные темы. В отличие от «средневековых» баллад, окрашенных в лирические тона, в «античных» заключено большой глубины и силы философское содержание. Наиболее совершенными являются «Элевзинский праздник», «Торжество победителей», «Ахилл». При этом Жуковский часто придает античным героям нежные и тонкие переживания, в духе общей направленности своей поэзии.

Баллады Жуковского имели огромный успех и вызвали множество подражаний.

6

Главная черта художественной манеры Жуковского — лиризм. Нельзя сказать, чтобы его творчество, при всей сосредоточенности на чувствах и переживаниях, было психологично в том смысле, как творчество Пушкина, Лермонтова, Баратынского, Тютчева. Герой стихотворений Жуковского еще в известной мере условен, лишен конкретной психологической характеристики. Но атмо-

¹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. VII, М.—Л., изд. АН СССР, 1949, стр. 647.

² В. Г. Белинский, т. VII, стр. 221.

сфера поэтически-возвышенного лиризма проникает и всю его поэзию в целом и каждое стихотворение в отдельности. Единство этого лирического тона определяет индивидуальное своеобразие поэзии Жуковского.

Лиризм Жуковского — и в этом специфическая особенность, отличающая Жуковского от других крупных русских поэтов, — лиризм песенного типа.

В поэзии Жуковского особенно значительное место занимает песня-романс. Многие его стихотворения носят заглавие «Песня» («Мой друг, хранитель-ангел мой», «О милый друг, теперь с тобою радость!», «Минувших дней очарованье» и т. д.). Установка на музыкальную выразительность определяет и повышенное значение в поэтической системе Жуковского звукописи, и композицию многих его стихотворений (куплетное построение, рефрены и т. д.), и, наконец, самый характер поэтического словоупотребления. «Природа вся мне песнию была» — эти слова из вступления к «Ундине» не относятся, конечно, прямо к тому, о чем в данном случае идет речь, но в устах Жуковского характерны.

Н. Полевой справедливо заметил: «Отличие от всех других поэтов — гармонический язык — так сказать, *музыка языка* — навсегда запечатлело стихи Жуковского... Он отделяет каждую ноту своей песни тщательно, верно, столько же дорожит *звуком*, сколько и *словом*».¹ Достаточно привести, например, стихи из той же «Ундины», в которой предостерегающее рокотание водопада передано в сложных переходах звуков:

...Ты смелый рыцарь, ты бодрый
Рыцарь; я силен, могуч, я быстр и гремуч; не сердиты
Волны мои, но люби ты, как очи свои, молодую,
Рыцарь, жену, как живую люблю я волну...

Очень большое место Жуковский уделяет в своих стихах разработке интонации. Вопросительная интонация, как раз наиболее свойственная именно песне, встречается у него чаще всего. В этой же связи следует отметить чисто песенную систему восклицаний, обращений, всегда определяющую интонацию стихотворений Жуковского.² Недаром стихи Жуковского часто перелажались на музыку; возможность музыкальной интерпретации для

¹ Н. Полевой. Очерки русской литературы, т. I, СПб., 1839, стр. 115.

² Вопросу музыкальной организованности интонаций Жуковского посвящена работа Б. М. Эйхенбаума «Мелодика русского лирического стиха», П., 1922, глава «Жуковский».

них органична, заложена в самой их основе. Так, три строфы из элегии «Вечер», переложенные на музыку Чайковским, воспринимаются нами как музыкально организованные, даже если отвлечься от знакомой мелодии. Вспомним уже цитировавшиеся на стр. XII стихи: «Как слит с прохладой растений фимиам!..»

Свойственной песенной музыке композиционной симметрии, единообразию музыкальных периодов соответствует здесь единообразие восклицаний: «как слит», «как сладко», «как тихо». С звуковой стороны здесь явственны мелодические переходы находящихся под ударением звуков «и», «е», «а», в последнем стихе звучащих подчеркнуто-ощутимо («И гибкой ивы трепетанье...»).

Жуковский — поэт, отличающийся необычайным разнообразием ритмов. Мы находим у него самые разнообразные формы и сочетания разностопных ямбов, белый пятистопный ямб, гекзаметр, четырехстопный ямб со сплошной мужской рифмовкой (стих «Мцыри»); хореи с дактилическими окончаниями, не говоря уже о широчайшем применении трехсложных размеров (дактиль, амфибрахий, анапест). Такое разнообразие метрики предоставляло Жуковскому возможность не только словесно-смысловыми, но и фонетическими средствами передавать сложные оттенки эмоций и настроений. «Что не выскажешь словами, звуком на душу навей», — эти строки, которыми характеризует свою поэзию А. А. Фет, применимы и к лирике Жуковского.

«Романсы» и «песни» — так сам Жуковский озаглавливал важнейший раздел в выходивших при его жизни собраниях его стихотворений. Среди «песен» Жуковского находим произведения как оригинальные, так и переводные. Любопытно, что подзаголовок «песня», данный Жуковским в некоторых переводах, в оригинале отсутствует (например, подзаголовок к переводу стихотворения Шиллера «Die Ideale» («Мечты»). И, характерно, Жуковский действительно перестраивает интонационную систему стихотворения, приближая ее к песенной; у Шиллера отсутствует переключка первой и второй строфы («О, дней моих весна золотая...» — «О, где ты, луч...» и т. д.).

Не только интонационно-ритмический строй, но принципы создания образа, принципы словоупотребления часто (как будет показано далее, не всегда) являются в поэзии Жуковского песенно-лирическими. Ведь песенный образ обладает своими специфическими особенностями, и вот в этой-то области Жуковский был величайшим мастером. В известной мере здесь сказывалась связь Жуковского с традицией песенной поэзии XVIII века (Н. А. Львов, Ю. А. Нелединский-Мелецкий, И. И. Дмитриев), особенно замет-

ная в его творчестве 1800-х и начала 1810-х годов. В этом плане характерны «песни» «Когда я был любим...», «Цветок», «Мальвина», «Тоска по милом». В них песенность приобретала условно-элегические формы:

Когда я был любим, в восторгах, в наслаждение,
Как сон плепительный вся жизнь моя текла...

(«Песня»)

И в дальнейшем, хотя песенные принципы Жуковского-лирика усложняются и углубляются, лиризм его, в сущности, но психологичен («Минувших дней очарованье...», «Розы расцветают...», «К востоку, все к востоку...», «Желание», «Путешественник», «К месяцу», «Утешение в слезах», «Весеннее чувство»). Принцип поэтической «исповеди» чужд его художественной манере. Анализу, расчленению, психологической детализации Жуковский предпочитает суммарное изображение состояний души. Но поэтическое слово у Жуковского является емким, многозначным, богатым лирическим подтекстом и ассоциациями. Жуковский открыл для русской поэзии принцип многозначности поэтического слова, отличающей слово в поэзии от слова прозаического:¹

Я смотрю на небеса...
Облака, летя, сияют
И, сияя, улетают
За далекие леса.

(«Весеннее чувство»)

Повторение «сияя», «сияют» имеет и прямой, так сказать вещественный смысл (облака освещены солнцем); кроме того, это повторение выражает радость охватившего поэта «весеннего чувства». То же — в эпитете «далекие». Леса далеки и в конкретно-пространственном смысле, и вместе с тем слово «далекие» имеет иной, лирический смысл, воплощая стремление поэта в «очарованное там» и его недостижимость. Жуковский очень любил и само слово «очарованный», «очарованье», многократно употреблял его в своих стихах. Именно Жуковский придал этому слову его эмоционально-поэтический, мечтательный смысл («Что жизнь, когда в ней нет очарованья» — «Певец»; «Я неволен, очарован» — «Новая любовь — новая жизнь»; «И бежать очарованья...» — там же; «Но для меня твой вид — очарованье...» — «Цвет завета»; «Тебя, души очарованье...» — «Песня» («Мой друг, хранитель-ангел мой...»). Слово это живет в поэзии Жуковского и в своем прямом

¹ Эта мысль развита в указанной книге Г. А. Гуковского.

смысле, и красотой своего звучания; и множеством дополнительных ассоциаций; оно становится для читателя целым комплексом значений.

Благодаря многозначности слова Жуковский получает возможность создавать образы, выражающие сложные оттенки состояний души. Так, «тишина» у Жуковского — и тишина реальная и тишина душевная. Чрезвычайно замечателен тот факт, что не только в своих оригинальных произведениях, но и в переводах Жуковский усилением многосмысленности, ассоциативности слова восполняет ослабление вещественных значений. Не следует, однако, думать, что Жуковский «отрывается от реальности», что слово в его стихах уже окончательно утрачивает конкретный смысл. Так, в стихотворении «Рыбак» (из Гете) Жуковский совершенно самостоятельно вводит образ «душа полна прохладной тишиной». У Гете ничего похожего: рыбак «смотрел за удочкой спокойно, с холодным до глубины сердцем». Конечно, с логической точки зрения эти стихи Жуковского и «бессмысленны» и «неконкретны»; однако они вполне конкретны, как выражение состояния души. Вспомним пушкинские строки:

...и в сладкой тишине
Я сладко усыплен моим воображеньем...

Этого не понимали современные критики Пушкина, не понимал О. Сомов, обрушившийся на Жуковского за приведенные стихи.¹ Свой излюбленный образ «тишины» в том же смысле Жуковский вводит и в стихотворение «К месяцу» (также из Гете): «Он мне душу растворил сладкой тишиной». У Гете совсем иное: «Освобождаешь (облегчаешь) наконец-то мою душу».

Переведенные Жуковским из Гете стихотворения «К месяцу» и «Рыбак», если сравнить их с оригиналом, дают интереснейший материал для уяснения творческой манеры Жуковского. Гетевское «К месяцу» гораздо более психологично; переживания даны с несравненно большей степенью психологической детализации: «Мое сердце чувствует каждый отзвук радостного и печального времени, в одиночестве блуждаю между радостью и страданием... Теки, теки, милый поток, никогда я не буду радостным. Так отшумели веселье и поцелуи, и верность так же». Стихи эти насыщены многочисленными и разнообразными оттенками переживаний. У Жуковского в соответствующих стихах нет такого многообразия и такой глубины дифференциации душевной жизни; но, в конечном

¹ «Письмо к г. Марлинскому». — «Невский зритель», 1824.

счете, нельзя сказать, что он обедняет оригинал; он действует иным методом:

Скорбь и радость давних лет
Отозвались мне,
И минувшего привет
Слышу в тишине.

Лейся, мой ручей, стремись!
Жизнь уж отцвела;
Так надежды пронеслись,
Так любовь ушла...

Жуковский концентрирует переживания в емких, суммирующих образах, заключающих в себе возможность разного индивидуального наполнения. Таковы здесь «скорбь», «радость», «минувшее», «тишина», «жизнь», «любовь». В системе классицизма эти слова представляли бы собой отвлеченные слова-понятия. У Жуковского они звучат по-иному, ассоциируясь с такими немислимыми в поэзии классицизма образами, как «сладкая тишина», растворяющая душу, «тихо просветлел», и сами приобретают лирическую, мечтательную окраску.

7

Более половины всего написанного Жуковским составляют переводы. Жуковский открыл русскому читателю Гете, Шиллера, Байрона, Вальтера Скотта, Уланда, Бюргера, Саути, бр. Гримм, Юнга и многих других менее значительных, но не менее известных тогда западноевропейских поэтов и писателей.

П. А. Вяземский писал, что, состязаясь в своих переводах с богатырями иностранной поэзии, Жуковский обогатил многими «завоеваниями и дух, и формы, и пределы нашей поэзии».¹

В силу отмеченных выше характерных именно для Жуковского творческих принципов, его переводы не являются переводами в обычном смысле слова. Они сочетают в себе оба, казалось бы несочетаемые, момента: они — и переводы, и в то же время произведения оригинальные. Сам Жуковский писал, что переводчик-«соперник» — это тот, кто «наполнившись идеалом, представляющим ему в творении переводимого им поэта, преобразит его, так сказать, в создание собственного воображения».²

¹ «Жуковский. Пушкин. О новой поэтике басен». — «Московский телеграф», 1825, № 4.

² «Разбор трагедии Крепильона «Радамист и Зенобия», переведенной С. Висковатовым» (1810).

Своеобразие переводческих принципов Жуковского выразилось прежде всего в балладах. Это своеобразие — в усилении лиризма. Как и в переводах лирических произведений, в переводах баллад он предпочитает сгладить конкретно-описательные черты, усиливая, а зачастую совершенно самостоятельно вводя всё пропущенные чувства и настроения. И очень часто получалось так, что Жуковский нисколько не обеднял, а, напротив, обогащал произведение дополнительной гаммой красок и чувств. Даже там, где оригинал явно глубже психологически, мы вправе сказать, что Жуковский не просто ослабляет черты оригинала, но создает иные образы.

Так, мы можем наблюдать, как, в соответствии с общим строем своей поэзии, Жуковский в балладе (жанре лиро-эпическом) усиливает обобщенно-песенный лиризм:

При разлуке, при свиданье
Сердце в тишине,
И любви твоей страданье
Непонятно мне.

(«Рыцарь Тогенбург»)

В оригинале читаем: «Я могу видеть спокойно, как вы появляетесь, спокойно, как уходите. Тихий плач ваших глаз я не могу понять». Разумеется, шиллеровское «тихий плач ваших глаз» психологически выразительнее, чем «любви твоей страданье». Но ведь Жуковский отнюдь не идет по пути обыкновенного упрощения. И «разлука», и «свиданье», и «страданье любви» — это обобщенные эмоциональные комплексы; Жуковский песенную суммарность переживания предпочитает индивидуализации. В балладе Шиллера точно определено место действия (Яффский берег); рыцарь опаздывает только на один день (героиня баллады накануне его приезда уходит в монастырь и т. д.). Жуковский снимает все это; трагедия любви и равнодушия предстает в ореоле меланхолического томления по идеалу.

Разумеется, отнюдь не всегда изменения, вносимые Жуковским, обогащают текст; в четвертой строфе читаем стертое, условно-аллегорическое «где цветет она» вместо шиллеровского «где веет ее дыхание» и т. д. Но вот перед нами образ героя, созерцающего монастырь, в котором скрылась та, кого он любит. Жуковский великолепно передает молитвенную влюбленность рыцаря, двумя штрихами изменяя шиллеровский текст. У Шиллера: «где монастырь виднелся среди мрачных лип». У Жуковского:

Где меж темных лип светился
Монастырь святой.

Монастырь этот свят для рыцаря и в силу религиозных воззрений и потому, что там — возлюбленная. Шиллеровское «виделся» имеет один, и притом не «поэтический», а вещественно-конкретный смысл. Жуковский заменяет его на «светился»; и вместо одного значения в его слове — три значения, три образа: монастырь светится и в прямом смысле («меж темных лип»), и в переносном, как «святая обитель», и, наконец, как светоч, в восприятии влюбленного.

Существенные перемены — в заключительных строфах. Дважды повторяющиеся у Шиллера стихи дважды повторяются и Жуковским, но система образов изменена. У Шиллера рыцарь «глядел на монастырь напротив, глядел часами на окно своей любимой, пока стукнет окно, пока милая покажется, пока дорогой образ в долину, вниз, склонится спокойно, ангельски кротко». Жуковскому всецело принадлежат слова:

И душе его унылой
Счастье там одно, —

заменившие описательное «глядел на монастырь напротив...» и усилившие напряженность переживания (так же как в предыдущей строфе: «с мукой страстной» вместо «с тихой надеждой на лице»).

В своих лучших балладах, сохраняя важнейшие черты оригинала, Жуковский усиливает их. Так, в «Рыцаре Тогенбурге» усилено томление, вечное стремление к идеалу, к недостижимому «прекрасному»; Жуковский, кстати, самостоятельно вводит этот эпитет — «чтоб прекрасная явилась». Вместо шиллеровского «в долину, вниз» у Жуковского героиня склоняется «от вышины»; причем «вышина» — и черта реального местоположения монастыря, и — в большей степени — воплощение высокой сущности прекрасного. Жуковскому принадлежит и поэтический образ «ангела тишины» и сама тема тишины, намеченная в предыдущей строке («тихий дол»), — тема, проходящая через весь финал. Тишина — один из излюбленных образов Жуковского («О тихое небес задумчивых светило» — «Вечер»; «Душа полна прохладной тишиной» — «Рыбак»; «Сладкой тишиной» — «К месяцу»; «Смущая тишину надееньем» — «Славянка» и т. д.).

Если в «Рыцаре Тогенбурге» Жуковский все же уступает Шиллеру, то несомненным «соперником» Вальтера Скотта он является в балладе «Иванов вечер» («Замок Смальгольм»). Описательная часть этой баллады великолепна по конкретности, точности, незаменимости словесных образов:

Но в железной броне он сидит на коне;
Наточил он свой меч боевой;
И покрыт он щитом, и топор за седлом
Укреплён двадцатифунтовой.

Впечатление тяжести, тягостного нагнетения, как физического, так и морального, создается и размером (анапест), и звукописью (повторение звуков «п», «т»), и громоздкостью слова «двадцатифунтовой», соответствующего по своему положению в стихе четырем, пяти и шести словам в предыдущих трех строках и падающего, как тяжелая гиря, в конце строфы. Приведенная строфа является подлинным шедевром Жуковского.

Любопытно проследить, в каком направлении изменяет Жуковский по сравнению с оригиналом описательную часть баллады. В подлиннике читаем: «Его доспехи ярко сияли при красном свете маяка, перья были багровые и синие, на щите пес на серебряной своре, и гробнем шелома была ветка тиса». Вальтер Скотт описывает незнакомца очень подробно, воссоздавая рыцарский наряд во всех его разнообразных деталях. Четыре стиха насыщены такими деталями: пес, серебряная свора, багровые и синие перья, ветка тиса. Все эти разнородные признаки не сводимы к одной стилистической тональности. Жуковский отказывается от стилистической пестроты подлинника и создает совершенно оригинальную строфу:

Показалось мне при блестящем огне:
Был шолом с соколиным пером,
И палаши боевой на цепи золотой,
Три звезды на щите голубом.

Пестрые краски оригинала (красный, багровый, синий, серебряный) заменены красками, которые вызывают не столько цветовые, сколько эмоциональные и эстетические ассоциации (блестящий, золотой, голубой). Вместо багровых и синих перьев — соколиное перо, с которым у русского читателя также связано множество ассоциаций. Изображение пса на щите не вызывает никаких лирических представлений — и Жуковский заменяет пса тремя звездами. Может показаться, что Жуковский таким образом стирает в балладе исторический колорит, лишает ее специфики средневековья. Но в целом это не так. Атмосфера средневековья передана Жуковским хотя бы в приведенной выше строфе, где был дан весьма колоритный облик средневекового рыцаря. Незнакомец же, о котором теперь идет речь, — лицо роковое и таинственное; и Жуковский предпочитает обрисовать его образ в эмоциональном, а не в историческом аспекте.

Иначе, чем это дано в оригинале, воплощает Жуковский и лирическую тему. В оригинале героиня говорит своему возлюбленному, склоняя его к свиданию в неурочный час: «Да что ты, слабодушный рыцарь! Ты не должен говорить мне «нет». Вечер этот приятен и при встрече любовников стоит целого дня». У Жуковского:

О, сомнение прочь! безмятежная ночь
Пред великим Ивановым днем
И тиха, и темна, и свиданьям она
Благосклонна в молчанье своем.

В этих стихах — атмосфера возвышенной поэтичности, отсутствующая в приведенной строфе оригинала («О, сомнение прочь» вместо «да что ты», «безмятежная ночь» вместо «вечер этот приятен»). Жуковским вводится выражение «великий Иванов день», и слово «великий», относясь непосредственно к «Иванову дню», окрашивает в то же время весь контекст, приподымая самую тему любви (заодно Жуковский снимает слово «любовники»). Принадлежит Жуковскому и образ ночи, «тихой и темной», «благосклонной в молчанье своем», образ опять мечтательно-лирический и несколько не упрощающий оригинал («вечер этот приятен»), а, наоборот, его обогащающий. Подобные примеры легко было бы умножить.

Переводческие принципы Жуковского не были одними и теми же на протяжении всего его творческого пути. В 1800-х и в начале 1810-х годов Жуковский кардинально видоизменяет текст, преобразуя его в сентиментально-алегическом направлении («Сельское кладбище», «Людмила», «Светлана»). В дальнейшем «простонародную» грубость Жуковский также всегда сглаживает, но выбирает такие образы, где «простонародность» не является основным признаком.

В 1810-х годах, в период своего наибольшего творческого расцвета, Жуковский достигает сложных результатов: несколько ослабляя конкретно-описательную часть, он все же сохраняет местный колорит оригинала; вместе с тем сгущает его лирическую атмосферу и даже вводит новые темы и образы обобщенно-лирического и символического плана.

В конце 1810-х и в последующие годы Жуковский становится на путь более точной передачи оригинала. Переведенные во второй половине его творческого пути баллады Шиллера, Гете, Уланда, Саути, «Шильонский узник», «Орлеанская дева», «Одиссея», «Наль и Дамаянти», «Рустем и Зораб» — переводы иного плана, чем свободные переложения прежних лет.

В наибольшей степени созвучен Жуковскому был Шиллер. Его привлекали человечность, поэтическая одушевленность поэзии Шиллера, близкое ему самому стремление к «идеалу». Кроме ряда баллад, Жуковский перевел «Орлеанскую деву». Он находил пьесы Шиллера более сценичными, чем пьесы Гёте; намеревался перевести «Дон Карлоса».

8

Иногда поэтический голос Жуковского совершенно псевдно трактуется как однообразный. Между тем Пушкин писал: «Никто не имел и не будет иметь слога, равного в могуществе и разнообразии слогу его».¹ Наряду с медитативной элегией, наряду со столь отличной от нее песней-романсом, в творчестве Жуковского есть замечательные произведения «поэзии мысли», — попытки воплотить сложную, стремящуюся познать законы человеческой жизни мысль, часто трагическую и философски значительную. Эти устремления в наибольшей степени выражены в «античных» балладах, в стихотворении «Цвет завета», послании к Александре Федоровне (1818) и в особенности в элегии «На кончину ее величества королевы Виртембергской». Последняя представляет собой, по словам Белинского, «скорбный гимн житейского страдания». Жуковский рисует смерть Екатерины Павловны, сестры Александра I, не как смерть королевы (само это слово фигурирует только в названии), но как смерть молодой и красивой женщины; тема стихотворения — трагичность и несправедливость безвременной смерти молодой матери и жены. Жуковский последователен и верен своему несоциальному принципу изображения человека; мы видим в элегии как бы другой полюс его лишенного социальности гуманизма: на одном полюсе был «селянин», на другом теперь — королева Виртембергская, и в обоих Жуковский выявляет главное, «святейшее из званий — человек» (программный для Жуковского стих из послания Александре Федоровне, 1818 г.). Нет надобности подробно останавливаться на совершенно очевидных слабых чертах такого подхода к изображению человека. Ведь социальное начало, о чем в другой связи уже шла речь, является определяющим фактором в формировании самой человеческой психологии. Однако, при всех слабых сторонах своей концепции, Жуковский в этой элегии действительно с огромной силой и, в отличие от своих песен-романсов, с большой сте-

¹ Письмо П. А. Вяземскому от 25 мая 1825 года.

пенью психологической и философской дифференциации и детализации воссоздает человеческое переживание и смятенную несправедливостью судьбы человеческую мысль:

Природа здесь верна стезе привычной,
Без ужаса берем удел обычный.

Но если вдруг, неожиданная, вбегает
Беда в семью играющих Надежд;
Но если жизнь изменою слетает
С веселых, ей лишь миг знакомых везд
И Счастье младое умирает,
Еще не сняв и праздничных одежд...
Тогда наш дух объемлет трепетанье,
И силой в грудь врывается роптанье.

Здесь нет ни песенной мелодичности, ни свойственной песнопесни суммарности в передаче переживания. Своеобразие стиля элегии — в сочетании конкретности мыслей и чувств («И в руку ей рукой оцепенелой ответного движенья не возжмешь...», «А мать, склонясь к обманчивым листам...» и т. д.) с торжественной патетикой, философским обобщением. Философский смысл имеют олицетворения, восходящие к традиции «высокой» поэзии XVIII века («Беда», «Молва», «Надежда», «Прелесть», «Счастье»). Несомненно, данная элегия и вообще данный стиль поэзии Жуковского сильнейшим образом воздействовали на лирику Баратынского («Осень»).

Не следует затушевывать того, что в поэзии и философских воззрениях Жуковского является для нас чужим. Это — идеалистически-религиозные черты его поэзии, особенно усилившиеся к концу 1810-х годов и развивавшиеся в 1820—1840-х годах.

Исполненный неудовлетворенности жизнью поэт, которого современники называли «поэтом страдания», далек от ропота и протеста (даже трагическая элегия «На кончину ее величества королевы Виртембергской» заканчивается религиозно-примиряющим аккордом). В течение всей своей жизни Жуковский верил, что за все муки и жертвы — «там наше воздаянье» («Песня» — «О милый друг, теперь с тобою радость...»), что «смертных ропот безрассуден» («Людмила»).

Религиозные идеи сливаются в поэзии Жуковского с романтически-идеалистическими представлениями.

На Жуковского произвел сильное впечатление Новалис, немецкий поэт, принадлежащий к группе так называемых иенских романтиков; с его произведениями Жуковский познакомился в начале 1810-х годов. Начиная с 1816 года, и в силу обстоятельств

личной жизни и в силу служебных обязанностей, Жуковский по долгу бывал в Германии. Он лично познакомился с вождем реакционных немецких романтиков Л. Тиком. Жуковскому оказались близкими идеи о некоей таинственной сущности мира, которая лишь иногда раскрывается перед человеком. Многие заимствовал Жуковский из мистической «Песни» («Lied») Шеллинга. Мистические мотивы есть в «Славянке»; ими определена тематика стихотворений «Невыразимое», «Лалла Рук», «Таинственный посетитель», «Цвет завета», «К мимопролетевшему знакомому гению», «Мотылек и цветы».

Но все же смысл этих стихотворений объективно выходит за пределы мистически-религиозных представлений. Они могут восприниматься как поэтическое выражение стремления человека к идеалу, к «мечте». Известно, что Пушкин пришел в восторг от стихотворения «Мотылек и цветы» и не принял только ту его часть, в которой возобладал дидактически-морализаторский тон: «Что прелестнее строфы Жуковского *Он мнил, что вы с ним однородные* и следующей. Конца не люблю». ¹ Пушкину запомнились стихи:

Пускай же к вам, резвясь, ласкается,
Как вы, минутный ветерок;
Иною прелестью пленяется
Бессмертья вестник, мотылек.

Благодаря той многозначности слова Жуковского, о которой уже говорилось выше, «бессмертье», так же как «прелесть» и «вестник», могли восприниматься как символы торжества вечного, великого и прекрасного над соблазнами «заземленной», лишенной идеалов жизни. Несомненно, именно так воспринимал стихотворение Пушкин, столь чуждый туманному идеализму.

Религиозные настроения усилились у Жуковского в годы его придворной службы и в последний период его жизни, в 1840-х годах; тогда они приобрели реакционный, даже фанатический характер.

9

С середины 1820-х годов начинается период, когда, несмотря на очень большую творческую работу Жуковского, современники рассматривают его как поэта, уже сказавшего все, что он должен был сказать. Пушкин с южными поэмами и «Евгением Онегиным»,

¹ Письмо Л. С. Пушкину и П. А. Плетневу от 15 марта 1825 года.

поэты декабристского лагеря, в 1830-х годах — «неистовая» романтическая проза Марлинского и исторический роман, Лермонтов и затем Гоголь — заслонили Жуковского в восприятии современников. И это было закономерно. Общественная жизнь и судьбы современного человека определяли содержание новой литературы в неизмеримо большей степени, чем поэзию Жуковского. Жуковский и не претендовал на былую власть над умами; еще в начале 1820-х годов он добровольно передал роль первого поэта России Пушкину.

Оставшись чужд декабризму, Жуковский и в 1830-х и в 1840-х годах оторван от общественного движения. Но по-прежнему ревностно он исполнял свою роль «просветителя» при наследнике и защитника тех, кто гоним или несправедливо унижен.

Придворная служба подходила к концу. В 1841 году, в связи с окончанием обучения наследника, а также женитьбой на Е. Рейтерн (дочери немецкого художника), Жуковский вышел в отставку.

В творчестве Жуковского 1820—1840-е годы характеризуются ослаблением лирической темы и возрастающим интересом к крупным формам, к более точным по своему принципу переводам монументальных произведений. Размах творчества Жуковского в эти годы очень велик. Им были созданы сказки, перевод «Одиссеи», «Ундина», «Наль и Дамаянти», «Рустем и Зораб», «Камозэнс», переводы из Гебеля (немецкого поэта-сентименталиста демократического толка). Возобладавшие в этот период эпические тенденции сказывались еще в конце 1810-х годов. В эти годы Жуковский создал перевод на современный русский язык «Слова о полку Игореве», замечательный тонким пониманием того, что такой перевод должен дать современному читателю. Жуковский оставляет множество слов «непереведенными»; смысл этих слов читателю понятен, а между тем достигается важная цель — максимальное сохранение подлинного звучания великого произведения русской древности. Жуковский сумел сохранить и ритм подлинника, почти нигде его не нарушив.

Большим событием явился перевод Жуковским трагедии Шиллера «Орлеанская дева». В переводе Жуковского «Орлеанская дева» оказала обновляющее действие на развитие русской драматургии 1820-х годов — как своим глубоким патриотическим и психологическим содержанием, так и новизной формы. Героическая тема была раскрыта Шиллером в своем психологическом значении. Структура «Орлеанской девы», во всех отношениях нарушав-

шая привычные каноны классической драматургии и в особенности ее стих — белый пятистопный ямб — в известной степени оказали влияние на пушкинского «Бориса Годунова». В «Орлеанской деве» Жуковского привлекло и сочетание патриотического и религиозного одушевления.

К 1821 году и началу 1822 года относится работа Жуковского над переводом поэмы Байрона «Шильонский узник». С поэтом И. И. Козловым Жуковский много читал Байрона зимой 1819 года. «Жуковский им бредит и им питается. В планах его много переводов из Байрона», — сообщал Вяземскому А. И. Тургенев в октябре 1819 года. Однако «много переводов» из Байрона Жуковский не создал: мятежный поэт был ему все же чужд.

Политическую остроту поэмы «Шильонский узник» Жуковский смягчил, опутив предпосланный ей «Сонет к Шильону» — страстное прославление свободы. В поэме Байрона его привлекла прежде всего тема привязанности узников-братьев друг к другу, привязанности настолько сильной, что после смерти братьев герой уже не дорожит ничем — даже свободой. Близка Жуковскому была и тема противоречивости, необъяснимости человеческих ощущений:

И... столь себе неверны мы..
Когда за дверь своей тюрьмы
На волю я перешагнул —
Я о тюрьме своей вздохнул.

Последний стих вспоминал Пушкин, когда окончилась его кишиневская ссылка.

Перевод «Шильонского узника» повлиял на стих и поэтический слог лермонтовского «Мцыри», написанного тем же стихом — четырехстопным ямбом со сплошной мужской рифмовкой. И тематически и по стремительной страстности и силе лермонтовский стих уже слышится в таких, например, строках Жуковского:

Но мне хотелось бросить взор
На красоту знакомых гор,
На их утесы, их леса,
На близкие к ним небеса.

...Я их увидел. И оно
Все были те ж: на вышине
Веков создание — снега..
...И слышен был мне шум ручьев,
Бегущих, бьющих по скалам...

Периодом большого творческого подъема было для Жуковского начало 1830-х годов (1831—1833). В это время созданы сказки, «Унди́на», ряд баллад — в том числе такие, как «Плавания Карла Великого», «Элевзинский праздник», «Старый рыцарь»; стихотворные повести «Перчатка», «Нормандский обычай», «Две были и еще одна», «Суд в подземелье». Лето 1831 года Жуковский провел в Царском Селе вместе с Пушкиным и Гоголем. Это было время интенсивного творческого общения, совместного обсуждения вопросов народности, путей развития современной литературы.

Жуковский вступил с Пушкиным в своеобразное состязание, написав «Сказку о царе Берендее» (Пушкин — «Сказку о царе Салтане»). Несомненно, победителем снова оказался Пушкин. Пушкинские сказки гораздо более народны, чем сказки Жуковского. Их народность — в демократизме, понимании русского народного характера, сочетании серьезности и лукавства, поэтичности и здравого смысла, фантастики и социальной сатиры. В сказках Жуковского этого нет, однако в них есть своя прелесть, как всегда у Жуковского, — простота, лиризм, мечтательность.

Эти черты отличают и «Унди́ну» — стихотворную повесть, написанную Жуковским по прозаической повести немецкого писателя Ламот-Фуке. В «Ундине» проявились разнообразие и сила поэтического слога Жуковского. Естественность повествовательного тона, обаяние непосредственности народной легенды, фантастический с внешней стороны образ главной героини, Ундины, в конечном счете являющийся символом истинной человечности — все это делает «Унди́ну» одним из шедевров Жуковского.

1837—1841 годы были посвящены переводу древней индийской повести «Наль и Дамаянти» (из эпоса «Махабхарата»). Интерес к древнему эпосу возник у Жуковского как проявление недовольства современностью, в которой в эти годы он видел лишь торжество «торгашеского духа», так как остался совершенно чужд прогрессивным демократическим тенденциям общественной жизни. В 1842—1848 годах Жуковским был создан перевод «Одиссеи», о котором Гоголь писал, что в нем «услышит сильный упрек себе наш XIX век» (статья «Об «Одиссее», переводимой Жуковским»). Древний мир Жуковскому, как и Гоголю, представлялся идеалом гармоничности, величия, душевного благородства. Именно это Жуковский в «Одиссее» и «Нале и Дамаянти» выдвигает на первый

план, модернизируя текст, придавая переживаниям героев душевную тонкость:

Память минувшей разлуки, радость свиданья, живая
Повесть о том, что розно друг с другом они претерпели,
Мыслей и чувств поверенье, раздел и слиянье,
Все в одном заключилось чувстве: мы вместе...

(«Наль и Дамаянги»)

В этих стихах слышны знакомые интонации лирики Жуковского. Однако в «Нале и Дамаянги» Жуковскому удалось и воссоздать колорит подлинной древней поэзии. Ведь в самом подлиннике была заключена гуманная, жизнеутверждающая мысль о торжестве справедливости и верности. Жуковский мастерски передал также своеобразие жизни и представлений великого народа древности, причудливость древней фантастики, красочность и эпический размах в изображении народной жизни.

«Одиссею» Жуковский выбрал для перевода не только потому, что «Илиада» уже была переведена Н. И. Гнедичем («Илиаду» Жуковский в последние годы жизни также собирался перевести, чтобы оставить по себе «полного собственного Гомера»). Жуковского привлекло само содержание «Одиссеи», большая сосредоточенность на перипетиях частной человеческой жизни, тема супружеской верности и любви, любви родительской и сыновней, картины душевной тоски и радости свиданья.

Жуковский хотел, чтобы Гомер говорил его современникам «сердцу отзывным» голосом. Сравнение переведенных Жуковским отрывков из «Илиады» с соответствующими местами перевода Гнедича дает возможность отчетливо представить себе специфику работы Жуковского, его интерпретацию гомеровского стиля. Жуковский, как всегда, более свободен в передаче текста. Он усиливает эмоциональность текста; так, у Гнедича Гектор и Андромаха, склонившиеся над младенцем, «сладко улыбнулись», когда младенец испугался огромной гривы на плече отца; у Жуковского они с грустной улыбкой посмотрели на сына, не будучи в силах отвлечься от мысли о разлуке. Жуковский постоянно развивает, делает более живописными те детали, которые являются значимыми в эмоциональном отношении.

Более свободное обращение с текстом было для Жуковского не препятствием в воссоздании гомеровского стиля, но способом передачи этого стиля средствами современной русской поэзии. По этому поводу Жуковский писал: «Я везде старался сохранить простой, сказочный язык, избегая всякой натяжки... строго держался

языка русского... и по возможности соглашал его формы с формами оригинала... так, чтобы гомеровский стих был ощутителен в стихе русском, не заставляя его кривляться по-гречески». Перевод «Одиссеи» Жуковского — лучший из всех русских переводов — является большим вкладом в историю нашей культуры.

Друг и современник Жуковского, П. А. Вяземский, писал о переведенной Жуковским «Одиссее» в стихотворении 1853 года «Александрийский стих»:

Там свежей древностью и жизнью первобытной
С природой заодно, в сени ее защитной
Все дышит и цветет в спокойной красоте.

Искусства не видать: искусство в простоте...
...Не налюбуеться картиной ненаглядной,
Наслушаться нельзя поэзии твоей.

В последние годы жизни работа над «Одиссеей» стоила Жуковскому больших усилий. У него ослабело зрение, но он не оставлял своих творческих замыслов; к их числу относится неосуществленный замысел поэмы «Агасфер». Встречавшиеся с Жуковским в Германии соотечественники вспоминали о его живом интересе к тому, что происходило в России, о намерении переехать в Москву. Этому не суждено было осуществиться: 19 апреля 1852 года Жуковский умер в Баден-Бадене. Согласно его последней воле, тело поэта было перевезено в Россию.

Имя Жуковского — одно из наиболее крупных в русской поэзии. «Учеником» его, по собственному признанию великого поэта, был Пушкин — и уже этого было бы достаточно для того, чтобы занять в истории литературы почетное место. «Без Жуковского мы не имели бы Пушкина», — писал Белинский.¹

Вспоминая о первой встрече с Жуковским, Гоголь писал, что «едва ли не со времени этого первого свидания нашего искусство стало главным и первым в моей жизни, а все прочее вторым» (письмо Гоголя Жуковскому от 22 декабря 1847 года).

Поэзия Жуковского оказала огромное воздействие на Фета и Тютчева. Ее влияние испытали молодой Лермонтов, Полонский, молодой Некрасов. Элементы романтической символики, субъективного восприятия мира и в особенности принцип единой лири-

¹ В. Г. Белинский, т. VII, стр. 221.

ческой тональности и исключительной значимости звуковой стороны стиха оказали решающее влияние на А. Блока. «Первым вдохновителем моим был Жуковский»,¹ — утверждает Блок.

Но поэзия Жуковского имеет для нас не только историческое значение. Жуковский принадлежит к тем поэтам прошлого, интерес к которым у нашего читателя не ослабевает. В его творчестве современный читатель находит поэтическое вдохновение, изящество и простоту, своеобразное мелодическое очарование и, главное, человечность, серьезность и глубину подхода к жизни.

И. М. Семенко.

¹ А. А. Блок. Автобиография. — Сочинения в двух томах, т. II, М., Гослитиздат, 1955, стр. 207.

СТИХОТВОРЕНИЯ

1797 — 1851

МАЙСКОЕ УТРО

Бело-румяна
 Встходит заря
 И разгоняет
 Блеском своим
 Мрачную тьму
 Черныя нощи.

Феб златозарный,
 Лик свой явивши,
 Все оживил.
 Вся уж природа
 Светом оделась
 И процвела.

Сон вострепенулся
 И отлетает
 В царство свое.
 Грезы, мечтанья,
 Рой как пчелиный,
 Мчатся за ним.

Смертны, востряните!
 С благоговеньем,
 С чистой душой,
 Над пред всевышним,
 Пламень сердечный
 Мы излием.

Радужны крылья
 Распростирая,

Бабочка пестра
Вьется, кружится
И лобызает
Нежно цветки.

Трудолюбива
Пчелка золотая
Мчится, жужжит.
Все, что бесплодно,
То оставляет —
К розе спешит.

Горлица нежна
Лес наполняет
Стоном своим.
Ах! знать, любезна,
Сердцу драгова,
С ней уже нет!

Верна подружка!
Для чего тщетно
В грусти, тоске
Время проводишь?
Рвешь и терзаешь
Сердце свое?

Можно ль о благе
Плакать другого?..
Он ведь заснул
И не страшится
Лука и злобы
Хитра стрелка.

Жизнь, друг мой, бездна
Слез и страданий...
Счастлив стократ
Тот, кто, достигнув
Мирного берега,
Вечным спит сном.

ДОБРОДЕТЕЛЬ

Под звездным кровом тихой ночи,
 При свете бледных луны;
 В тени ветвистых кипарисов,
 Брожу меж множества гробов.
 Повсюду зрю сооруженны
 Богаты памятники там,
 Порфиром, златом обложенны;
 Там мраморны столпы стоят.

Обитель смерти там — покоя;
 Усопших праху там лежат;
 Ничто их сна не прерывает;
 Ничто не грезится во сне...
 Но все ль так мирно почивают,
 И все ли так покойно спят?..
 Не монументы отличают
 И не блестяща пышность нас!

Порфир надгробный не являет
 Душевных, истинных красот;
 Гробницы, урны, пирамиды —
 Не знаки ль суетности то?
 Они блаженства не доставят
 Ни здесь, ни в новом бытии,
 И царь сравняется с убогим,
 Герой там станет, где пастух.

С косою острой, кровожадной,
 С часами быстрыми в руках,

С седой всклокоченной брадою,
Кидая всюду страшный взор,
Сатурн несытый и свирепый
Парит через вселенну всю;
Парит — и груды оставляет
Развалин следом за собой.

Валятся дубы вековые,
Трясутся гор пред ним сердца,
Трещат забрала и твердыни,
И медпы рушатся врата.
Падут и троны и начальства,
Истлеет посох, как и скиптр;
Венцы лавровые поблекнут,
Трофеи гордые сгниют.

Стоял где памятник герою,
Увы! что видим мы теперь? —
Одни развалины ужасны,
Шипят меж коими змеи,
Остались вместо обелиска,
Что гордо высился за век,
За век пред сим — и нет его...
И слава тщетная молчит.

И что ж покажет, что мы жили,
Когда все время рушит так? —
Не камень гибнущий величья
В потомстве поздном нам придаст;
И не порфирные обелиски
Прославят нас, превознесут.
Увы! несчастен, кто оставил
Лишь их — и боле ничего!

Исчезнут тщетны украшения,
Когда застонет вся земля,
Как заревут ужасны громы,
Падет, разрушится сей мир.
И тени их тогда не будет,
И самый прах не пропадет.
Все, все развеется, погибнет:
Как пыль, как дым, как тень, как сон!

Тогда останутся нетленны
Одни лишь добрые дела.
Ничто не может их разрушить,
Ничто не может их затмить.
Пред богом нас они прославят,
В одежду правды облекут;
Тогда мы с радостью явímся
Пред трон всемогущего творца.

О сколь священна, Добродетель,
Должна ты быть для смертных всех!
Рабы, как и владыки мира,
Должны тебя боготворить...
На что мне памятники горды?
И скиптр и посох — все равно:
Равно под мрамором в могиле,
Равно под дерном прах лежат.

ДОБРОДЕТЕЛЬ

От света светов луч излился,
И добродетель родилась!
В тьме мир дремавший пробудился,
Земля весельем облеклась;
В священном торжестве природа
Объемлет дар для смертных рода;
От горних, светлых стран небес
Златой, блаженный век спустился,
Восторг божественный вселился
Во глубине святых сердец.

На землю дочь творца предстала,
Творений хор ей гимн воспел;
Пустыня светлым раем стала;
Как крин, повсюду мир процвел;
Любовь, невинность, кротость нравов;
Без строгости и без уставов,
Правдивость, честность всем эгид;
Повсюду дружба водворилась,

Повсюду истина явилась,
Преданность, верность, совесть, стыд.

Дохнула злоба — и родился
Кровавый, яростный раздор;
Вздохнул он — вздох сей повторился
Среди сердец кремнистых гор;
Ужасный яд — его дыханье,
Убийство, смерть — его желанье,
И мрак — блистание очей.
Взглянул — и брани воспылали,
Несчастны жертвы застонали,
Кровь быстрой полилась струей.

Одеян бурей век железный,
Потряси круг земли, предстал;
Померк натуры вид любезный,
И смертный счастлив быть престал.
С цепей своих Борей сорвался,
В полях небесных гром раздался,
Завыл и лес и сонм морей!
С лугов зефиры улетели,
По рощам птицы онемели,
И светлый не журчит ручей.

Дщерь ада, злоба есть содетель
Бесчисленных лютейших бед;
Но не исчезла добродетель!
Она еще, еще живет;
Еще ей создают храмы,
Еще курят ей фимиамы;
Но, ах! златой уж век исчез,
В пучине вечности сокрылся,
Один лишь луч к нам отделился
И добрым мир с собой принес.

Иной гордыни чтит законы,
Идет неправды по стезям;
Иной коварству зиждет троны
И дышит лестию к царям;
Иной за славою стремится;
Тот злата алчностью томится,

Тот ратует с врагом своим,
И всяк путь ложный избирает,
В ночи как будто бы блуждает;
Его дела — ничтожный дым.

И муж, премудростью почтенный,
Во испытаньях поседев,
Муж праведный и просвещенный
Вдохнет, на все сие воззрев;
В мечтаньях сих он тленность видит,
Порок и зло он ненавидит,
И добродетели кумир
В своей душе он обожает,
Свою всю жизнь ей посвящает,
Его чертог — пространный мир.

Кто правды, честности уставы
В течение дней своих блюдет,
Тот к счастью обретет путь правый,
Корабль свой в пристань приведет;
Среди он бедствий не погибнет,
В гоненье рока он возникнет,
Его перун не устрасит.
Когда и смерть к нему явится,
То дух его возвеселится,
К блаженству спешно полетит.

О вы, подобье юных кринов!
В вас пламень бодрости горит,
В вас зрю я доблесть славянинов —
Учитесь добродетель чтить;
В душе ей храм соорудите,
Ей мысли, чувства посвятите,
Стремитесь мудрых по стезям.
Круг жизни вашей совершится,
Но солнце ваших дней затмится,
Зарю оставя по следам.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ, ГОСПОДИНУ ТАЙНОМУ
 СОВЕТНИКУ, ИМПЕРАТОРСКОГО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
 КУРАТОРУ И КАВАЛЕРУ

МИХАИЛУ МАТВЕЕВИЧУ ХЕРАСКОВУ
 ЗА СЛУЧАЙ ПОЛУЧЕНИЯ ИМ ОРДЕНА СВ. АННЫ 1-Й СТЕПЕНИ,
 ОТ ВОСПИТАННИКОВ УНИВЕРСИТЕТСКОГО
 БЛАГОРОДНОГО ПАНСИОНА

Еще, Херасков, друг Минервы,
 Еще венец ты получил!
 Сердца в восторге пламенеют
 Приверженных к тебе детей,
 Которых нежною рукою
 Ведешь ты в храм святой наук, —
 В тот храм, где муза озарила
 Тебя бессмертия лучом.
 Дела благие — вечно живы;
 Плоды их зреют в небесах;
 И здесь и там их ждет награда:
 Здесь царь венчает их, там — бог!

МОГУЩЕСТВО,
 СЛАВА И БЛАГОДЕНСТВИЕ
 РОССИИ

На троне светлом, лучезарном,
 Что полвселенной на столпах
 Вознесен, незыблемо поставлен,
 Россия в славе восседит —
 Златой шелом, огнепернатый
 Блестит на главе ее;
 Венец лавровый осеняет
 Ее высокое чело;
 Лежит на шуйце щит алмазный;

Расширивши крыла свои,
У ног ее орел полночный
Почиет — гром его молчит.

Окрест блестящего престола,
В бесчисленный собравшись сонм,
Стоят полночные народы,
С почтеньем долу преклонясь:
Славянин в шлеме златовидном,
Татар с свинцовой булавой,
Черкес в булатных, тяжких латах,
Бобром одетый камчадал,
С сетями финн, живущий в норде,
С секирой острой алеут,
Киргизец с луком напряженным,
С стальной саблею сармат.

Она сидит — и светлым оком
Зрит на владычество свое;
Прелестный юноша пред нею,
Склоняющ слух к ее словам.
«Мой сын! — гласит ему Россия. —
Простри свой взор окрест себя;
Простри и виждь страны цветущи,
Подвластны скиптру моему:
Ты в недрах их рожден, воспитан,
В их недрах счастье — жребий твой;
В их недрах ты свое теченье
Со славой должен совершать!

Воззри, и в радостном восторге
Клянись и сердцем и душой
Быть сыном мне нежнейшим, верным,
Мне жизнь и чувства посвятить;
Воззри на мощь мою, на славу,
Мои сокровища исчисль;
Смотри: там Бельт пространный воет;
Там пенится шумящий Понт;
Там Льдистый океан волнится,
В себя приемлющ сонмы рек;
Там бурный океан Восточный
Камчатский опеняет брег.

Здесь Волга белыми струями
Катится по полям, лугам,
Благословенье изливает
И радость на хребте несет;
Там Дон клубится, Днепр бунтует;
Уральских исполинов ряд
Делит там Азию с Европой
И подпирает небеса;
Сибирь, хранилище сокровищ,
Здесь возвышает свой хребет;
Херсон гордится там плодами,
Прельщающими взоры, вкус.

Цветет обилие повсюду!
На тучных пажитях, лугах
Стада бесчисленны пасутся;
Покрыты класами, поля
Струятся, как моря золотые;
Весельем дышащ, земледел
При полных житницах ликует.
Там села мирные мои;
Там грады крепкие, цветущи;
Москва, Петрополь и Казань,
На бреге быстрых рек, пенистых
Главы поднимают к облакам.

Повсюду в ратном украшеньи
Блистают воинства ряды;
На шлемах перья развевают,
На копьях солнца луч горит;
Мечи премят в десницах мощных;
Коней, гордяся, гриву вверх
Вздывают, ржут, бьют ногами,
Крутят песок, выют прах столбом;
Огонь летит багряным вихрем
Из медных челюстей, гремя;
Долины грохот повторяют
И эхо предают горам.

На влаге бурных океанов,
Расширив белые крыла,
Летают в грозных строях флоты,

Нося во мрачных недрах смерть;
Пеня́т и Бельт и Понт в стремле́нье;
Пред ними ужас, гром летит...
От всех вселенны́х пределов
Плывут с богатством корабли
И, пристаней моих достигнув,
Тягчат сокровищами брег:
Богатый Альбион приносит
Своих избытков лучшу часть;

Волнисту шерсть и шелк тончайший
Несет с востока оттоман;
Араб коней приводит быстрых,
В своих степях их укротив;
Китай фарфор и муск приносит;
Моголец шлет алмаз, рубин;
Иемен дарит свой кофе вкусный;
Как горы, по полям идут
Верблюды с перскими коврами, —
От всех земли пределов, стран
Народы мне приносят дани,
Цари сокровища мне шлют...

Там в храмах, музам посвященных,
Текут для юношей струи
Премудрости, нравоученья;
Там в кроткой, мирной тишине,
Исполнясь духом Аполлона,
Поэт восторг небесный свой
Чертами пламенными пишет;
Там Праксителев ученик
Влагает жизнь во хладный мрамор,
Велит молчанью говорить;
Там медь являет зрак героя —
В нем пламень мужества горит;

Там холст под кистью Апеллеса
Рождает тысячи красот;
Там нового Орфея лира
Струнами сладкими звучит...
Везде блестит луч просвещенья!
И благотворный свет его,

С лучом религии сливаясь,
Все кроткой теплотой живит
И трон мой блеском одевает...
Мой сын! кто в свете равен мне?
Какое царство в поднебесной
Блаженной царства моего?»

Се образ радостный России!
Но некогда густая тьма,
Как ночь, поверх ее носилась;
Язычество свой фимнам
На жертвенниках воскуряло,
И кровь под жреческим ножом
Дымилась в честь немых кумиров...
С престола Святославов сын
Простер свой скиптр державный, мощный —
И кроткий христианства луч
Блеснул во всех концах России:
К творцу моления вознеслись.

Стенала некогда в оковах
Россия, под пятой врагов
Неистовых, кичливых, злобных...
Ее сармат и скандинав
Тягчили скипетром железным;
Москва, с поникшею главой,
Под игом рабства унывала,
Затмилась красота ее, —
И росслезящими очами
Взирал на бедства вокруг себя,
На грады, в пепел обращенны,
На кровь, кипящую по полям.

Явился Петр — и ито бедствий
Престало россов отягчать;
Как холм, одетый тенью ночи,
Являющийся с юным днем:
Так все весельем озарилось;
Главу Россия подняла,
Престол ее, вознесшись к небу,
Рассыпал на вселенну тень;
Ее алкиды загремели;

Кичливый враг упал, исчез, —
И се, во славу облеченна,
Она блаженствует, цветет!

Се Павел с трона славы, правды,
Простерши милосердья длань,
Блаженство миллионов зиждет,
Струями радость, счастье льет
И царства падшие подымлет!¹
Се новый русский Геркулес,
Возникшу гидру поражая,
Тягчит пятой стоглавый Альп,
Щитом вселенну осеняет!
Се знамя русское шумит
Средь тронов, в прахе низложенных!
И се грядет к нам *новый век!*

Падите, россы, на колена!
Молите с пламенной душой:
«Да управляя царств судьбами
Хранит любовь свою
От бед Россию в век грядущий
И новым светом облечет!
Да снидет мир к нам благодатный
И миру радость принесет!
Да луч премудрости рассеет
Невежества последний мрак
И да всеобщее блаженство
Вселенну в рай преобразит!!!»

СТИХИ НА НОВЫЙ, 1800 ГОД

Из недра вечности рожденный,
Парит к нам юный сын веков;
Сотканна из зарей порфира
Струится на плечах его;
Лучи главу его венчают,

¹ Это писано около того времени, когда войска российские одерживали победы в Италии под командою Генералиссимуса.
(Прим. Жуковского.)

Простерт о чреслах Зодиак,
В его деснице зрится чаша,
Где скрыты жребии судьбы,
Из коей вечными струями
Блаженство и беды текут.

Летит — пред ним часы, минуты
Ллются быстрою струей;
Сопутницы, его подруги,
Несут вселенной благодать:
Зима в своей короне лдяной,
В сотканной ризе из снегов,
Весна с цветочными коврами,
С плодами *Осень* для деревьев,
С снопами *Лето* золотыми
И благотворной теплотой.

Летит — во сретенье вселенна
Ему благословенья шлет;
Желанья, робкие надежды
Несутся сонмами к нему;
К нему стремится глас хвалебный,
К нему летит слеза и вздох;
Монарх с блестящего престола
И нищий с бедного одра
К нему возводят взор молящий,
Благодеяний ждут его...

Лети, сын вечности желанный,
Лети и по следам своим
Цветы блаженства вожделенны
И кротку радость насаждай...
Пускай полет твой благодатный,
Как зефир, землю освежит;
Любовь, согласие священо
Во всей вселенной утвердит.

К ТИБУЛЛУ
НА ПРОШЕДШИЙ ВЕК

Он совершил свое течение
И в бездне вечности исчез...
Могилы пепел, разрушение,
Пучина бедствий, крови, слез —
Вот путь его и обелиски!

Тибулл! все под луною тленно!
Давно ль на холме сем стоял
Столетний дуб, густой, надменный,
И дол ветвями осенял?
Ударил гром — и дуб повержен!

Давно ли и любимец славы
Народов жребием играл,
Вселенной подавал уставы
И небо к распре вызывал?
Дохнула смерть — что он? —

горсть пыли.

Тибулл! нам в мире жить не вечно:
Вся наша жизнь — лишь только миг.
Как молния, время скоротечно! —
На быстрых крыльях своих
Оно летит, и все с ним гибнет.

Едва на дневный свет мы взглянем,
Едва себя мы ощутим
И жизнью радоваться станем:

Уже в сырой земле лежим,
Уж мы добыча разрушенья!

Тибулл! нельзя, чтобы природа
Лишь для червей нас создала;
Чтоб мы, проживши два, три года,
Прешед сквозь мрачны дебри зла,
С лица земли, как тени, скрылись!

На что винить богов напрасно?
Себя мы можем пережить:
Любя добро и мудрость страстно,
Стремясь друзьями миру быть, —
Мы живы в самом гробе будем!..

МИР

Проснись, пифийского поэта древня лира,
Вещательница дел геройских, брани, мира!
Проснись — и новый звук от струн твоих издай
И сладкую своей игрою нас пленяй —
Исполни дух святым восторгом!

Как лира дивная небесного Орфея,
Гремишь ли битвы ты — наперсники Арея
Берутся за мечи и взорами грозят;
Их бурные кони ярятся и кипят,
Крутя свои волнисты гривы.

Поешь ли тишину — гром Зевса потухает;
Орел, у ног его сидящий, засыпает,
Вздывая медленно пернатый свой хребет;
Ужасный Марс свой меч убийственный кладет
И кротость в сердце ощущает.

Проснись! и мир воспой блаженный, благодатный;
Пусть он слетит с небес, как некий бог крылатый,
Вечнозеленою оливою махнет,
Брань страшную с лица вселенной изженет
И примирит земные роды!

Где он — там вечное веселье обитает,
Там человечество свободно процветает,
Питаюсь щедростью природы и богов;
Там звук не слышится невольничьих оков
И слезы горести не льются.

Там нивы жатвою покрыты золотою;
Там в селах царствует довольство с тишиною;
Спокойно грады там в поля бросают тень;
Там счастье навсегда свою воздвигло сень:
Оно лишь с *миром* сопряжено.

Там мирно старец дней закатом веселится,
Могила на краю — неволи не страшится;
Ступя ногою в гроб — он смотрит со слезой,
Унылой, горестной, на путь скончанный свой
И жить еще — еще желает!

Там воин, лишь в полях сражаться приученный,
Смягчается — и меч, к убийству изощренный,
В отеческом доме под миртами кладет;
Блаженство тишины и дружбы познает,
Союз с природой обновляет.

Там музы чистые, увенчанны оливой,
Веселым пением возносят дни счастливы;
Их лиры стройные согласнее звучат;
Они спокойствие, не страшну брань гласят,
Святую добродетель славят!

Слети, блаженный *мир!* — вселенная взывает —
Туда, где бранные знамена развевают;
Где мертв природы глас и где ее сыны
На персях матери сражаются, как львы;
Где братья братьев поражают.

О страх!.. Как яростно друг нá друга стремятся!
Конí в пыли, в поту свирепствуют, ярятся
И топчут всадников, поверженных во прах;
Оружия гремят, кровь льется на мечах,
И стоны к небесам восходят.

Тот сердца не имел, от камня тот родился,
Кто первый с бешенством на брата устремился...
Скажите, кто перун безумцу в руки дал
И жизни моя владыкою назвал,

Над коей я и сам не властен?

А слава?.. Нет! Ее злодей лишь в брани ищет;
Лишь он в стенаниях победны гимны слышит.
В кровавых горах тел трофеи чести зрит;
Потомство извергу проклятие гласит,
И лавр его, поблекши, тлеет.

А твой всегда цветет, о росс великосердый,
В пример земным родам судьбой превознесенный!
Но время удержать орлиный твой полет;
Колосс незыблем твой, он вечно не падет;
Чего ж еще желать осталось?

Ты славы путь протек Алкидовой стопою,
Полсвета покорил могучею рукою;
Тебе возможно все, ни в чем препоны нет;
Но стой, росс! опочий — се *новый век* грядет!
Он мирт, не лавр тебе приносит.

Возьми сей мирт, возьми и снова будь героем, —
Героем в тишине, не в кроволитном бое.
Будь мира гражданин, венец лавровый свой
Омой сердечною, чувствительной слезой,
Тобою падшим посвященной!

Брось палицу свою и щит неодолимый,
Преобрази во плуг свой меч несокрушимый;
Пусть роет он поля отчизны твоея;
Прямая слава в ней, лишь в ней ищи ея;
Лишь в ней ее обрести ты можешь.

На персях тишины, в спокойствии блаженном,
Цвети, с народами земными примиренный!
Цвети, великий росс! — лишь злобу поражай,
Лишь страсти буйные, строптивы побеждай
И будь во брани только с ними.

I

На лоне облаков румяных
Явилась скромная заря;
Пред нею резвые зефиры,
А позади блестящий Феб,
Одетый в пышну багряницу,
Летит по синеве небес —
Природу снова оживляет
И щедро теплоту лиет.

II

Явилось зрелище прекрасно
Моим блуждающим очам:
Среди красот неизъяснимых
Мой взор не зрит себе границ,
Мою все душу восхищает,
В нее восторга чувства льет,
Вдыхает ей благоговенье —
И я блажу светил творца.

III

Но тамо — что пред взор явилось?
Какие солнца там горят?
То славы храм чело вздымает —
Вокруг его венец лучей.
Утес, висящий над валами
Морских бесчисленных пучин,
Веков теченьем поседевший,
Его подьмлет на хребте.

IV

Дерзну ль рукой покров священный,
Молвы богиня, твой поднять?
Дерзну ль святилище проникнуть,
Где лавр с оливою цветет? —
К тебе все смертные стремятся

Путиами крови и добра;
Но редко, редко достигають
Под сень престола твоего!

V

Завеса вскрылась — созерцаю:
Се, вижу, сердцу милый Тит,
Се Антонины, Адрианы;
Но Александров — нет нигде.
Главы их лавр не осеняет,
В кровавой пене он погряз,
Он бременем веков подавлен —
Но цвел ли в мире он когда?

VI

О Александр, тщеславный, буйный,
Стремился иго наложить
И тяжки узы ты вселенной!
Твой меч был грозен, как перун;
Твой шаг был шагом исполина;
Твоя мысль — молний скорых бег;
Пределов гордость не имела;
Но цель была лишь только дым!

VII

К чему мечтою ты прельщался?
Какой ты славе вслед бежал?
Где замысл твой имел пределы?
Где пункт конца желаньям был?
Алкал ты славы — и в безумстве
Себя ты богом чтить дерзал;
Хотел ты бранями быть громок —
Но звук оставил лишь пустой.

VIII

Героя званием священным
Хотел себя украсить ты;
Ах, что герой, когда лишь кровью

Его написаны дела?
Когда лишь звуками сражений
Он в краткий век свой знатен был?
Когда лишь мужеством и силой
Он путь свой к славе отверзал?

IX

Но что герой? Неужто бранью
Единой будет славен он?
Неужто, кровию омытый,
Его венец пребудет свеж?
'Ах, нет! засохнет и поблекнет,
И обелиск его падет;
Он порастет мхом и травой,
И с ним вся память пропадет.

X

Герои света, вы дерзали
Себе сый титул присвоить;
Но кто, какое сердце скажет,
Что вы достойны были впрямь
Сего названия почтенна?
Никто — ползуща токмо лесть,
Виясь у ног, вас прославляет!
Но что неискренняя хвала?..

XI

Героем тот лишь назовется,
Кто добродетель красну чтит,
Кто лишь из должности бьется,
Не жаждет кровь реками лить;
Кто побеждает — победивши,
Врага лобзает своего
И руку дружбы простирает
К нему, во знак союза с ним.

XII

Кто сирым нежный покровитель;
Кто слез поток спешит отерть

Благодеяния струями;
Кто ближних любит, как себя;
Кто благ в деяньях, непорочен,
Кого и враг во злобе чтит —
Единым словом: кто душою
Так чист и светл, как божество.

XIII

Венцов оливных тот достоин,
И лавр его всегда цветет;
Тот храма славы лишь достигнет,
В потомстве вечно будет жить, —
И человечество воздвигнет
Ему сердечный мавзолей,
И слезы жаркие польются
К нему на милый сердцу прах...

XIV

Я в куще тихой, безмятежной
Героем также быть могу:
Мое тут поле брани будет
Несчастных сонм, гоним судьбой;
И меч мой острый, меч огнистый
Благодеянья будет луч;
Он потечет — и побуждает
Сердца и души всех людей.

XV

Мой обелиск тогда нетленный
Косою время не сразит;
Мой славы храм не сокрушится:
Он будет иссечен в сердцах;
Меня мечтанья не коснутся,
Я теням вслед не побегу,
И солнце дней моих затмится,
Зарю оставя по себе.

ЧЕЛОВЕК

A Worm, a God!

Yong.¹

«Ничтожный человек! что жизнь твоя? —

Мгновенье.

Взглянул на дневный луч — и нет тебя, пропал!
 Из тьмы небытия злой рок тебя призвал
 На то лишь, чтоб предать в добычу разрушенья;
 Как быстра тень, мелькаешь ты!

Игралище судьбы, волнуемый страстями,
 Как ярым вихрем лист, — ужасный жребий твой
 Бороться с горестью, болезнями и собой!
 Несчастный, поглощен могучими волнами,
 Ты страшну смерть находишь в них.

В бессилии своем, пристанища лишенный,
 Гоним со всех сторон, ты странник на земли!
 Что твой парящий ум? что замыслы твои?
 Дыханье ветерка, — и где ты, прах надменный?
 Где жизни твоея следы?

Ты дерзкой мыслию за небеса стремишься! —
 Сей низложенный кедр соперник был громам;
 Но он разбит, в пыли, добыча он червям.

¹ Червь, бог! (Yong.) (Англ.)

Где мощь корней его?.. Престань, безумец,
льститься;
Тебе ли гордым, сильным быть?

Ты ныне, обольщен надеждой, зиждешь
стены, —
Заутра же они, рассыпавшись, падут;
И персти твоя под ними не найдут...
Сын разрушения! мечта протекшей тени!
И настоящий миг не твой.

Ты веселишь себя надеждой наслаждений:
Их нет! их нет! Сей мир вертеп страданий, слез;
Ты с жизнью в него блаженства не принес;
Терзайся, рвись и будь игрою заблуждений,
Влачи до гроба цепи зол!

Так — в гробе лишь твое спокойство и отрада;
Могила — тихий сон; а жизнь — с бедáми брапь;¹
Судьба — невидимый, бесчувственный тиран,
Необоримая ко счастью преграда!
Ничтожность страшный твой удел!

Чего ж искать тебе в сей пропасти мучений?
Скорей, скорей в ничто! Ты небом позабыт,
Один перун его лишь над тобой гремит;
Его проклятием навеки отягченный,
Твое убежище лишь смерть!»

Так в гордости своей, слепой, неправосудной,
Безумец восстает на небо и на рок.
Всемогущий! гнев твой спит!.. Сотри кичливый рог,
Воздвигнись, облечен во славе неприступной,
Грянь, грянь! — и дерзкий станет пыль.

Или не знаешь ты, мечтатель напыщенный!
Что неприметный червь, сокрывшийся во прах,
И дерзостный орел, парящий в небесах,
Превыше черных туч и молний вознесенный,
Пред взором Вечного ничто?..²

¹ Юнг. (Прим. Жуковского.)

² Вольтер. (Прим. Жуковского.)

Смеется, и один противится векам;
У ног его клубит ревущими волнами
Угрюмый, грозный океан.

Орел, ужаленный змеею раздраженной,
Терзает, рвет ее в своих крутых когтях
И, члены разметав, со пламенем в очах,
Расширивши крыла, весь кровью обгаренный,
Парит с победой к небесам!¹

Мужайся! — и попрешь противников стопю;
Твой рай и ад в тебе!.. Брань, брань твоим
страстям! —
Перед тобой отверст бессмертья вечный храм;
Ты смерти сломишь серп могучею рукою, —
Могила — к вечной жизни путь!

¹ Цицерон. (Прим. Жуковского.)

СЕЛЬСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Элегия

Уже бледнеет день, скрываясь за горою;
 Шумящие стада толпятся над рекой;
 Усталый селянин медлительной стопой
 Идет, задумавшись, в шалаш спокойный свой.

В туманном сумраке окрестность исчезает...
 Повсюду тишина; повсюду мертвый сон;
 Лишь изредка, жужжа, вечерний жук мелькает,
 Лишь слышится вдали рогов унылый звон.

Лишь дикая сова, таясь под древним сводом
 Той башни, сетует, внимаема луной,
 На возмутившего полуночным приходом
 Ее безмолвного владычества покой.

Под кровом черных сосн и вязов наклоненных,
 Которые окрест, развесившись, стоят,
 Здесь праотцы села, в гробах уединенных
 Навеки затворясь, сном непробудным спят.

Денницы тихий глас, дня юного дыханье,
 Ни крики петуха, ни звучный гул рогов,
 Ни ранней ласточки на кровле щебетанье —
 Ничто не вызовет почивших из гробов.

На дымном очаге трескучий огонь, сверкая,
 Их в зимни вечера не будет веселить,
 И дети резвые, встречать их выбегая,
 Не будут с жадностью лобзаний их ловить.

Как часто их серпы златую ниву жали
И плуг их побеждал упорные поля!
Как часто их секир дубравы трепетали
И потом их лица кропилася земля!

Пускай рабы сует их жребий унижают,
Смеясь в слепоте полезным их трудам,
Пускай с холодностью презрения внимают
Таящимся во тьме убогого делам;

На всех ярится смерть — царя, любимца славы,
Всех ищет грозная... и некогда найдет;
Всемогущны судьбы незыблемы уставы:
И путь величия ко гробу нас ведет!

'А вы, наперсники фортуны ослепленные,
Напрасно спящих здесь спешите презирать
За то, что гробы их непышны и забвенны,
Что лезть им алтарей не мыслит воздвигать.

Вотще над мертвыми, истлевшими костями
Трофеи жидутся, надгробия блестят,
Вотще глас почестей гремит перед гробами —
Угасший пепел наш они не воспалят.

Ужель смягчится смерть сплетаемой хвалою
И невозвратную добычу возвратит?
Не слаще мертвых сон под мраморной доскою;
Надменный мавзолей лишь персть их бременит.

'Ах! может быть, под сей могилою таится
Прах сердца нежного, умевшего любить,
И гробожитель-червь в сухой главе гнездится,
Рожденной быть в венце иль мыслями парить!

Но просвещенья храм, воздвигнутый веками,
Ущромою судьбой для них был затворен,
Их рок обременил убожества цепями,
Их гений строгою нуждою умерщвлен.

Как часто редкий перл, волнами сокровещный,
В бездонной пропасти сияет красотой;

Как часто лилия цветет уединенно,
В пустынном воздухе теряя запах свой.

Быть может, пылью сей покрыт Гампден
надменный,
Защитник сограждан, тиранства смелый враг;
Иль кровию праждан Кромвель необагрённый,
Или Мильтон немой, без славы скрытый в прах.

Отечество хранить державною рукою,
Сражаться с бурей бед, фортуны презирать,
Дары обилия на смертных лить рекою,
В слезах признательных дела свои читать —

Того им не дал рок; но вместе преступленьям
Он с доблестями их круг тесный положил;
Бежать стезей убийств ко славе, наслажденьям
И быть жестокими к страдальцам запретил;

Таить в душе своей глаз совести и чести,
Румянец робкия стыдливости терять
И, рабобенствуя, на жертвенниках лести
Дары небесных муз гордыне посвящать.

Скрываясь от мирских погибельных смятений,
Без страха и надежд, в долине жизни сей,
Не зная горести, не зная наслаждений,
Они бесечно шли тропинкою своей.

И здесь спокойно спят под сенью гробовую —
И скромный памятник, в приюте сосн густых,
С непышной надписью и рёзьбою простою,
Прохожего зовет вздохнуть над прахом их.

Любовь на камне сем их память сохранила,
Их лёта, имена потщившись начертать;
Окрест библейскую мораль изобразила,
По коей мы должны учиться умирать.

И кто с сей жизнью без горя расставался?
Кто прах свой по себе забвенью предавал?
Кто в час последний свой сим миром не пленялся
И взора томного назад не обращал?

Ах! нежная душа, природу покидая,
Надеется друзьям оставить пламень свой;
И взоры тусклые, навеки угасая,
Еще стремятся к ним с последнею слезой;

Их сердце милый глас в могиле нашей слышит;
Наш камень пробовой для них одушевлен;
Для них наш мертвый прах в холодной урне
дышит,
Еще огнем любви для них воспламенен.

А ты, почивших друг, певец уединенный,
И твой ударит час, последний, роковой;
И к гробу твоему, мечтой сопровождаемый,
Чувствительный придет услышать жребий твой.

Быть может, селянин с почтенной сединою
Так будет о тебе прищельцу говорить:
«Он часто по утрам встречался здесь со мною,
Когда спешил на холм зарю предупредить.

Там в полдень он сидел под дремлющею ивею,
Поднявшей из земли косматый корень своей;
Там часто, в горести беспечной, молчаливой,
Лежал, задумавшись, над светлою рекой;

Нередко в вечеру, скитаясь меж кустами, —
Когда мы с поля шли и в роще соловей
Свистал вечернюю песнь, — он томными очами
Уныло следовал за тихою зарей.

Прискорбный, сумрачный, с главою наклоненней,
Он часто уходил в дубраву слезы лить,
Как странник, родины, друзей, всего лишенный,
Которому ничем души не усладить.

Взошла заря — но он с зарею не являлся,
Ни к иве, ни на холм, ни в лес не приходил;
Опять заря взошла — нигде он не встречался;
Мой взор его искал — искал — не находил.

Наутро пение мы слышим гробовое...
Несчастливого несут в могилу положить.

Приблизься, прочитай надгробие простое,
Чтоб память доброго слезой благословить».

*Здесь пепел юноши безвременно сокрыли,
Что слава, счастье, не знал он в мире сем.
Но музы от него лица не отвратили,
И меланхолии печать была на нем.*

*Он кроток сердцем был, чувствителен душою —
Чувствительным творец награду положил.
Дарил несчастных он — чем только мог — слезою;
В награду от творца он друга получил.*

*Прохожий, помолись над этою могилой;
Он в ней нашел приют от всех земных тревог;
Здесь все оставил он, что в нем греховно было,
С надеждою, что жив его спаситель-бог.*

СТИХИ,
СОЧИНЕННЫЕ
В ДЕНЬ МОЕГО РОЖДЕНИЯ

К моей лире и к друзьям моим

О лира, друг мой неизменный,
Поверенный души моей!
В часы тоски уединенной
Утешь меня игрой своей!
С тобой всегда я неразлучен,
О лира милая моя!
Для одиноких мир сей скучен,
А в нем *один* скитаюсь я!

Мое младенчество сокрылось;
Уж вянет юности цветок;
Без горя сердце истощилось,
Вперед присудит что-то рок!
Но я пред ним не поблднею:
Пусть будет то, что должно быть!
Судьба ужасна лишь злодею,
Судьба меня не устршит.

Не нужны мне венцы вселенной,
Мне дорог ваш, друзья, вснок!
На что чертог мне позлащенный?
Простой, укрomный уголок,
В тени лесов уединенный,
Где бы свободно я дышал,
Всем милым сердцу окруженный,
И лирой дух свой услаждал, —

Вот всё — я больше не желаю,
В душе моей цветет *мой* рай.

Я бурный мир сей презираю.
О лира, друг мой! утешай
Меня в моем уединеньи;
А вы, друзья мои, скорей,
Оставя свет сей тревоженный,
Сберитесь к хижине моей.

Там, в мире сердца благодатном,
Наш век как ясный день пройдет;
С друзьями и тоска приятна,
Но и тоска нас не найдет.
Когда ж придет нам расставаться,
Не будем слез мы проливать:
Недолго на земле скитаться;
Друзья! увидимся опять.

НА СМЕРТЬ АНДРЕЯ ТУРГЕНЕВА

О друг мой! неужли твой гроб передо мною!
Того ль, несчастный, я от рока ожидал!
Забывшись, я тебя бессмертным почитал...
Святая благодать да будет над тобою!

Покойся, милый прах; твой сон завиден мне!
В сем мире без тебя, оставленный, забвенный,
Я буду странствовать, как в чуждой стороне,
И в горе слезы лить на пепел твой священный!

Прости! не вечно жить! Увидимся опять;
Во гробе нам судьбой назначено свиданье!
Надежда сладкая! приятно ожиданье! —
С каким веселием я буду умирать!

К К. М. С(ОКОВНИН)ОЙ

Протекших радостей уже не возвратить;
Но в самой скорби есть для сердца наслажденье.
Ужели все мечта? Напрасно ль слезы лить?
Ужели наша жизнь есть только привиденье

И трудная стезя к ничтожеству ведет?
Ах! нет, мой милый друг, не будем безнадежны;
Есть пристань верная, есть берег безмятежный;
Там все погибшее пред нами оживет;
Незримая рука, простертая над нами,
Ведет нас к одному различными путями;
Блаженство наша *цель*; *когда* мы к ней придем —
Нам провидение сей тайны не открыло.
Но рано ль, поздно ли, мы радостно вздохнем:
Надеждой не *вотще* нас небо одарило.

К ПОЭЗИИ

Чудесный дар богов!
 О пламенных сердец веселье и любовь,
 О прелесть тихая, души очарованье —
 Поэзия! С тобой
 И скорбь, и нищета, и мрачное изгнанье —
 Теряют ужас свой!
 В тени дубравы, над потоком,
 Друг Феба, с ясною душой,
 В убогой хижине своей,
 Забывший рок, забвенный роком, —
 Поет, мечтает и — блажен!
 И кто, и кто не оживлен
 Твоим божественным влияньем?
 Цевницы грубыя задумчивым бряцаньем
 Лапландец, дикий сын снегов,
 Свою туманную отчизну прославляет
 И неискusstvenной гармонией стихов,
 Смотря на бурные валы, изображает
 И дымный свой шалаш, и хлад, и шум морей,
 И быстрый бег саней,
 Летящих по снегам с еленем быстроногим.
 Счастливый жребием убогим,
 Оратай, наклонясь на плуг,
 Влекомый медленно усталыми волами, —
 Поет свой лес, свой мирный луг,
 Возы, скрипящи под снопами,
 И сладость зимних вечеров,
 Когда, при шуме вьюг, пред очагом блестящим,

В кругу своих сынов,
С напитком ценным и кипящим,
Он радость в сердце льет
И мирно в полночь засыпает,
Забыв на дикие бразды пролитый пот..
Но вы, которых луч небесный оживляет,
Певцы, друзья души моей!
В печальном странствии минутной жизни сей
Тернистую стезю цветами усыпайте
И в пылкие сердца свой пламень изливайте!
Да звуком ваших громких лир
Герой, ко славе пробужденный,
Дивит и потрясает мир!
Да юноша воспламененный
От них в восторге слезы льет,
Алтарь отечества лобзает
И смерти за него, как блага, ожидает!
Да бедный труженик душою расцветет
От ваших песней благодатных!
Но да обрушится ваш гром
На сих жестоких и развратных,
Которые, в стыде, с возвышенным челом,
Невинность, доблести и честь поправ ногами,
Дерзают величать себя полубогами! —
Друзья небесных муз! пленимся ль суетой?
Презрев минутные успехи —
Ничтожный глас похвал, кимвальный звон
пустой, —

Презревши роскоши утех,
Пойдем великих по следам! —
Стезя к бессмертию судьбой открыта нам!
Не остыдим себя хвалою
Высоких жребием, презрительных душою, —
Дерзнем достойных увенчать!
Любимцу ль Фебову за призраком гоняться?
Любимцу ль Фебову во прахе пресмыкаться
И унижением Фортуны обольщать?
Потомство раздаст венцы и посрамленье:
Дерзнем свой мавзолей в алтарь преобразить!
О слава, сердца восхищенье!
О жребий сладостный — в любви
потомства жить!

ДРУЖБА

Скатившись с горной высоты,
 Лежал на прахе дуб, перунами разбитый;
 А с ним и гибкий плющ, кругом его обвитый...
 О Дружба, это ты!

ОПУСТЕВШАЯ ДЕРЕВНЯ

О родина моя, Обурн благословенный!
 Страна, где селянин, трудами утомленный,
 Свой тягостный удел обильем услаждал,
 Где ранний луч весны приятнее блистал,
 Где лето медлило разлукою с полями!
 Дубравы тихие с тенистыми главами!
 О сени счастья, друзья весны моей, —
 Ужель не возвращу блаженства оных дней,
 Волшебных, райских дней, когда, судьбой забвенный,
 Я миром почитал сей край уединенный!
 О сладостный Обурн! как здесь я счастлив был!
 Какие прелести во всем я находил!
 Как все казалось мне всегда во цвете новом!
 Рыбачья хижина с соломенным покровом,
 Крылатых мельниц ряд, в кустарнике ручей;
 Густой, согбенный дуб с дерновою скамьей,
 Любимый старцами, любовникам знакомый;
 И церковь на холме, и скромны сельски дома —
 Все мой пленяло взор, все дух питало мой!

Когда ж, в досужный час, шумящею толпой
Все жители села под древний вяз стекались —
Какие тьмы утех очам моим являлись!
Веселый хоровод, звучащая свирель,
Сраженья, спорный бег, стрельба в далеку цель,
Проворства чудеса и силы испытанье,
Всеобщий крик и плеск победы в воздаянье,
Отважные скачки, искусство плясунов,
Свобода, резвость, смех, хор песней, гул рогов,
Красавиц робкий вид и тайное волненье,
Старушек бдительных угрюмость, подозренье,
И шутки юношей над бедным пастухом,
Который, весь в пыли, с уродливым лицом,
Стоя в кругу, смешил своею простотою,
И живость стариков за чашей круговою —
Вот прежние твои утхи, мирный край!
Но где они? Где вы, луга, цветущий рай?
Где игры поселян, весельем оживленных?
Где пышность и краса полей одушевленных?
Где счастье? где любовь? Исчезло все — их нет!..

О родина моя, о сладость прежних лет!
О нивы, о поля, добычи запустенья!
О виды скорбные развалин, разрушенья!
В пустыню обращен природы пышный сад!
На тучных пажитях не вижу резвых стад!
Унылость на холмах! В окрестности молчанье!
Потока быстрый бег, прозрачность и сверканье
Исчезли в густоте болотных диких трав!
Ни тропки, ни следа под сеньями дубрав!
Все тихо! все мертво! замолкли песней клики!
Лишь цапли в пустыре пронзительные крики,
Лишь чибиса в глуши печальный, редкий стон,
Лишь тихий вдалеке звонков овечьих звон
Повременно сие молчанье нарушают!
Но где твои сыны, о край утех, блуждают?
Увы! отчуждены от родины своей!
Далеко странствуют! Их путь среди степей!
Их бедственный удел — скитаться без покрова!..

Погибель той стране конечная готова,
Где злато множится и вянет цвет людей!

Презренно счастье вельможей и князей!
Их миг один творит и миг уничтожает!
Но счастье поселян с веками возрастает;
Разрушившись, оно разрушится навек!..

Где дни, о Альбион, как сельский человек,
Под сенью твоего могущества почтенный,
Владелец нив своих, в трудах не угнетенный,
Природы гордый сын, взлелеян простотой,
Богатый здравием и чистою душой,
Убожества не знал, не лстылся благ стяжаньем
И был стократ блажен сокровищей незнаньем?
Дни счастья! Их нет! Користною рукой
Оратай отчужден от хижины родной!
Где прежде нив моря, блистая, волновались,
Где роции и холмы стадами оглашались,
Там ныне хищников владычество одно!
Там все под горами богатств погребено!
Там муками сует безумие страдает!
Там роскошь посреди сокровищ издыхает!
А вы, часы отрад, невинность, тихий сон!
Желанья скромные! надежды без препон!
Златое здравие, трудов благословенье!
Беспечность! мир души! в заботах наслажденье! —
Где вы, прелестные? Где ваш цветущий след?
В какой далекий край направлен ваш полет?
Ах! с вами сельских благ и доблестей не стало!..
О родина моя, где счастье процветало!
Прошли, навек прошли твои златые дни!
Смотрю — лишь пустыри заглохшие одни,
Лишь дичь безмолвную, лишь тундры обретаю!
Лишь ветру, в боке свистящему, внимаю!
Скитаюсь по полям — все пусто, все молчит!
К минувшим ли часам душа моя летит?
Ищу ли хижины рыбацкой под рекою
Иль дуба на холме с дерновою скамьею —
Напрасно! Скрылось все! Пустыня предо мной!
И воспоминание сменяется тоской!..

Я в свете странник был, пещец уединенный! —
Влача участок бед, творцом мне уделенный,
Я сладкою себя надеждой обольщал

Там кончить мирно век, где жизни дар приял!
В стране моих отцов, под сенью древ знакомых,
Исторгшись из толпы заботами гнетомых,
Свой тусклый пламенник от траты сохранить
И дни отшествия покоем озлатить!
О гордость!.. Я мечтал, в сих хижинах

забвенных,

Слыть чудом посреди оратаев смиренных;
За чарой, у огня, в кругу их толковать
О том, что в долгий век мог слышать и видать!
Так заяц, по полям станицей псов гонимый,
Измученный бежит опять в лесок родимый!
Так мнил я, переждав изгнанничества срок,
Прийти, с остатком дней, в свой отчий уголок!
О, дни преклонные в тени уединенья!
Блажен, кто юных лет заботы и волненья
Венчает в старости беспечной тишиной!..

ПОСЛАНИЕ ЭЛОИЗЫ К АБЕЛЯРУ

В сих мрачных келиях обители святой,
 Где вечно царствует задумчивый покой,
 Где, умиленная, над хладными гробами,
 Душа беседует, забывшись, с небесами,
 Где вера в тишине святыне слезы льет
 И меланхолия печальная живет, —
 Что сердце мирных весталки возмутило?
 Что в нем потухший огонь опять воспламенило?
 Какой волшебный глас, какой прелестный вид
 Увядающую в тоске опять животворит?
 Увы! еще люблю!.. Исчезни, заблужденье!
 Сей трепет внутренний, сие души волненье
 При виде милых строк знакомых руки,
 Сие смешение восторга и тоски —
 Не суть ли признаки любви непобежденной?
 Супруг мой, Абельяр! О имя незабвенно!
 Дерзну ль священный храм тобою огласить?
 Дерзну ли с Творческим тебя сокупить,
 Простертая в пыли, молясь пред алтарями?
 О страшные черты! да смою их слезами!
 Преступница! к кому, что смеешь ты писать?
 Кого в обителях святыни призывать?
 Небесный твой супруг во гневе пред тобою!
 Творец, творец! смягчись! вотще борюсь с собою!
 Где власть против любви? Чем сердце укротить?
 Каким могуществом сей пламень потушить?

О стены мрачные! о скорбных заточенье!
 Пустыней страшный вид! лесов уединенье!
 О дикие скалы, изрытые мольбой!

О храм, где близ мощей, с лампадой пробовой,
И юность и краса угаснуть осужденны!
О лики хладные, слезами орошенны!
Могу ль, подобно вам, в душе окаменеть?
Могу ль, огнем любви сгорая, охладеть?
Ах, нет! не божество душой моей владеет!
Она тобой, тобой, супруг мой, пламенеет!
К тебе, мой Абеляр, с молитвами летит!
Тебя в жару, в тоске зовет, боготворит!..
Ах, тщетно рвать себя, вотще томить слезами!

Когда руки твоей столь милыми чертами
Мой взор был поражен — вся сладость прежних
дней,

Все незабвенные часы любви твоей
Воскресли предо мной! О чувств очарованье!
О невозвратного блаженства воспоминанье!
О дни волшебные, которых больше нет!
Вотще, мой Абеляр, твой глас меня зовет —
Простись — навек, навек! — с погибшей Элоизой!
Во мгле монастыря, под иноческой ризой,
В кипенье пылких лет, с толь пламенной душой,
Томиться, увядать, угаснуть — жребий мой!
Здесь вера грозная все чувства умерщвляет!
Здесь славы и любви светильник не пылает!

Но нет!.. пиши ко мне! пиши! Соединим
Мучение мое с мучением твоим!
О мысль отрадная! о сладкое мечтанье!
С тобою духом жить! с тобой делить страданье!
Делить? Почто ж делить? Пусть буду я одна,
Мой друг, мой Абеляр, страдать осуждена!
Пиши ко мне! Писать — небес изобретенье!
Любовница в тоске, любовник в заточенье, —
Быть может, некогда нашли блаженство в нем!
Как сладко, разлучась, беседовать с пером!
Черты волшебные, черты одушевленные!
Черты, святым огнем любви воспламененны!
Им страстная душа вверяет жребий свой!
В них дева робкая с сердечной простотой
Все тайны пылких чувств, весь жар свой изливает!
В них все протекшее для сердца оживает!
Почто ж протекших дней ничто не возвратит?
Когда любовь твоя, принявши дружбы вид,

В небесной красоте очам моим явилась —
С какой невинностью душа моя пленилась!
Ты мне представился несмертным существом!
Каким твой взор сиял пленительным лучом!
Сколь был красноречив, любовью озаренный!
Земля казалась мне со мною обновленной!
Я в сладкой неге чувств, с открытою душой,
Без страха, все забыв, стояла пред тобой;
Ты с силой божества, с небесным убеждением,
Любовь изображал всех благ соединеньем!
Твой глас доверенность во грудь мою вливал!
Ах! как легко меня сей глас очаровал!
В объятиях твоих, в сладчайшем иступленье,
В непостижимом блаженства упоенье,
Могла ль я небесам не предпочесть тебя!
Могла ли не забыть людей, творца, себя!

ПЕСНЯ

Когда я был любим, в восторгах, в наслажденье,
Как сон пленительный, вся жизнь моя текла.
Но я тобой забыт, — где счастья привиденье?
Ах! счастьем моим любовь твоя была!

Когда я был любим, тобою вдохновенный,
Я пел, моя душа хвалою твоей жила.
Но я тобой забыт, погиб мой дар мгновенный:
Ах! гением моим любовь твоя была!

Когда я был любим, дары благоденья
В обитель нищеты рука моя несла.
Но я тобой забыт, нет в сердце состраданья!
Ах! благостью моей любовь твоя была!

САФИНА ОДА

Блажен, кто близ тебя одним тобой пылает,
Кто прелестью твоих речей обворожен,
Кого твой ищет взор, улыбка восхищает, —
С богами он сравнен!

Когда ты предо мной, в душе моей волненье,
В крови палящий огонь! в очах померкнул свет!
В трепещущей груди и скорбь и наслажденье!
 Ни слов, ни чувства нет!

Лежу у милых ног, горю огнем желанья!
Блаженством страстных тоски утомлена!
В слезах, вся трепещу без силы, без дыханья!
 И жизни лишена!

ИДИЛЛИЯ

Когда она была пастушкою простой,
Цвела невинностью, невинностью блистала,
Когда слыла в селе *девичьей красотой*
И кудри светлые цветами убирала —
Тогда ей нравились и пенистый ручей,
И луг, и сень лесов, и мир моей долины,
Где я пленял ее свирелию моей,
Где я так счастлив был присутствием Алины.
Теперь... теперь прости, души моей покой!
Алина гордая — столицы украшеньё;
Увы! окружена ласкателей толпой,
За лесть их отдала любви боготворенье,
За пышный злата блеск — душистые цветы;
Свирели тихий звук Алину не прельщает;
Алина предпочла блаженству суеты;
Собою занята, меня в лицо не знает.

ВЕЧЕР

Элегия

Ручей, виющийся по светлому песку,
Как тихая твоя гармония приятна!
С каким сверканьем катишься ты в реку! —
 Приди, о муза благодатна,

В венке из юных роз, с цевницею златой;
Склонись задумчиво на пенистые воды

И, звуки оживив, туманный вечер пой
На лоне дремлющей природы.

Как солнца за горой пленителен закат, —
Когда поля в тени, а рощи отдаленны
И в зеркале воды колеблющийся прад
Багряным блеском озаренны;

Когда с холмов златых стада бегут к реке
И рева гул премит звучнее над водами;
И, сети склав, рыбак на легком челноке
Плывет у берега меж кустами;

Когда пловцы шумят, сбликаясь по стругам,
И веслами струи согласно рассекают;
И, плуги обратив, по глыбистым браздам
С полей оратаи съезжают...

Уж вечер... облаков померкнули края,
Последний луч зари на башнях умирает;
Последняя в реке блестящая струя
С потухшим небом угасает.

Все тихо: рощи спят; в окрестности покой;
Простершись на траве под ивой наклоненной,
Внимаю, как журчит, сливаясь с рекой,
Поток, кустами осененный.

Как слит с прохладою растений фимиам!
Как сладко в тишине у берега струй плесканье!
Как тихо веянье зефира по водам
И гибкой ивы трепетанье!

Чуть слышно над ручьем колышется тростник;
Глас петела вдали уснувши будит селы;
В траве коростеля я слышу дикий крик,
В лесу стенанье филомелы...

Но что?.. Какой вдали мелькнул волшебный луч?
Восточных облаков хребты воспламенились;
Осыпан искрами во тьме журчащий ключ;
В реке дубравы отразились.

Луны ущербный лик встает из-за холмов...
О тихое небес задумчивых светило,
Как зыблется твой блеск на сумраке лесов!
Как бледно брег ты озлатило!

Сию задумавшись; в душе моей мечты;
К протекшим временам лечу воспоминаньем...
О дней моих весна, как быстро скрылась ты
С твоим блаженством и страданьем!

Где вы, мои друзья, вы, спутники мои?
Ужели никогда не зреть соединенья?
Ужель иссякнули всех радостей струи?
О вы, погибши наслажденья!

О братья! о друзья! где наш священный круг?
Где песни пламенны и музам и свободе?
Где Вакховы пиры при шуме зимних вьюг?
Где клятвы, данные природе,

Хранить с огнем души нетленность братских уз?
И где же вы, друзья?.. Иль всяк своей тропой,
Лишенный спутников, влача сомнений груз,
Разочарованный душою,

Тащиться осужден до бездны гробовой?..
Один — минутный цвет — почил, и непробудно,
И гроб безвременный любовь кропит слезой.
Другой... о небо правосудно!..

А мы... ужель дерзнем друг другу чужды быть?
Ужель красавиц взор, иль почестей исканье,
Иль суетная честь приятным в свете слыть
Загладят в сердце воспоминанье

О радостях души, о счастье юных дней,
И дружбе, и любви, и музам посвященных?
Нет, нет! пусть всяк идет вослед судьбе своей,
Но в сердце любит незабвенных...

Мне рок судил: брести неведомой стезей,
Быть другом мирных сел, любить красоты природы,
Дышать под сумраком дубравной тишиной
И, взор склонив на пенны воды,

Творца, друзей, любовь и счастье воспевать.
О песни, чистый плод невинности сердечной!
Блажен, кому дано цевницей оживлять
Часы сей жизни скоротечной!

Кто, в тихий утра час, когда туманный дым
Ложится по полям и холмы облачает
И солнце, восходя, по рощам голубым
Спокойно блеск свой разливают,

Спешит, восторженный, оставя сельский кров,
В дубраве упредить пернатых пробужденье
И, лиру соглася с свирелью пастухов,
Поет светила возрожденье!

Так, петь есть мой удел... но долго ль?..
Как узнать?..

Ах! скоро, может быть, с Минваною унылой
Придет сюда Альпин в час вечера мечтать
Над тихой юноши могилой!

ПЕСНЬ БАРДА НАД ГРОБОМ СЛАВЯН-ПОБЕДИТЕЛЕЙ

«Ударь во звонкий щит! стекитесь, ополченны!
Умолкла брань — враги утихли расточенны!
Лишь пар над пеплом сел густой;
Лишь волк, сокрытый ноци мглой,
Очами блещущий, бежит на лов обильный;
Зажжем костер дубов; изroyте ров могильный;
Сложите на щиты поверженных во прах:
Да холм вещает здесь векам о бранных днях,
Да камень здесь хранит могущих след священной!»

Гремит... раздался гул в дубраве пробужденной!
Стеклись; вождей и ратных сонм;
Глухой полнощи тьма кругом;

Пред ними вещий бард, венчаный сединою,
И падших страшный ряд, простертых на щитах.
Объяты думою, с поникнутой главою;

На грозных лицах кровь и прах;
На копья оперлись; средь них костер пылает,
И с свистом горный ветер их кудри воздымает.
И се! воздвигся холм, и камень водружен;
И дуб, краса полей, воспитанный веками,
Склонил главу на дерн, потоком орошен;

И се! могущими перстами
Певец ударил по струнам —
Одушевленные забряцали!
Воспел — дубравы застенали,
И гул помчался по горам:

«О сладких песней мать, певица битв священна,
О бардов лира вдохновенна!

Проснись — да оживет хвала в твоих струнах!
Да тени бранные низринутых во прах,
Скитаясь при луне по тучам златорунным,
Сойдут на мрачный дол, где мир над пеплом их,
Обвороченные бряцаньем тихострунным.
Как пали сильные? Как сильных гром утих?
Где вы, сыны побед? Где славных воев сила?
Ответствуй, мрачная бестрепетных могила!..
Как орлий со скалы пустившийся птенец,
Впервые восшумев отважными крылами,
Близ солнца зря трудов и поприща конец,
Парит, превыспренный, и вдруг, небес громами
Сожженный посреди стремленья к высотам,

В гремящих тучах исчезает...

Так пал с победой росс! паденье — страх врагам.

О битвы грозный вид! смотри! перун сверкает!
Се мчатся! грудь на грудь! дружин сомкнутых сонм!

Средь дымных вихрей бой и пром;
По шлемам звук мечей; коней пронзенных ржанье
И труб стозвучный треск. От топота копыт,
От прения бойцов, от кликов и стенанья
Смятенный воет бор и дол, гремя, дрожит.

О страшный вид попорванных боем!
Тот зыблется в крови, с глухим кончаясь воем!

Тот, вихрем мчась, погиб бесстрашных впереди;
Тот, шуйцей рану сжав, десной изнеможенной
Оторванну хоругвь скрывает на груди;
Тот страшно восстал, на копья восхищенной,
И, сверженный во прах, дымясь, оцепенел...
О мужество славян! о витязей предел!

Хвала на жертву принесенным
За родших, братий и супруг;
Хвала отчества хранителям священным!
Хвала, хвала тебе, о падший славы друг!
Пускай безвестный погибает,
Сей житель праха — червь душой;
Пусть в дольном мраке жизнь годами исчисляет...
Бессмертья сын, твой рок громовой течь стезей;
Пари, блистай, превознесенный;
Погибнешь в высоте — весь мир твой мавзолей;
Бесславный ждет, томясь, кончины вялых дней,
До времени во мгле могилы погребенный;
Равны концом и час и век;
Разлука с жизнью миг, завтра или ныне;
Перуном ли угас, незримый ли протек;
Царем или рабом судьбине.

Блажен почивший на громах
В виду отчизны благодарной,
И в гробе супротивным страх,
И в гробе озарен денницей лучезарной;
Блажен погибший в цвете лет...
О юноша, о ты, бессмертью приобщенный!
Коль быстро совершен твой выпренный полет;
Вот он, низринутый на щит окровавленный,
Поник геройскою главою;
Над ним кончины час; уж взор недвижный тмится...
Но к кровным, но к друзьям, но к родине святой
Еще с лучом любви, еще с тоской стремится;
Не сетуй, славы сын; оставь сей жизни брег;
Ты смерть предупредил, на одр честей возлег;
Ты спутник в гроб неустрасливых.
Увы! завидна ль часть веригой лет томимых?
Герой, одряхший под венком,
Приникший к костылю израненным челом;

Могущих пережив, оставленный друзьями,
Отвсюду окружен возлюбленных гробами,
Усталый ждет конца — и смерть ему покой:
Блажен, кто славный путь со славой довершает;
Когда венки и честь берет во прах с собой.
И, в лаврах поседев, на лаврах угасает!

Здесь, братья, вечно мирны вы!
Почийте сладко, незабвенны!
О вы — ловца пожрав, в сетях погибши львы!
О спутники побед, коварством низложенны!
Бесстрашных персть — потомству дар.
О вас сей будет холм беседовать с веками:
Он сильным возвестит, как пали вы с громами;
Он в чадах ваших чад родит ко славе жар.

Здесь бард грядущих лет, объят глубокой думой,
В тот час, как всюду мрак полунощи угрюмой,
Когда безмолвен дол, и месяц из-за туч
Повременно свой лик задумчивый являет,
И серна, прискакав на шумный в камнях ключ,
Недвижно, робкая, журчанью струй внимает, —
К протекшим воспарит векам,
Пробудит звоном струн насуспенну дубраву
И, мыслию стремясь великих по следам,
Из персти воззовет давно почивших славу.

Здесь, в сумраке воссев,
Пришед из края дальна,
Краса славянских дев,
Задумчива, печальна,
Тоску прольет в слезах
И, грудью воспаленной
Припав на хладный прах,
Могила мир священной
Рыданьем возмутит.
Увы! здесь в сонме падших
Герой прелестный спит;
Здесь радостей увядших
Ее последний след.
Воскреснут воспоминанья
О благах прежних лет,
О днях очарованья,

О днях любви святой;
Воскреснет час разлуки,
Когда, летящий в бой,
Приемля громы в руки,
Друг сердца, сильным страх,
Красою образ Дяда,
С унынием в очах,
С блистаньем Световида,
Сказал: прости навек!
Шелом надвинул бранный,
Вздыхнул, как вихрь потек;
И с сонмом ратных сил исчез в дали туманной.
Сюда придет отчизны сын,
Героев племя, славянин,
Делами предков распаленный;
Обымет павших гроб и вонмет глас священный,
И нему из глубины рекущий: будь велик!
Предстанут пред него протекших ратей бой
И в молнийных браздах вождей победы лик!
Почийте! мирный сон, о братья, о герои!..»

Умолк... и струн исчез в пустынном небе звон,
И отзыв по горам и дебри усыпились;
Сонм бранных скорбью осенен:
Их взоры на курган недвижные вперились;
Безгласны, в грозной тишине;
На лицах мщенья жар — их груди гнев спирает,
И ярости немой в зеницах огонь пылает.
Молчат — окрест покой, — над ними в вышине,
Из туч, влекущихся грядою,
Бросая тихий блеск на дебрь, и дол, и лес,
Луна невидимой стезею
Среди полунощных небес
Свершает, мирная, свой ток уединенный.
Но се! таинственным видением во мгле
Певец воспрянул пораженный;
Седины дыбом на челе;
Смятение в очах и в членах трепетанье;
Как вихорь на курган он с лирой возлетел...
Волшебной раздалось бряцанье...
И снова мощный глас пророка загремел:

Там лавроносная отчизна в ожиданье.

О витязи! за вами вслед

Славянских дев любовь, возлюбленных желанье:

Да боги их души с трофеями побед

По бранях притекут, отмстив, непосрамленны.

За вами их мольбы летят воспламененны.

Вонмите и супруг, и чад, и юных дев,

Вонмите, воины, моленье;

Воззрите на отцев коленопреклоненье;

Во славе, посреди могущих поседев,

Подъемят к небесам трепещущие длани

И молят: царь судеб, за них, за них во брани!

О, сколь возвышенны спасающие нас!

(В восторге сердца восклицают

Возлюбленны, узрев на бой текущих вас.)

Какие молнии во взоре их блистают!

Коль прозен ополченных сонм!

О, сколь пленительны, неся во дланях пром!

Они ль не полетят на крыльях мести к бою,

Они ль, оставивши все блага за собою?

О незабвенные, о слава наших дней,

Грядите — благодать самих небес над вами;

Враги да будут снедь мечей;

Да вскоре бранными венками

Священные главы отмстивших обовьем,

О час блаженнейший свиданья!

Летят — в крови, в пыли, теснятся в отчий дом!

Благословенья, лобызанья!

Восторг души, лишенной слов!

Супруги, в божий храм; встречайте женихов

В одежде брачной, обрученны;

Да льется слез бальзам на раны их священны;

Отрем с ланит геройских прах;

Да видом не страшат, ни грозными бронями

Отцы, на колыбель склоненны над сынами.

А вы, недвижные пред нами на щитах,

Безгласные среди молитв и ликований,

О падшие друзья, о прах полубогов,

Примите скорбный дар и стонов и лобзаний

От жен рыдающих, от родших и сынов.

Могущественный глас, мы ль хладны пред тобою?

Кошье во длань! воздвигни щит!

Вперед на огонь и меч громовую стеною!
Уж горный наш орел перунами гремит;
Уж гордо распростер крыла перед полками.
Внимайте... Супостат с погибелью течет;
Земля трясется под конями:
«Попру стопою!» — вопиет.
Ударим! упредим! не россу посрамленье!
Кто смерти предпочесть дерзнет порабощенье?
Кто сограждан и стыд и плен?
От родины святой беглец отриновен;
Страшись он отческия сени;
Ему ли осязать родителя колени?
Ему ли старца грудь священную лобзать?
Он враг своих друзей; он низкий жизни тать.
Нет! нет! всей мощью поражение
Низринем, россы, на врагов!
Не нам, не нам стенать под бременем оков!
Не нам предать и жен и чад на развращенье!
Отчизне ль нашей быть добычей их когтей?
Иль диво нам карать надменных?
О росс, о ужас дерзновенных!
Пусть смеют испытать, где мощь руки твоей,
Уснули ль полчища орлины,
Которых гром возжег эвксинские пучины
И скандинавского на прах повергнул льва?
Явись, сразившая сарматов булава!»
Умолк... и сонмы всколебались...
Щитами грянули... чрез холм, сквозь дебрь и лес,
Воспламененные помчались...
И праха черный вихрь вознесся до небес.

**СТАРИК К МОЛОДОЙ
И ПРЕКРАСНОЙ ДЕВУШКЕ**

Мадригал

Как сладостно твоим присутствием пленяться!
И как опасно мне словам твоим внимать!
Ах, поздно старику надеждой обольщаться,
Но поздно ль, не имев надежды, обожать?

**МАРТЫШКА,
ПОКАЗЫВАЮЩАЯ КИТАЙСКИЕ
ТЕНИ**

Творцы и прозой и стихами,
Которых громкий слог пугает весь Парнас,
Которые понять себя не властны сами,
Поймите мой рассказ!

Один фигляр в Москве показывал мартышку
С волшебным фонарем. На картах ли гадать,

Взбираться ль по шнуру на крышку,
Или кувёркаться и вприсядку плясать

По гибкому канату,
Иль спичкой выпрямясь, под шляпою с пером,
На задни лапки став, ружьем,
Как должно прусскому солдату,
Метать по слову артикул:

Потап всему горазд. Не зверь, а утешенье

Однажды в воскресенье
Хозяин, подкурив, на улице заснул.

Потапке торжество. «Уж то-то погуляю!

И я штукарь! И я народ как тешить знаю!»

Бежит, зовет гостей:

Индюшек, поросят, собак, котят, гусей!

Сошлись. «Сюда! Сюда! скорей скамьи, подушки
В закуту господам!

Добро пожаловать; у входа ни полушки,
Из чести игрище!» Уж гости по местам,
Приносится фонарь, все окна затворились,

И свечи потушились.

Потап, в суконном колпаке,

С указкою в руке,
С жеманной харею, явился пред собором;
Пренизкий всем поклон;
Потом с кадушки речь, как Цицерон:
Заставил всех зевать и хлопать целым хором!
Довольный похвалой,
С картинкою стекло тотчас в фонарь вставляет!
«Смотрите: вот луна, вот солнце! — возглашает. —
Вот с Евою Адам, скоты, ковчег и Ной!
Вот славный царь-горох с морковкою-царицей!
Вот журка-долгонос обедает с лисицей!
Вот небо, вот земля... Что? видно ли?»

Глядят,

Моргают, морщатся, кряхтят!
Напрасно! Нет следа великолепной сцены!
«По чести, — кот шепнул, — кудрявых много слов!
Но, бог с ним, где он взял царей, цариц, скотов!
Зги божьей не видать! одни в потемках стены!»

«Темно, соседushка, скажу и я, —

Примолвила свинья. —

Мне видится! вот!.. вот!.. я, правда, близорука!
Но что-то хорошо! Ой старость! то-то скука!
Уж было бы о чем с детьми поговорить!»
Индейка крикала, хлоп-хлоп сквозь сон глазами.
А наш Потап? Кричит, премит, стучит ногами!
Одно лишь позабыл: фонарь свой осветить!

СОКОЛ И ГОЛУБКА

Голубку сокол драл в когтях.
«Попалась! ну, теперь оставь свои затеи!
Плутовка! знаю вас! ругательницы, змеи!
Ваш род соколю вечный враг!
Есть боги-мстители!» — «Ах, я б того желала!» —
Голубка, чуть дыша, измятая стенала.
«Как! как! отступница! не веровать богам!
Не верить силе провиденья!
Хотел тебя пустить; не стоишь; вижу сам.
Умри! безбожным нет прощенья!»

Мартышки тешились лаптой;
 Вот как: одна из них, сидя на пне, держала
 В коленях голову другой;
 Та, лапки на спину, зажмурясь, узнавала,
 Кто бил. — Хлоп-хлоп! «Потан, проворней!
 Кто?» — «Мирошка!» —

«Соврал!» — И все, как бесы, врозь!
 Прыжки; кувёрканье вперед, и взад, и вкось;
 Крик, хохот, писк! Одна мяукает, как кошка,
 Другая, ноги вверх, повисла на суку;
 А третья ну скакать сорокой по песку!

Такого поискать веселья!
 Вдруг из лесу на шум выходит лев,
 Ученый, смирный принц, брат внучатный царев:
 Ботанизировал по роще от безделья.

Мартышкам мат;
 Ни пикнут, струсили, дрожат!
 «Здесь праздник! — лев сказал. — Что ж тихо?
 Забавляйтесь!

Играйте, детушки, не опасайтесь!
 Я добр! Хотите ли, и сам в игру войду!» —
 «Ах! милостивый князь, какое снисхожденье!
 Как вашей светлости быть с нами наряду!
 С мартышками играть! ваш сан! наш долг!
 почтенье!..» —

«Пустое! что за долг! я так хочу! смелей!
 Не все ли мы равны! Вы б сами то ж сказали,
 Когда бы так, как я, философов читали!
 Я, детушки, не чван! Вы знатности моей
 Не трусьте! Ну, начнем!» Мартышки верть глазами
 И, веря (как и все) приветника словам,
 Опять играть; гвоздят друг друга по рукам.
 Брат царский хлоп! и вдруг под царскими когтями

Из лапки брызжет кровь ключом!
 Мартышка — ой! — и прочь, тряся хвостом,
 Кто бил, не думав, отгадала;

Однако промолчала.
 Хохочет князь; другие, рот скривя,
 Туда ж за барином смеются,
 Хотя от смеха слезы льются;

И задом, задом, в лес! Бегут и про себя
Бормочут: не играй с большими господами!
Добрейшие из них — с когтями!

КОТ И ЗЕРКАЛО

Невежды-мудрецы, которых век проходит
В искании таких вещей,
Каких никто никак в сем мире не находит,
Последуйте коту и будьте поумней!

На дамском туалете
Сидел Федотка-кот
И чистил морду... Вдруг, глядь в зеркало: Федот
И там. Точь-в-точь! сходней двух харей нет
на свете.
Шерсть дыбом, прыг к нему и мордой щелк
в стекло,

Мяукнул, фыркнул!.. «Понимаю!
Стекло прозрачное! он там! поймаю!»
Бежит... О чудо! — никого.
Задумался: куда б так скоро провалиться?
Бежит назад! Опять Федотка перед ним!
«Постой, я знаю как! уж быть тебе моим!»
Наш умница верхом на зеркало садится,
Боясь, чтоб, ходя вокруг, кота не упустить.
Или чтоб там и тут в одну минуту быть!
Припал, как вор, вертит глазами;
Две лапки здесь, две лапки там;
Весь вытянут, мурчит, глядит по сторонам;
Нагнулся... Вот опять хвост, лапки, нос с усамп.
Хвать-хвать! когтями цап-царап!
Дал промах, сорвался и бух на столик с рамы;
Кота же нет как нет. Тогда, жалея лап
(Заметьте, мудрецы упрямы!)
И ведать не хотя, чего нельзя понять,
Федот наш зеркалу поклон отвесил низкий;
А сам отправился с мышами воевать,
Мурлыча про себя: «Не все к нам вещи близки!
Что тягостно уму, того не нужно знать!»

СМЕРТЬ

Однажды Смерть послала в ад указ,
Чтоб весь подземный двор, не более как в час,
На выбор собрался в сенате,
А заседанью быть в аудиенц-палате.
Ее величеству был нужен фаворит,
Обычнее — министр. Давно уж ей казалось, —
Как и история то ясно говорит, —
Что адских жителей в приходе уменьшалось.
Идут пред страшный трон владычицы своей —
Горячка бледная со впалыми щеками,
Подагра, чуть тащась на паре костылей,
И жадная Война с кровавыми глазами.
За ловкость сих бояр поруки мир и ад,
И Смерть их приняла с уклонкой уваженья!
За ними, опустив смиренно-постный взгляд,
Под мышкою таща бичи опустошенья,
Является Чума;
Грех молвить, чтоб и в ней достоинств не сыскалось:
Запас порядочный ума!
Собрание всколебалось.
«Ну! — шепчут. — Быть министром ей!» —
Но сценка новая: полсотни врачей
Попарно, в шаг идут и, став пред Смертью рядом,
Поклон ей! «Здравствовать царице много лет!»
Чтоб лучше видеть, Смертьхватила за лорнет.
Анатомирует хирургов строгим взглядом.
В сомненье ад! как вдруг пороков шумный вход
Отвлек монархини внимание.
«Как рада! — говорит. — Теперь я без хлопот!»
И выбрала *Невоздержанье*.

СОН МОГОЛЬЦА

Однажды доброму могольцу снился сон,
Уж подлинно чудесный:
Вдруг видит, будто он,
Какой-то силой неизвестной,

В обитель вознесен всевышнего царя
И там — подумайте — находит визиря.
Потом открылася пред ним и пропасть ада.
Кого ж — прошу сказать — узнал он в адской мгле?
Дервиша... Да, дервиш, служитель Орозмада,
В котле,

В клокочущей смоле
На ужин дьяволам варился.
Моголец в страхе пробудился;
Скорей бежать за колдуном;
Поклоны в пояс; бьет челом:
«Отец мой, изъясни чудесное виденье». —
«Твой сон есть божий глас, — колдун ему в ответ. —
Визирь в раю за то, что в области сует,
Средь пышного двора, любил уединенье.
Дервишу ж поделом; не будь он суесвят;
Не ползай перед тем, кто силен и богат;
Не суйся к визирям ходить на поклоненье».

Когда б, не бывши колдуном,
И я прибавить мог к словам его два слова,
Тогда смиренно вас молил бы об одном:
Друзья, любите сень родительского крова;
Где ж счастье, как не здесь, на лоне тишины,
С забвением сует, с беспечностью свободы?
О блага чистые, о сладкий дар Природы!
Где вы, мои поля? Где вы, любовь весны?
Страна, где я расцвел в тени уединенья,
Где сладость тайная во прудь мою лилась.
О рощи, о друзья, когда увижу вас?
Когда, покинув свет, опять без принужденья
Вкушать мне вашу сень, ваш сумрак и покой?
О! кто мне возвратит родимые долины?
Когда, когда и Феб и дщери Мнемозины
Придут под тихий кров беседовать со мной?
При них мои часы весельем окрыленны;
Тогда постигну ход таинственных небес
И выпренных светил стези неоткровенны.
Когда ж не мой удел познание сих чудес,
Пусть буду напоен лесов очарованьем;
Пускай пленяюся источников журчаньем,

Пусть буду воспевать их блеск и тихий ток!
Нить жизни для меня совется не из злата;
Мой низок будет кров, постеля не богата;
Но меньше ль бедных сон и сладок и глубок?
И меньше ль он души невинной услажденье?
Ему преобразу мою пустыню в храм;
Придет ли час отбыть к неведомым брегам —
Мой век был тихий день, а смерть успокоенье.

СТАРЫЙ КОТ И МОЛОДОЙ МЫШОНОК

Один неопытный мышонок
У старого кота под лапою пищал
И так его, в слезах, на жалость преклонял:
«Помилуй, дедушка! Ведь я еще ребенок!
Как можно крошечке такой, как я,
Твоим домашним быть в отягощенье?
Твоя хозяйшкa и вся ее семья
Придут ли от меня, малютки, в разоренье?
И в чем же мой обед? Зерно, а много два!
Орех мне — на неделю!
К тому ж теперь я худ! Едва-едва
Могу дышать! Вчера оставил лишь постелю;
Был болен! Потерпи! Пусти меня пожить!
Пусть деточки твои меня изволят скушать!» —
«Молчи, молокосос! тебе ль меня учить?
И мне ли, старику, таких рассказов слушать!
Я кот и стар, мой друг! прощенья не жди,
А лучше, без хлопот, поди
К Плутону, милости его отведасть!
Моим же деточкам всегда есть что обедать!»
Сказал, мышонка цап; тот пискнул и припал.
А кот, покушавши, ни в чем как не бывал!

Ужель рассказ без поученья?
Никак, читатель, есть!
Всем юность льстит себя! все мыслит приобрести!
А старость никогда не знает сожаленья!

КАПЛУН И СОКОЛ

Приветы иногда злых умыслов прикраса.

Один

Московский гражданин,

Пришлец из Арзамаса,

Матюшка-долгохвост, по промыслу каплун,

На кухню должен был явиться

И там на очаге с кухмистером судиться.

Вся дворня взбегалась: цып! цып! цып! цып! —
Шалун

Проворно,

Смекнувши, что беда,

Давай бог ноги! «Господа,

Слуга покорный!

По мне, хотя весь день извольте горло драть,
Меня вам не прельстить учтивыми словами!

Теперь: цып! цып! а там меня щипать,

Да в печку! да, сморчами

Набивши брюхо мне, на стол меня! а там

И поминай как звали!»

Тут сокол-крутонос, которого считали

По всей округности примером всем бойцам,

Который на жерди, со спесью соколиной,

Раздувши зоб, сидел

И с смехом на гоньбу глядел,

Сказал: «Дурак каплун! с такой, как ты, скотипой

Из силы выбился честной народ!

Тебя зовут, а ты, урод,

И нос отворотил, оглох, ко всем спиною!

Смотри пожалуй! я тебе ль чета? но так

Не горд! лечу на свист! глухарь, дурак,

Постой! хозяин ждет! вся дворня за тобою!»

Каплун, кряхтя, пыхтя, советнику в ответ:

«Князь сокол, я не глух! меня хозяин ждет?

Но знать хочу, зачем? а этот твой приятель,

Который в фартуке, как вор с ножом,

Так чванится своим узорным колпаком,

Конечно, каплунов усердный почитатель?

Прогневался, что я не падок к их словам!

Но если б соколам,

Как нашей братье каплунам,
На кухне заглянуть случилось
В горшок, где б в кипятке их княжество варилось,
Тогда хозяйский свист и их бы не провел;
Тогда б, как скот каплун, черкнул и князь сокол!»

КОТ И МЫШЬ

Случилось так, что кот Федотка-сыроед,
Сова Трофимовна-сопунья,
И мышка-хлебница, и ласточка-прыгунья,
Все плуты, сколько-то не помню лет,
Не вместе, но в одной дуплистей, дряхлой ели
Пристанище имели.
Подметил их стрелок и сетку — на душло.
Лишь только ночь от дня свой сумрак отделила
(В тот час, как на полях ни темно, ни светло,
Когда, не видя, ждешь небесного светила),
Наш кот из норки шасть и прямо бряк под сеть.
Беда Федотушке! приходит умереть!
Копышется, хлопочет,
Взмяукался мой кот,
А мышка-вор — как тут! ей пир, в ладоши бьет,
Хохочет.
«Соседушка, нельзя ль помочь мне? — из сетей
Сказал умильно узник ей. —
Бог добрым воздаянье!
Ты ж, нещечко мое, душа моя, была,
Не знаю почему, всегда мне так мила,
Как свет моих очей! как днёвное сиянье!
Я нынче к заутрене спешил
(Всех набожных котов обыкновенье),
Но, зная, неведеньем пред богом погрешил,
Зная, окаянному за дело искушенье!
По воле вышнего под сеть попал!
Но гневный милует: несчастному в спасенье
Тебя мне бог сюда послал!
Соседка, помоги!» — «Помочь тебе! злодею!
Мышатнику! Коту! С ума ли я сошла!
Избавь его себе на шею!» —

«Ах, мышка! — молвил кот. — Тебе ль хочу я зла?
Напротив, я с тобой сейчас в союз вступаю!

Сова и ласточка твои враги:

Прикажешь, в миг их уберу!» — «Я знаю,
Что ты сладёна-кот! но слов побереги:
Меня не обмануть таким красивым слогом!

Глуха я! оставайся с богом!»

Лишь хлебница домой,
А ласточка уж там: назад! на ель взбираться!
Тут новая беда: столкнулася с совой.

Куда деваться?

Опять к коту; грызть, грызть тенета! удалось!

Благочестивый распутлялся;
Вдруг ловчий из лесу с дубиной появился,
Союзники скорей давай бог ноги, врозь!

И тем все дело заключилось.

Потом опять коту увидеть мышь случилось,

«Ах! друг мой, дай себя обнять!

Боишься? Постыдись; твой страх мне оскорбленье!

Грешно союзника врагом своим считать!

Могу ли позабыть, что ты мое спасенье,

Что ты моя вторая мать?» —

«А я могу ль не знать,

Что ты котище-объедало?

Что кошка с мышкою не ладят никогда!

Что благодарности в вас духу не бывало!

И что по нүжде связь не может быть тверда?»

СОКОЛ И ФИЛОМЕЛА

Летел сокол. Все куры всхлопотались

Скликать цыплят; бегут цыпляточки, прижались

Под крылья к маткам; ждут, чтобы нанасть прошла.

Певица филомела,

Которая в лесу пустынницей жила

И в тот час, на беду, к подружке полетела

В соседственный лесок,

Попалась к соколу. «Помилуй, — умоляет, —

Ужели соловьев соколий род не знает!

Какой в них вкус! один лишь звонкий голосок,

И только! Вам, бойцы, грешно нас, певчих, кушать!
Не лучше ль песенки моей послушать?

Прикажешь ли? спую

Про ласточку, сестру мою...
Как я досталась безбожнику Терею...» —
«Терей! Терей! я дам тебе Терей, тварь!
Годится ль твой Терей на ужин?» —

«Нет, он царь!

Увы! сему злодею

Я вместе с Прогною сестрой
На жертву отдана безжалостной судьбой!
Склони соколий слух к несчастной горемыке!
Гармония мила чувствительным сердцам!...» —
«Конечно! натошак и думать о музыке!
Другому пой! я глух!» — «Я нравлюсь и царям!» —
«Царь дело, я другое!
Пусть царь и тешится музыкою твоей!
Для нас, охотников, она — пустое!
Желудок тощий — без ушей!»

ПОХОРОНЫ ЛЬВИЦЫ

В лесу скончалась львица.
Тотчас ко всем зверям повестка. Двор и знать
Стеклись последний долг покойнице отдать.

Усопшая царица

Лежала посреди пещеры на одре,

Покрытом кожею звериной;

В углу, на алтаре

Жгли ладан, и Потап с смиренной облизиной —
Потап-мартышка, ваш знакомец, — в нос гнуся,

С запинкой, заунывным тоном,

Молитвы бормотал. Все звери, принося
Царице скорби дань, к одру с земным поклоном
По очереди шли, и каждый в лапу чмок,
Потом поклон царю, который, над женою
Как каменный сидя и дав свободный ток

Слезам, кивал лишь молча головою

На все поклонников приветствия в ответ.

Потом и вынос. Царь был голо́сом, кáтался
От горя по земле, а двор за ним вослед
Ревел, и так ревел, что гулом возмущался

Весь дикий и обширный лес;

Еще ж свидетели с божбой нас уверяли,
Что суслик-камергер без чувств упал от слез
И что лисицу с час мартышки оттирали!
Я двор зову страной, где чудный род людей:
Печальны, веселы, приветливы, суровы;
По виду пламенны, как лед в душе своей;

Всегда на все готовы;

Что царь, то и они; народ — хамелеон,
Монарха обезьяны;

Ты скажешь, что во всех единый дух вселен;

Нё люди, сущие органы:

Завел — поют, забыл завести — молчат.

Итак, за гробом все и воют и мычат.

Не плачет лишь олень. Причина? Львица съела

Жену его и дочь. Он смерть ее считал

Отмщением небес. Короче, он молчал.

Тотчас к царю лиса-лестюха подлетела

И шепчет, что олень, бессовестная тварь,

Смеялся под рукою.

Вам скажет Соломон, каков во гневе царь!

А как был царь и лев, он гривую густою

Затряс, хвостом забил,

«Смеяться, — возопил, —

Тебе, червяк? Тебе! над их стена́ньем!

Когтей не посрамлю преступника терза́ньем;

К волкам его! к волкам!

Да вмиг расторгнется ругатель по частям,

Да казнь его смирит в обителях Плутона

Царицы оскорбленной тень!»

Олень,

Который не читал пророка Соломона,

Царю в ответ: «Не сетуй, государь,

Часы стенаний миновались!

Да жертву радости положим на алтарь!

Когда в печальный ход все звери собирались

И я за ними вслед бежал,

Царица пред меня в сиянье вдруг предстала;

Хоть был я ослеплен, но вмиг ее узнал.

— Олень! — святая мне сказала, —
Не плачь, я в области богов
Беседую в кругу зверей преображенных!
Утешь со мною разлученных!
Скажи царю, что там венец ему готов! —
И скрылась». — «Чудо! откровенье!» —
Воскликнул хором двор.
А царь, ослабя взор,
Сказал: «Оленю в напражденье
Даем два луга, чин и лань!»
Не правда ли, что лесть всегда приятна дань?

ЭПИГРАММЫ

* * *

«Ты драму, Фефил, написал?» —
«Да! как же удалась! как сыграна! не чаешь!
Хотя бы кто-нибудь для смеха просвистал!» —
«И! Фефил, Фефил! как свистать, когда зеваешь?»

ЭПИТАФИЯ ЛИРИЧЕСКОМУ ПОЭТУ

Здесь кончил век Памфил, без толку од певец!
Сей грешный человек — прости ему творец! —
По смерти жить сбирался,
Но заживо скончался!

* * *

С повязкой на глазах за шалости Фемида! —
Уж наказание! уж подлинно обида!
Когда вам хочется проказницу унять,
Так руки ей связать.

НОВОПОЖАЛОВАННЫЙ

«Приятель, отчего присел?» —
«Злодей корону на меня надел!» —
«Что ж, я не вижу в этом зла!» —
«Ох, тяжела!».

* * *

Не знаю почему, по дружбе или так,
Папуре вздумалось меня визитом мучить;
Папура истинный чужак,
Скучает сам, чтоб мне наскутить!

* * *

Для Клима все как дважды два!
Гораций, Ксенофонт, Бова,
Лаланд и Гершель астрономы,
И Мирамонд¹ и Мушенброк
Ему, как нос его, знакомы.
О всем кричит, во всем зырок!
Судить о музыке начните:
Наш Клим первейший музыкант!
О торге речь с ним заведите:
Он вмиг торгош и фабрикант!
Чего в нем нет? Он метафизик,
Платоник, коновал, маляр,
Статистик, журналист, бочар,
Хирургус, проповедник, физик,
Поэт, каретник, то и то,
Клим, словом, все! И Клим — ничто!

* * *

Трим счастья искал ползком и тихомолком;
Нашел — и грудь вперед, нос вздернул, весь иной!
Кто втерся в чин лисой,
Тот в чине будет волком.

* * *

Румян французских штукатура,
Шатер — не шляпа на плечах;
Под шалью тощая фигура,
Вихры на лбу и на щеках,

¹ Старинный русский роман. (Прим. Жуковского.)

Одежды легкой подозрение;
На перстне в десять крат алмаз —
Все это, смертным в удивление,
По свету возят напоказ
В карете модно золоченой
И называют — Альцидоной!

* * *

Сей камень над моей возлюбленной женой!
Ей там, мне здесь покой!

НОВЫЙ СТИХОТВОРЕЦ И ДРЕВНОСТЬ

Едва лишь что сказать удастся мне счастливо,
Как Древность заворчит с досадой: «Что за диво!
Я то же до тебя сказала, и давно!»
Смешна беззубая! Вольно
Ей после не прийти к невежде!
Тогда б сказал я то же прежде.

* * *

Барма, нашед Фому чуть жива, на отходе,
«Скорее! — закричал, — изволь мне долг платить!
Уж завтраков теперь не будешь мне сулить!» —
«Ох! брат, хоть умереть ты дай мне на свободе!» —
«Вот, право, хорошо: хочу я посмотреть,
Как ты, не заплатив, изволишь умереть!»

* * *

Ты сердисься за то, приятель мой Гарпас,
Что сын твой по ночам сундук твой посещает!
И философия издревле учит нас,
Что скупость воровство рождает.

* * *

О непостижное злоречие уму!
Поверю ли тому,
Чтобы, Морковкина, ты волосы чернила?
Я знаю сам, что ты их черные купила.

* * *

«Скажи, чтоб там потише были! —
Кричал повытчику судья. —
Уже с десяток дел решили,
А ни единого из них не слышал я!»

* * *

У нас в провинции нарядней нет Любви!
По моде с ног до головы:
Наколки, цвет лица, помаду, зубы, брови —
Все получает из Москвы!

ТОСКА ПО МИЛОМ

Песня

Дубрава шумит;
 Сбираются тучи;
 На берег зыбучий
 Склонившись, сидит
 В слезах, пригорюнясь, девица-краса;
 И полночь и буря мрачат небеса;
 И черные волны, вздымаясь, бушуют;
 И тяжкие вздохи грудь белу волнуют.

«Душа отцвела;
 Природа уныла;
 Любовь изменила,
 Любовь унесла
 Надежду, надежду — мой сладкий удел.
 Куда ты, мой ангел, куда улетел?
 Ах, полно! я счастьем мирским насладилась:
 Жила, и любила... и друга лишилась.

Теките струей
 Вы, слезы горючи;
 Дубравы дремучи,
 Тоскуйте со мной.
 Уж боле не встретить мне радостных дней;
 Простилась, простилась я с жизнью моей:
 Мой друг не воскреснет; что было, не будет...
 И бывшего сердца повек не забудет.

Ах! скоро ль пройдут
Унылые годы?
С весною — природы
Красы расцветут...

Но сладкое счастье не дважды цветет.
Пускай же драгое в слезах оживет;
Любовь, ты погибла; ты, радость, умчалась;
Одна о минувшем тоска мне осталась».

К ФИЛАЛЕТУ

Послание

Где ты, далекий друг? Когда прервем разлуку?
 Когда прострешь ко мне ласкающую руку?
 Когда мне встретить твой душе понятный взгляд
 И сердцем отвечать на дружбы глас священный?..
 Где вы, дни радостей? Придешь ли ты назад,
 О время прежнее, о время незабвенно?
 Или веселие навеки отцвело
 И счастье мое с протекшим протекло?..
 Как часто о часах минувших я мечтаю!
 Но чаще с сладостью конец воображаю,
 Конец всему — души покой,
 Конец желаньям, конец воспоминаньям,
 Конец борению и с жизнью и с собой...
 Ах! время, Филалет, свершиться ожиданиям.
 Не знаю... но, мой друг, кончины сладкий час
 Моей любимой мечтою становится;
 Унылость тихая в душе моей хранится;
 Во всем внимаю я знакомый смерти глас.
 Зовет меня... зовет... куда зовет?.. не знаю;
 Но я зовущему с волнением внимаю;
 Я сердцем сопряжен с сей тайною страпою,
 Куда нас всех влачит судьба неодолима;
 Томящейся душе невидимая зрима —
 Повсюду вестники могилы предо мной.
 Смотрю ли, как заря с закатом угасает, —
 Так, мнится, юноша цветущий исчезает;
 Внимаю ли рогам пастушьим за горой,
 Иль ветра горного в дубраве трепетанью,

Иль тихому ручья в кустарнике журчанью,
Смотрю ль в туманну даль вечернею порой,
К клавиру ль преклонясь, гармонии внимаю —
Во всем печальных дней конец воображаю.
Иль предвещание в унынии моем?
Или судил мне рок в весенни жизни годы,
Сокрывшись в мраке гробовом,
Покинуть и поля, и отческие воды,
И мир, где жизнь моя бесплодно расцвела?..
Скажу ль?.. Мне ужасов могила не являет;
И сердце с горестным желаньем ожидает,
Чтоб промысла рука обратно то взяла,
Чем я безрадостно в сем мире бременился,
Ту жизнь, в которой я столь мало насладился,
Которую давно надежда не златит.
К младенчеству ль душа прискорбная летит,
Считаю ль радости минувшего — как мало!
Нет! счастье к бытию меня не приучало;
Мой юношеский цвет без запаха отцвел.
Едва в душе своей для дружбы я созрел —
И что же!.. предо мной увядшего могила;
Душа, не воспылав, свой пламень угасила.
Любовь... но я в любви нашел одну мечту,
Безумца тяжкий сон, тоску без разделенья
И невозвратное надежд уничтоженье.
Иссякшие души наполню ль пустоту?
Какое счастье мне в будущем известно?
Грядущее для нас протекшим лишь прелестно.
Мой друг, о нежный друг, когда нам не дано
В сем мире жить для тех, кем жизнь для нас
священна,
Кем добродетель нам и слава драгоценна,
Почто ж, увы! почто судьбой запрещено
За счастье их отдать нам жизнь сию бесплодную?
Почто (дерзну ль спросить?) отъял у нас творец
Им жертвовать собой свободу превосходную?
С каким бы торжеством я встретил мой конец,
Когда б всех благ земных, всей жизни приношеньем
Я мог -- о сладкий сон! — той счастье искупить,
С кем жребий не судил мне жизнь мою делить!..
Когда б стократными и скорбью и мученьем
За каждый миг ее блаженства я платил:

Тогда б, мой друг, я рай в сем мире находил
И дня, как дара, ждал, к страданью пробуждаясь;
Тогда, надеждою отрадною питаюсь,
Что каждый жизни миг погибшия моей
Есть жертва тайная для блага милых дней,
Я б смерти звать не смел, страшился бы могилы.
О незабвенная, друг милый, вечно милый!
Почто, повергнувшись в слезах к твоим ногам,
Почто, лобзая их горящими устами,
От сердца не могу воскликнуть к небесам:
«Все в жертву за нее! вся жизнь моя пред вами!»
Почто и небеса не могут внять мольбам?
О безрассудного напрасное моленье!
Где тот, кому дано святое наслажденье
За милых слезы лить, страдать и погибать?
Ах, если б мы могли в сей области изгнанья
Столь восхитительно презренну жизнь кончать —
Кто б небо оскорбил безумием роптанья!

К НИНЕ

Романс

О Нина, о мой друг! ужель без сожаленья
Покинешь для меня и свет и пышный град?
И в бедном шалаше, обители смиренья,
На сельский променяв блестящий свой наряд,
Не украшенная ни златом, ни парчою,
Сияя для пустынь невидимой красою,
Не вспомнишь прежних лет, как в городе цвела
И несравненною в кругу Прелест слыла?

Ужель, направля путь в далекую долину,
Назад не обратишь очей своих с тоской?
Готова ль пренести убожества судьбину,
Зимы жестокий хлад, палящий лета зной?
О ты, рожденная быть прелестью природы!
Ужель, затворница, в весенни жизни годы
Не вспомнишь сладких дней, как в городе цвела
И несравненною в кругу Прелест слыла?

Ах! будешь ли в бедах мне верная подруга?
Опасности со мной дерзнешь ли разделить?
И, в горький жизни час, прискорбного супруга
Усмешкою любви придешь ли оживить?
Ужель, во глубине души тая страданья,
О Нина! в страшную минуту испытанья
Не вспомнишь прежних лет, как в городе цвела
И несравненною в кругу Прелест слыла?

В последнее любви и радостей мгновенье,
Когда мой Нину взор уже не различит,
Утешит ли меня твое благословенье
И смертную мою постелю усладит?
Придешь ли украшать мой тихий гроб цветами?
Ужель, простертая на прах мой со слезами,
Не вспомнишь прежних лет, как в городе цвела
И несравненною в кругу Прелест слыла?

ПЕСНЯ

Мой друг, хранитель-ангел мой,
О ты, с которой нет сравненья,
Люблю тебя, дышу тобой;
Но где для страсти выраженья?
Во всех природы красотах
Твой образ милый я встречаю;
Прелестных вижу — в их чертах
Одну тебя воображаю.

Беру перо — им начертать
Могу лишь имя незабвенной;
Одну тебя лишь прославлять
Могу на лире восхищенной:
С тобой, один, вблизи, вдали.
Тебя любить — одна мне радость;
Ты мне все блага на земли;
Ты сердцу жизнь, ты жизни сладость.

В пустыне, в шуме городском
Одной тебе внимать мечтаю;
Твой образ, забываясь сном,

С последней мыслию сливаю;
Приятный звук твоих речей
Со мной во сне не растается;
Проснусь — и ты в душе моей
Скорей, чем день очам коснется.

Ах! мне ль разлуку знать с тобой?
Ты всюду спутник мой незримый;
Молчишь — мне взор понятен твой,
Для всех других неизъяснимый;
Я в сердце твой приемлю глас;
Я пью любовь в твоём дыханье...
Восторги, кто постигнет вас,
Тебя, души очарованье?

Тобой и для одной тебя
Живу и жизнью наслаждаюсь;
Тобою чувствую себя;
В тебе природе удивляюсь.
И с чем мне жребий мой сравнить?
Чего желать в толь сладкой доле?
Любовь мне жизнь — ах! я любить
Еще стократ желал бы боле.

МАЛЬВИНА

Песня

С тех пор, как ты пленен другою,
Мальвина вянет в цвете лет;
Мне свет прелестен был тобою;
Теперь — прости, прелестный свет!
Ах! не отринь любви моления:
Приди... не сердце мне отдать,
Но взор потухший мой принять
В минуту смертного томленья.

Спеши, спеши! близка кончина;
Смотри, как в час последний свой
Твоя терзается Мальвина
Стыдом, любовью и тоской;

Не смерти страшной содроганье,
Не тусклый, безответный взгляд
Тебе, о милый, возвестят,
Что жизни кончилось страданье.

Ах, нет!.. когда ж Мальвины муку
Не услаждает твой приход;
Когда хладеющую руку
Она тебе не подает;
Когда забыт мой друг единый,
Мой взор престал его искать,
Душа престала обожать:
Тогда — тогда уж нет Мальвины!

ГИМН

О бoге нам гласит времен круговращенье,
О благодати его — исполненный им год.
Творец! весна — твоей любви изображение:
Воскреснули поля; цветет лазурный свод;
Веселые холмы одеты красотою;
И сердце растворил желаний тихий жар.
Ты в лете, окружен и зноем и грозою,
То мирный, благодостный, несешь нам зрелость в дар,
То нам благодотворишь, сокотрый туч громадой.
И в полдень пламенный и ноци в тихий час,
С дыханием дубрав, источников с прохладой,
Не твой ли к нам летит любви полный глас?
Ты в осень обций пир готовишь для творенья;
И в зиму, гневный бог, на бурных облаках,
Во ужас облечен, с грозой опустошенья,
Паришь, погибельный... как дольный гонимый прах,
И вьюгу, и метель, и вихорь пред собою;
В развалинах земля; природы страшен вид;
И мир, оцепенев пред Сильного рукою,
Хвалебным трепетом творца благовестит.
О таинственный круг! каких законов сила
Слияла здесь красу с чудесной простотой,
С великолепием приятность согласила,
Со тьмою — дивный свет, с движением — покой,

С неизменяемым единством — измененье?
Почто ж ты, человек, слепец среди чудес?
Признай окрест себя Руки напечатленье,
От века правящей течением небес
И строем мирных сфер из тьмы недостижимой.
Она весной красу низводит на поля;
Ей жертва дым горы, перунами дробимой;
Пред нею в трепете веселия земля.
Воздвигнись, спящий мир! внуши мой глас, создашь!
Да грянет ваша песнь Чудесного делам!
Слиянные в хвалу, слиянны в обожанье,
Да гимн ваш потрясет небес огромных храм!..
Журчи к нему любовь под тихой сенью леса,
Порхая по листьям, душистый ветерок;
Вы, ели, наклонясь с седой главы утеса
На светлый, о скалу биющийся поток,
Его приветствуйте таинственною мглою;
О нем благовести, крылатых бурей свист,
Когда трепещет брег, терзаемый волною,
И, сорванный с лесов, крутится клубом лист;
Ручей, невидимо журчащий под дубравой,
С лесистой крутизны ревущий водопад,
Река, блестящая средь дебрей величаво,
Кристаллом отразив на бреге пышный град,
И ты, обитель чуд, бездонная пучина,
Гремите песнь тому, чей бурь звучнейший глас
Велит — и зыбь горой; велит — и зыбь равнина.
Вы, злаки, вы, цветы, лети к нему от вас
Хвалебное с полей, с лугов благоуханье:
Он дал вам аромат, он вас кропит росой,
Из радужных лучей соткал вам одеянье;
Пред ним утихни, дол; поникни, бор, главой;
И, жатва, трепещи на ниве оживленной,
Пленяя шорохом мечтателя своим,
Когда он, при луне, вдоль рощи осребренной,
Идет задумчивый, и тень вослед за ним;
Луна, по облакам разлей струи златые,
Когда и дебрь, и холм, и лес в тумане спят;
Созвездий лик, сияй средь тверди голубья,
Когда струнами лир превыспренних звучат
Воспламененные любовью серафимы;

И ты, светило дня, смиритель бурных туч,
Будь щедростию лик творца боготворимый,
Ему живописуй хвалу твой каждый луч...
Се гром!.. Владыки глас!.. Безмолвствуй, мир
смятенный,

Внуши... Из края в край по тучам гул гремит;
Разрушена скала; дымится дуб сраженный;
И гимн торжественный чрез дебри вдаль парит...
Утих... красуйся, луг... приветственное пенье,
Изникни из лесов; и ты, любовь весны —
Лишь полночь принесет пернатым усыпление
И тихий от холма восстанет рог луны —
Воркуй под сению дубравной, филомела.
А ты, глава земли, творения краса,
Наследник ангелов бессмертного удела,
Сочти бесчисленны созданья чудеса
И в горнее пари, хвалой воспламененный.
Сердца, слиянны в песнь, летите к небесам;
Да грады восшумят, мольбами оглашенны;
Да в храмах с алтарей восстанет фимиам;
Да грянут с звоном арф и с ликами органы;
Да в селах, по горам и в сумраке лесов
И пастыря свирель, и юных дев тимпаны,
И звучные рога, и шумный глас певцов
Один составят гимн и гул отгрянет: слава!
Будь, каждый звук, хвала; будь, каждый холм,
алтарь;

Будь храмом, каждая тенистая дубрава, —
Где, мнится, в тайной мгле сокрыт природы царь,
И веют в ветерках душистых серафимы,
И где, возведши взор на светлый неба свод,
Сквозь зыблемую сеть ветвей древесных зримый,
Певец в задумчивом восторге слезы льет.

А я, животворим созданья красотою,
Забуду ли когда хвалебный глас мольбы?
О Испытанный! мой пламень пред тобою!
Куда б ни привела рука твоей судьбы,
Найду ли тишину под отческою сенью,
Беспечный друг полей, возлюбленных в кругу —
Тебя и в знойный день, покрытый рощи тенью,

И в ночь, задумчивый, потока на берегу,
И в обиталищах страдания забвенных,
Где бедность и недуг, где рок напечатлел
Отчаянья клеймо на лицах искаженных,
Куда б, влеком тобой, с отрадой я летел,
И в час торжественный полночного виденья,
Как струны, пробудясь, отвечают перстам
И дух воспламенен восторгом песнопенья —
Тебя велю искать и сердцу и очам.
Постигнешь ли меня гонения рукою —
Тебя ж благословит тоски молящий глас;
Тебя же обрету под грозной жизни мглою.
Ах! скоро ль прилетит последний, скорбный час,
Конца и тишины желанный возвеститель?
Промчись, печальная неведения тень!
Откройся, тайный брег, утраченных обитель!
Откройся, мирная, отеческая сень!

РАССТРОЙКА СЕМЕЙСТВЕННОГО СОГЛАСИЯ

Жил муж в согласии с женой,
И в доме их ничто покоя не смущало!
Ребенок, моська, кот, сурок и чиж ручной
В таком ладу, какого не бывало
И в самом Ноевом ковчеге никогда!
Но вот беда!
Случился праздник! муж хлебнул — и в спор
с женою!
Что ж вышло? За язык вступилася рука!
Супруг супруге дал щелчка!
Жена сечь сына, сын бить моську, моська с бою
Душить и мять кота, кот лапою сурка,
Сурок перекусил чижу с досады шею.

Нередко целый край один глупец смущал!
И в наказание могущему злодею
Нередко без вины бессильный погибал.

БРУТОВА СМЕРТЬ

Бомбастофил, творец трагических уродов,
Из смерти Брутовой трагедию создал.
«Не правда ли, мой друг, — Тиманту он сказал, —
Что этот Брут дойдет и до чужих народов?» —
«Избави бог! Твой Брут — примерный
патриот —
В отечестве умрет!».

К НИНЕ

Послание

О Нина, о Нина, сей пламень любви
Ужели с последним дыханьем угаснет?
Душа, отлетая в незнаемый край,
Ужели во прахе то чувство покинет,
Которым равнялась богам на земле?
Ужели в минуту боренья с кончиной —
Когда уж не буду горящей рукой
В слезах упоенья к трепещущей груди,
Восторженный, руку твою прижимать,
Когда прекратятся и сердца волненье,
И пламень ланитный — примета любви,
И тайные страсти во взорах сиянье,
И тихие вздохи, и сладкая скорбь,
И груди безвестным желаньем стеснение —
Ужели, о Нина, всем чувствам конец?
Ужели ни тени земного блаженства
С собою в обитель небес не возьмем?
Ах! с чем же предстанем ко трону Любви?
И то, что питало в нас пламень души,
Что было в сем мире предчувствием неба,
Ужели то бездна могилы пожрет?
Ах! самое небо мне будет изгнаньем,
Когда для бессмертья утрачу любовь;
И в области райской я буду печально
О прежнем, погибшем блаженстве мечтать;
Я с завистью буду — как бедный затворник
Во мраке темницы о нежной семье,

О прежних весельях родительской сени,
Прискорбный, тоскует, на цепи склонясь, —
Смотреть, унывая, на милую землю.
Что в вечности будет заменой любви?
О! первая встречи небесная сладость —
Как тайные, сердца создания, мечты,
В единый слившийся пленительный образ,
Являются смутной весельем душе —
Уныния прелесть, волненье надежды,
И радость и трепет при встрече очей,
Ласкающий голос — души восхищенье,
Могущество тихих, таинственных слов,
Присутствия сладость, томленье разлуки,
Ужель невозвратно вас с жизнью терять?
Ужели, приближась к безмолвному гробу,
Где хладный, навеки бесчувственный прах
Горевшего прежде любовью сердца,
Мы будем напрасно и скорбью очей
И прежде всеильным любви призываньем
В бесчувственном прахе любовь оживлять?
Ужель из-за гроба ответа не будет?
Ужель переживший один сохранит
То чувство, которым так сладко делился;
А прежний спутник, кем в мире он жил,
С которым сливался тоской и блаженством,
Исчезнет за гробом, как утренний пар
С лучом, озлатившим его, исчезает,
Развеянный легким зефира крылом?..
О Нина, я внемлю таинственный голос:
Нет смерти, вещает, для нежной любви;
Возлюбленный образ, с душой неразлучный,
И в вечность за нею из мира летит —
Ей спутник до сладкой минуты свиданья.
О Нина, быть может, торжественный час,
Посланник разлуки, уже надо мною;
Ах! скоро, быть может, погаснет мой взор,
К тебе устремляясь с последним блистаньем;
С последнею лаской утихнет мой глас,
И сердце забудет свой сладостный трепет —
Не сетуй и верой себя улаждай,
Что чувства нетленны, что дух мой с тобою;
О сладость! о смертный, блаженнейший час!

С тобою, о Нина, теснейшим союзом
Он страстную душу мою сопряжет.
Спокойся, друг милый, и в самой разлуке
Я буду хранитель невидимый твой,
Невидимый взору, но видимый сердцу;
В часы испытанья и мрачной тоски
Я в образе тихой, небесной надежды,
Беседуя скрытно с твоею душой,
В прискорбную буду вливать утешенье;
Под сумраком ночи, когда понесешь
Отраду в обитель недуга и скорби,
Я буду твой спутник, я буду с тобой
Делиться священным добра наслажденьем;
И в тихий, священный моления час,
Когда на коленях, с блистающим взором,
Ты будешь свой пламень к творцу воссылать,
Быть может тоскуя о друге погибшем,
Я буду молитвы невинной души
Носить в умиление к небесному трону.
О друг незабвенный, тебя окружив
Невидимой тенью, всем тайным движениям
Души твоей буду в веселье внимать;
Когда ты — пленившись потока журчаньем,
Иль блеском последним угасшего дня
|(Как холмы объемлет задумчивый сумрак
И, с бледным вечерним мерцаньем, в душу
О радостях прежних мечта воскресает),
Иль сладостным пеньем вдали соловья,
Иль веющим с луга душистым зефиром,
Несущим свирели далекия звук,
Иль стройным бряцаньем полуночной арфы —
Нежнейшую томность в душе ощутишь,
Исполнишься тихим, унылым мечтаньем
И, в мир сокровенный душою стремясь,
Присутствие бога, бессмертья награду,
И с милым свиданье в безвестной стране
Яснее постигнешь, с живейшею верой,
С живейшей надеждой от сердца вздохнешь...
Знай, Нина, что друга ты голос внимаешь,
Что он и в веселье и в тихой тоске
С твоею душою сливается тайно.
Мой друг, не страшися минуты конца:

Посланником мира, с лучом утешенья
Ко смертной постели приникнув твоей,
Я буду игрою небесных арф
Последнюю муку твою услаждать;
Не вопли услышишь грозящие смерти,
Не ужас могилы узришь пред собой:
Но глас восхищенный, поющий свободу,
Но светлый ведущий к веселию путь
И прежнего друга, в восторге свиданья
Манящего ясной улыбкой тебя.
О Нина, о Нина, бессмертье наш жребий.

МОЯ БОГИНЯ

Какую бессмертную
 Венчать предпочтительно
 Пред всеми богинями
 Олимпа надзвездного?
 Не спору с питомцами
 Разборчивой мудрости,
 Учеными, строгими;
 Но свежей гирляндю
 Венчаю веселую,
 Крылатую, милую,
 Всегда разнovidную,
 Всегда животворную,
 Любимицу Зевсову,
 Богиню Фантазию.
 Ей дал он те вымыслы,
 Те сны благотворные,
 Которыми в области
 Олимпа надзвездного
 С амврозией, с нѣктаром
 Подчас утешается
 Он в скуке бессмертия;
 Лелея с усмешкою
 На персях родительских,
 Ее величает он
 Богинею-радостью.
 То в утреннем веянѣ
 С лилейною веткою,
 Одета ризою,

Сотканной из нежного
Денницы сияния,
По долу душистому,
По холмам муравчатым,
По облакам утренним
Малиновкой носится;
На ландыш, на лилию,
На цвет-незабудочку,
На травку дубравную
Спускается пчелкою;
Устами пчелиными
Впиваясь в листики,
Пьет росу медвяную;
То, кудри с небрежностью
По ветру развеявши,
Во взоре уныние,
Тоской отуманена,
Глава наклоненная,
Сидит на крутой скале,
И смотрит в мечтании
На море пустынное,
И любит прислушивать,
Как волны плескаются,
О камни дробимые;
То внемлет, задумавшись,
Как ветер полуночный
Порой подымается,
Шумит над дубравою,
Качает вершинами
Дерев сеннолиственных;
То в сумраке вечера
(Когда златорогая
Луна из-за облака
Над рощею выглядывает
И, сливши дрожащий луч
С вечерними тенями,
Оденет и лес и дол
Туманным сиянием)
Играет с паядами
По гладкой поверхности
Потока дубравного
И, струек с журчаньем

Мешая гармонию
Волшебного шепота,
Наводит задумчивость,
Дремоту и легкий сон;
Иль, быстро с зефирами
По дремлющим лилиям,
Гвоздикам узорчатым,
Фиалкам и ландышам
Порхая, питается
Душистым дыханием
Цветов, ожемчуженных
Росинками светлыми;
Иль с сонмами гениев,
Воздушною цепию
Виясь, развиваясь,
В мерцании месяца,
Невидима-видима,
По облакам носится
И, к роще спустившись,
Играет листочками
Осины трепещущей.
Прославим создателя
Могущего, древнего,
Зевеса, пославшего
Нам радость — Фантазию;
В сей жизни, где радости
Прямые — луч молнии,
Он дал нам в ней счастье,
Всегда неизменное,
Супругу веселую,
Красой вечно юную,
И с нею нас цепию
Сопряг нераздельною.
«Да будешь, — сказал он ей, —
И в счастье и в горести
Им верная спутница,
Утеха, прибежище».

Другие творения,
С очами незрящими,
В слепых наслаждениях,

С печальями смутными,
Гнетомые бременем
Нужды непреклонная,
Начавшись, кончаются
В кругу, ограниченном
Чертой настоящего,
Минутною жизнью;
Но мы, отличенные
Зевесовой благодатью!..
Он дал нам сопутницу
Игривую, пежпую,
Летунью, искусницу
На милые вымыслы,
Причудницу резвую,
Любимую дочь свою
Богиню Фантазию!
Ласкайте прелестную;
Кажите внимание
Ко всем ее прихотям
Невинным, младенческим!
Пускай почитается
Над вами владычицей
И дома хозяйкою;
Чтоб вотчиму старому,
Брюзгливцу суровому,
Рассудку, не вздумалось
Ее переучивать,
Пугать укоризнами
И мучить уроками.
Я знаю сестру ее,
Степенную, тихую...
Мой друг утешительный,
Тогда лишь простись со мной,
Когда из очей моих
Луч жизни сокроется;
Тогда лишь покинь меня,
Причина всех добрых дел,
Источник великого,
Нам твердость, и мужество,
И силу дающая,
Надежда отрадная!..

ПЕСНЯ

Счастлив тот, кому забавы,
Игры, майские цветы,
Соловей в тени дубравы
И весенних лет мечты
В наслаждение — как и прежде;
Кто на радость лишь глядит,
Кто, веряся надежде,
Птичкой вслед за ней летит.

Так виляет по цветочкам
Златокрылый мотылек;
Лишь к цветку — прильнул к листочкам,
Полетел — забыл цветок;
Сорвана его лилея —
Он летит на анемон;
Что его — то и милее,
Грусть забвеньем лечит он.

Беден тот, кому забавы,
Игры, майские цветы,
Соловей в тени дубравы
И весенних лет мечты
Не в веселье — так, как прежде;
Кто улыбку позабыл;
Кто, сказав: «прости!» надежде,
Взор ко гробу устремил.

Для души моей плененной
Здесь один и был цветок,
Ароматный, несравненный;
Я сорвать!.. но что же Рок?
«Не тебе им насладиться;
Не твоим ему доцвести!»
Ах, жестокий! чем же льститься?
Где подобный в мире есть?

НА СМЕРТЬ ФЕЛЬДМАРШАЛА ГРАФА КАМЕНСКОГО

Еще великий прах... Неизбежимый рок!
Твоя, твоя рука себя нам здесь явила;
О, сколь разительный смирения урок
Сия Каменского могила!

Не ты ль, грядущее пред ним окинув мглой,
Открыл его очам стезю побед и чести?
Не ты ль его хранил невидимой рукой,
Разящего перуном мести?

Пред ним, за ним, окрест зияла смерть и брань;
Сомкнутые мечи на грудь его стремились —
Вотще! твоя над ним горé носилась длань...
Мечи хранимого страшились.

И мнили мы, что он последний встретит час,
Простертый на щите, в виду победных строев,
И, угасающий, с улыбкой вонмет глас
О нем рыдающих героев.

Слепцы!.. сей славы блеск лишь бездну украшал;
Сей битвы страшный вид и ратей низложенья
Лишь гибели мечту очам его являл
И славной смерти привиденье...

Куда ж твой тайный путь Каменского привел?
Куда, могущих вождь, тобой руководимый,
Он быстро посреди победных кликов шел?
Увы!.. предел неотразимый!

В сей таинственный лес, где страж твой обитал,
Где рыскал в тишине убийца сокровенный,
Где, избранный тобой, добычи грозно ждал
Топор разбойника презренный...

СЧАСТИЕ

Блажен, кто, богами еще до рожденья любимый,
На сладостном лоне Киприды взлелеян младенцем;
Кто очи от Феба, от Гермеса дар убеждения принял,
А силы печать на чело — от руки громовержца.
Великий, божественный жребий счастливца постигнул;
Еще до начала сраженья победой увенчан;
Любимец Хариты, пленяет, труда не приемля.
Великим да будет, кто, собственной силы созданье,

Душою превыше и тайны Парки и Рока;
 Но счастье и Граций улыбка не силе подвластны.
 Высокое прямо с Олимпа на избранных небом нисходит;
 Как сердце любовницы, полное тайны страсти,
 Так все громовержца дары неподкупны; единый,
 Закон предпочтенья в жилищах Эрота и Зевса;
 И боги в послании благ повинуются сердцу:
 Им милы бесстрашного юноши гордая поступь,
 И взор непреклонный, владычества смелого полный,
 И волны vlasов, отенивших чело и ланиты.
 Веселому чувствовать радость; слепым, а не зрящим
 Бессмертные в славе чудесной себя открывают:
 Им мил простоты непорочный девственный образ;
 И в скромном сосуде небесное любит скрываться;
 Презреньем надежду кичливой гордыни смиряют;
 Свободные силе и гласу мольбы не подвластны.
 Лишь к избранным с неба орлу-громоносцу Кронион
 Велит ниспускаться — да мчит их в обитель Олимпа;
 Свободно в толпе земнородных заметив любимцев,
 Лишь им на главу налагает рукою пристрастной
 То лавр песнопевца, то власти державной повязку;
 Лишь им предлетит стрелоносный сразитель Пифона,
 Лишь им и Эрот златокрылый, сердец повелитель;
 Их судно трезубец Нептуна, равняющий бездны,
 Ведет с неприступной фортуною Кесаря к берегу;
 Пред ними смиряется лев, и дельфин из пучины
 Хребтом благотворным их, бурей гонимых, изъемлет.
 Над всем красота повелитель рожденный; подобие бога,
 Единым спокойным явленьем она побеждает.
 Не сетуй, что боги счастливица некупленным лавром
 венчают,
 Что он, от меча и стрелы покровенный Кипридой,
 Исходит безвредно из битвы, летя насладиться любовью;
 И менее ль славы Ахиллу, что он огражден невредимым
 Щитом, искованьем Гефестова дивного млата,
 Что смертный единый все древнее небо в смятенье
 приводит?
 Тем выше великий, что боги с великим в союзе,
 Что, гневом его распаляся, любимцу во славу,
 Элленов избраннейших в бездну Тенара низводят.
 Пусть будет красною краса — не завидуй, что прелесть
 ей с неба,

Как лилиям пышность, дана без заслуги Цитерой;
Пусть будет блаженна, пленяя; пленяйся — тебе наслаждение.
Не сетуй, что дар песнопенья с Олимпа на избранных сходит;
Что сладкий певец вдохновеньем невидимой арфы наполнен:
Скрывающий бога в душе претворен и для внемлющих в бога;
Он счастлив собою — ты, им наслаждаясь, блаженствуй.
Пускай пред зеркалом Фемиды венок отдается заслуге —
Но радость лишь боги на смертное око низводят.
Где не было чуда, вотще там искать и счастливца.
Все смертное прежде родится, растет, созревает,
Из образа в образ ведомое зиждущим Кроном;
Но счастья мы и красы никогда в созреванье не видим:
От века они совершенны во всем совершенстве создания;
Не зрим ни единой земныя Венеры, как прежде небесной,
В ее сокровенном исходе из тайных обителей моря;
Как древле Минерва, в бессмертный эгид и шелом ополченна,
Так каждая светлая мысль из главы громовержца родится.

ПЛАЧ ЛЮДМИЛЫ

Ангел был он красотою!
Маем кроткий взор блистал!
Все великою душою
Несравненный превышал!

Поцелуи — сладость рая,
Слитых пламеней струя,
Горних арф игра святая!
Небеса вкушала я!

Взором взор, душа душою
Распалялись — все цвело!
Мир сиял для пас весною,
Все нам радость в дар несло!

Непостижное слиянье
Восхищенья и тоски,
Нежных ласк очарованье,
Огонь сжимающей руки!

Сердца сладостные муки —
Все прости... его уж нет!
Ах! прерви ж печаль разлуки,
Смерть, души последний свет!

НА СМЕРТЬ СЕМНАДЦАТИЛЕТНЕЙ ЭРМИНИИ

Едва с младенчеством рассталась;
Едва для жизни расцвела;
Как непорочность улыбалась
И ангел красотой была.
В душе ее, как утро ясной,
Уже рождался чувства жар...
Но жребий сей цветок прекрасный
Могиле приготовил в дар.
И дни творцу она вручила;
И очи светлые закрыла,
Не сетуя на смертный час.
Так след улыбки исчезает;
Так за долиной умолкает
Минутный филомелы глас.

К ДЕЛИЮ

Умерен, Делий, будь в печали
И в счастья не ослеплен:
На миг нам жизнь бессмертны дали;
Всем путь к Тенару проложен.
Хотя б заботы нас томили,
Хотя б токайское вино
Мы, нежася на дерне, пили —
Умрем: так Дием суждено.

Неси ж сюда, где тополь с ивой
Из ветвий соплетают кров,
Где вьется ручеек игривый
Среди излучистых берегов,
Вино, и масти ароматны,
И розы, дышащие миг.
О Делий, годы невозвратны:
Играй — пока нить дней твоих
У черной Парки под перстами;
Ударит час — всему конец:
Тогда прости и луг с стадами,
И твой из юных роз венец,
И соловья приятны трели
В лесу вечернею порой,
И звук пастушеской свирели,
И дом, и садик над рекой,
Где мы, при факеле Дианы,
Вокруг дернового стола,
Стучим стаканами в стаканы
И пьем из чистого стекла
В вине печалей всех забвенье;
Играй — таков есть мой совет;
Не годы жизнь, а наслажденье;
Кто счастье знал, тот жил сто лет;
Пусть быстрым, лишь бы светлым, током
Промчатся дни чрез жизни луг;
Пусть смерть зайдет к нам ненароком,
Как добрый, но *нежданный* друг.

ПУТЕШЕСТВЕННИК

Песня

Дней моих еще весною
Отчий дом покинул я;
Все забыто было мною —
И семейство и друзья.

В ризе странника убогой,
С детской в сердце простотой,
Я пошел путем-дорогой —
Вера был вожатый мой.

И в надежде, в уверенье
Путь казался недалек,
«Странник, — слышалось, — терпенье!
Прямо, прямо на восток.

Ты увидишь храм чудесный;
Ты в святилище войдешь;
Там в нетленности *небесной*
Все *земное* обретишь».

Утро вечером сменялось;
Вечер утру уступал;
Неизвестное скрывалось;
Я искал — не обретал.

Там встречались мне пучины;
Здесь высоких гор хребты;
Я взбирался на стремнины;
Чрез потоки стлал мосты.

Вдруг река передо мною —
Вод склоненье на восток;
Вижу зыблемый струею
Подле берега челнок.

Я в надежде, я в смятенье;
Предаю себя волнам;
Счастье вижу в отдаленье;
Все, что мило, — мнится — там!

Ах! в безвестном океане
Очутился мой челнок;
Даль по-прежнему в тумане;
Брег невидим и далек.

И вовеки надо мною
Не сольется, как поднесь,
Небо светлое с землею...
Там не будет вечно *здесь*.

К Б(ЛУДОВ)У.

Послание

Веселого пути
 Любезному желаю
 Ко древнему Дунаю;
 Забудь покой, лети
 За русскими орлами;
 Но в поле, под шатрами,
 Друзей воспоминай
 И сердцу милый край,
 Где ждет тебя, уныла,
 Твой друг, твоя Людмила,
 Хранитель-ангел твой...
 С крылатою мечтой
 Проникни сокровенно
 В чертог уединенный,
 Где, с верною тоской,
 С пылающей душой,
 Она одна вздыхает
 И Промысл умоляет:
 Да будет твой покров
 В обители врагов.
 Смотри, как томны очи,
 Как вид ее уныл;
 Ей белый свет постыл;
 Одна, во мраке ночи,
 Сокрылась в терем свой;
 Лампаду зажигает,
 Письмо твое читает
 И робкою рукой

Ответ ко другу пишет,
Где в каждом слове дышит
Души ее печаль.
Лети в безвестну даль;
Твой гений над тобою;
Среди опасна бою
Его незримый цит
Тебя приосенит —
И мимо пролетит
Стрела ужасной Гелы.
Ах! скоро ль твой веселый
Возврат утешит вновь
И дружбу и любовь?..
Для скорби утоленья
Податель благ, Зевес,
Двум жителям небес
Минуты разлученья
Поверил искони.
«Да будут, — рек, — они,
Один — посол разлуки,
Свидания — другой!»
И в час сердечной муки,
Когда, рука с рукой,
В тоске безмолвной, други,
Любовники, супруги
С последнею слезой,
В последнем лобызанье
Последнее прощанье
Друг другу отдают,
Мольбы из сердца льют
И тихими стопами,
С поникшими главами,
В душе скрывая стон,
Идут, осиротелы,
В свой терем опустелый;
Сын Дия Абеон,
Задумчивый, бескрылый,
С улыбкою унылой,
С отрадой скорбных слез,
Спускается с небес,
Ведомый Адеоном,
Который тихим звоном

Волшебных струн своих.
Льет в сердце упование
На близкое свиданье.
Я вижу обоих:
Один с своей тоскою
И тихою слезою,
С надеждою другой.
Прости, мой друг нелестный!
Надолго ль? неизвестно.
Но верую душой
(И вера не обманет):
Желанный день настанет —
Мы свидимся с тобой.

Или... увы! незримо
Грядущее для нас!..
Быть может — в оный час,
Когда ты, невредимо
Свершив опасный путь,
Свободою вздохнуть
Придешь в стране родимой
С Людмилою своей, —
Ты спросишь у друзей:
«Где скрылся друг любимый?»
И что ж тебе в ответ?
«Его уж в мире нет...»
Так, если в цвете лет
Меня возьмет могила
И участь присудила,
Чтоб первый я исчез
Из милого мне круга, —
Друзья, без скорбных слез
На прах взирайте друга.
Где светлою струей
Плескает в брег зеленый
Извивистый ручей,
Где сенистые клены
Сплетают из ветвей
Покров гостеприимный,
Лобзаясь с ветерком;
Туда — лишь над холмом
Луна сквозь облак дымный

При вечере блеснет
И липа разольет
Окрест благоуханье —
Сберитесь, о друзья,
В мое воспоминанье.
Над вами буду я,
Древес под зыбкой сенью,
Невидимою тенью
Летать, рука с рукой
С утраченным Филоном.
Тогда вам тихим звоном
Покинутая мной
На юном клене лира
Пришельцев возвестит
Из таинственна мира,
И тихо пролетит
Задумчивость над вами;
Увидите сердцами
В незнаемой дали
Отечество желанно,
Приют обетованный
Для странников земли.

ПЕСНЬ АРАБА НАД МОГИЛОЮ КОНЯ

Сей друг, кого и ветер в полях не обгонял,
Он спит — на зыбкий одр песков пустынных пал.

О путник, со мною страданья дели:
Царь быстрого бега простерт на земли;
И воздухом брани уже он не дышит;
И грозного ржанья пустыня не слышит;
В стремленье погибель его нагнала;
Вонзенная в шею, дрожала стрела;
И кровь благородна струею бежала;
И влагу потока струя обаграла.

Сей друг, кого и ветер в полях не обгонял,
Он спит — на зыбкий одр песков пустынных пал.

Убийцу сразила моя булава:
На прах отделенна скатилась глава;
Железо вкусило напиток кровавый,
И труп истлевает в пустыне без славы...
Но спит он, со мною летавший на брань;
Трижды воззвал я: спутник мой, встань!
Воззвал... безответен... угаснула сила...
И бранные кости одела могила.

Сей друг, кого и ветер в полях не обгонял,
Он спит — на зыбкий одр песков пустынных пал.

С того ненавистного, страшного дня
И солнце не светит с небес для меня;
Забыл о победе, и в мышцах нет силы;
Брожу одинокий, задумчив, унылый;
Имена доселе драгие края
Уже не отчизна — могила моя;
И мною дорога верблюда забвенна,
И дерево амвры, и куща священна.

Сей друг, кого и ветер в полях не обгонял,
Он спит — на зыбкий одр песков пустынных пал.

В час зноя и жажды скакал он со мной
Ко древу прохлады, к струе ключевой;
И мавра топтали могучи копыта;
И грудь от противных была мне защита;
Мой верный соратник в бою и трудах,
Он, бодрый, при первых денницы лучах,
Стрелую, покорен велению длани,
Летал на свиданья любви и брани.

О друг! кого и ветер в полях не обгонял,
Ты спишь — на зыбкий одр песков пустынных пал.

Ты видел и Зару — блаженны часы! —
Сокровище сердца и чудо красы;
Уста вероломны тебя величали,
И нежные длани хребет твой ласкали;
Ах! Зара, как серна, стыдлива была;
Как юная пальма долины цвела;

Но Зара пришельца пленилась красою
И скрылась... ты, спутник, остался со мною.

Сей друг, кого и ветер в полях не обгонял,
Он спит — на зыбкий одр песков пустынных пал.

О спутник! тоскует твой друг над тобой;
Но скоро, покрыты могилой одной,
Мы вкупе воздремлем в жилище отрады;
Над нами повеет дыханье прохлады;
И скоро, при глазе великого дня,
Из пыльного гроба исторгнув меня,
Величествен, гордый, с бессмертной красою,
Ты пламенной солнца помчишься стезею.

МОЯ ТАЙНА

Вам чудно, отчего во всю я жизнь мою
Так весел? — Вот секрет: *вчера* дарю забвенью,
Покою ныне *отдаю*,
А *завтра* — провиденью!

НА ПРОСЛАВИТЕЛЯ РУССКИХ ГЕРОЕВ, В СОЧИНЕНИЯХ КОТОРОГО НЕТ НИ НАЧАЛА, НИ КОНЦА, НИ СВЯЗИ

Мирон схватил перо, надулся, пишет, пишет
И под собой земли не слышит!
«Пожарский! Филарет! отчества отец!»
Поставил точку — и конец!

К НЕЙ

Имя где для тебя?
 Не сильно смертных искусство
 Выразить прелесть твою!

Лиры нет для тебя!
 Что песни? Отзыв неверный
 Поздней молвы об тебе!

Если бы сердце могло быть
 Им слышно, каждое чувство
 Было бы гимном тебе!

Прелесть жизни твоей,
 Сей образ чистый, священный,
 В сердце, как тайну, ношу.

Я могу лишь любить,
 Сказать же, как ты любима,
 Может лишь вечность одна!

ПЕСНЯ

О милый друг! теперь с тобою радость!
 А я один — и мой печален путь;
 Живи, вкушай невинной жизни сладость;
 В душе не изменись; достойна счастья будь...

Но не отринь, в толпе пленяемых тобою,
Ты друга прежнего, увядшего душою;
Веселья их дели — ему отрадой будь;
Его, мой друг, не позабудь.

О милый друг, нам рок велел разлуку:
Дни, месяцы и годы пролетят,
Вотще к тебе простру от сердца руку —
Ни голос твой, ни взор меня не усадят.
Но и вдали моя душа с твоей согласна;
Любовь ни времени, ни месту не подвластна;
Всегда, везде ты мой хранитель-ангел будь,
Меня, мой друг, не позабудь.

О милый друг, пусть будет прах холодный
То сердце, где любовь к тебе жила:
Есть лучший мир; там мы любить свободны;
Туда моя душа уж все перенесла;
Туда всечасное влечет меня желанье;
Там свидимся опять; там наше воздаянье;
Сей верой сладкою полна в разлуке будь —
Меня, мой друг, не позабудь.

ЖЕЛАНИЕ

Романс

Озарися, дол туманный;
Расступися, мрак густой;
Где найду исход желанный?
Где воскресну я душой?
Испещренные цветами,
Красны холмы вижу там...
Ах! зачем я не с крылами?
Полетел бы я к холмам.

Там поют согласны лиры;
Там обитель тишины;
Мчат ко мне оттоль зефиры
Благовоения весны;

Там блестят плоды златые
На сенистых деревьях;
Там не слышны вихри злые
На пригорках, на лугах.

О предел очарованья!
Как прелестна там весна!
Как от юных роз дыханья
Там душа оживлена!
Полечу туда... напрасно!
Нет путей к сим берегам;
Предо мной поток ужасный
Грозно мчится по скалам.

Лодку вижу... где ж вожатый?
Едем!.. будь, что суждено...
Паруса ее крылаты,
И весло оживлено.
Верь тому, что сердце скажет;
Нет залогов от небес;
Нам лишь чудо путь укажет
В сей волшебный край чудес.

ЦВЕТОК

Романс

Минутная краса полей,
Цветок увядший, одинокий,
Лишен ты прелести своей
Рукою осени жестокой.

Увы! нам тот же дан удел;
И тот же рок нас угнетает:
С тебя листочек облетел —
От нас веселье отлетает.

Отъемлет каждый день у нас
Или мечту, иль наслажденье.
И каждый разрушает час
Драгое сердцу заблужденье.

Смотри... очарованья нет;
Звезда надежды угасает...
Увы! кто скажет: жизнь иль цвет
Быстрее в мире исчезает?

ЖАЛОБА

Романс

Над прозрачными водами
Сидя, рвал Услад венок;
И шумящими волнами
Уносил цветы поток.
«Так бегут лета младые
Невозвратною струей;
Так все радости земные —
Цвет увядший полевой.

Ах! безвременной тоскою
Умерщвлен мой милый цвет.
Все воскреснуло с весною;
Обновился божий свет;
Я смотрю — и холм веселый
И поля омрачены;
Для души осиротелой
Нет цветущия весны.

Что в природе, озаренной
Красотою майских дней?
Есть *одна* во всей вселенной —
К *ней* душа, и мысль об *ней*;
К *ней* стремлю, забывшись, руки —
Милый призрак прочь летит.
Кто ж мои услышит муки,
Жажду сердца утолит?»

ПЕВЕЦ

В тени дерев, над чистыми водами
Дерновый холм вы видите ль, друзья?
Чуть слышно там плескает в брег струя;
Чуть ветерок там дышит меж листьями;

На ветвях лира и венец...
Увы! друзья, сей холм — могила;
Здесь прах певца земля сокрыла;
Бедный певец!

Он сердцем прост, он нежен был душою —
Но в мире он минутный странник был;
Едва расцвел — и жизнь уж разлюбил
И ждал конца с волненьем и тоскою;
И рано встретил он конец,
Заснул желанным сном могилы...
Твой век был миг, но миг унылый,
Бедный певец!

Он дружбу пел, дав другу нежну руку, —
Но верный друг во цвете лет угас;
Он пел, любовь — но был печален глас;
Увы! он знал любви одну лишь муку;
Теперь всему, всему конец;
Твоя душа покой вкусила;
Ты спишь; тиха твоя могила,
Бедный певец!

Здесь, у ручья, вечернею порою
Прощальну песнь он заунывно пел:
«О красный мир, где я вотще расцвел;
Прости навек; с обманутой душою
Я счастья ждал — мечтам конец;
Погибло все, умолкни, лира;
Скорей, скорей в обитель мира,
Бедный певец!

Что жизнь, когда в ней нет очарованья?
Блаженство знать, к нему лететь душой,
Но пропасть зреть меж ним и меж собой;
Желать всяк час и трепетать желанья...
О пристань горестных сердец,
Могила, верный путь к покою,
Когда же будет взят тобою
Бедный певец?»

И нет певца... его не слышно лиры...
Его следы исчезли в сих местах;
И скорбно все в долине, на холмах;
И все молчит... лишь тихие зефиры,
 Колебля вянущий венец,
 Порою веют над могилой,
И лира вторит им уныло:
 Бедный певец!

ЭЛИЗИУМ

Песня

Роща, где, податель мира,
 Добрый Гений смерти спит,
 Где румяный блеск эфира
 С тенью зыбких сеней слит,
 Где источника журчанье,
 Как далекий отзыв лир,
 Где печаль, забыв роптанье,
 Обретает сладкий мир:

С тайным трепетом, смятенна,
 В упоении богов,
 Для бессмертья возрожденна,
 Сбросив пепельный покров,
 Входит в сумрак твой Психея;
 Неприкованна к земле,
 Юной жизнью пламенея,
 Развила она криле.

Полетела в тихом свете,
 С обновленною красой,
 В дол туманный, к тайной Лете;
 Мнилось, легкою рукой
 Гений влек ее незримый;
 Видит мирные луга;
 Видит Летою кропимы
 Очарованны брега.

В ней надежда, ожиданье;
 Наклонилася к водам,

Усмиряющим страданье...

Лик простерся по струям;
Так безоблачен играет
В море месяц молодой;
Так в источнике сверкает
Факел Геспера златой.

Лишь фиал воды забвенья
Поднесла к устам она —
Дней минувших привиденья
Скрылись легкой тенью сна.
Заблестала, полетела
К очарованным холмам,
Где журчат, как филомела,
Светлы воды по цветам.

Все в торжественном молчанье.
Притаились ветерки;
Лавров стихло трепетанье;
Спят на розах мотыльки.
Так молчало все творенье —
Море, воздух, берег дик, —
Зря пенистых вод рожденье,
Анадиомены лик.

Всюду яркий блеск Авроры,
Никогда такой красой
Не сияли рощи, горы,
Обновленные весной;
Мирты с зыбкими листьями
Тонут в пурпурных лучах;
Розы светлыми звездами
Отразились в водах.

Так волшебный луч Селены
В лес Карийский проникал,
Где, ловитвой утомленный,
Сладко друг Дианы спал;
Как струи ленивой ропот,
Как воздушной арфы звон,
Разливался в лесе шепот:
Пробудись, Эндимион!

ПОСЛАНИЕ К ПЛЕЩЕЕВУ

В день светлого воскресения

Ты прав, любезный мой поэт!
Твое послание на русском Геликоне,
При русском мерзлом Аполлоне,
Лишь именем моим бессмертие найдет!
Но, ах! того себе я в славу не вменяю!
А почему ж? Читай. И прозу и стихи
Я буду за грехи
Марать, марать, марать и много намараю,
Шесть томов, например (а им, изволишь знать,
Готовы и титул и даже оглавление);
Потом устану я марать,
Потом отправлюся в тот мир на поселенье,
С фельдъегерем-попом,
Одетый плотным сундуком,
Который гробом здесь зовут от скуки.
Вот вздумает какой-нибудь писец
Составить азбучный писателям венец,
Ясней: им лексикон. Пройдет он *аз и буки*,
Пройдет *глаголь, добро и есть*;
Дойдет он до *живете*;
А имя ведь мое, оставя лесть,
На этом свете
В огромном списке бытия
Ознаменовано сей буквой-раскорякой.
Итак, мой биограф, чтоб знать, каким был я,
Хорошим иль дурным писакой,
Мои творенья развернет.
На первом томе он заснет,
Потом воскликнет: «Враль бесчинный!..
За то, что от него здесь мучились безвинно
И тот, кто вздор его читал,
И тот, кто, не читав, в убыток лишь попал,
За типографию, за то, что им наборщик,
Корректор, цензор, тередорщик
Совсем почти лишились глаз, —
Я не пушу его с другими на Парнас!»
Тогда какой-нибудь моей защитник славы
Шепнет зоилу: «Вы не правы!

И верно, должен был
Иметь сей автор дарованье;
А доказательство — Плещеева посланье!»
Посланье пробежав, суровый мой зоил
Смягчится, — и прочтут потомки в лексиконе:
«Жуковский. Не весьма в чести при Аполлоне;
Но боле славен тем, что изредка писал
К нему другой поэт, *Плещеев*;
На счастье русских стиходеев,
Не русским языком сей автор воспевал;
Жил в Болхове, с шестью детьми, с женою;
А в доме у него жил Осип Букильон.
Как жаль, что пренебрег язык отчизны он;
Нас мог бы он ссудить богатою статьею».
Вот так-то, по тебе, и я с другими в ряд.
Но *ухо за ухо, зуб за зуб*, говорят,
Ссылаясь на писанье;
А я тебе скажу: посланье за посланье!..

Любезен твой конфектный Аполлон!
Но для чего ж, богатый острою,
Столь небогат рассудком здравым он?
Как, милый друг, с чувствительной душою,
Завидовать, что мой кривой сосед
И плут, и глуп, и любит всем во вред
Одну свою противную персону;
Что бог его — с червонцами мешок;
Что, подражать поклявшись Гарпагону,
Он обратил и душу в кошелек, —
Куда ничто: ни чувство сожаленья,
Ни дружество, ни жар благотворенья,
Как ангел в ад, не могут проникать;
Где место есть лишь векселям, нулями
Унизанным, как будто жемчугами!
Оставь его не живши умирать —
И с общих бед проценты вычислять!
Бесчувственность сама себе мучитель!
И эгоист, слез чуждых хладный зритель,
За этот хлад блаженством заплатил!
Прекрасен мир, но он прекрасен нами!
Лишь добрый в нем с отверстыми очами,
А злобный сам очей себя лишил!

Не для него природа воскресает,
Когда в поля нисходит светлый май;
Где друг людей находит жизнь и рай,
Там смерть и ад порочный обретает!
Как древняя святой псалтыри звон,
Так скромного страдальца тихий стон
Чистейшу жизнь в благой душе рождает!
О, сладостный благодворенья жар!
Дар нищете — себе сторичный дар!
Сокровищ сих бесчувственный не знает!
Не для него послал творец с небес
Бальзам души, утеху сладких слез!
Ты скажешь: он не знает и страданья! —
Но разве зло — страдать среди изгнанья,
В надежде зреть отечественный край?..
Сия тоска и тайное стремленье —
Есть с милыми вдали соединенье!
Без редких бед земля была бы рай!
Но что ж беды для веры в провиденье?
Лишь вестники, что смотрит с высоты
На нас святой, незримый Испытатель;
Лишь сердцу глас: крепись! Минутный ты
Жилец земли! Жив бог, и ждет создатель
Тебя в другой и лучшей стороне!
Дорога бурь приводит к тишине!
Но, друг, для злых есть зло и провиденье!
Как страшное ночное привиденье,
Оно родит в них трепет и боязнь,
И божий суд на языке их — казнь!
Самим собой подпоры сей лишенный,
Без всех надежд, без веры здесь злодей,
Как бледный тать, бредет уединенно —
И гроб вся цель его ужасных дней!..

Ты сетуешь на наш климат печальный!
И я с тобой готов его винить!
Щесть месяцев в одежде погребальной
Зима у нас привыкнула гостить!
Так! Чересчур в дарах она богата!
Но... и зимой фантазия крылата!
Украшим то, чего не избежим,
Пленительной игрой воображенья,

Согреем мир лучом стихотворенья
И на снегах Темпею насадим!
Томпсон и Клейст, друзья, певцы природы,
Соединят вокруг нас ее красы!
Пуškai молчат во льдах уснувши воды
И чуть бредут замерзлые часы, —
Спасенье есть от хлада и мороза:
Пушистый бобр, седой Камчатки дар,
И камелек, откуда легкий жар
На нас лиет трескучая береза.
Кто запретит в медвежьих сапогах,
Закутав нос в обширную винтуру,
По холодку на лыжах, на коньках
Идти с певцом в пленительных мечтах
На снежный холм, чтоб зимнюю натуру
В ее красе весенней созерцать.
Твоя ж жена приятней всякой музыки
Тот милый край умеет описать,
Где пел Марон, где воды Аретузы
В тени олив *стадам наводят сон*;
Где падший Рим, покрытый гордым прахом,
Являет свой одрахший Пантеон
Близ той скалы, куда народы с страхом
И их цари, от всех земных концов,
Текли принять ужасный дар оков.
Ясней блестят лазурные там своды!
Я часто сам, мой друг, в волшебном сне
Скитаюсь в сей прелестной стороне,
Под тенью мирт, склонившихся на воды,
Или с певцом и Вакха и свободы,
С Горацием, в сабинском уголке,
Среди его простых соседей круга,
В глазах любовь и сердце на руке,
Делю часы беспечного досуга!
Но... часто там, где ручеек журчит
Под темною душистых лавров сенью,
Где б мирному и быть уединенью,
Остря кинжал, скрывается бандит,
И грозные вдаль устремленны очи
Среди листов, добычи ждя, горят,
Как тусклые огни осенней ночи,
Но... часто там, где нив моря шумят,

Поля, холмы наводнены стадами,
И мир в лугах, усыпанных цветами,
Лишь гибели приманкой тишина,
И красотой цветов облечена.
Готовая раскрыться пасть волкана.
Мой друг, взгляни на жребий Геркулана
И не ропщи, что ты гиперборей...
Смотри, сбежал последний снег полей!
Лишь утренник, сын мраза недозрелый,
Да по верхам таящийся снежок,
Да сиверкий при солнце ветерок
Нам о зиме вещают отлетелой;
Но лед исчез, разбившись, как стекло,
Река, смирясь, блестит между берегами,
Идут в поля оратаи с сохами,
Лишь мельница молчит — ее снесло!
Но что ж? и здесь найдем добро и зло.
Ты знаешь сам: у нас от наводнения
Премножество случалось разоренья.
И пользою сих неизбежных бед
Есть то, мой друг, что мой кривой сосед
Чуть не уплыл в чистилище на льдине!
Уже ревел окрест него потоп;
Как Арион чудесный на дельфине,
Уж на икре сидел верхом циклоп;
Но в этот час был невод между льдами
По берегам раскинут рыбаками,
И рыбакам прибыток был велик:
Им с щуками достался ростовщик!

Так, милый друг, скажу я в заключение:
Пророчество для нас твое сравненье!
Растает враг, как хрупкий вешний лед!
Могущество оцепенелых вод,
Стесненное под тяжким игом хлада,
Все то ж, хотя незримо и молчит.
Спасительный дух жизни пролетит —
И вдребезги ничтожная преграда!
О, русские отмстители-орлы!
Уже взвились! Уже под облаками!
Уж небеса пылают их громами!

Уж огласил их клич ту бездну мглы,
Где сдавлены, обвитые цепями,
Отмщенья ждя, народы и с царями!
О, да придет пред ними русский бог!
Тот грозный бог, который на Эвксино
Велел пылать трепещущей пучине
И раздробил сармату гордый рог!
За ними вслед всех правых душ молитвы!
Да грянет час карающия битвы!
За падших месть! Отмщенье за Тильзит!..

Но, милый друг, вернее долетит
Мольба души к престолу провиденья,
В соупутствии летя благотворенья!
И в светлый день, когда воскресший мир
Поет хвалы подателю спасенья,
Ужель один не вкусит наслажденья
Сын нищеты? Ужель, забыт и сир,
Средь братин, как в горестном изгнанье,
Он с гимнами соединит стенанье
И лишь слезой на братское лобзанье,
Безрадостный, нам будет отвечать?
Твоей душе легко меня понять!
Еще тот кров в развалинах дымится,
Где нищая вдовица с сиротой
Ждала в тоске минуты роковой:
На пепло сем пускай благословится
Твоих щедрот незримая рука!
Ах! милость нам и тяжкая сладка!
Но ты — отец! Сбери благословенья
Спасаемых здесь благостью твоей
На юные главы твоих детей!
Их отличат они для провиденья!
Увы, мой друг! что сих невинных ждет
На том пути, где скрыт от нас вожатый,
В той жизни, где всего верней утраты,
Где скорбь без крыл, а радости крылаты,
На то с небес к нам голос не сойдет!
Но доблестью отцов хранимы чада!
Она для них — твердейшая ограда!

К БАТЮШКОВУ

Послание

Сын неги и веселья,
По музе мне родной,
Приятность новоселья
Лечу вкусить с тобой;
Отдам поклон Пенату,
А милому собрату
В подарок пук стихов.
Увей же скромну хату
Венками из цветов;
Узорным покрывалом
Свой шаткий стол одень,
Вооружись фиалом,
Шампанского напень,
И стукнем в чашу чашей
И выпьем все до дна:
Будь верной Музе нашей
Дань первого вина.
Вхожу в твою обитель:
Здесь весел ты с собой,
И, лени друг, покой
Дверей твоих хранитель.
Все ясно вокруг меня;
Закат румяный дня
Живее здесь играет
На зелени лугов,
И чище отражает
Здесь виды берегов
Источник тихоструйный;
Здесь кроток вихорь буйный;
Приятней сень листов
Зефиры здесь колышут
И слаще негой дышут;
Укромный домик твой
Не златом — чистотой
И светлостью пленяет;
В окно твое влетает
Цвётов приятный дух;
Террас пред ним дерповый

Узорный полукруг;
Там ландыши перловы,
Там розовы кусты,
Тюльпан, нарцисс душистый
И тубероза — чистой
Эмблема красоты,
С роскошным анемоном;
Едва приметным склоном
Твой сходит сад к реке;
Шумит невдалеке
Там мельница смиренна:
С колес жемчужна пена
И брызгов дым седой;
Мелькает над рекой
Веселая купальня,
И, гость из края дальня,
Уютный домик свой
Там швабский гусь спесивый
На острове под ивой,
Меж дикою крапивою
Беспечно заложил.

Так! здесь приют поэта:
Душа моя согрета
Влияньем горних сил,
И вся ничтожность света
В глазах моих, как сон...
Незримый Аполлон
Промчался надо мною;
Ликуй, мой друг-поэт.
Довольнее судьбою
Поэтов под луною
И не было и нет.
Их жизнь очарованье!
Ты помнишь ли преданье?
Разбить в уделы свет
Преемник древний Крона
Задумал искони.
«Делитесь!» — с горня трона
Бог людям рек. Они
Взроилися, как пчелы,
Шумящи по лугам, —

И все уже уделы
Земные по рукам.
Смиранный земледелец
Взял труд и сельный плод,
Могущество — владелец;
Купец равнину вод
Наморщил под рулями;
Взял откуп арендарь,
А пастырь душ — алтарь
И силу над умами.
«Будь каждый при своем
(Рек царь земли и ада);
Вы сейте, добры чада;
Мне жертвуйте плодом».
Но вот... с земли предела
Приходит и поэт;
Увы! ему удела
Нигде на свете нет;
К Зевесу он с мольбою:
«Отец и властелин,
За что забыт тобою
Любимейший твой сын?» —
«Не я виной забвенья.
Когда я мир делил,
В страну воображенья
Зачем ты уходил?» —
«Увы! я был с тобою
(В слезах сказал певец);
Величеством, красою
Небес твоих, отец,
Мои питались взоры;
Там пели дивны хоры;
Я сердце возносил
К делам твоим чудесным...
Но, ах! пленен небесным,
Земное позабыл». —
«Мой сын, уделы взяты;
Мне жаль твоей утраты;
Но рай перед тобой;
Согласен ли со мной
Делиться небесами?
Блаженствуя с богами,

Ты презришь мир земной»
С тех пор — необожатель
Подсолнечных сует —
Стал верный обитатель
Страны духов поэт,
Страны неоткровенной:
Туда непосвященной
Толпе дороги нет;
Там чудотворны боги
Веселые чертоги
Слияли из лучей,
В мерцающей долине,
Любимице своей
Фантазии-богине;
Ее *Природа* мать;
Беспечно ей играть
Дает она собою;
Но, радуясь игрою,
Велит ее хранить
Трем чадам первородным,
Чтоб прихотям свободным
Ее не заманить
В туманы заблуждений:
То с пламенником *Гений*,
Наука с свитком Муз
И с легкою уздою
Очами зоркий *Вкус*;
С веселою сестрою
Согласные, они
Там нежными перстами
Виют златые дни;
Все их горит лучами;
Во все дух жизни влит:
В потоке там журчит
Гармония наяды;
Храним Сильваном лес;
Грудь юныя дриады
Под коркою древес
Незримая пылает;
Зефир струи ласкает
И вьется вокруг лилей;
Нарцисс глядит в ручей;

Среди прозрачной пены
Летучих облаков
Мелькает рог Селены,
И в сумраке лесов
Тоскует филомела.
Хранят сего удела
Магический покой
Невинность — гений милый
С *Беспечностью* — сестрой;
И их улыбки силой
Ни *Скукою* унылой,
Ни мрачной *Суею*,
Ни *Алчностью* угрюмой,
Ни *Мести* грозной думой,
Ни *Зависти* тоской
Там светлость не мрачится;
Там ясная таится,
Веселью верный друг,
Гордынею забыта,
Посредственностью — харита,
И их согласный круг
Одушевляем *Славой* —
Не той богиней бед,
Которая кровавый
Кладет венец побед
В дымящиеся длани
Свирепостию брани, —
Но милою, живой
Небесною сестрой
Небесныя *Надежды*;
Чужда порока, враг
Безумца и невежды,
Ее жилища праг
Ужасен недостойным;
Но тем душам спокойным,
Где чувство в простоте
Как тихий день сияет,
В могущей красоте
Она себя являет
И, в них воспламенив
К великому порыв,
К прекрасному стремленье;

Но благу страстный жар,
Им оставляет в дар:
Собою наслажденье.
Мой друг, и ты певец;
И твой участок лира;
И ты в мечтах жилец
Незнаемого мира...
В мечтах? Почто ж в мечтах?
Почто мы не с крылами
И вольны лишь мечтами,
А наяву в цепях?
Почто сей тяжкий прах
С себя не можем сринуть,
И мир совсем покинуть,
И нам дороги нет
Из мрачного изгнания
В страну очарованья?
Увы! мой друг... поэт,
Призра́ками богатый,
Беспечно́стью дитя, —
Он мог бы жить шутя;
Но горькие утраты
Живут и для него,
Хотя перед слепую
Богинею покою
Не тратит своего;
Хотя одной молвою,
Смотря на свет тайком,
В своем углу знаком
С бесславием тщеславных,
С печальми забавных
Фигляров-остряков
И с мукою льстецов,
Пред тронами ползущих
И с бешенством падающих
В изрытый ими ров, —
Но те живейши раны,
Которые, как враны,
Вгрызаясь в глубь сердец,
В них радость истребляют
И жизнь их пожирают,
Их знает и певец.

Какими, друг, мечтами
Сберечь души покой,
Когда перед глазами,
Под дланью роковой,
Погибнет то, что мило,
И схваченный могилой
Исчезнет пред тобой
Души твоей родной;
А ты, осиротелый,
Дорогой опустелой
Ко гробу осужден
Один, снедая слезы,
Тащить свои железы?
И много ли замен
Нам даст мечта крылата
Тогда, как без возврата
Блаженство улетит,
С блаженством упованье
И в сердце замолчит
Унывшее желанье;
И ты, как палачом
Преступник раздробленный
И к плахе пригвожденный,
В бессилии своем
Еще быть должен зритель;
Как жребий-истребитель
Все то, чем ты дышал,
Что, сердцем увлеченный,
В надежде восхищенной,
Своим уж называл,
Другому на пожранье
Отдаст в твоих глазах...
Тебе ж одно терзанье
Над гробом милых благ?

Но полно!.. Муза с нами;
Бессмертными богами
Не всем, мой друг, она
В сопутницы дана.
Кто слышал в час рожденья
Небесной девы глас,
В ком искра вдохновенья

С огнем души зажглаеь:
Тот верный от судьбины
Найдет здесь уголок. . .
В покрыты мглой пучины
Замчался мой челнок...
Но светит для унылой
Еще души моей
Поэзии светило.
Хоть прелестью лучей
Бунтующих зыбей
Оно не усмирило...
Но мгла озарена;
Но сладостным сияньем,
Как тайным упованьем,
Душа ободрена,
И милая мелькает
В дали моей Мечта...
Доколь, мой друг, пленяет
Добро и красота,
Доколь огнем священным .
Душа еще полна
И дверь растворена
Пред взором откровенным
В святой Природы храм,
Доколь хариты нам
Веселые послушны:
Дотоль еще к бедам
Быть можем равнодушны.
О добрый Гений мой,
Последних благ спаситель
И жребия смиритель,
Да светит надо мной,
Во мгле путеводитель,
Твой, Муза, милый свет!

А ты, мой друг-поэт,
Храни твой дар бесценный;
То Весты огонь священный;
Пока он не угас —
Мы живы, невредимы,
И Рок неумолимый
Свой гром неотразимый

Бросает мимо нас.
Но пламень сей лишь в ясной
Душе неугасим.
Когда любовью страстной
Лишь то боготворим,
Что благо, что прекрасно;
Когда от наших лир
Лиются жизни звуки,
Чарующие муки,
Сердцам даючи мир;
Когда мы песнопеньем
Несчастливого дружим
С сокрытым провиденьем,
Жар славы пламенем
В душе, летящей к благу,
Стезю к убогим прагу
Являем богачам,
Не льстим земным богам,
И дочери стыдливой
Заботливая мать
Гармонии игривой
Сама ведет внимать:
Тогда и дарованье
Во благо нам самим,
И мы не посрадим
Поэтов достоянья.
О друг! служенье муз
Должно быть их достойно:
Лишь с добрым их союз.
Слияв в душе спокойной
Младенца чистоту
С величием свободы,
Боготворя природы
Простую красоту,
Лишь благам неизменным,
Певец — любимец мой,
Доступен будь душой;
Когда к дверям смиренным
Обители твоей
Придет, с толпою фей
Желаний прихотливых,
Фортуна — враг счастливых:

Ты двери на замок;
Пускай толпа стучится;
Содом сей в уголок
Поэта не вместится,
Не вытеснив харит.
Но если залетит
Веселий рой вертлявый —
Дверь настезь, милый друг.
Пускай в их шумный круг
Войдут: и *Вакх* румяный,
Украшенный венком,
С состаревшим вином,
С наследственной кружкой,
И *Шутка* с погремушкой,
И *Пляски* шумный хор —
Им рад *Досуг* шутливый;
Они осклабят взор
Работы молчаливой.
Задумчивость подчас
Впускай в приют укромный:
Ее чуть слышный глас
И взор приятно-томный
Переливают в нас
Покой и услаждение;
Она уединенье
Собой животворит;
Она за дальни горы
Нас к милому стремится —
И радостные взоры,
Согласные с душой,
За синевой туманной
Встречаются с желанной
Возлюбленных мечтой;
Ее волшебной силой
В гармонии унылой
Осеннего листка,
И в тихом ветерка
Вдоль рощи трепетанье,
И в легком содроганье
Дремавший волн
Как будто с вышины
Спускается приятный

Минувшего привет,
И то, что невозвратно,
Чего навеки нет,
Опять животворится,
И тихо веют, мнится,
Над нашей головой
Воздушною толпой
Жильцы духовной сени —
Невозвратимых тени.
Но, друг мой, приготовь
В обители смиренной
Ты терем отделенный:
Иметь постой бесменный
И *Дружба* и *Любовь*
Привыкли у поэта;
Лишась блестящих света
Отличий и даров,
Ему необходимо
Под свой пустынный кров
Все то, что им любимо,
Собрать в единый круг;
С кем милая и друг,
Тот в угол свой забвенный
Обширные вселенны
Всю прелесть уместил;
Он мир свой оградил
Забором огорода
И вдаль за суетой
Не следует мечтой.
Посредственность, свобода,
Животворящий труд,
Веселие досуга
Близ милых и друга
И пенистый сосуд
В час вечера приятный
Под липой ароматной
С забвением сует,
Вот все... Но, друг-поэт,
Любовь — святой хранитель
Иль грозный истребитель
Душевной чистоты.
Отвергни сладострастья

Погибельны мечты
И не восторгов — счастья
В прямой ищи любви;
Восторгов исступленье —
Минутное забвенье;
Отринь их, разорви
Лаис коварных узы;
Друзья стыдливых — музы;
Во храм священный их
Прелестниц записных
Толпа войти страшится...
И что, мой друг, сравнится
С невинною красой?
При ней цветом душой!
Она, как ангел милый,
Одной явленья силой,
Могущая собой,
Вливает в сердце радость,
О скромных взоров сладость!
Движений тишина!
Стыдливое молчанье,
Где вся душа слышна!
Речей очарованье!
Беспечность простоты
И прелесть без искусства,
Которая для чувства
Прекрасней красоты!
Их несказанной властью
Блаженнейшею страстью
Душа растворена;
Вкушает сладость рая;
Земное отвергая,
Небесного полна.
О друг! доколе младость
С мечтами не ушла
И жизнь не отцвела,
Спеши любви сладость
Невинную вкусить.
Увы! пора любить
Умчится невозвратно;
Тогда — всему конец;
Но буйностью развратной

Испорченных сердец,
Мой друг, да не сквернится
Твой непорочный жар:
Любовь есть неба дар;
В ней жизни цвет хранится;
Кто любит, тот душой,
Как день весенний, ясен;
Его любви мечтой
Весь мир пред ним прекрасен...
Ах! в мире сем — она...
Ее святым полна
Присутствием природа,
С денницею со свода
Небес она летит,
Предвестник наслажденья,
И в смутном пробужденье
Блаженстве говорит:
Я в мире! я с тобою!
В тот час, как тишиною
Земля облечена,
В молчании вселенной
Одна обвороженной
Душе она слышна;
К устам твоим она
Касается дыханьем;
Ты слышишь с содроганьем
Знакомый звук речей,
Задумчивых очей
Встречаешь взор приятный,
И запах ароматный
Пленительных кудрей
Во грудь твою лиется,
И мыслишь: ангел вьется
Незримый над тобой.
При ней — задумчив, сладкой
Исполненный тоской,
Ты робок, лишь украдкой
Стремишь к ней томный взор:
В нем сердце вылетает;
Несмел твой разговор;
Твой ум не обретаёт
Ни мыслей, ни речей;

Задумчивость, молчанье
И страстное мечтанье —
Язык души твоей;
Забыты все желанья;
Без чувства, без вниманья
К тому, что пред тобой,
Ты одинок с толпой;
Она — в сем слове милом
Вселенная твоя;
С ней розно — лишь в унылом
Мечтанье бытия
Ты чувство заключаешь;
Всечасно улетаешь
Душою к тем краям,
Где ангел твой прелестный;
Твое блаженство там,
За синевой небесной,
В туманной сей дали —
Там все, что на земли
И мило и священно,
Вся жизнь, весь жребий твой,
Как призрак оживленный,
Мелькает пред тобой.
Живешь воспоминаньем:
Его очарованьем
Преображенный свет
Один везде являет
Душе твоей предмет.
Заря ли угасает,
Летит ли ветерок
От дремлющих рощи
Или покровом ночи
Одеянный поток
В водах являет тени
Недвижных берегов,
И тихих рощей сени,
И темный ряд холмов —
Она перед тобою;
С природы красотою,
Со всем в душе слита
Любимая мечта.
Когда воспламененной

Ты мыслию летишь
К правителю вселенной
Или обет творишь
Забывать стезю порока,
При всех изменах рока
Быть добрым и прямым
И следовать святым
Урокам и веленьям
И тайным утешеньям
Лишь совести одной,
Когда, рассудка властью
Торжествовав над страстью,
Ты выше стал душой
Иль сироте, убитой
Страданием, сокрытой
Благотворил рукой, —
Кто, кто тогда с тобой?
Кто чувств твоих свидетель?
Она!.. твой друг, твоя
Невинность, добродетель.
Лишь счастьем ея
Ты счастье измеряешь,
Лишь в нем соединяешь
Все блага бытия.
Любовь — себя забвенье!
Ты молишь провиденье,
Чтоб никогда тоской
Взор милый не затмился,
Чтоб грозный лишь с тобой
Суд рока совершился.
Лить слезы, жертвой быть
За ту, кем сердце жило,
Погибнув, жизни милой
Спокойствие купить —
Вот жребий драгоценный!
О друг! тогда для нас
И бедствия священны.
И пусть тот луч угас,
Которым украшался
Путь жизни пред тобой,
Пусть навеки с мечтой
Блаженства ты расстался —

Своих лишенный благ,
Ты жив блаженством милой:
Как тихое светило,
Оно в твоих глазах
Меж тучами играет,
И дух не унывает
При сладостных лучах.

Прости ж, поэт бесценный;
Пусть живут с тобой
В обители смиренной
Посредственность, покой,
И музы, и хариты,
И лары домовиты;
Ты к ним любовь питай,
Строй лиру для забавы
И мимоходом Славы
Жилище посещай;
И благодать святая
Ее с тобою будь!
Но, с музами играя,
Ты друга не забудь,
Который, отстранившись
От всех земных хлопот
И, матери забот,
Фортуне поклонившись,
Куда глаза глядят
Идет своей тропой
Беспечно за судьбою.
Хотя и не богат
Он милостями Счастья,
Но муза от ненастья
Дала ему приют;
Туда не забредут
Ни хитрости разврата,
Ни света суеты,
Не зная нищеты,
Не знает он и злата;
Мечты — его народ:
Сбирает с них доход
Фантазия крылата.
Что ждет его вдали,

О том он забывает;
Давно не доверяет
Он счастьем на земли.
Но, друг, куда б Судьбою
Он ни был приведен,
Всегда, везде душою
Он будет прилеплен
Лишь к жизни непорочной;
Таков к друзьям заочно,
Каков и на глазах —
Для них стихи кропает
И быть таким желает,
Каким в своих стихах
Себя изображает.

К А. Н. АРБЕНЕВОЙ

«Рассудку глаз! другой воображенью!» —
Так пишет мне мой стародавний друг.
По совести, такому наставленью
Последовать я соглашусь не вдруг.
Не славно быть циклопом однооком!
Но почему ж славнее быть *косым*?
А на земле, где опытом жестоким
Мы учены лишь горестям одним,
Не лучший ли нам друг воображенье?
И не оно ль волшебным фонарем
Являет нам на плате роковым
Блестящее блаженства привиденье?
О друг мой! Ум всех радостей палач!
Лишь горький сок дает сей грубый врач!
Он бытие жестоко анатомит:
Едва пленил мечты *наружный* свет,
Уже злодей со *внутренним* знакомит...
Призра́к исчез — и грация — скелет.
Оставим тем, кто благами богаты,
Их обнажать, чтоб рок предупредить;
Пусть спешат умом их истребить,
Чтоб не скорбеть от горькой их утраты.
Но у кого они наперечет,
Тому совет: держись воображенья!

Оно всегда в печальный жизни счет
Веселые припишет заблужденья!

А мой султан — султанам образец!
Не все его придворные поэты
Награждены дипломами диеты
Иль вервием... Для многих есть венец.
Удавка тем, кто ищет славы низкой,
Кто без заслуг, бескрылые, ползком,
Вскарabкались к вершине Пинда склизкой —
И давит Феб лавровым их венком.
Пост не беда тому, кто пресыщенья
Не попытал, родясь бедняком;
Он с алчностью желаний незнаком.
В поэте нет к излишнему стремленья!
Он не слуга *блистательным* мечтам!
Он верный друг одним мечтам *счастливым*!
Давно сказал мудрец еврейский нам:
Все суета! Урок всем хлопотливим.

И суета, мой друг, за суету —
Я милую печальной предпочту:
Под губельной Сатурновой косою
Возможно ли *нетленного* искать?
Оно нас ждет за дверью гробовою;
А на земле всего верней — мечтать!

Пленительно твое изображение!
Ты мне судьбу завидную сулишь
И скромное мое воображенье
Высокою надеждой пламенишь.
Но жребий сей, прекрасный в отдаленье,
Сравнится ль с тем, что вижу пред собой?
Здесь мирный труд, свобода с тишиной,
Посредственность, и круг друзей священный,
И муза, вождь судьбы моей смиренной!
Я не рожден, мой друг, под той звездой,
Которая влечет во храм Фортуны;
Мне тяжелы Ареевы перуны.
Кого судьба для славы обрекла,
Тому она с отважностью дала
И быстроту, и пламенное рвенье,
И дар: ловить летящее мгновенье,
«Препятствия в удачу обращать
И гибкостью упорство побеждать!»

Ему всегда в надежде исполнение,
Но что же есть подобное во мне?
И тени нет сих редких дарований!
Полжизни я истратил в тишине;
Застенчивость, умеренность желаний,
Привычка жить всегда с одним собой,
Доверчивость с беспечной простотой —
Вот все, мой друг; увы, запас убогий!
Пойду ли с ним той страшною дорогой,
Где гибелью грозит нам каждый шаг?
Кто чужд себе, себе тот первый враг!
Не за *своим* он счастьем помчится,
Но с *собственным* безумно разлучится.
Нельзя искать с надеждой не обрести.
И *неуспех* тяжеле *неуспеху*.
А мне на что все счастья даянья?
С кем их делить? Кому их в дар принести?..
«Полезен будь!» — Так! польза — долг
священный!

Но мне твердит мой ум не ослепленный:
Не зная звезд, берегов не покидай!
И с сильным вслед, бессильный, не держай!
Им круг большой, ты действуй в малом круге!
Орел летит отважно в горный край!
Пчела свой мед на скромном копит луге!

И, не входя с моей судьбою в спор,
Без ропота иду вослед за нею!
Что отняла, о том не сожалею!
Чужим добром не обольщаю взор.
Богач ищи богатства быть достойным,
Я обращаю на *пользу* дар певца —
Кому дано бряцаньем лиры стройным
Любовь к добру переливать в сердца,
Тот на земле не тщетный обитатель.
Но царь, судья, и воин, и писатель,
Не равные степенями, равны
В возвышенном к прекрасному стремленье.
Всем на добро одни права даны!
Мой друг, для всех одно здесь провиденье!
В очах сего незримого судьи
Мы можем все быть равных благ достойны;

Среди земных превратностей спокойны
И чистыми сберечь сердца свои!
Я с целью сей, для всех единой в мире,
Соединю мне сродный труд певца;
Любить добро и петь его на лире —
Вот все, мой друг! Да будет власть творца!

**ПИРШЕСТВО АЛЕКСАНДРА,
или
СИЛА ГАРМОНИИ**

По страшной битве той, где царь Персиды пал,
Оставя рать, венец и жизнь в кровавом поле,
 Возвышен восседал,
 В сиянье на престоле,
Красою бог, Филиппов сын.
Кругом — вождей и ратных чин;
Венцами роз главы увиты:
Венец есть дар тебе, сын брани знаменитый!
 Таиса близ царя сидит,
 Любовь очей, востока диво;
 Как роза — юный цвет ланит,
 И полон страсти взор стыдливый.
 Блаженная чета!
 Величие с красою!
 Лишь бранному герою,
Лишь смелому в боях наградой красота!

И зрелся Тимотей среди поющих клира;
 Летали персты по струнам;
Как вихорь, мощный звон стремился к небесам;
 Звучала радостью лира.

 От Зевса песнь ведет певец:
 «О власть любви! Богов отец,
 Свои покинув громы, с трона,
 Под дивным образом дракона,
 Нисходит в мир; дугами вьет
 Огнечешуйчатый хребет;
 В нем страсти пышет вожделеньс;
К Олимпи летит, к грудям ее приник,

Обвил трикраты стан — и вот Зевесов лик!
Вот новый царь земле! Зевесово рожденье!»

И строй внимающих восторгов распален;
Глич шумный: царь наш бог! И стар и млад
воспрянул.

И звучно: царь наш бог! — по сводам отзыв
грянул.

Царь славой упоен;
Зрит звезды под стопою;
И мыслит: он — Зевес;
И движет он главою,

И мнит — подвигнул свод небес.

Хвалою Бахуса воспламенились струны:

«Грядет, грядет веселый бог,
Всегда прекрасный, вечноюный.
Звучи, кимвал; раздайся, рог;
Наш Бахус светлый, сановитый;
Как пурпур, пламенны ланиты;
Звучи, труба! грядет, грядет!
Из кубков пена с шумом бьет;
Кипит в ней пламень сладострастный.
Пей, воин! дар тебе сосуд.

О, Вакха дар бесценный!
Бином воспламененный,
Забудь, сын брани, бранный труд».

И царь, волнуем струн игрою,
В мечтах сзывает рати к бою;
Трикраты враг сраженный им сражен;
Трикраты пленный брошен в плен.

Певец зрит гнева пробужденье
В сверкании очей, во пламени ланит;
И небу и земле прозящу ярость зрит...
Он струны укротил; их заунывно пенье;
Едва ласкает слух задумчивый их глас,
И жалость на струнах смиренных родилась.
Он Дария поет: «Царь добрый! Царь великий!
Что равен с ним?.. Но рок свой грозный суд
послал;

Он пал, он страшно пал;

Нет Дария-владыки.
В кипящей выbleтся крови;
От всех забыт в ужасной доле;
Нет в мире для него любви;
Хладеет на песчаном поле;
Где друг — глаза его смежить
И прахом сирую главу его покрыть!»

Сидел герой с поникшими очами;
Он мыслию прискорбной пробегал
Стези судьбы, играющей царями;
За вздохом вздох из груди вылетал,
И пролилась печаль его слезами.

И дивный песнопевец зрит,
Что жар любви уже горит
В душе, вкусившей сожаленья, —
И песнь выиграл он наслажденья:
«Проснись, лидийский брачный глас;
Проникни душу, пламень сладкий;
О витязь! жизнь — крылатый час;
Мы радость ловим здесь украдкой;
Летучей пены клуб златой,
Надутый пышно и пустой —
Вот честь, надменных душ забава;
Народам казнь героев слава.
Спешь быть счастлив, бог земной;
Таиса, цвет любви, с тобой;
К тебе ласкается очами;
В груди желанья тайный жар,
И дышит страсть ее устами.
Вкуси любовь — бессмертных дар».

Восстал от сонма клич, и своды восстенали:
«Хвала и честь любви! певцу хвала и честь!»

И полон сладостной печали,
Очей не может царь задумчивых отвесть
От девы, страстью распаленной;
Блажен своей тоской; что взгляд, то нежный
вздох;

Горит и гаснет взор, желаньем напоенный,
И, томный, пал на грудь Таисы полубог.

Но струны грянули под сильными перстами,
Их страшный звон, как с треском падший гром;
Звучней, звучней... поднялся царь; кругом
Он бродит смутными очами;
Разрушен неги сладкий сон;
Исчезла прелесть вожделенья,
И слух его разит тяжелый, дикий стон:
«Сын брани, мщенья! мщенья!
Покорствуй гневу Эменид;
Се девы казни! страшный вид!
Смотри! смотри! меж волосами
Их змеи страшные шипят,
Сверкают грозными очами,
Зияют, жалами блестят...
Но что? Там бледных теней лики;
Воздушный полк на облаках;
Несутся... светочи в руках;
Их грозен вид; их взоры дики;
То воины твои... сраженным в битве нет
Последней дани поребенья;
Пустынный вран их трупы рвет,
И воют: мщенья! мщенья!
Бежит от их огней пожар по небесам;
Бедой на Персеполь их гневны очи блещут;
Туда погибель мещут;
К мечам! Бойницы в прах! Огню и дом и храм!..»

И сонмы всколебались к брани;
На щит и меч упали длани;
И царь погибельный светильник воспалил.
О горе, Персеполь! грядет владыка сил;
Таиса, вождь герою,
Елена новая, зажжет другую Трою.

Так древней лиры глас — когда еще молчал
Органа мех чудесный —
Перстам послушный, оживлял
В душе восторг, и гнев, и чувства жар прелестный.
Но днесь другую жизнь гармонии дала
Сесилия, творец органа.
Бессмертным вымыслом художница слила

О! кто прелесть их опишет?
Кто их силу над душой?
Все окрест их небом дышит
И невинностью святой.

Неиспытанная радость —
Ими жить, для них дышать;
Их речей, их взоров сладость
В душу, в сердце принимать.
О судьба! одно желанье:
Дай все блага им вкусить;
Пусть им радость — мне страданье;
Но... не дай их пережить.

ПЕСНЯ МАТЕРИ НАД КОЛЫБЕЛЬЮ СЫНА

Засни, дитя, спи, ангел мой!
Мне душу рвет твоё стenanье!
Ужель страдать и над тобой?
Ах, тяжко и одно страданье!

Когда отец твой обольстил
Меня любви своей мечтою,
Как ты, пленял он красотою,
Как ты, он прост, невинен был!
Вверялось сердце без защиты,
Но он неверен; мы забыты.

Засни, дитя! спи, ангел мой!
Мне душу рвет твоё стenanье!
Ужель страдать и над тобой?
Ах, тяжко и одно страданье!

Когда покинет легкий сон,
Утешь меня улыбкой милой;
Увы, такой же сладкой силой
Повелевал душе и он.
Но сколь он знал, к моей напасти,
Что всё его покорно власти!

Засни, дитя! спи, ангел мой!
Мне душу рвет твоё стenanье!
Ужель страдать и над тобой?
Ах, тяжко и одно страданье!

Мое он сердце распалил,
Чтобы сразить его изменой;
Почто с своею переменою
Он и его не изменил?
Моя тоска неутолима;
Люблю, хотя и нелюбима.

Засни, дитя! спи, ангел мой!
Мне душу рвет твоё стenanье!
Ужель страдать и над тобой?
Ах, тяжко и одно страданье!

Его краса в твоих чертах;
Открытый вид, живые взоры;
Его услышу разговоры
Я скоро на твоих устах!
Но, ах, красой очарователь,
Мой сын, не будь, как он, предатель!

Засни, дитя! спи, ангел мой!
Мне душу рвет твоё стenanье!
Ужель страдать и над тобой?
Ах, тяжко и одно страданье!

В слезах у люльки я твоей —
А ты с улыбкой почиваешь!
О дай, творец, да не узнаешь
Печаль, подобную моей!
От милых гор нестерпимо!
Да пройдет страшный жребий мимо!

Засни, дитя! спи, ангел мой!
Мне душу рвет твоё стenanье!
Ужель страдать и над тобой?
Ах, тяжко и одно страданье!

Навек для нас пустыня свет,
И надежде нам пути закрыты,

Когда единственным забыты,
Нам сердца здесь родного нет,
Не нам веселие земное;
Во всей природе мы лишь двое!

Засни, дитя! спи, ангел мой!
Мне душу рвет твоё стenanье!
Ужель страдать и над тобой?
Ах, тяжело и одно страданье!

Пойдем, мой сын, путем одним,
Две жертвы рока злополучны.
О, будем в мире неразлучны,
Сносней страдание двоим!
Я нежных лет твоих хранитель.
Ты мне на старость утешитель!

Засни, дитя! спи, ангел мой!
Мне душу рвет твоё стenanье!
Ужель страдать и над тобой?
Ах, тяжело и одно страданье!

МЕЧТЫ

Песня

Зачем так рано изменила?
С мечтами, радостью, тоской
Куда полет свой устремила?
Неумолимая, постой!
О дней моих весна золотая,
Постой... тебе возврата нет...
Летит, молитве не внимая;
И все за ней помчалось вслед

О! где ты, луч, путеводитель
Веселых юношеских дней?
Где ты, надежда, обольститель
Неопытной души моей?
Уж нет ее, сей веры милой
К твореньям пламенной мечты...

Добыча истине унылой
Призраков прежних красоты.

Как древле рук своих создание
Боготворил Пигмалион —
И мрамор внял любви стенанье,
И мертвый был одушевлен —
Так пламенно объята мною
Природа хладная была;
И, полная моей душою,
Она подвиглась, ожила.

И, юноши деля желанье,
Немая обрела язык:
Мне отвечала на лобзанье,
И сердца глас в нее проник.
Тогда и древо жизнь приняло,
И чувство ощутил ручей,
И мертвое отзвѣвом стало
Пылающей души моей.

И неестественным стремленьем
Весь мир в мою теснился грудь;
Картиной, звуком, выраженьем
Во все я жизнь хотел вдохнуть.
И в нежном семени сокрытый,
Сколь пышным мне казался свет...
Но ах! сколь мало в нем развито!
И малое — сколь бедный цвет.

Как бодро, следом за мечтою
Волшебным очарован сном,
Забот не связанный уздою,
Я жизни полетел путем.
Желанье было — исполненье;
Успех отвагу пламенил:
Ни высота, ни отдаленье
Не ужасали смелых крыл.

И быстро жизни колесница
Стезею младости текла;

Ее воздушная станица
Веселых призраков влекла:
Любовь с прелестными дарами,
С алмазным Счастье ключом,
И Слава с звездными венцами,
И с ярким Истина лучом.

Но, ах!.. еще с полудороги,
Наскучив резвою игрой,
Вожди отстали быстроноги...
За роем вслед умчался рой.
Украдкой Счастье сокрылось;
Изменой Знание ушло;
Сомненья тучей обложилось
Священной Истины чело.

Я зрел, как дерзкою рукою
Презренный славу похищал;
И быстро с быстрою весною
Прелестный цвет Любви увял.
И все пустынно, тихо стало
Окрест меня и предо мной!
Едва Надежды лишь сияло
Светило над моей тропой.

Но кто ж из сей толпы крылатой
Один с любовью мне вослед,
Мой до могилы провожатый,
Участник радостей и бед?..
Ты, уз житейских облегчитель,
В душевном мраке милый свет,
Ты, Дружба, сердца исцелитель,
Мой добрый гений с юных лет.

И ты, товарищ мой любимый,
Души хранитель, как она,
Друг верный, Труд неутомимый,
Кому святая власть дана:
Всегда творить не разрушая,
Мирить печального с судьбой
И, силу в сердце водворяя,
Беречь в нем ясность и покой.

**ПЕВЕЦ
ВО СТАНЕ РУССКИХ
ВОИНОВ**

П е в е ц

На поле бранном тишина;
Огни между шатрами;
Друзья, здесь светит нам луна,
Здесь кров небес над нами,
Наполним кубок круговой!
Дружнее! руку в руку!
Запьем вином кровавый бой
И с падшими разлуку.
Кто любит видеть в чашах дно,
Тот бодро ищет боя...
О всемогущее вино,
Веселие героя!

В о и н ы

Кто любит видеть в чашах дно,
Тот бодро ищет боя...
О всемогущее вино,
Веселие героя!

П е в е ц

Сей кубок чадам древних лет!
Вам слава, наши деды!
Друзья, уже могущих нет;
Уж нет вождей победы;
Их дома вихорь разметал;
Их гробы срыли плуги;
И пламень ржавчины сожрал
Их шлемы и кольчуги;
Но дух отцов воскрес в сынах;
Их поприще пред нами...
Мы там найдем их славный прах
С их славными делами.

Смотрите, в грозной красоте,
Воздушными полками,
Их тени мчатся в высоте

Над нашими шатрами...
О Святослав, бич древних лет,
Се твой полет орлиный.
«Погибнем! мертвым срама нет!» —
Гремит перед дружиной.
И ты, неверных страх, Донской,
С четой двух соименных,
Летишь погибельной грозой
На рать иноплеменных.

И ты, наш Петр, в толпе вождей.
Внимайте клич: Полтава!
Орды пришельца, снедь мечей,
И мир вызывает: слава!
Давно ль, о хищник, пожирал
Ты взором наши грады?
Беги! твой конь и всадник пал:
Твой след — костей громады;
Беги! и стыд и страх сокрой
В лесу с твоим сарматом;
Отчизны враг сопутник твой;
Злодей владыке братом.

Но кто сей рьяный великан,
Сей витязь полуночи?
Друзья, на спящий вражий стан
Вперил он страшны очи;
Его завидя в облаках,
Шумящим, смутным роем
На снежных Альпов высотах
Взлетели тени с воем;
Бледнеет галл, дрожит сармат
В шатрах от гневных взоров...
О горе! горе, супостат!
То грозный наш Суворов.

Хвала вам, чада прежних лет,
Хвала вам, чада славы!
Дружиной смелой вам вослед
Бежим на пир кровавый;
Да мчится ваш победный строй
Пред нашими орлами;

Да сеет, нам предтеча в бой,
Погибель над врагами;
Наполним кубок! меч во длань!
Внимай нам, вечный мститель!
За гибель — гибель, брань — за брань,
И казнь тебе, губитель!

В о и н ы

Наполним кубок! меч во длань!
Внимай нам, вечный мститель!
За гибель — гибель, брань — за брань,
И казнь тебе, губитель!

П е в е ц

Отчизне кубок сей, друзья!
Страна, где мы впервые
Вкусили сладость бытия,
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свет,
Знакомые потоки,
Златые игры первых лет
И первых лет уроки,
Что вашу прелесть заменит?
О родина святая,
Какое сердце не дрожит,
Тебя благословляя?

Там все — там родших милый дом;
Там наши жены, чада;
О нас их слезы пред творцом;
Мы жизни их опрада;
Там девы — прелесть наших дней,
И сонм друзей бесценный,
И царский трон, и прах царей,
И предков прах священный.
За них, друзья, всю нашу кровь!
На вражьи прянем силы;
Да в чадах к родине любовь
Зажгут отцов могилы.

В о и н ы

За них, за них всю нашу кровь!
На вражьи грянем силы;
Да в чадах к родине любовь
Зажгут отцов могилы.

П е в е ц

Тебе сей кубок, русский царь!
Цвети твоя держава;
Священный трон твой нам алтарь;
Пред ним обет наш: слава.
Не изменим; мы от отцов
Прияли верность с кровью;
О царь, здесь сонм твоих сынов,
К тебе горим любовью;
Наш каждый ратник славянин;
Все долгу здесь послушны;
Бежит предатель сих дружин,
И чужд им малодушный.

В о и н ы

Не изменим; мы от отцов
Прияли верность с кровью;
О царь, здесь сонм твоих сынов,
К тебе горим любовью.

П е в е ц

Сей кубок ратным и вождям!
В шатрах, на поле чести,
И жизнь и смерть — все пополам;
Там дружество без лести,
Решимость, правда, простота,
И нравов непритворство,
И смелость — бранных красота,
И твердость, и покорство.
Друзья, мы чужды низких уз;
К венцам стезею правой!
Опасность — твердый наш союз;
Одной пылаем славой.

Тот наш, кто первый в бой летит
На гибель супостата,
Кто слабость павшего щадит
И грозно мстит за брата;
Он взором жизнь дает полкам;
Он махом мощной длани
Их мчит во сретенье врагам,
В средину шумной брани:
Ему веселье битвы глас,
Спокоен под громами:
Он свой последний видит час
Бесстрашными очами.

Хвала тебе, наш бодрый вождь,
Герой под сединами!
Как юный ратник, вихрь, и дождь,
И труд он делит с нами.
О сколь с израненным челом
Пред строем он прекрасен!
И сколь он хладен пред врагом
И сколь врагу ужасен!
О диво! се орел пронзил
Над ним небес равнины...
Могущий вождь главу склонил;
Ура! кричат дружины.

Лети ко прадедам, орел,
Пророком славной мести!
Мы тверды: вождь наш перешел
Путь гибели и чести;
С ним опыт, сын труда и лет;
Он бодр и с сединою;
Ему знаком победы след...
Доверенность к герою!
Нет, други, нет! не предана
Москва на расхищенье;
Там стены!.. в россах вся она;
Мы здесь — и бог наш мищенье.

Хвала сподвижникам-вождям!
Ермолов, витязь юный,
Ты ратным брат, ты жизнь полкам,

И страх твои перуны.
Раевский, слава наших дней,
Хвала! перед рядами
Он первый грудь против мечей
С отважными сынами.
Наш Милорадович, хвала!
Где он промчался с бранью,
Там, мнится, смерть сама прошла
С губительною дланью.

Наш Витгенштейн, вождь-герой,
Петрополя спаситель,
Хвала!.. Он щит стране родной,
Он хищных истребитель.
О сколь величественный вид,
Когда перед рядами,
Один, склонясь на твердый щит,
Он грозными очами
Блюдет противников полки,
Им гибель устрояет
И вдруг... движением руки
Их сонмы рассыпает.

Хвала тебе, славян любовь,
Наш Коновницын смелый!..
Ничто ему толпы врагов,
Ничто мечи и стрелы;
Пред ним, за ним перун гремит,
И пышет пламень боя...
Он весел, он на гибель зрит
С спокойствием героя;
Себя забыл... одним врагам
Готовит истребленье;
Пример и ратным и вождям
И смелым удивленье.

Хвала, наш Вихорь-атаман;
Вождь невредимых, Платов!
Твой очарованный аркан
Гроза для супостатов.
Орлом шумишь по облакам,
По полю волком рыщешь,

Летаешь страхом в тыл врагам,
Бедой им в уши свищешь;
Они лишь к лесу — ожил лес,
Деревья сыплют стрелы;
Они лишь к мосту — мост исчез;
Лишь к селам — пышут селы.

Хвала, наш Нестор-Бенингсон!
И вождь и муж совета,
Блюдет врагов не дремля он,
Как змей орел с полета.
Хвала, наш Остерман-герой,
В час битвы ратник смелый!
И Тормасов, летящий в бой,
Как юноша веселый!
И Багговут, среди громов,
Средь копий безмятежный!
И Дохтуров, гроза врагов,
К победе вождь надежный!

Наш твердый Воронцов, хвала!
О други, сколь смутилась
Вся рать славян, когда стрела
В бесстрашного вонзилась;
Когда полмертв, окровавлен;
С потухшими очами,
Он на щите был изнесен
За ратный строй друзьями.
Смотрите... язвой роковой
К постеле пригвожденный,
Он страждет, братскою толпой
Увечных окруженный.

Ему возглавье — бранный щит;
Незыблемый в мученье,
Он с ясным взором говорит:
«Друзья, бедам презренье!»
И в их сердцах героя речь
Веселье пробуждает,
И, оживясь, до полу меч
Рука их обнажает.
Спешь ж, о витязь наш! воспрянь;

Уж ангел истребленья
Горé подъял ужасну длань,
И близок час отмщенья.

Хвала, Щербатов, вождь молодой!
Среди грозы военной,
Друзья, он сетует душой
О трате незабвенной.
О витязь, ободрись... она
Твой спутник невидимый,
И ею свыше знамена
Дружин твоих хранимы.
Любви и скорби оживить
Твои для мщенья силы:
Рази дерзнувших возмутить
Покой ее могилы.

Хвала наш Пален, чести сын!
Как бурею носимый,
Везде впреди своих дружин
Разит, неотразимый.
Наш смелый Строгонов, хвала!
Он жаждет чистой славы;
Она из мира увлекла
Его на путь кровавый...
О храбрых сонм, хвала и честь!
Свершайте истребленье,
Отчизна к вам взывает: месть!
Вселенная: спасенье!

Хвала бестрепетных вождем!
На конях окрыленных
По долам скачут, по горам
Вослед врагов смятенных;
Днем мчатся строй на строй; в ночи
Страшат, как привиденья;
Блистают смертью их мечи;
От стрел их нет спасенья;
По всем рассыпаны путям,
Невидимы и зримы;
Сломили здесь, сражают там
И всюду неведимы.

Наш Фигнер старцем в стан врагов
Идет во мраке ночи;
Как тень прокрался вокруг шатров,
Всё зрели быстры очи...
И стан еще в глубоком сне,
День светлый не проглянул —
А он уж, витязь, на коне,
Уже с дружиной грянул.
Сеславин — где ни пролетит
С крылатыми полками:
Там брошен в прах и меч, и щит,
И устлан путь врагами.

Давыдов, пламенный боец,
Он вихрем в бой кровавый;
Он в мире счастливый певец
Вина, любви и славы.
Кудашев скоком через ров
И летом на стремнину;
Бросает взглядом Чернышов
На меч и гром дружину;
Орлов отважностью орел;
И мчит прозу ударов
Сквозь дым и огонь, по грудам тел,
В среду врагов Кайсаров.

В о и н ы

Вожди славян, хвала и честь!
Свершайте истребленье,
Отчизна к вам взывает: месть!
Вселенная: спасенье!

П е в е ц

Друзья, кипящий кубок сей
Вождам, сраженным в бое.
Уже не придут в сонм друзей,
Не станут в ратном строе,
Уж для врага их грозный лик
Не будет вестник мщенья.
И не помчит их мощный клик
Дружину в пыл сраженья;
Их празден меч, безмолвен щит,

Их ратники унылы;
И сир могучих конь стоит
Близ тихой их могилы.

Где Кульнев наш, рушитель сил,
Свирепый пламень брани?
Он пал — главу на щит склонил
И стиснул меч во длани
Где жизнь судьба ему дала,
Там брань его сразила;
Где колыбель его была,
Там днесь его могила.
И тих его последний час:
С молитвою священной
О милой матери угас
Герой наш незабвенный.

А ты, Кутайсов, вождь молодой...
Где прелести? где младость?
Увы! он видом и душой
Прекрасен был, как радость;
В броне ли, грозный, выступал —
Бросали смерть перуны;
Во струны ль арфы ударял —
Одушевлялись струны...
О горе! верный конь бежит
Окровавлен из боя;
На нем его разбитый щит...
И нет на нем героя.

И где же твой, о витязь, прах?
Какою взят могилой?..
Пойдет прекрасная в слезах
Искать, где пепел милый...
Там чище ранняя роса,
Там зелень ароматней,
И сладостней цветов краса,
И светлый день приятней,
И тихий дух твой прилетит
Из таинственной сени;
И трепет сердца возвестит
Ей близость дружной тени.

И ты... и ты, Багратион?
Вотще друзей молитвы,
Вотще их плач... во гробе он,
Добыча лютой битвы.
Еще дружин надежда в нем;
Все мнит: с одра восстанет;
И робко шепчет враг с врагом:
«Увы нам! скоро грянет».
А он... навеки взор смежил,
Решитель бранных споров,
Он в область храбрых воспарил,
К тебе, отец Суворов.
И честь вам, падшие друзья!
Ликуйте в горней сени;
Там ваша верная семья —
Вождей минувших тени.
Хвала вам будет оживлять
И поздних лет беседы.
«От них учитесь умирать!» —
Так скажут внукам деды;
При вашем имени вскипит
В вожде ретивом пламя;
Он на твердыню с ним взлетит
И водрузит там знамя.

В о и н ы

При вашем имени вскипит
В вожде ретивом пламя;
Он на твердыню с ним взлетит
И водрузит там знамя.

П е в е ц

Сей кубок мщенью! други, в строй!
И к небу грозны длани!
Сразить иль пасть! наш роковой
Обет пред богом брани.
Вотще, о враг, из тьмы племен
Ты зиждешь ополченья:
Они бегут твоих знамен
И жаждут низложения.
Сокровищ нет у нас в домах;
Там стрелы и кольчуги;

Мы села — в пепел; грады — в прах;
В мечи — серпы и плуги.

Злодей! он лестью приманил
К Москве свои дружины;
Он низким миром нам грозил
С кремлевския вершины.
«Пойду по стогнам с торжеством!
Пойду... и все восплещет!
И в прах падут с своим царем!...»
Пришел... и сам трепещет;
Подвигло мщенье Москву:
Вспылала пред врагами
И грянулася на их главу,
Губящими стенами.

Веди ж своих царей-рабов
С их стаей в область хлада;
Пробей тропу среди снегов
Во сретение глада...
Зима, союзник наш, пряди!
Им заперт путь возвратный;
Пустыни в пещле позади;
Пред ними сонмы ратны.
Отведай, хищник, что сильнее:
Дух алчности иль мщенье?
Пришлец, мы в родине своей;
За правых провиденье!

В о и н ы

Отведай, хищник, что сильнее:
Дух алчности иль мщенье?
Пришлец, мы в родине своей;
За правых провиденье!

П е в е ц

Святому братству сей фиал
От верных братьей круга!
Блажен, кому создатель дал
Усладу жизни, друга;
С ним счастье вдвое; в скорбный час
Он сердцу утешенье;

Он наша совесть; он для нас
Второе провиденье.
О! будь же, други, святость уз
Закон наш под шатрами;
Написан кровью наш союз:
И жить и пасть друзьями.

В о и н ы

О! будь же, други, святость уз
Закон наш под шатрами;
Написан кровью наш союз:
И жить и пасть друзьями.

П е в е ц

Любви сей полный кубок в дар!
Среди борьбы кровавой,
Друзья, святой питайте жар:
Любовь одно со славой.
Кому здесь жребий уделен
Знать тайну страсти милой,
Кто сердцем сердцу обручен:
Тот смело, с бодрой силой
На все великое летит;
Нет страха; нет преграды;
Чего-чего не совершит
Для сладостной награды?

Ах! мысль о той, кто все для нас,
Нам спутник неизменный;
Везде знакомый слышим глас,
Зрим образ незабвенный!
Она на бранных знаменах,
Она в пылу сраженья;
И в шуме стана и в мечтах
Веселых сновиденья.
Отведай, враг, исторгнуть щит,
Рукою данный милой;
Святой обет на нем горит:
Твоя и за могилой!

О сладость тайные мечты!
Там, там за синей далью
Твой ангел, дева красоты,

Одна с своей печалью,
Грустит, о друге слезы льет;
Душа ее в молитве,
Бойтся вести, вести ждет:
«Увы! не пал ли в битве?»
И мыслит: «Скоро ль, дружный глас,
Твои мне слышать звуки?
Лети, лети, свиданья час,
Сменить тоску разлуки».

Друзья! блаженнейшая часть:
Любозных быть спасеньем.
Когда ж предел наш в битве пасть —
Погибнем с наслажденьем;
Святое имя призовем
В минуты смертной муки;
Кем мы дышали в мире сем,
С той нет и там разлуки:
Туда душа перенесет
Любовь и образ милой...
О други, смерть не все возьмет;
Есть жизнь и за могилой.

В о и н ы

В тот мир душа перенесет
Любовь и образ милой...
О други, смерть не все возьмет;
Есть жизнь и за могилой.

П е в е ц

Сей кубок чистым музам в дар!
Друзья, они в героя
Вливают бодрость, славы жар,
И месть, и жажду боя.
Гремят их лиры — стар и млад
Оделись в бранны латы:
Ничто им стрел свистящих град,
Ничто твердынь раскаты.
Певцы — сотрудники вождям;
Их песни — жизнь победам,
И внуки, внемля их струнам,
В слезах дивятся дедам.

О, радость древних лет, Боян!
Ты, арфой ополченный,
Летал пред строями славян,
И гимн гремел священный;
Петру возник среди снегов
Певец — податель славы;
Честь Задунайскому — Петров;
О камские дубравы,
Гордитесь, ваш Державин сын!
Готовь свои перуны,
Суворов, чудо-исполин, —
Державин грянет в струны.

О старец! да услышим твой
Днесь голос лебединый;
Не тщетной славы пред тобой,
Но мщения дружины;
Простерли не к добычам длань,
Бегут не за венками —
Их подвиг свят: то правых брань
С злодейскими ордами.
Пришло разрушить их мечам
Племен порабощенье;
Самим губителя рабам
Победы их спасенье.

Так, братья, чадам муз хвала!..
Но я, певец ваш юный...
Увы! почто судьба дала
Незвучные мне струны?
Доселе тихим лишь полям
Моя играла лира...
Вдруг жребий выпал: к знаменам!
Прости, и сладость мира,
И отчий край, и круг друзей,
И труд уединенный,
И все... я там, где стук мечей,
Где ужасы войны.

Но буду ль ваши петь дела
И хищных истребленье?
Быть может, ждет меня стрела

И мне удел — паденье.
Но что ж... навеки ль смертный час
Мой след изгладит в мире?
Останется привычный глас
В осиротевшей лире.
Пускай губителя во прах
Низринет месть кровава —
Родится жизнь в ее струнах,
И звучно грянут: слава!

В о и н ы

Хвала возвышенным певцам!
Их песни — жизнь победам;
И внуки, внемля их струнам,
В слезах дивятся дедам.

П е в е ц

Подыдем чашу!.. Богу сил!
О братья, на колена!
Он искони благословил
Славянские знамена.
Бессильным щит его закон
И гибнущим спаситель;
Всегда союзник правых он
И гордых истребитель.
О братья, взоры к небесам!
Там жизни сей награда!
Оттоль отец незримый нам
Гласит: мужайтесь, чада!

Бессмертье, тихий, светлый брег;
Наш путь — к нему стремленье.
Покойся, кто свой кончил бег!
Вы, странники, терпенье!
Блажен, кого постигнул бой!
Пусть долго, с жизнью хилой,
Старик трепещущей ногой
Влачится над могилой;
Сын брани мигом ношу в прах
С могучих плеч свергает
И, бодр, на молнийных крылах
В мир лучший улетает.

А мы?.. Доверенность к творцу!
Что б ни было — незримый
Ведет нас к лучшему концу
Стезей непостижимой.
Ему, друзья, отважно вслед!
Прочь, низкое! прочь, злоба!
Дух бодрый на дороге бед,
До самой двери гроба;
В высокой доле — простота;
Нежадность — в наслаждение;
В союзе с ровным — правота;
В могуществе — смирение.

Обетам — вечность; чести — честь;
Покорность — правой власти;
Для дружбы — все, что в мире есть;
Любви — весь пламень страсти;
Утеха — скорби; просьбе — дань,
Погибели — спасенье;
Могущему пороку — брань;
Бессильному — презренье;
Неправде — прозный правды глас;
Заслуге — воздаянье;
Спокойствие — в последний час;
При гробе — упование.

О! будь же, русский бог, нам щит!
Прострешь твою десницу —
И мститель-гром твой раздробит
Коня и колесницу.
Как воск перед лицом огня,
Растает враг пред нами...
О страх карающего дня!
Бродя окрест очами,
Речет пришлец: «Врагов я зрел;
И мнил: земли им мало;
И взор их гибелью горел;
Протек — врагов не стало!»

В о и н ы

Речет пришлец: «Врагов я зрел;
И мнил: земли им мало;

И взор их гибелью горел;
Протек — врагов не стало!»

Певец

Но светлых облаков гряда
Уж утро возвещает;
Уже восточная звезда
Над хólмами играет;
Редее сумрак; сквозь туман
Проглáнули равнины,
И дальний лес, и тихий стан,
И спящие дружины.
О други, скоро!.. день грядет...
Недвижны рати бурны...
Но... Рок уж жребии берет
Из та́инственной урны.

О новый день, когда твой свет
Исчезнет за холмами,
Сколь многих взор наш не найдет
Меж нашими рядами!..
И он блеснул!.. Чу!.. вестовой
Перун по хólмам грянул;
Внимайте: в поле шум глухой!
Смотрите: стан воспрянул!
И кони ржут, грызя бразды;
И строй сомкнулся с строем;
И вождь летит перед ряды;
И пышет ратник боем.

Друзья, прощанью кубок сей!
И смело в бой кровавый
Под вихорь стрел, на ряд мечей,
За смертью иль за славой...
О вы, которых и вдали
Боготворим сердцами,
Вам, вам все блага на земли!
Щит промысла над вами!..
Всевышний царь, благослови!
А вы, друзья, лобзанье
В завет: *здесь* верныя любви,
Там сладкого свиданья!

В О И Н Ы

Всевышний царь, благослови!

А вы, друзья, лобзанье

В завет: *здесь* верная любви,

Там сладкого свиданья!

ПЕСНЯ

В ВЕСЕЛЫЙ ЧАС

Вот вам совет, мои друзья!

Осушим, идя в бой, стаканы!

С одним не пьяный слажу я!

С десятком уберуся пьяный!

Х о р

Полней стаканы! пейте в лад!

Так пили наши деды!

Тебе погибель, супостат!

А нам венец победы!

Так! чудеса вино творит!
Кто пьян, тому вселенной мало!
В уме он — сам всего дрожит!
Сошел с ума — все задрожало!

Х о р

Полней стаканы! и пр.

Не воин тот в моих глазах,
Кому бутылка не по нраву!
Он видит лишь в сражение страх!
А пьяный в нем лишь видит славу!

Х о р

Полней стаканы! и пр.

Друзья! вселенная красна!
Но ежели рассудим строго,
Найдем, что мало в ней вина
И что воды уж слишком много!

Х о р

Полней стаканы! и пр.

Так! если бог не сотворил
Стихией влагу драгоценну,
Он осторожно поступил —
Мы осушили бы вселенну!

Х о р

Полней стаканы! пейте в лад!
Так пили наши деды!
Тебе погибель, супостат!
А пам венец победы!

ВОЖДЮ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Писано после сражения под Красным

Послание

О вождь славян, дерзнут ли робки струны
Тебе хвалу в сей славный час бряцать?
Везде гремят отмщения перуны,
И мчится враг, стыдом покрытый, вспять,
И с россом мир тебе рукоплескает!..
Кто пенью струн средь плесков сих внимает?
Но как молчать? Я сердцем славянин!
Я зрел, как ты, впреди своих дружин,
В кругу вождей, сопутствуем громами,
Как божий гнев, шел грозно за врагами.
Со всех сторон дымились небеса;
Окрест земля от громов колебалась...
Сколь мысль моя тогда воспламенялась!
Сколь дивная являлась мне краса!
О старец-вождь! я мнил, что над тобою
Тогда сам Рок невидимый летел;
Что был сокрыт вселенная предел
В твоей главе, венчанной сединою!

Закон судьбы для нас неизъясним.
Надменный сей не ею ль был храним?
Вотще пески ливийские пылали —
Он путь открыл среди песчаных волн;

Вотще враги пучину осаждали —
Его промчал безвредно легкий челн;
Ступил на брег — в руке его корона;
Уж хищный взор с похищенного трона
Вселенную в неволю оковал;
Уж он царей-рабов своих созвал...
И восстают могущие тевтопы,
Достойные Арминия сыны;
Неаполь, Рим собирают легионы;
Богемец, венгр, саксон ополчены;
И стали в строй изменники сарматы;
Им нет числа; дружины их крылаты;
И норд и юг поток сей наводнил!
Вождю вослед, а вождь их за звездою,
Идут, летят — уж всё под их стопою,
Уж росс главу под низкий мир склонил...
О замыслы! о неба суд ужасный!
О хищный враг!.. и труд толиких лет,
И трупами усталый путь побед,
И мощь, и злость, и козни — все напрасно!
Здесь грозная Судьба его ждала;
Она успех на то ему дала,
Чтоб старец наш славней его низринул.
Хвала, наш вождь! Едва дружины двинул —
Уж хищных рать стремглав бежит назад;
Их гонит страх; за ними мчится глад;
И щит и меч бросают с знаменами;
Везде пути покрыты их костями;
Их волны жрут; их губит огонь и хлад;
Вотще свой взор поднимают ко спасенью...
Не узрят их отечески поля!
Обречены в добычу истребленью,
И будет гроб им русская земля!
И скрылася, наш старец, пред тобою
Сия звезда, сей грозный вождь к бедам;
Посол Судьбы, явился ты полкам —
И пред твоей священной сединою
Безумная гордыня пала в прах.
Лети, неси за ними смерть и страх;
Еще удар — и всей земле свобода,
И нет следов *великого* народа!
О, сколь тебе завидный жребий дан!

Еще вдали трепещет оттоман—
А ты уж здесь! уж родины спаситель!
Уже погнал, как гений-истребитель,
Кичливые разбойников орды;
И ряд побед — полков твоих следы;
И самый враг, неволею гнетомый,
Твоих орлов благословляет громы:
Ты жизнь ему победами даришь...
Когда ж, свершив погибельное мщенье,
Свои полки отчизне возвратишь,
Сколь славное тебе успокоенье!..
Уже в мечтах я вижу твой возврат:
Перед тобой венцы, трофеи брани;
Во сретенье бегут и стар и млад;
К тебе их взор; к тебе поднимают длани;
«Вот он! вот он! сей грозный вождь, наш щит;
Сколь величав грядущий пред полками!
Усеете путь спасителя цветами!
Да каждый храм мольбой о нем гремит!
Да слышит он везде благословенье!»
Когда ж, сложив с главы своей шелом
И меч с бедра, ты возвратишься в дом,
Да вкусишь там покоя наслажденье
Пред славными трофеями побед —
Сколь будет ток твоих преклонных лет
В сей тишине величествен и ясен!
О, дней благих закат всегда прекрасен!
С веселием вода окрест свой взор,
Ты будешь зреть ликующие нивы,
И скачущи стада по скатам гор,
И хижины оратая счастливы,
И скажешь: мной дана им тишина.
И старец, в гроб ступивший уж ногою,
Тебя в семье вспомянув с мольбою,
В семействе скажет: «Им сбережена
Мне мирная в отечестве могила».
И скажет мать, любясь на детей:
«Его рука мне милых сохранила».
На пиршествах, в спокойствии семей,
Пред алтарем, в обители царей,
Везде, о вождь, тебе благословенье!
Тебя предаст потомству песнопенье!

**УЗНИК К МОТЫЛЬКУ,
ВЛЕТЕВШЕМУ
В ЕГО ТЕМНИЦУ**

Откуда ты, эфира житель?
Скажи, нежданный гость небес,
Какой зефир тебя занес
В мою печальную обитель?
Увы! денницы милый свет
До сводов сих не достигает;
В сей бездне ужас обитает;
Веселья здесь и следу нет.

Сколь сладостно твое явленье!
Знать, милый гость мой, с высоты
Страдальца вздох услышал ты —
Тебя примчало сожаленье;
Увы! убитая тоской
Душа весь мир в тебе узрела,
Надежда ясная влетела
В темницу к узнику с тобой.

Скажи ж, любимый друг природы,
Все те же ль неба красоты?
По-прежнему ль в лугах цветы?
Душисты ль рощи? ясны ль воды?
По-прежнему ль в тиши ночной
Поет дубравная певича?
Увы! скажи мне, где денница?
Скажи, что сделалось с весной?

Дай весть услышать о свободе;
Слышал ли песнь ее в горах?

Ее видал ли на лугах
В одушевленном хороводе?
Ах! зрел ли милую страну,
Где я был счастлив в прежни годы?
Все та же ль там краса природы?
Все так ли там, как в старину?

Весна сих сводов не видала:
Ты не найдешь на них цветка;
На них затворников рука
Страданий повесть начертала;
Не долетает к сим стенам
Зефира легкое дыханье:
Ты внемлешь здесь одно стенанье.
Ты здесь порхаешь по цепям.

Лети ж, лети к свободе в поле;
Оставь сей бездны глубину;
Спеши прожить твою весну —
Другой весны не будет боле;
Спеши, творения краса!
Тебя зовут луга шелковы:
Там прихоти — твои оковы;
Твоя темница — небеса.

Будь весел, гость мой легкокрылый,
Резвяся в поле по цветам...
Быть может, двух младенцев там
Ты встретишь с матерью унылой.
Ах! если б мог ты усладить
Их муку радости словами;
Сказать: он жив! он дышит вами!
Но... ты не можешь говорить.

Увы! хоть крыльями златыми
Моих младенцев ты прельсти;
По травке тихо полети,
Как бы хотел быть пойман ими;
Тебе помчатся вслед они,
Добычи милыя желая;
Ты их, с цветка на цвет порхая,
К моей темнице примани.

Забав их зритель равнодушный,
Пойдет за ними вслед их мать —
Ты будешь путь их услаждать
Своею резвостью воздушной.
Любовь их — мой последний щит:
Они страдальцу провиденье;
Сирот священное моление
Тюремных стражей победит.

Падут железные затворы —
Детей, супругу, небеса,
Родимый край, холмы, леса
Опять мои увидят взоры...
Но что?.. я цепью загремел;
Сокрылся призрак-обольститель...
Вспорхнул эфирный посетитель...
Постой!.. но он уж улетел.

К ФИЛОНУ

Блажен, о Филон, кто харитам-богиням жертвы приносит.
Как светлые дни легкокрылого мая в блеске весеннем,
Как волны ручья, озаренны улыбкой юного утра,
Дни его легким полетом летят.

И полный фиал, освященный устами дев полногрудых,
И лира, в кругу окрыляемых пляской фавнов звеняща,
Да будут от нас, до нисхода в пределы тайного мира,
Грациям, девам стыдливости, дар.

И горе тому, кто харитам противен; низкие мысли
Его от земли не восходят к Олимпу; бог песнопенья
И нежный Эрот с ним враждуют; напрасно лиру он строит:
Жизни в упорных не будет струнах.

К ПЛЕЩЕЕВУ

Напрасно я, друг милый, говорил,
Что супостат, как внешний лед, растает!..
Увы! грядущего никто, никто не знает!
Ведь не растаял он — застыл!

УЕДИНЕНИЕ

(Отрывок)

Дружись с *Уединеньем!*
Изнежен наслажденьем,
Сын света незнаком .
С сим добрым божеством,
Ни труженик унылый,
Безмолвный раб могилы,
Презревший божий свет
Степной анахорет.
Ужасным привиденьем
Пред их воображеньем
Является оно:
Как тьмой, облечено
Одеждою печальной
И к урне погребальной
Приникшее челом;
И в сумраке кругом,
Объят безмолвной думой,
Совет его угрюмой:
С толпой видений *Страх*,
Унылое *Молчанье*,
И мрачное *Мечтанье*
С безумием в очах,
И душ холодных мука,
Губитель жизни, *Скука...*
О! вид совсем иной
Для тех оно приемлет,
Кто зову сердца внемлет
И с мирною душой,
Младенец простотой,
Вслед промысла стремится,
Ни света, ни людей
Угрюмо не дичится,
Но счастья жизни сей
От них не ожидает,
А в сердце заключает
Прямой источник благ.
С улыбкой на устах,
На дружественном лоне
Подруги *Тишины*,

В сиянии весны,
Простертое на троне
Из лилий молодых,
Как райское виденье
Себя являет их
Очам *Уединенья!*
Вблизи под сенью мirt
Кружится рой *Харит*
И пляску соглашает
С струнами *Аонид;*
Смотря на них, смягчает
Наука строгий вид,
При ней, сын размышленья,
С веселым взглядом *Труд* —
В руке его сосуд
Счастливого забвенья
Сразивших душу бед,
И радостей минувших,
И сердце обманувших
Разрушенных надежд;
Там зрится *Отдых* ясный,
Труда веселый друг,
И сладостный *Досуг,*
И три сестры, прекрасны
Как юная весна:
Вчера — воспоминанье,
И *Ныне* — тишина,
И *Завтра* — упованье;
Сидят рука с рукой,
Та с розой молодой,
Та с розой облетелой,
А та, мечтой веселой
Стремясь к небесам,
В их тайну проникает
И, радуясь, сливает
Неведомое нам
В магическое *там.*

Вспомни, вспомни, друг мой милый,
 Как сей день приятен был!
 Небо радостно светило!
 Мнилось, целый мир делил
 Наслаждение со мною!
 Год минувший — тяжкий сон!
 Смутной, горестной мечтою
 Без возврата скрылся он.

Снова день сей возвратился,
 Снова в сердце тишина!
 Вид природы обновился —
 И душа обновлена!
 Что прошло — тому забвенье!
 Верный друг души моей,
 Нас хранило Провиденье!
 Тот же с нами круг друзей!

О спутник мой бесценный!
 Мысль, что в мире ты со мной,
 Неразлучный, неизменный, —
 Будь хранитель в жизни мой!
 В ней тобою все мне мило!
 В самой скорби страха нет!
 Небо нас соединило!
 Мы вдвоем покинем свет!

**ТУРГЕНЕВУ,
 В ОТВЕТ НА ЕГО ПИСЬМО¹**

Послание

Друг, отчего печален голос твой?
 Ответствуй, брат, реши мое сомненье.
 Иль он твоей судьбы изображение?
 Иль счастье простилось и с тобой?
 С стеснением письмо твоё читаю;

¹ Сие послание посвящено воспоминаниям молодости: двух друзей, украшавших ее, нет уже на свете. (*Прим. Жуковского.*)

Увы! на нем уныния печать;
Чего не смел ты ясно мне сказать,
То все, мой друг, я чувством понимаю.
Так, и на твой досталось удел;
Разрушен мир фантазии прелестной;
Ты в наготе, друг милый, жизнь узрел;
Что в бездне сей таилось, всё известно —
И для тебя уж здесь обмана нет.
И, испытав, сколь сей изменчив свет,
С пленительным простившись ожиданьем,
На прошлы дни ты обращаешь взгляд
И без надежд живешь воспоминаньем.

О! не бывать минувшему назад!
Сколь весело промчались те годы,
Когда мы все, товарищи-друзья,
Делили жизнь на лоне у Свободы!
Беспечные, мы в чувстве бытия,
Что было, есть и будет, заключали,
Грядущее надеждой украшали —
И радостным оно являлось нам.
Где время то, когда по вечерам
В веселый круг нас музы собирали?
Нет и следов; исчезло все — и сад
И ветхий дом, где мы в осенний хлад
Святой союз любви торжествовали
И звоном чаш шум ветров заглушали.
Где время то, когда наш милый брат
Был с нами, был всех радостей душою?
Не он ли нас приятной остротою
И нежностью сердечной привлекал?
Не он ли нас тесней соединял?
Сколь был он прост, пескрытен в разговоре!
Как для друзей всю душу обнажал!
Как взор его во глубь сердец вникал!
Высокий дух пылал в сем быстром взоре.
Бывало, он, с отцом рука с рукой,
Входил в наш круг — и радость с ним являлась:
Старик при нем был юноша живой,
Его седин свобода не чуждалась...
О нет! он был милейший нам собрат;
Он отдыхал от жизни между нами,

От сердца дар его был каждый взгляд,
И он друзей не рознил с сыновьями...
Увы! их нет... мы ж каждый по тропам
Незнаемым за счастьем полетели,
Нам прошептал какой-то голос: *там!*
Но что? и где? и кто вожатый к цели?
Вдали сиял пленительный призрак —
Нас тайное к нему стремленье мчало;
Но опыт вдруг накинул покрывало
На нашу даль — и там один лишь мрак.
И, верою к грядущему убоги,
Задумчиво глядим с полудороги
На спутников, оставших назади,
На милую Фантазию с мечтами...
Изменница! навек простилась с нами,
А все еще твердит свое: *иди!*
Куда идти? что ждет нас в отдаленье?
Чему еще на свете веру дать?
И можно ль, друг, желание питать,
Когда для нас столь бедно исполнение?
Мы разными дорогами пошли:
Но что ж, куда они нас привели?
Всё к одному, что счастье — заблужденье.
Сравни, сравни себя с самим собой:
Где прежний ты, цветущий, жизни полный?
Бывало, все — и солнце за горой,
И запах лип, и чуть шумящи волны,
И шорох нив, струимых ветерком,
И темный лес, склоненный над ручьем,
И пастыря в долине песнь простая —
Веселием всю душу растворяя,
С прелестною сливалось мечтой:
Вся жизни даль являлась пред тобой;
И ты, восторг предчувствием считая,
В событие надежду обращал.
Природа та ж... но где очарованье?
Ах! с нами, друг, и прежний мир пропал;
Пред опытом умолкло упованье;
Что в *оны дни* будило радость в нас,
То в нас *теперь* унылость пробуждает;
Во всем, во всем прискорбный слышен глас,
Что ничего нам жизнь не обещает.

И мы еще, мой друг, во цвете лет.
О, беден, кто себя переживет!
Пред кем сей мир, столь некогда веселый,
Как отчий дом, ужасно опустелый:
Там в старину все жило, все цвело,
Там он играл младенцем в колыбели;
Но время все оттуда унесло,
И с милыми веселья улетели;
Он их зовет... ему ответа нет;
В его глазах развалины унылы;
Один его минувшей жизни след:
Утраченных безмолвные могилы.

Неси ж туда, где наш отец и брат
Спокойным сном в приюте гроба спят,
Венки из роз, вино и ароматы;
Воздвигнем, друг, там памятник простой
Их бытия... и скорбной нашей траты.
Один исчез из области земной
В объятиях веселых Надежды.¹
Увы! он зрел лишь юный жизни цвет;
С усилием его смыкались вежды;

¹ Андрей Иванович Тургенев. Он умер в полном цвете жизни. Ум необыкновенно пронизательный, острый и ясный; чистое, исполненное любви к прекрасному сердце. В сем послании изображен он таким, каков был.

Наружность его отвечала его характеру; *быстрый взор*, казалось, ясно читал в каждом сердце; но этот взор никого не приводил в замешательство — в нем сияла кроткая, непритворная, доброжелательная душа. И разговор его был таков же: невозможно было иметь более остроты, и ничья острота не имела в себе столь много привлекательного, ибо она была непринужденная, не оскорбляла самолюбия, соединялась с *нежностью сердечною* и была самым приятным ее выражением. Стих:

Не он ли нас тесней соединял?

есть самое верное изображение той дружбы, которую питали к нему его товарищи: этим *одним*, общим для всех них чувством, теснее были они соединены и между собою. Он точно был для них *душою всех радостей*. И теперь с живым об нем воспоминанием всегда возобновляется сладкое чувство прежней молодой жизни, а вместе с этим чувством и все, что было лучшего в этом лучшем времени. Жизнь его можно назвать прекрасною неисполнившеюся надеждою: в нем созревало все, что составляет прямое достоинство человека; но это все бесплодно погибло для здешнего света. (Прим. Жуковского.)

Он сетовал, навек теряя свет —
Где милого столь много оставалось, —
Что бытие так рано прекращалось.
Но он и в гроб Мечтой сопровожден.
Другой... старик... сколь был он изумлен
Тогда, как смерть, ошибкою ужасной,
Не над его одряхшей головой,
Над юностью обрушилась прекрасной! ¹
Он не роптал: но с тихою тоской
Смотрел на праг покоя и могилы —
Увы! там ждал его сопутник милый;
Он мыслю, безмолвный пред судьбой,
Взывал к творцу: да пройдет чаша мимо!
Она прошла... ² и мы в сей край незримый
Летим душой за милыми вослед;
Но к нам от них желанной вести нет;
Лишь тайное живет в нас ожиданье...
Когда ж? когда?.. Друг милый, упованье!
Гробами их рубеж означен тот,
За коим нас свободы гений ждет,
С спокойствием, бесчувствием, забвеньем.
Пришед туда, о друг, с каким презреньем
Мы бросим взор на жизнь, на гнусный свет;
Где милое один минутный цвет;
Где доброму следов ко счастью нет;
Где мнение над совестью властитель;
Где все, мой друг, иль жертва, иль губитель!..
Дай руку, брат! как знать, куда наш путь

¹ Иван Петрович Тургенев. Он имел несчастье пережить милого сына, и эта потеря, кажется, была отчасти причиною собственной преждевременной смерти его: он умер не в дряхлых летах, от паралича, лишенный памяти, языка, руки и ноги. Любовь его к детям была товариществом зрелого, опытного мужа с юношами, привязанными к нему свободною доверенностью, сходством мыслей и чувством и самою нежною благодарностью.

Нельзя без сладкого чувства вспомнить об этом старце. Он был *живой юноша* в кругу молодых людей, из которых каждый готов был сказать ему все, что имел на сердце, будучи привлечен его прямодушием, отеческим участием, веселостью, простотою. Последние годы жизни его были горестны. Тяжелая болезнь мало-помалу его уничтожала. (*Прим. Жуковского.*)

² И отец и сын покоятся вместе. Они погребены на кладбище Невского монастыря. Один камень покрывает их могилы. (*Прим. Жуковского.*)

Нас приведет, и скоро ль он свершится,
И что еще во мгле судьбы таится —
Но дружба нам звездой отрады будь;
О прочем здесь останемся беспечны;
Нам счастья нет: зато и мы — не вечны.

ЭПИМЕСИД

«О, жребий смертного унылый!
Твой путь, — Зевес ему сказал, —
От колыбели до могилы
Между пучин и грозных скал;
Его уносит быстро время;
Врага в прошедшем видит он;
Влачить забот и скуки бремя
Он в настоящем осужден;
А счастья будущего сон
Все дале, дале улетает
И в гробе с жизнью исчезает;
И пусть случайно оживит
Он сердце радостью мгновенной —
То в бездне луч уединенный:
Он только бездну озарит.
О ты, который самовластно
Даришь нас жизнью ужасной,
Зевес, к тебе взываю я:
Пошли мне дар небытия».

В стране, забвенной от природы,
Где мертвый разрушенья вид,
Где с ревом бьют в утесы воды,
Так говорил Эпимесид.
Угрюмый, страшных мыслей полный,
Он пробегал очами волны,
Он в бездну броситься готов...
И грянул глас из облаков:
«Ты лжешь, хулитель провиденья,
Богам любезен человек:
Но благ источник наслажденья;
Отринь, слепец, что в буйстве рек,
И не гневи творца ропаньем».

Эпимесид простерся в прах.
Покорный, с тихим упованьем,
С благословеньем на устах,
Идет он с берега крутова.
Два месяца не протекли —
На берег он приходит снова.
«О небеса! вы отвели
Меня от страшной сей пучины;
Хвала вам! тайный перст судьбины
Уже мне друга указал.
О, сколь безумно я роптал!
Не дремлют очи провиденья,
И часто посреди волненья
Оно являет пристань нам;
Мы живы под его рукою,
И смертный не к одним бедам
Приходит трудною стезею».
Умолк — и видит: не вдали
Цветет у берега мирт зеленый,
На брата юного склоненный,
И бури ветви их сплели.
Под тенью их он воздвигает
Лик *Дружбы*, в честь благим богам.

Проходит год — опять он там;
Во взорах счастье пылает;
Гименов на челе венки.
«И я винил в безумстве рок!
И я терял к бессмертным веру!
Они послали мне Глисеру;
Люблю, о сладкий жизни дар!
О! как мне весь перед богами
Излить благодаренья жар?»
Он пал на землю со слезами;
Потом под юными древами,
Где *Дружбы* лик священный был,
Любви алтарь соорудил.

Свершился год — с лучом Авроры
Опять пришел он на утес,
И светлые сияли взоры
Святым спокойствием небес.

«Хвала вам, боги; вашей властью
Узнал в любви и в дружбе я
Все *наслажденья* бытия;
Но вы открыли путь ко *счастью*.
Проклятье дерзостным хулам,
Произнесенным в исступленье!
Наш в мире путь — одно мгновенье,
Но можем быть равны богам».
И он воздвиг на бреге храм,
Где все пленяло простотою:
Столбы, обитые корою,
Помост из дерна и цветов,
И скромный из соломы кров,
Под той же дружественной сенью
Где был алтарь сооружен...
И на простом фронтоне он
Изобразил: *Благотворенью*.

СВЕТЛАНЕ

Хочешь видеть жребий свой
В зеркале, Светлана?
Ты спросись с своей душой!
Скажет без обмана,
Что тебе здесь суждено!
Нам душа — зеркало!
Все в ней, все заключено,
Что нам обещало
Провиденье в жизни сей!
Милый друг, в душе твоей,
Непорочной, ясной,
С восхищеньем вижу я,
Что сходна судьба твоя
С сей душой прекрасной!
Непорочность — спутник твой
И веселость — гений
Всюду будут пред тобой
С чашей наслаждений.
Лишь тому, в ком чувства нет,
Путь земной ужасен!

Счастье в нас, и божий свет
Нами лишь прекрасен.
Милый друг, спокойна будь,
Безопасен твой здесь путь:
Сердце твой хранитель!
Все судьбою в нем дано:
Будет здесь тебе оно
К счастью предводитель!

К САМОМУ СЕБЕ

Ты унываешь о днях, невозвратно протекших,
Горестной мыслью, тоской безнадежной их призывая, —
Будь настоящее твой утешительный гений!
Веря ему, свой день проводи безмятежно!
Легким полетом несутся дни быстрые жизни!
Только успеем достигнуть до полныя зрелости мыслей,
Только увидим достойную цель пред очами —
Все уж для нас прошло, как мечта сновиденья,
Призрак фантазии, то представляющей взору
Луг, испещренный цветами, веселые холмы, долины;
То пролетающей в мрачной одежде печали
Дикую степь, леса и ужасные бездны.
Следуй же мудрым! всегда неизменный душою,
Что посылает судьба, принимай и не сетуй! Безумно
Скорбью бесплодной о благе навеки погибшем
То отвергать, что нам предлагает минута!

ПИСЬМО К ***

Я сам, мой друг, не понимаю,
 Как можно редко так писать
 К друзьям, которых обожаю,
 Которым все бы рад отдать!..
 Подруга детских лет, с тобою
 Бываю сердцем завсегда
 И говорить люблю мечтою...
 Но говорить пером — беда!
 День почтовой есть день мученья!
 Для моего воображенья
 Враги — чернильница с пером!
 Сидеть согнувшись за столом
 И, чтоб открыть души движенья,
 Перо в чернилы помакать,
 Написанное ж засыпать
 Скорей песком для сбереженья —
 Все это, признаюсь, мне ад!
 Что ясно выражает взгляд
 Иль голоса простые звуки,
 То на бумаге, невпопад,
 Для услаждения разлуки,
 Должны в определенный день
 Мы выражать пером!.. А лень,
 А мрачное расположение,
 А сердца тяжкое стесненье
 Всегда ль дают свободу нам
 То мертвым поверять строкам,
 Что в глубине души таится?

Неволи мысль моя страшится:
Я автор — но писать ленив!
Зато всегда, всегда болтлив,
Когда твои воображаю
Столь драгоценные черты
И *сам себе* изображаю,
Сколь нежно мной любима ты!
Всегда, всегда разгорячаешь
Ты пламенной своей душой
И сердце и рассудок мой!
О, сколь ты даром обладаешь
Быть милой для твоих друзей!
Когда письмо твое читаю,
Себя я лучшим ощущаю,
Довольней участью своей,
И будущих картина дней
Передо мной животворится,
И хоть на миг единый мпится,
Что в жизни *все* имею я:
Любовь друзей — судьба моя.
Храни, о друг мой неизменный,
Сей для меня залог священный!
Пиши — когда же долго нет
Письма от твоего поэта,
Все верь, что друг тебе поэт, —
И жди с терпением ответа!

К 16 ЯНВАРЯ 1814 ГОДА

Прелестный день, не обмани!
Тебя встречаю я с волненьем.
О, если б жизни приношеньем
Я сделать мог, чтоб *оны дни*,
Летящи следом за тобою,
Ей все с собою принесли!..
Мой друг, кто был любим судьбою
Тебя достойней на земли?

Когда б родиться в свет и жить
 Лишь значило: пойти в далекий путь без цели,
 Искать безвестного, с надеждой не найти,
 И от младенческой спокойной колыбели
 До колыбели гробовой
 Стремясь за тщетною мечтой,
 Остановиться вдруг и, взоры обративши,
 Спросить с унынием: зачем пускался в путь?
 Потом, забвению свой посох посвятивши,
 На лоне тишины заснуть, —
 Тогда бы кто считал за праздник день рожденья?
 Но жребий мне иной!
 Мой ангел, мой хранитель,
 Твой вид приняв, сказал: «Я друг навеки твой!»
 В сем слове все сказал небесный утешитель.
 В сем слове цель моя, надежда и венец!
 Благодарю за жизнь, творец!

К ВОЕЙКОВУ ¹*Послание*

Добро пожаловать, певец,
 Товарищ-друг, хотя и льстец,
 В смиренную обитель брата;
 Поставь в мой угол посох свой
 И умиленною мольбой
 Почти домашнего Пената.
 Садись — вот кубок! в честь друзьям!
 И сладкому воспоминанью,
 И благотворному свиданью,
 И нас хранившим небесам!

Ты был под знаменами славы;
 Ты видел, друг, следы кровавы
 На Русь нахлынувших врагов,

¹ А. Ф. Воейков, известный наш стихотворец, объездив некоторые южные провинции России, посетил автора, жившего в деревне (в конце 1813). Он написал несколько стихов в похвалу поэмы его *Владимир*, существующей в одном только воображении. (Прим. Жуковского.)

Их казнь и ужас их побега;
Ты, строя свой бивак из снега,
Себя смиренью научал
И, хлеб водою запивая,
«Хвала, умеренность золотая!» —
С певцом Тибурским восклицал.
Ты видел Азии пределы;
Ты зрел ордынцев лютых край
И лишь обломки обгорелы
Там, где стоял Шери-Сарай,
Батия древняя обитель;
Задумчивый развалин зритель,
Во днях минувших созерцал
Ты настоящего картину
И в них ужасную судьбину
Батия новых дней читал.
В Сарепте зрелище иное:
Там братство христиан простое
Бесстрашием ограждено
От вредных сердцу заблуждений,
От милых сердцу наслаждений.
Там вечно *то же* и *одно*;
Всему свой час: труду, безделью;
И легкокрылому веселью
Порядок крылья там сковал.
Там, видя счастье в покое,
Ты все восторги отдавал
За несчастье святое;
Ты зрел, как в тишине семей,
Хранимы сердцем матерей,
Там девы простотой счастливы,
А юноши трудолюбивы
От бурных спасены страстей
Рукой занятия целебной;
Ты зрел, как, вшедши в божий храм,
Они смиренно к небесам
Возводят взор с мольбой хвалебной
И служат сердцем божеству,
Отринув мрак предрассужденья...
Что уподобим торжеству,
Которым чудо искупленья
Они в восторге веры чтут?..

Все тихо... полночь... нет движенья...
И в трепете благоговенья
Все братья той минуты ждут,
Когда им звон-благовеститель
Провозгласит: воскрес спаситель!..
И вдруг... во мгле... средь тишины,
Как будто с горней вышины
С трубою ангел-пробудитель,
Нисходит глас... алтарь горит,
И братья пали на колени,
И гимн торжественный гремит,
И се, идут в усопших сени,
О, сердце трогающий вид!
Под тенью тополей, ветвистых
Берез, дубов и шелковиц,
Между тюльпанов, роз душистых
Ряды являются гробниц:
Здесь старцев, там детей могила,
Там юношей, там дев младых —
И Вера подле пепла их
Надежды факел воспалила...
Идут к возлюбленным гробам
С отрадной вестью воскресенья;
И все — отверзтый светлый храм,
Где, мнится, тайна искупленья.
Свершается в сей самый час,
Торжественный поющих глас,
И братий на гробах лобзанье
(Принесших им воспоминанье .
И жертву умиленных слез),
И тихое гробов молчанье,
И соприутственных небес
Незримое с землей слиянье —
Все живо, полно божества;
И верных братий торжества
Свидетели, из тайной сени
Исходят дружеские тени,
И их преображенный вид
На сладку песнь: «Воскрес спаситель!..»
Сердцам «воистину» гласит,
И самый гроб их говорит:
Воскреснем! жив наш искупитель! —

И сей оставивши предел,
Ты зрел, как Терек в быстром беге
Меж виноградников шумел,
Где часто, притаясь на берегу,
Чеченец иль черкес сидел
Под буркой, с гибельным арканом;
И вдалеке перед тобой,
Одеты голубым туманом,
Гора вздымалась над горой,
И в сонме их гигант седой,
Как туча, Эльборус двуглавый.
Ужасною и величавой
Там все блистает красотой:
Утесов мшистые громады,
Бегущи с ревом водопады
Во мрак пучин с гранитных скал;
Леса, которых сна от века
Ни стук секир, ни человека
Веселый глас не возмущал,
В которых сумрачные сени
Еще луч дневный не проник,
Где изредка одни олени,
Орла слышав грозный крик,
Теснясь в толпу, шумят ветвями
И козы легкими ногами
Перебегают по скалам.
Там все является очам
Великолепие творенья!
Но там — среди уединенья
Долин, таящихся в горах, —
Гнездятся и балкар, и бах,
И абазех, и камукинец,
И карбулак, и абазинец,
И чечереец, и шапсук;
Пищаль, кольчуга, сабля, лук
И конь — соратник быстроногий
Их и сокровища и боги;
Как серны, скачут по горам,
Бросают смерть из-за утеса;
Или, по топким берегам,
В траве высокой, в чаще леса
Рассыпавшись, добычи ждут.

Скалы свободы их приют;
Но дни в аулах их бредут
На костылях угрюмой лени;
Там жизнь их — сон; стеснясь в кружок
И в братский с табаком горшок
Вонзивши чубуки, как тени
В дыму клубящемся сидят
И об убийствах говорят
Иль хвалят меткие пищали,
Из коих деды их стреляли;
Иль сабли на кремнях острят,
Готовясь на убийства новы.
Ты видел Дона берега;
Ты зрел, как он поил шелковы
Необозримые луга,
Одушевленны табунами;
Ты зрел, как тихими водами
Меж виноградными садами
Он, зеленея, протекал
И ясной влагой отражал
Брега, покрытые стадами,
Ряды стеснившихся стругов
И на склонении холмов
Донских богатырей станицы;
Ты часто слушал, как певичцы
Родимый прославляют Дон,
Спокойствие станиц счастливых,
Вождей и коней их ретивых;
С смиреньем отдал ты поклон
Жилищу Вихря-атамана
И из заветного стакана
Его здоровье на Цимле
Пил, окруженный стариками,
И витязи под сединами
Соотчикам в чужой земле
«Ура!» кричали за тобою.
Теперь ты случая рукою
В обитель брата приведен,
С ним вспомнишь призраки златые
Невозвратимых тех времен,
Когда мы — гости молодые

У милой Жизни на пиру —
Из полной чаши радость пили
И *счастье наше!* говорили
В своем пророческом жару...
Мой друг, пророчество прелестно!
Когда же сбудется оно?
Еще вдали и неизвестно
Все то, что нам здесь суждено...
А время мчится без возврата,
И жизнь-изменница за ним;
Один уходим за другим;
Друг, оглянись... еще нет брата,
Час от часу пустее свет;
Пустей дорога перед нами.

Но так и быть!.. здесь твой поэт
С смиренной музою, с друзьями
В смиренном уголке живет
И у моря погоды ждет.
И ты, мой друг, чтобы мечтою
Грядущее развеселить,
Спешишь волшебных струн играю
В нем спящий гений пробудить;
И очарованный тобою,
Как за прозрачной пеленою,
Я вижу древни чудеса:
Вот наше солнышко-краса
Владимир-князь с богатырями;
Вот Днепр кипит между скалами;
Вот златоверхий Киев-град;
И бусурманов тьмы, как пруги,
Вокруг зубчатых стен кипят;
Сверкают шлемы и кольчуги;
От кликов, топота коней,
От стука палиц, свиста пращей
Далеко слышен гул дрожащий;
Вот, дивной облечен броней,
Добрыня, богатырь могучий,
И конь его Златокопыт;
Чрез степи и леса дремучи
Не скачет витязь, а летит,
Громя Зилантов, и Полканов,

И ведъм, и чуд, и великанов;
И втайне девица-краса
За дальни степи и леса
Вослед ему летит душою;
Склоняся на руку главою,
На путь из терема глядит
И так в раздумье говорит:
«О ветер, ветер! что ты въешься?
Ты не от милого несешься,
Ты не принес веселья мне;
Играй с касаткой в вышине,
По поднебесью с облаками,
По синю морю с кораблями —
Стрелу пернатую отвей
От друга — радости моей».
Краса-девица поет, плачет;
А друг по долам, холмам скачет,
Летя за тридевять земель;
Ему сыра земля постель;
Возглавье щит; ночлег дубрава;
Там бьется с бабою-ягой;
Там из ручья с живой водой,
Под стражей змея шестиглава,
Кувшином черпает златым;
Там машет дубом перед ним
Косматый людоед Дубыня;
Там заслоняет путь Горыня;
И вот внезапно занесен
В жилище чародеев он;
Пред ним чернеет лес ужасный!
Сияет блеск вдали прекрасный;
Чем ближе он — тем дале свет;
То тяжкий филина полет,
То вранов раздается рокот;
То слышится русалки хохот;
То вдруг из-за седого пня
Выходит леший козлоногий;
И вдруг стоят пред ним чертоги,
Как будто слиты из огня —
Дворец волшебный царь-девицы;
Красою белые колпицы,
Двенадцать дев к нему идут

И песнь приветствия поют;
И он... Но что? куда мечтами
Я залетел тебе вослед —
Ты чародей, а не поэт;
Ты всемогущими струнами
Мой падший гений оживил...
И кто, скажи мне, научил
Тебя предречь осмью стихами
В сей книге с белыми листами
Весь сокровенный жребий мой?
Признаться ли?.. Смотрю с тоской,
С волнением непобедимым
На белые сии листы,
И мнится, перстом невидимым
Свои невидимы черты
На них Судьба уж написала.
Что б ни было... сей дар тебе
Отныне дружба завещала;
Опа твоя... молись Судьбе,
Чтоб в ней наполнились страницы.
Когда, мой друг, тебе я сам
Ее в веселый час подам
И ты прочтешь в ней небылицы,
За былъ рассказанные мной,
То знай, что счастлив жребий мой,
Что под надзором провиденья,
Питаюсь жизнью в тишине,
Вблизи всего, что мило мне,
Я на крылах воображенья,
Веселый *здесь*, в *тот* мир летал
И что меня не покидал
Мой верный ангел вдохновенья...
Но, друг, быть может... как узнать?..
Она останется пустая,
И некогда рука чужая
Тебе должна ее отдать
В святой залог воспоминанья,
Увы! и в знак, что в жизни сей
Милейшие души моей
Не совершились желанья.
Прими ес... и пожалей.

К ТУРГЕНЕВУ,
В ОТВЕТ НА СТИХИ, ПРИСЛАННЫЕ ИМ
ВМЕСТО ПИСЬМА

*Nei giorni tuoi, felici
Ricordati di me!*¹

В день счастья вспомнить о тебе —
На что такое, друг, желание?
На что нам поверять судьбе
Священное воспоминанье?
Когда б любовь к тебе моя
Моим лишь счастьем измерялась
И им лишь в сердце оживлялась, —
Сколь беден ею был бы я!
Нет, нет, мой брат, мой друг-хранитель;
Воспоминанием иным
Плачу тебе: я вечно с ним;
Оно мой верный утешитель!
Во дни печали ты со мной;
И, ободряемый тобой,
Еще я жизнь не презираю;
О, что бы ни было, — я знаю,
Где мне прибежище обрести,
Куда любовь свою принести,
И где любовь не изменится,
И где нежнейшее хранится
Участие в судьбе моей.
Дождусь или нет счастливых дней —
О том, мой милый друг, ни слова;
Каким бы я ни шел путем —
Все ты мне спутником-вождем;
Со мной до камня гробового,
Не изменяясь, иди;
Одна мольба: не упреди!

* * *

Хорошо, что ваше письмо коротко, но то дурно,
что оно не ясно; почему и не могу я
Сказать вам: коротко да ясно!

¹ В твои счастливые дни
Вспомни обо мне!

Истратили напрасно
Зеленых вы чернил!
Какой вам злоязычник
Меня так очернил,
Что будто я — как в птичник
Кукушка или сова —
Попался в плен опасный
Красавицы прекрасной?!
Что будто голова
Моя совсем вскружилась
От двух каких-то глаз,
Что я забыл Парнас,
Что муза раздружилась
И Феб в вражде со мной?
Такою клеветой
Обижен я жестоко,
Исткните — пишут — око,
Смущающее вас!
И был бы я циклопом,
Когда б хоть ненароком
От тех смутился глаз,
Которым повелитель
Петр Яковлев, правитель
С округами Орла!
Но, к счастью, тут нашла
Коса на крепкий камень!
Не тронул сердца пламень!
Избавилось оно
От нового постоя!..
А служба — вот иное!
Но я служу давно!
Кому? — Султану Фебу!
И лезу прямо к небу,
С простых чинов начав!
Я прежде был пристав
Крылатого Пегаса;
За стойлами Парнаса
Душистыми глядел.
Но вскоре произвел
Не в очередь, за рвенье,
И прочим в поощренье,
Державный Феб потом

Меня истопником
Своих племянниц Граций,
Которым наш Гораций —
Державин так знаком;
Не торфом, не дровами,
Но глупыми стихами
У Граций топят печь!
Я, не жалея плеч,
Таскал стихи Хлыстова!
Но как ни раздувал,
Костер мой не пылал..
Злодей водой писал!
И принужден бывал
Кубышкина сухого
С сырым Хлыстовым жёчь,
Чтоб хоть немного печь
Поразогреть харитам!
Досталось и другим,
И русским и чужим,
Проказникам пиитам!
Ах! часто и своим
Уродливым твореньем,
С сердечным сокрушеньем,
Я печку затоплял!
Мой чин на Пинде мал,
Но жду я повышения!
Итак, за приглашенье
Идти служить царю
Я вас благодарю,
Но с Фебом не расстанусь!
Зато всегда останусь,
Так, как и прежде был,
Арбеновой я мил,
За то, что сам ей душу
Издетства подарил!
А раз что полюбил,
К тому уж не нарушу
Любви моей вовек!
Я, право, человек —
Когда судить не строго —
Каких на свете много!

Кто сердца не питал, кто не был восхищен
 Сей книгой, от небес евреем вдохновенной!
 Ее божественным огнем воспламенен,
 Полночный наш Давид на лире обновленной
 Пророческую песнь псалтыри пробуждал, —
 И север дивному певцу рукоплескал.
 Так, там, где цвел Эдем, на бреге Иордана,
 На гордых высотах сенистого Ливана
 Живет восторг; туда, туда спеши, певец;
 Там мир в младенчестве предстанет пред тобою
 И мощный, мыслию сопутствуем одною,
 В чудесном торжестве творения творец...
 И слова дивного прекрасное рожденье,
 Се первый человек; вкусил минутный сон —
 Подругу сладкое дарует пробужденье.
 Уже с невинностью блаженство тратит он.
 Повержен праведник — о грозный бог! о мщенье!
 Потопи хлынули... земли преступной нет;
 Оди, путеводим предвечного очами,
 Возносится ковчег пад бурными валами,
 И в нем с Надеждою таится юный свет.
 Вы, пастыри, вожди племен благословенных,
 Иаков, Авраам, восторженный мой взгляд
 Вас любит обретать, могущих и смиренных,
 В родительских шатрах, среди шумящих стад;
 Сколь вашей простоты величие пленяет!
 Сколь на востоке нам ваш славный след сияет!..
 Не ты ли, тихий гроб Рахили, предо мной?..
 Но сын ее зовет меня ко берегу Нила;
 Напрасно злобы сеть невинному грозила;
 Жив бог — и он спасен. О! сладкие с тобой,
 Прекрасный юноша, мы слезы проливали.
 И нет тебя... увы! на чуждых берегах
 Сыны Израиля в гонении, в цепях
 Скорбят... Но небеса склонились к их печали:
 Кто ты, спокойное дитя средь шумных волн?
 Он, он, евреев щит, их плена разрушитель!
 Спеши, о дочь царей, спасай чудесный челн;
 Да не дерзнет к нему приблизиться губитель —
 В сей колыбели скрыт Израиля предел.

Раздвинься, море... пой, Израиль, искупленье!
Синай, не ты ли день завета в страхе зрел?
Не на твою ль главу, дрожащую в смятенье,
Гремящим облаком Егова низлетел?
Скажу ль — и дивный столп в день мрачный, в ночь
горящий,

И изумленную пустыню от чудес,
И солнце, ставшее незапно средь небес,
И Руфь, и от руки Самсона храм дрожащий,
И деву юную, которая в слезах,
Среди младых подруг, на отческих горах,
О жизни сетуя, два месяца бродила?..
Но что? рука судей Израиль утомила;
Неблагодарным в казнь, царей послал Творец;
Саул помазан, пал — и пастырю венеч;
От племени его народов Искупитель;
И воину-царю наследник царь-мудрец.
Где вы, левиты? Ждет божественный строитель;
Стеклись... о, торжество! храм вечный заложен.
Но что? уж десяти во граде нет колен!..
Падите, идолы! Рассыпьте в прах, божницы!
В блистанье Илия на небо воспарил!..
Иду под вашу сень, Товия, Рагуил...
Се мужи Промысла, предвечного зеницы;
Грядущие лета как прошлые для них —
И в час показанный народы исчезают.
Увы! Сидон, навек под пеплом ты утих!..
Какие вопли ток Евфрата возмущают?
Ты, плакавший в плену, на вражеских берегах,
Иуда, ободришь; восходит день спасенья!
Смотри: сия рука, разитель преступленья,
Тирану пишет казнь, другим тиранам в страх.
Сион, восторжествуй свиданье с племенами;
Се Эзра, Маккавей с могучими сынами;
И се младенец-бог Мессия в пеленах.

ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ

Послание

Когда летящие отсюду шумны клики,
В один сливаясь глас, тебя зовут: великий!
Что скажет лирою незнаемый певец?

Дерзнет ли свой листок он в тот вплести венец,
Который для тебя вселенная сплелает?..
О русский царь, прости! невольню увлекает
Могущая рука меня к мольбе в тот храм,
Где благодарностью возженный фимиам
Стеклися в дар принести тебе народы мира —
И, радости полна, сама играет лира.

Кто славных дел твоих постигнет красоту?
С благоговением смотрю на высоту,
Которой ты достиг по тернам испытанья,
Когда, исполнены любви и упования,
Мы шумною толпой тот окружали храм,
Где, верным быть царем клянясь творцу и нам,
Ты клал на страшный крест державную десницу
И плечи юные склонял под багряницу, —
Скажи, в сей важный час, где мысль твоя была?
Скажи, когда венец рука твоя брала,
Что мыслил ты, вблизи послышав клики славы,
А в отдалении внимая, как державы
Ниспровергала, враг земных народов, брань,
Как троны падали под хищникову длань?
Ужель при слухе сем душой не возмутился?
Нет! выше бурь земных ты ею возносился,
Очами твердыми сей ужас проникал,
И в сердце промысла судьбу свою читал.
Смирненно приступив к сосуду примиренья,
В себе весь свой народ ты в руку провиденья.
С спокойной на него надеждой положил —
И соприутственный тебя благословил!
Когда ж священный храм при громах растворился --
О, сколь пленителен ты нам тогда явился,
С младым, всех благостей исполненным лицом,
Под прародительским сияющий венцом,
Нам обреченный вождь ко счастью и славе!
Казалось, к пламенной в руке твоей державе
Тогда весь твой народ сердцами полетел;
Казалось, в ней обет души твоей горел,
С которым ты за нас перед алтарь явился —
О царь, благодарим: обет сей совершился...

И призванный тобой тебе не изменил.
Так! и на бедствия земные положил
Он светозарную печать благотворенья;
Ниспосылаемый им ангел разрушенья
Взрывает, как бразды, земные племена,
В них жизни свежие бросает семена —
И, обновленные, пышнее расцветают;
Как бури в зной поля, беды их возрождают;
Давно ль одряхший мир мы зрели в мертвом сне?
Там, в прорицающей паденье тишине,
Стояли царствия, как зданья обветшалы;
К дремоте преклоня главы свои усталы,
Цари сей грозный сон считали за покой;
И, невнимательны, с беспечной слепотой,
В любви к отечеству, ко славе, к вере хладны,
Лишь к наслаждениям одной минуты жадны;
Под наклонившихся престолов царских тень,
Как в неприступную для бурь и бедствий сень,
Народы ликовать стекались толпами...
И первый Лилий трон у галлов над главами
Вспылал, разверзнувшись как гибельный вулкан.
С его дымящихся развалин великан,
Питомец ужасов, безвластия и брани,
Воздвигся, положил на скипетр тяжести длани,
И взорами на мир ужасно засверкал —
И пред страшилищем весь мир затрепетал.
Сказав: нет промысла! гигантскою стопою
Шагнул с престола он и следом за звездою
Помчался по земле во блеске и громах;
И промысл, утаясь, послал к нему свой Страх;
Он тенью грозною везде летел с ним рядом;
И, раздробляющий полки и грады взглядом,
Огромною рукой ту бездну покрывал,
К которой гордого путем успеха мчал.
Непобедимости мечтою ослепленный,
Он мыслил: «Мой престол престолом будь вселенны!
Порфиры всех царей земных я раздеру
И все их скипетры в одной руке сберу;
Народов бедствия — ступени мне ко счастью;
Всё, всё в развалины! на них воссяду с властью,
И буду царствовать, и мне соцарствуй, Страх;
Исчезни всё опять, когда я буду прах,

Что из развалин брань и власть соорудила —
Бессмертною моя останется могила».
И, к человечеству презреньем ополчен,
На первый свой народ он двинул рабства плен,
Чтобы смелей сковать чужим народам длани, —
И стала Галлия сокровищницей брани;
Там все, и сам Христов алтарь, взывало: брань!
Всё, раболепствуя мечтам тирана, дань
К его ужасному престолу приносило:
Оратай, на бразды склоняя взор унылый,
Грабителям свой плуг последний отдавал;
Убогий рубище им в жертву раздирал;
И мздой свою постель страданье выкупало;
И беспощадною косою подсекало
Самовластительство прекрасный цвет людей:
Чудовище, склонясь на колыбель детей,
Считало годы их кровавыми перстами;
Сыны в дому отцев минутными гостями
Являлись, чтобы там оставить скорби след —
И юность их была как на могиле цвет.
Все поколение, для жатвы бранной зрея,
И созидать себе грядущего не смея,
Невольно подвигов пленилося мечтой.
И бросилось на брань с отважной слепотой...
И вслед ему всяк час за ратью рать летела;
Стенящая земля в пожарах пламенела,
И, хитростью подрыв, изменой потрясен,
Добитый громами, за тронем падал трон.
По ним свободы враг отважною стопою
За всемогуществом шагал от боя к бою;
От реинских твердынь до Немана валов,
От Сциллы древняя до Бельта берегов
Одна ужасная простерлася могила;
Все смолкло... мрачная, с кровавым взором, Сила
На гряде падших царств воссела, страж царей;
Пред сим страшилищем и доблесть прежних дней,
И к просвещенью жар, и помышленья славы,
И непорочные семей смиренных нравы —
Погибло все, окрест один лишь стук оков
Смущал угрюмое молчание гробов,
Да ратей изредка шумели переходы,
Спешащих истребить еще приют свободы;

Унылость на сердца народов налегла —
Лишь Вера в тишине звезды своей ждала,
С святым терпением тяжелый крест лобзала
И взоры на восток с надеждой обращала...
И грозно возблистал спасенья страшный год!
За сей могилою народов цвел народ —
О царь наш, твой народ, — могущий и смиренный,
Не крепостью твердынь громовых огражденный,
Но верностью к царю и в славе тишиной.
Как юноша-атлет, всегда готовый в бой,
Смотрел на брани он с беспечною силы...
Так, юные поджав, но опытные крылы,
На поднебесную глядит с гнезда орел...
И злобой на него губитель закипел.
В несметну рать столпя рабов ожесточенных
И на полях, стопой врага не оскверненных,
Уж в мыслях сгромоздив престол всемирный свой,
Он кинулся на Русь свирепою войной...
О провидение! твоя Россия встала,
Твой ангел полетел, и брань твоя вспылала!
Кто, кто изобразит бессмертный оный час,
Когда, в молчании народном, царский глас
Послышался как весть надежды и спасенья?
О глас царя! о честь народа! пламень мщенья
Ударил молнией по вздрогнувшим сердцам;
Все бранью вспыхнуло, все кинулось к мечам,
И грозно в бой пошла с Насилием Свобода!
Тогда явилось все величие народа,
Спасаящего трон и святость алтарей,
И тихий гроб отцев, и колыбель детей,
И старцев седины, и младость дев цветущих,
И славу прежних лет, и славу лет грядущих.
Все в пепел перед ним! разлей пожары, месть!
Стеною рать! что шаг, то бой! что бой, то честь!
Пред ним развалины и пепельны пустыни;
Кругом пустынь полки и грозные твердыни,
Везде ревущие погибельной грозой, —
И старец-вождь среди них с невидимой Судьбой!..
Холмы Бородина, дымитесь жертвой славы!..
Уже растерзанный, едва стопы кровавы
Таща по гибельным отмстителей следам,
Грядет, грядет слепец, Москва, к твоим стѣнам!

О радость!.. он вступил!.. зажгись, костер свободы!
Пылает!.. цепи в прах! воскресните, народы!
Ваш стыд и плен Москва, обрушась, погребла,
И в пепле мщенья Свобода ожила,
И при сверкании кремлевского пожара,
С развалин вставшая, призрак ужасный, Кара
Пошла по трепетным губителя полкам
И, ужас пригвоздив к надменным знаменам,
Над ними жалобно завывала: горе! горе!
И Глад, при клике сем, с отчаяньем во взоре,
Свирепый, бросился на ратных и вождей...
Тогда помчались вспять; и горами костей
И брошенными в прах потухшими громами
Означили свой след пред русскими полками;
И Неман льдистый мост для бегства их сковал...
Сколь нам величествен ты, царь, тогда предстал,
Сжимающий вождю, в виду полков, десницу,
И старца на свою ведущий колесницу,
Чтоб вкупе с ним лететь с отмщеньем вслед врагам.
О незабвенный час! За Неман знаменам
Уж отверзаешь путь властительной рукою...
Когда же двинулись дружины пред тобою,
Когда раздался стук помчавшихся громад
И грозно брег покрыл коней и ратных ряд,
Приосеняемых парящими орлами...
Сие величие окинувши очами,
Что ощутил, наш царь, тогда в душе своей?
Перед тобою мир под бременем цепей
Лежал, растерзанный, еще звать не смея;
И Человечество, из-под стопы злодея
К тебе подъявля взор, молило им: гряди!
И, судия царей, потомство впереди
Вещало, сквозь века явив свой лик священный:
«Дерзай! и нареку тебя: Благословенный».
И в грозный между тем полки слиянны строй,
На все готовые, с покорной тишиной
На твой смотрели взор и ждали мановенья.
А ты?.. Ты от небес молил благословенья...
И ангел их, гремя, на щит твой низлетел,
И гибелью врагам твой щит запламенел,
И руку ты простер... и двинулися рати.

Как к возвестителю небесной благодати,
Во сретенье тебе народы потекли,
И вайями твой путь смиренный облекли.
Приветственной толпой подвиглись веси, грады;
К тебе желания, к тебе сердца и взгляды;
Тебе несет дары от нивы селянин;
Зря бодрого тебя впреди твоих дружиц,
К мечу от костыля безногий воин рвется;
Младая старику во грудь надежда льется:
«Свободен, мнит, сойду в свободный гроб отцов!»
И смотрит, не страшась, на зреющих сынов.
И ты средь плесков сих — не гордый победитель,
Но воли промысла смиренный совершитель —
Шел тихий, благостью великость украшал;
Блеск утешительный окрест тебя сиял,
И лик твой ясен был, как ясный лик надежды.
И вождь наш смертью окованные вежды
Подъял с усилием, чтобы на славный путь,
В который ты вступал уже не с ним, взглянуть
И, угасая, дать царю благословенье.
Сколь сладостно его с землею разлученье!
Когда, в последний час, он рать тебе вручал
И ослабевшею рукою прижимал
К немеющей груди царя и друга руку —
О! в сей великий час забыл он смерти муку;
Пред ним был тайный свет грядущего открыт;
Он весело принял сединою на щит,
И смерть его крылом надежды осенила.
И чуждый вождь — увы! — судьба его щадила,
Чтоб первой жертвой он на битве правды пал —
Наш царь, узнав тебя, на смерть он не роптал;
Ты руку падшему, как брат, простер средь боя;
И сердцу верному венчанного героя,
Смягчившего слезой его с концом борьбу,
Он смело завещал отечества судьбу...
И лишь горé взлетел орел наш двоеглавый,
Лишь крикнул голосом давно молчавшей славы,
Как всколебались тевтонов племена!
К ним Герман с норда нес свободы знамена —
И всё помчалось в строй под знамена свободы;
В одну слиялись грудь воскресшие народы,

И всех царей рука, наш царь, в руке твоей
На жизнь, на смерть, на брань, на честь грядущих
дней.

О славный Кульмский бой! о доблесть славянина!

Вотще на них рвались все рати исполина,
Вотще за громом гром на строй их налетал —
Все опрокинуто, и русский устоял.

И строем роковым отмстителей дружины
Уж приближаются к святилищу судьбины;
Уж видят тот рубеж, ту цель, к которой вел
Их неиспытанный по темной бездне зол,
В пылающей грозе носясь над их главою
И тяжкой опыта их бременя рукою;
Се место, где себя во правде он явит;
Се то судилище, где миг один решит:
Не быть иль быть царям; восстать иль пасть
вселенной.

И все в собрании... о час, векам священный!..
Народы всех племен, и всех племен цари,
Под сению знамен святыя алтари,
Несметный ряд полков, вожди перед полками,
И громаы впереди с поднятыми крылами,
И на холме, в броне, на грозный щит склонен,
Союза мстителей молодой Агамемнон,
И тени всех веков внимательной толпою
Над светозарною вождя царей главою..
И в ожидании священном все молчит..
И тихо мгла еще на небе том лежит,
Отколь с грядущим днем изыдет вседержитель..
И загорелся день... Бог грянул... пал губитель!
Бегут — во прах и гром, и шлем, и меч, и щит,
Впреди, в тылу, с боков и рядом Страх бежит
И жадною рукой Погибель их хватает;
И небо тихое торжественно сияет
Над преклоненною отмстителей главою;
Победная хвала летит из строя в строй,
И Реин всплескал, слышав ликованья..
О старец вод! о ты, с минуты мироздапья
Не зревший на берегу еще лица славян, —
Ликуй и отражай в волнах славянский стан!
И погрузился крест при громах в древни воды;
И Реин, обновлен, потек в берегах свободы,

И заиграл на них веселья звонкий рог,
И быстро ворвались полки в тот страшный лог,
Где, кроясь, хищник царств ковал им цепи плена.
Вотще, вотще воздвиг он черные знамена —
Лишь весть погибели он с ними водрузил;
Гром русский берега Секваны огласил —
И над Парижем стал орел Москвы и мщенья!..
Тогда, внезапного исполнен изумленья,
Узрел величие невиданное свет:
О Русская земля! спасителем грядет
Твой царь к низринувшим царей твоих столицу;
Он распростер на них пощады багряницу;
И мирно, славу скрыв, без блеска, без громов,
По стогнам радостным ряды его полков
Идут — и тишина вослед им прилетает..
Хвала! хвала, наш царь! стыдливо отклоняет
Рука твоя побед торжественный венец!
Ты предстоишь благий семьи врагов отец
И первый их с землей и с небом примиритель.
О незабвенный день! смотрите — победитель,
С обезоруженным от ужаса челом,
Коленопреклонен, на страшном месте том,
Где царский мученик под острием секиры,
В виду разорванной отцев своих порфиры,
Молил всевышнего за бедный свой народ,
Где на дымящийся убийством эшафот
Злодейство бледную Свободу возводило
И бога поразить своей хулою мнило, —
На страшном месте том смиренный вождь царей
Пред миротворною святыней алтарей
Велит своим полкам склонить знамена мщенья
И жертву небесам приносит очищенья,
Простерлись все во прах; все вкупе слезы льют;
И се!.. подымается спасения сосуд..
И звучно грянуло: воскреснул искупитель!
И побежденному лобзанье победитель,
Как брат по божеству, в виду небес дает..
Свершилось!.. освящен испытанный народ,
И гордо по зыбям потек от Альбиона
Спасительный корабль, несущий кровь Бурбона;
Питомец бедствия на трон отцев грядет,

И старцу братскую десницу подает
Победоносный друг в залог любви и мира,
И Людовикова наброшена порфира
На преступления минувших страшных лет!..
Свершилось... русский царь! отечество и свет
Уже рекли свой суд делам неизреченным,
И свой дадут ответ потомки современным!..
Богатый чувством благ, содеянных тобой,
И с неприступною для почестей душой,
Сияние сокрыв, ты в путь летишь желанный —
Отчизна сына ждет! об ней средь бури бранной,
Об ней среди торжеств и плесков ты скорбел,
И ты, невидимый, чрез земли полетел,
Где во спасение твои промчались громы.
Уж всюду запевал свободы глас знакомый:
На оживающих под плугами полях,
На виноградником украшенных холмах,
На градских торжищах, кипящих от народа,
На самом прахе сел... везде, везде свобода,
Везде обилие, надежда и покой...
И все сие, наш царь, дано земле тобой.
Но что ж ты ощутил, когда твой взор веселый
Завидел вдалеке отечески пределы
И ветер, веющий из-под родных небес,
Ко слуху твоему глас родины принес?
Что ощутил, когда святого Петрограда
Вдали перед тобой возникнула громада?
Когда пред матерью колено преклонил;
Когда, свершивший все, ко храму приступил,
Где освященный меч приял на совершенье,
Где, истребителя начавший истребленье,
Предтеча в славе твой, герой спасенья спит?..
Россия, он грядет; уже алтарь горит;
Уже его принять отверзлись двери храма,
Уж благодарное куренье фимиама
С сердцами за него взлетело к небесам!
И се!.. припавший к престола ступеням
Во прах пред божеством свою бросает славу!..
О вечный! осени смиренного державу;
Его душа чиста: в ней благодать лишь одна,
Лишь пламенем к добру она воспалена...

Отважною вступить дерзаю, царь, мечтою
В чертог священный твой, где ты один с собою,
Один, в тот мирный час, когда лежит покой
Над скромных жребием беспечною главой,
Когда лишь бодрствуют цари и провиденье.
О царь! в сей важный час — когда Нева в течение
Объемлет пред тобой тот усыпленный храм,
Где свой бессмертный след, свой прах оставил нам
Твой праотец, наш Петр, царей земных учитель, —
Я зрю тебя, племен несметных повелитель,
Сей окруженного всемирной тишиной,
Над полвселенною парящего душой,
Где все твое, где ты над всех судьбою властен,
Где ты один всех благ, один всех бед причастен,
Уполномоченный от неба судия —
О, сколь божественна в сей час душа твоя!
Сей полный взор любви, сей взор воспламененный —
За нас он возведен к правителю вселенной;
За нас ты предстоишь как жертва перед ним;
Отечество, внимай: «Творец, все блага им!
Не за величие, не за венец ужасный —
За власть благодворить, удел царей прекрасный,
Склоняю, царь земли, колена пред тобой,
Бесстрашный под твоей незримою рукой,
Твоих намерений над ними совершитель!..
Покойся, мой народ, не дремлет твой хранитель;
Так, *мой народ!* Творец, он весь в душе моей,
На удивление народов и царей,
Его могуществом и счастьем прославлю,
И трон свой алтарем любви ему поставлю;
Как небо, над моей простертое главой,
Где звезд бесчисленных ненарушимый строй,
Так стройно будь мое владычество земное.
Правленье божества — зеркало мне святое:
Все здесь для блага будь, как все для блага там!
А ты, дарующий и трон и власть царям,
Ты, на совете их сидящий благодатью,
Ознаменуй твоей дела мои печатью:
Да имя чистое в наследие векам
С примером благодати и славы передам,
Отец моей семьи и друг твоей вселенны!..»
Вонми ж и ты своей семье, Благословенный!

Оставь на время твой великолепный трон —
Хвалой неверною трон царский окружен, —
Сокрой свой царский блеск, втеснись без украшения,
Один, в толпу, и там внимай благословенья.
В чертоге, в хижине, везде один язык:
На праздниках семей украшенный твой лик —
Ликующих родных родной благодетель —
Стоит на пиршеском столе веселья зритель,
И чаша первая и первый гимн тебе;
Цветущий юноша благодарит судьбе,
Что в твой прекрасный век он к жизни приступает,
И славой для него грядущее пылает;
Старик свой взор на гроб боится устремить
И смерть поспешную он молит погодить,
Чтоб жизни лучший цвет расцвел перед могилой;
И воин, в тишине, своею гордый силой,
Пенатам посвятив изрубленный свой щит,
Друзьям о битвах тех с весельем говорит,
В которых зрел тебя, всегда в кипящей сече,
Всегда под свистом стрел, везде побед предтечей;
На лиру с гордостью подымлет взор певец...
О дивный век, когда певец царя — не льстец,
Когда хвала — восторг, глас лиры — глас народа,
Когда все сладкое для сердца: честь, свобода,
Великость, слава, мир, отечество, алтарь —
Все, все слилось в одно святое слово: царь.
И кто не закипит восторгом песнопенья,
Когда и Ниццета под кровлею забвенья
Последний бедный лепт за лик твой отдает,
И он, как друга тень, отрадный свет лиет
Немым присутствием в обители страданья!
Пусть облечет во власть святой обряд венчанья,
Пусть верности обет, отечество и честь
Велят нам за царя на жертву жизнь принести —
От подданных царю коленопреклоненье;
Но дань свободная, дань сердца — уваженье,
Не власти, не венцу, но человеку дань.
О царь, не скипетром блистающая длань,
Не прахом праотцев дарованная сила
Тебе любовь твоих народов покорила,
Но трона красота — великая душа.
Бессмертные дела смиренно соверша,

Воззри на твой народ, простертый пред тобою,
Благослови его державною рукою;
Тобою предводим, со славой перешед
Указанный творцом путь опыта и бед,
Преобразованный, исполнен жизни новой,
По манию царя на все, на все готовый —
Доверенность, любовь и благодарность он
С надеждой перед тобой приносит царский трон.
Предстатель за царей народ у провиденья.
О! наши к небесам дойдут благословенья:
Поверь народу, царь, им будешь счастлив ты.
Поставивший тебя в сем блеске красоты
Перед ужасною погибели пучиной,
Победоносного над грозною судьбиной —
Ужель на краткий миг он нам тебя явил?
О нет! он наших зол печатью утвердил
Завет: хранить в тебе все блага, нам священны —
И не обманет нас от века неизменный.
Прими ж, в виду небес, свободный наш обет:
За благость царскую, краснейшую побед,
За то величие, в каком явил ты миру
Столь древле славную отцев твоих порфиру,
За веру в страшный час к народу твоему,
За имя, данное на все века ему, —
Здесь, окружая твой престол, Благословенный,
Подъемлем руку все к руке твоей священной;
Как пред ужасною святыней алтаря
Обет наш перед ней: всё в жертву за царя.

ТЕОН И ЭСХИН

Эсхин возвращался к пенатам своим,
К брегам благовонным Алфея.
Он долго по свету за счастьем бродил —
Но счастье, как тень, убегало.

И роскошь, и слава, и Вакх, и Эрот —
Лишь сердце они изнурили;
Цвет жизни был сорван; увяла душа;
В ней скука сменила надежду.

Уж взорам его тихоструйный Алфей
В цветущих берегах открывался;
Пред ним оживились минувшие дни,
Давно улетевшая младость...

Все те ж берега, и поля, и холмы,
И то же прекрасное небо;
Но где ж озарявшая некогда их
Волшебным сияньем Надежда?

Жилища Теонова ищет Эсхин.
Теон, при домашних пенатах,
В желаниях скромный, без пышных надежд,
Остался на бреге Алфея.

Близ места, где в море втекает Алфей,
Под сенью олив и платанов,
Смирненную хижину видит Эсхин —
То было жилище Теона.

С безоблачных солнце сходило небес,
И тихое море горело;
На хижину сыпался розовый блеск,
И мирты окрестны алели.

Из белого мрамора гроб невдали,
Обсаженный миртами, зрелся;
Душистые розы и гибкий ясмин
Ветвями над ним соплетались.

На праге сидел в размышленье Теон,
Смотря на багряное море, —
Вдруг видит Эсхина и вмиг узнает
Сопутника юных жизни.

«Да благостно взглянет хранитель Зевес
На мирный возврат твой к пенатам!» —
С блистающим радостью взором Теон
Сказал, обнимая Эсхина.

И взгляд на него любопытный вперил —
Лицо его скорбно и мрачно.
На друга внимательно смотрит Эсхин —
Взор друга прискорбен, но ясен.

«Когда я с тобой разлучался, Теон,
Надежда сулила мне счастье;
Но опыт иное мне в жизни явил:
Надежда — лукавый предатель.

Скажи, о Теон, твой задумчивый взгляд
Не ту же ль судьбу возвещает?
Ужель и тебя посетила печаль
При мирных домашних пенатах?»

Теон указал, вздыхая, на гроб...
«Эсхин, вот безмолвный свидетель,
Что боги для счастья послали нам жизнь —
Но с нею печаль неразлучна.

О! нет, не ропщу на Зевесов закон:
И жизнь и вселенна прекрасны,
Не в радостях быстрых, не в ложных мечтах
Я видел земное блаженство.

Что может разрушить в минуту судьба,
Эсхин, то на свете не наше;
Но сердца нетленные блага: любовь
И сладость возвышенных мыслей —

Вот счастье; о друг мой, оно не мечта.
Эсхин, я любил и был счастлив;
Любовью моя освятилась душа,
И жизнь в красоте мне предстала.

При блёске возвышенных мыслей я зрел
Яснее великость творенья;
Я верил, что путь мой лежит по земле
К прекрасной, возвышенной цели.

Увы! я любил... и ее уже нет!
Но счастье, вдвоем столь живое,
Навеки ль исчезло? И прежние дни
Вотще ли столь были прелестны?

О! нет: никогда не погибнет их след;
Для сердца прошедшее вечно.
Страданье в разлуке есть та же любовь;
Над сердцем утрата бессильна.

И скорбь о погибшем не есть ли, Эсхин,
Обет неизменной надежды:
Что где-то в знакомой, но тайной стране
Погибшее нам возвратится?

Кто раз полюбил, тот на свете, мой друг,
Уже одиноким не будет...
Ах! свет, где *она* предо мною цвела, —
Он тот же: все *ею* он полон.

По той же дороге стремлюся один .
И к той же возвышенной цели,
К которой так бодро стремился вдвоем —
Сих уз не разрушит могила,

Сей мыслью высокой украшена жизнь;
Я взором смотрю благодарным
На землю, где столько рассыпано благ,
На полное славы творенье.

Спокойно смотрю я с земли рубежа
На сторону лучших жизни;
Сей сладкой надеждою мир озарен,
Как небо сияньем Авроры.

С сей сладкой надеждой я выше судьбы,
И жизнь мне земная священна;
При мысли великой, что я *человек*,
Всегда возвышаюсь душою.

А этот безмолвный, таинственный гроб...
О друг мой, он верный свидетель,
Что лучшее в жизни еще впереди,
Что *верно* желанное будет;

Сей гроб затворенная к счастью дверь;
Отворится... жду и надеюсь!
За ним ожидает сопутник меня,
На миг мне явившийся в жизни.

О друг мой, искав изменяющих благ,
Искав наслаждений минутных,

Ты верные блага утратил свои —
Ты жизнь презирать научился.

С сим гибельным чувством ужасен и свет;
Дай руку: близ верного друга
С природой и жизнью опять примиришь;
О! верь мне, прекрасна вселенна.

Все небо нам дало, мой друг, с бытием:
Все в жизни к великому средство;
И горсть и радость — все к цели одной:
Хвала жизнедавцу Зевесу!»

В АЛЬБОМ
БАРОНУ П. И. ЧЕРКАСОВУ

Мой опытный старик Теон
Сказал: «Прекрасен свет!», стоя с душой унылой
Перед безмолвною могилой;
Узнав несчастье, все верил жизни он!
А ты, мой милый друг, лишь к жизни приступаешь
И свет сей по одним лишь обещаньям знаешь
Надежды молодой!
Ах, верь им! С ясною твоею, друг, душой
Что б ни случилось здесь, все будет путь твой ясен!
Кто друг прекрасному, тому и свет прекрасен;
Я за тебя порукою тебе!
Ты добр — и так дана быть счастливым свобода!
Оставь проказничать судьбе;
Тебя не выдаст ей заступница природа!

ДОЛБИНСКИЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ
(1814—1815)

ДОБРЫЙ СОВЕТ

В АЛЬБОМ В. А. АЗБУКИНУ

Любовь, Надежда и Терпенье:
На жизнь порядочный запас.
Вперед без страха; в добрый час!
За все порука провиденье.

Блажен, кому *Любовь* вослед;
Она веселье в жизнь вливает
И счастья радугу являет
На самой грозной туче бед.

Пока заря не воссияла —
Бездушен, хладен, тих Мемнон;
Заря взошла — и дышит он!
И радость в мраморе взыграла!

Таков *Любви* волшебный свет,
Великих чувств животворитель,
К делам возвышенным стремитель!
Любви нет в сердце — жизни нет!

Надежда с чашею отрады
Нам добрый спутник — верь; но знай,
Что не земля, а небо рай;
Верней быть добрым без награды!

Когда ж *Надежда* улетит —
Взгляни на тихое *Терпенье*;
Оно утехи обольщенье
Прямою силой заменит.

Лишь бы, сокровище святое,
Доброта сохранилась нам;
Достоин будь — а небесам
Оставь на волю остальное!

БЕСПОДОВНАЯ ЗАПИСКА
К ТРЕМ СЕСТРИЦАМ
В МОСКВУ

Скажите, милые сестрицы,
Доехали ль, здоровы ль вы?
И обгорелыя столицы
Сочли ли дымные главы?
По Туле много ли гуляли?
Все те же ль там — завод, ряды,
И все ли там пересчитали
Вы наших прежних лет следы?
Покрытая пожарным прахом,
Москва, разбросанный скелет,
Вам душу охладила ль страхом?
А в Туле прах минувших лет
Не возвратил ли воспоминанья
О том, что было в *оны дни*,
Когда нам юность лишь одни
Пленительные обещанья
Давала на далекий путь,
Призвав неопытность в поруку?..
Тогда, подав надежде руку,
Не мнили мы, чтоб обмануть
Могла сопутница крылата!
Но время опыт привело!
И многих, многих благ утрата
Велит сквозь темное стекло
Смотреть на счастье земное,
Чтобы сияние живое
Его пленительных лучей
Нам вовсе глаз не заслепило!..
Друзья, что *верно* в жизни сей?
Что просто, но что сердцу мило,
Собрав поближе в малый круг.

(Чтоб взор наш мог окинуть вдруг),
Мечты уступим лишь начавшим
Идти дорогою земной
И жребия не испытывшим!
Для них надежды сон златой!
А нам будь в пользу пробужденье!
И мы, не мысля больше вдаль,
Терпеньем уладим печаль,
Веселью верой в провиденье
Неизменяемость дадим!
Сей день покоем озлатим,
Красою мыслей и желаний
И прелестью полезных дел,
Чтоб на неведомый предел
Сокровище воспоминаний
(Прекрасной жизни зрелый плод)
Нам вынести из жилища праха
И зреть открытый нам без страха
Страны обетованной вход.

ЧТО ТАКОЕ ЗАКОН?

Закон — на улице натянутый канат,
Чтоб останавливать прохожих средь дороги,
Иль их сворачивать назад,
Или им путать ноги.
Но что ж? Напрасный труд! Никто назад нейдет!
Никто и подождать не хочет!
Кто ростом мал — тот впиз проскочит,
А кто велик — перешагнет!

ЭПИТАФИИ

ХРОМОМУ

Дамон покинул свет:
На гроб ему два слова:
Был хром и ковылял сто лет!
Довольно для хромова.

ПЬЯНИЦЕ

Под камнем сим Бибрис лежит;
Он на земле в таком раздоре был с водою,
Что нам и из земли кричит:
Не плачьте надо мною!

ЗАВОЕВАТЕЛЯМ

Где всемогущие владыки,
Опустошители земли?
Их повелительные лики
Смирились в гробовой пыли!
И мир надменных забывает,
И время с их гробов стирает
Последний титул их и след,
Слова ничтожные: *их нет!*

МОТУ

Здесь Лакомкин лежит — он вечно жил по моде!
Зато и вечно должен был!
А заплатил
Один лишь долг — природе!..

ГРАМОТЕЮ

Здесь Буквин-грамотей. Но что ж об нем сказать?
Был сердцем добр; имел смиренные желанья
И чести правила старался наблюдать,
Как правила правописанья!

ТОЛСТОМУ ЭГОИСТУ

Здесь Никодимову похоронили тушу!
К себе он милостив, а к ближнему был строг;
Зато, когда отдать он вздумал богу душу,
Его души не принял бог!

К КН. ВЯЗЕМСКОМУ
И В. Л. ПУШКИНУ

Послание

Друзья, тот стихотворец — горе,
В ком без похвал восторга нет.
Хотеть, чтоб нас хвалил *весь свет*,
Не то же ли, что выпить море?
Презрению бросим тот венец,
Который *всем* дастся светом;
Иная слава нам предметом,
Иной награды ждет певец.
Почто на Фебов дар священный
Так безрассудно клеветать?
Могу ль поверить, чтоб страдать
Певец, от Музы вдохновенный,
Был должен боле, чем глупец,
Земли бесчувственный жилец,
С глухой и вялою душою,
Чем добровольной слепотою
Убивший все, чем красен свет,
Завистник гения и славы?
Нет! жалобы твои неправы,
Друг Пушкин; счастлив, кто поэт;
Его блаженство прямо с неба;
Он им не делится с толпой:
Его судьбы лишь чада Феба;
Ему ли с пламенной душой
Плоды святого вдохновенья
К ногам холодных повергать
И на коленях ожидать
От недостойных одобренья?
Один, среди песков, Мемнон,
Седя с возвышенной главою,
Молчит — лишь гордою стопою
Касается ко праху он;
Но лишь девницы появленье
Вдали восток воспламенит —
В восторге мрамор песнь гласит.
Таков поэт, друзья; презренье
В пыли таящимся душам!
Оставим их попать стопам,

А Взоры устремим к востоку.
Смотрите: не подвластный року
И находя в себе самом
Покой, и честь, и наслажденья,
Муж праведный прямым путем
Идет — и терпит ли гоненья,
Избавлен ли от них судьбой —
Он сходит там и тут с собой;
Он благ без примеси не просит —
Нет! в лучший мир он переносит
Надежды лучшие свои.
Так и поэт, друзья мои;
Поэзия есть добродетель;
Наш гений лучший нам свидетель.
Здесь славы чистой не найдем —
На что ж искать? Перенесем
Свои надежды в мир потомства...
Увы! «Димитрия» творец
Не отличил простых сердец
От хитрых, полных вероломства.
Зачем он свой сплетать венец
Давал завистникам с друзьями?
Пусть Дружба нежными перстами
Из лавров сей венец свила —
В них Зависть терния вплела;
И торжествует: растерзали
Их иглы славное чело —
Простым сердцам смертельно зло:
Певец угаснул от печали.
Ах! если б мог достигнуть глас
Участия и удивленья
К душе, не снесшей оскорбленья,
И усладить ее на час!
Чувствительность его сразила;
Чувствительность, которой сила
Моины душу создала,
Певцу погибелью была.
Потомство грозное, отмщенья!..
И нам, друзья, из отдаленья
Рассудок опытный велит
Смотреть на сцену, где гремит
Хвала — гул шумный и невнятный;

Подале от толпы судей!
Пока мы не смешались с ней,
Свобода друг нам благодатный;
Мы независимо, в тиши
Уютного уединенья,
Богаты ясностью души,
Поем для муз, для наслажденья,
Для сердца верного друзей;
Для нас все обольщенья славы!
Рука завистников-судей
Душеубийственной отравы
В ее сосуд не подольет,
И злобы крик к нам не дойдет.
Страшись к той славе прикоснуться,
Которою прельщает *Свет* —
Обвитый розами скелет;
Любуйся издали, поэт,
Чтобы вблизи не ужаснуться.
Внимай избранным судиям:
Их приговор зеркало нам;
Их одобренье нам награда,
А порицание ограда
От убивающего дар
Надменной мысли совершенства.
Хвала воспламеняет жар;
Но нам не в пей искать блаженства —
В труде... О благотворный труд,
Души печальные целитель
И счастья животворитель!
Что пред тобой ничтожный суд
Толпы, в решениях пристрастной,
И ветреной, и разногласной?
И тот же Карамзин, друзья,
Разимый злобой, несраженный
И сладким лишь трудом блаженный,
Для нас пример и судия.
Спросите: для одной ли славы
Он вопрошает у веков,
Как были, как прошли державы,
И чадам подвиги отцов
На прахе древности являет?
Нет! он о славе забывает

В минуту славнѣго труда;
Он беззаботно ждет суда
От современников правдивых,
Не замечая и лица
Завистников несправедливых.
И им не разорвать венца,
Который взяло дарованье;
Их злоба — им одним страданье.
Но пусть и очаруют свет —
Собою счастливый поэт,
Твори, будь тверд; их зданья ломки;
А за тебя дадут ответ
Небольстимые потомки.

ПОСЛАНИЯ К КН. ВЯЗЕМСКОМУ
И В. Л. ПУШКИНУ

1

*Милостивый государь Василий Львович и ваше
сиятельство князь Петр Андреевич!*

Вот прямо одолжили,
Друзья! вы и меня писать стихи взманили.
Посланья ваши — в добрый час сказать,
В худой же помолчать —
Прекрасные; и вам их грации внушили.
Но вы желаете *херов*,
И я хоть тысячу начертать их готов,
Но только с тем, чтобы в зоилы
И самозванцы-судия
Меня не завели мои
Перо, бумага и чернилы.
Послушай, Пушкин-друг, твой слог отменно чист;
Грамматика тебя угодником считает,
И никогда твой вкус не ковыляет.
Но, кажется, что ты подчас многоречист,
Что стихотворный жар твой мог бы быть живее,
А выражения короче и сильнее;
Еще же есть и то, что ты, мой друг, подчас
Предмет свой забываешь!

Твое. «послание» в том живой пример для нас.
В начале ты *завистникам* пеняешь:

«Зоилы жить нам не дают! —

Так пишешь ты. — При них немеет дарованье,
От их гонения один певцу приют —
Молчанье!»

Потом ты говоришь: «И я любил писать;
Против нелепости глупцов вооружался;
Но гений мой и гнев напрасно истощался:

Не мог безумцев я унять!

Скорее бороды их оды вырастают,
И бритву критики лишь только притупляют;
Итак, пришлось молчать!»

Теперь скажи ж мне, что причиною молчанья
Должно быть для певца?

Гоненье ль зависти? Или *иносказанья*,
Иль оды пачкунов без смысла, без конца?..

Но тут и все погрешности посланья;

На нем лишь пятнышко одно,

А не пятно.

Рассказ твой очень мил: он, кстати, легок, ясен!

Конец прекрасен!

Воображение мое он так кольнул,
Что я, перед собой уж всех вас видя в сборе,
Разинул рот, чтобы в гремящем вашем хоре
Веселию кричать: *ура!* и протянул
Уж руку, не найду ль волшебного бокала.

Но, ах! моя рука поймала

Лишь *Друга юности и всяких лет!*

А вас, моих друзей, вина и счастья, нет!..

Теперь ты, Вяземский, бесценный мой поэт,
Перед судилище явись с твоим «посланием».
Мой друг, твои стихи блистают дарованьем,
Как дневный свет.

Характер в слоге твой есть точность выраженья,
Искусство — простоту с убранством соглашать,
Что должно в *двух словах*, то в двух словах сказать

И красками воображенья

Простую мысль для чувства рисовать!

К чему ж тебя твой дар влечет, еще не знаю,

Но уверяю,

Что Фебова *печать* на всех твоих стихах!
Ты в *песне* с легкостью порхаешь на цветах,
Ты Рифмина убить способен *эпиграммой*,
Но и высокое тебе не высоко,
Воображение с тобою не упрямо,

И для тебя летать за ним легко

По высотам и по лугам Парнаса.

Пиши! тогда скажу точнее, какой твой род;
Но сомневаюсь, чтоб лень, хромоу урод,
Которая живет не для веков, для часа,
Тебе за «песенку» перелететь дала,

А много, много за «послание».

Но кстати о посланье;

О нем ведь, помнится, вначале речь была.

Послание твое — *малютка*, но прекрасно,

И все в нем коротко, да ясно.

«У каждого свой вкус, свой суд и голос свой!» —

Прелестный стих и точно твой.

«Язык их — брань; искусство —

Пристрастьем заглушать священной правды чувство;

А демон зависти — их мрачный Аполлон!»

Вот сила с точностью и скромной простотою!

Последний стих — огонь; над трепетной толпою

Глушцов, как метеор, ужасно светит он!

Но, друг, не правда ли, что здесь твое *потомство*

Не к смыслу привело, а к рифме *вероломство*!

Скажи, кто этому словцу отец и мать?

Известно: девственная *вера*

И буйственный глагол — *ломать*.

Смотри же, ни в одних стихах твоих примера

Такой ошибки нет. Вопрос:

О ком ты говоришь в посланье?

О глупых судиях, которых толкованье

Лишь *косо* потому, что их рассудок *кос*.

Где ж *вероломство* тут? Оно лишь там бывает,

Где на доверенность прекрасныя души

Предательством злодей коварный отвечает.

Хоть тысячу зоил пасквильей напиши,

Не *вероломным* свет хулителя признает,

Но злым *завистником* иль попросту глупцом.

Позволь же заклеить хером

Твое мне *вероломство*.

«Не трогай! (ты кричишь) я вижу, ты хитрец;
Ты в этой тяжбе сам судья и сам истец;

Ты из моих стихов *потомство*

В свои стихи отмежевал,

А в утверждение из Фебова закона

Еще и добрую статейку приискал!

Не тронь! иль к самому престолу Аполлона

Я с апелляцией пойду

И вмиг с тобой процесс за рифму заведу!»

Мой друг, не горячись, отдай мне *вероломство*;

Грабитель ты, не я;

И ум — правдивый судия,

Не на твое, а на мое *потомство*

Ему быть рифмой дал приказ,

А Феб уж подписал и именной указ.

Поверь, я стою не укора,

А похвалы.

Вот доказательство: «Как волны от скалы,

Оно несется вспять!» — такой стишок умора.

А следующий стих, блистательный на взгляд:

«Что́ век зоила — день! век гения — *потомство!*»

Есть лишь бессмыслицы обманчивый наряд,

Есть настоящее рассудка *вероломство!*

Сначала обольстил и мой рассудок он;

Но... с нами буди Аполлон!

И словом, как глупец надменный,

На высоту честей Фортуной вознесенный,

Забыв свой низкий род,

Дивит других глупцов богатством и чинами,

Так точно этот стих-урод

Дивит невежество парадными словами;

Но мигом может *вкус* обманщика сразить,

Сказав *рассудку* в подтверждение:

«Нельзя *потомству* веком быть!»

Но станется и то, что и мое решение

Своим «*быть по сему*»

Скрепить бог Пинда не решится;

Да, признаюсь, и сам я рад бы ошибиться:

Люблю я этот стих наперекор уму.

Еще одно пустое замечанье:

«Укрывшихся веков» — нам укрываться страх

Велит; а *страха* нет в *веках*.

Итак, «укрывшихся» — в изгнание;
«Не ведает врагов» — не *знает* о врагах —
Так точность строгая писать повелевает,
И муза точности закон принять должна,
Но лучше самого спроси Карамзина:
Кого не ведает или *о ком* не знает,
То самой точности точнее он должен знать.

Вот все, что о твоём посланье,
Прелестный мой поэт, я мог тебе сказать.

Чур не пенять на доброе желанье;
Когда ж ошибся я, беды в ошибке нет;
При этой критике есть и ответ:

Прочти и сделай замечанье.
А в заключение обоим вам совет:
«Когда завистников свести с ума хотите
И вытащить глупцов из тьмы на белый свет —
Пишите!»

2

На этой почте все в стихах,
А низкой прозою ни слова.
Вот два посланья вам — обнова,
Которую для муз скроил я второпях.
Одно из них для вас, а не для света;
В нём просто критика, и запросто одета,
В простой, нестихотворный слог.
Другим я отвечать хотел вам на «посланья»,
В надежде заслужить рукоплесканья
От всех, кому знаком парнасский бог.
Но вижу, что меня попутала поспешность;
В моём послании великая погрешность;
Слог правилен и чист, но в этом славы нет:
При вас, друзья, писать нечистым слогом стыдно,
Но связи в нём не видно
И видно, что спешил поэт!
Нет в мыслях полноты и нет соединенья,
А кое-где есть повторенья.
Но так и быть,
«Бедой своей ума мы можем прикупить!»
Так Дмитриев, пророк и вкуса и Парнаса,

Сказал давно,
И аксиомой быть для нас теперь должно:
«Что в час сотворено, то не живет и часа.
Лишь то, что писано с трудом, читать легко.
Кто хочет вдруг замчаться далеко,
Тот в хлопотах умчит и глупость за собою!
Спеши не торопясь, а твердою стопою,
И ни на шаг вперед,
Покуда тем, что *есть*, не сделался довольным,
Пока назад смотреть не смеешь с духом вольным,
Иначе от *задов переднее* умрет
Или напишутся одни *иносказанья!*»
Простите. Ваши же «послання»
Оставлю у себя, чтобы друзьям прочесть,
У вас их список есть;
К тому же, Вяземский велит жить осторожно:
Он у меня свои стихи безбожно,
На время выпросив, на вечность удержал;
Прислать их обещал,
Но все не присылает;
Когда ж пришлет,
Об этом знает тот,
Кто будущее знает.

*Милостивые государи, имею честь пребыть
вашим покорнейшим слугою. В. Жуковский.*

СМЕРТЬ

То сказано глупцом и признано глупцами,
Что будто смерть для нас творит ужасным свет!
Пока на свете *мы*, она еще не с нами;
Когда ж пришла *она*, то нас на свете нет!

МАКСИМ

Скажу вам сказку в добрый час!
Друзья, извольте все собраться!
Я рассмешу, наверно, вас —
Как скоро станете смеяться.

Жил-был Максим, он был неглуп;
Прекрасен так, что заглядеться!
Всегда он надевал тулуп —
Когда в тулуп хотел одеться.

Имел он очень скромный вид;
Был вежлив, не любил гордиться;
И лишь тогда бывал сердит —
Когда случалось рассердиться.

Максим за пятерых едал,
И более всего окрошку;
И рот уж, верно, раскрывал —
Когда в него совал он ложку.

Он был кухмистер, господа,
Такой, каких на свете мало, —
И без яиц уж никогда
Его яишниц не бывало.

Красавиц восхищал Максим
Губами пухлыми своими;
Они, бывало, все за ним —
Когда гулял он перед ними.

Максим жениться рассудил,
Чтоб быть при случае рогатым;
Но он до тех пор холост был —
Пока не сделался женатым.

Осьмое чудо был Максим
В оригинале и портрете;
Никто б не мог сравниться с ним —
Когда б он был один на свете.

Максим талантами блистал
И просвещения дарами;
И вечно прозой сочинял —
Когда не сочинял стихами.

Он жизнь свободную любил,
В деревню часто удалялся;

Когда же он в деревне жил —
То в городе не попадался.

Всегда учтивость сохранял,
Был обхождения простова;
Когда он в обществе молчал —
Тогда не говорил ни слова.

Он бегло по складам читал,
Читая, шевелил губами;
Когда же книгу в руки брал —
То вечно брал ее руками.

Однажды бодро поскакал
Он на коне по карусели,
И тут себя он показал —
Всем тем, кто на него смотрели.

Ни от кого не трепетал,
А к трусости не знал и следу;
И вечно тех он побеждал —
Над кем одерживал победу.

Он жив еще и проживет
На свете, сколько сам рассудит;
Когда ж, друзья, Максим умрет —
Тогда он, верно, жив не будет.

К КНЯЗЮ ВЯЗЕМСКОМУ

Нам славит древность Амфиона:
От струн его могущих звона
Воздвигся город сам собой...
Правдоподобно, хоть и чудно.
Что древнему поэту трудно?
А нынче?.. Нынче век иной.
И в наши бедственные леты
Не только лирами поэты
Не строят новых городов,
Но сами часто без домов,

Богатым платят песнопеньем
За скудный угол чердака
И греются воображеньем
В виду пустого камелька.
О Амфион! благоговею!
Но, признаюсь, не сожалею,
Что дар твой: говорить стенам,
В наследство не достался нам.
Славнее говорить сердцам
И пробуждать в них чувства пламень,
Чем оживлять бездушный камень
И зданья лирой громоздить.

С тобой хочу я говорить,
Мой друг и брат по Аполлону!
Склонись к знакомой лиры звону;
Один в нас пламенеет жар;
Но мой удел на свете — струны,
А твой: и сладких песней дар
И пышные дары фортуны.
Послушай повести моей
(Здесь истина без украшенья):
Был пастырь, образец смиренья;
От самых юношеских дней
Святого алтаря служитель,
Он чистой жизнью оправдал
Все то, чем верных умилял
В христовом храме как учитель;
Прихожан бедных тесный мир
Был подвигов его свидетель;
Невидимую добродетель
Его лишь тот, кто наг, иль сир,
Иль обречен был униженью,
Вдруг узнавал по облегченью
Тяжелыя судьбы своей.
Ему науки были чужды —
И нет в излишнем знанье нужды —
Он редкую между людей
В простой душе носил науку:
Страдальцу гибнущему руку
В благое время подавать.
Не знал он гордого искусства

Умы витийством поражать
И приводить в волнение чувства;
Но, друг, спроси у сироты:
Когда в одежде нищеты,
Потупя взоры торопливо,
Она стояла перед ним
С безмолвным бедствием своим,
Умел ли он красноречиво
В ней сердце к жизни оживлять
И мир сей страшный украшать
Надеждою на провиденье?
Спроси, умел ли в страшный час,
Когда лишь смерти слышен глас,
Лишь смерти слышно приближенье,
Он с робкой говорить душой
И, скрыв пред нею мир земной,
Являть пред нею мир небесный?
Как часто в угол неизвестный,
Где нищий с голодною семьей
От света и стыда скрывался,
Он неожиданный являлся
С святым даяньем богачей,
Растроганных его мольбою!..
Мой милый друг, его уж нет;
Судьба незапною рукою
Его в другой умчала свет,
Не дав свершить здесь полдороги;
Вдовы ж наследство: одр убогий,
На коем жизнь окончил он,
Да пепел хижины сгорелой,
Да плач семьи осиротелой...
Скажи, вотще ль их жалкий стон?
О нет! Он, землю покидая,
За чад своих не трепетал,
Верней он в час последний знал,
Что их найдет рука святая
Неизменяющего нам;
Он добрым завещал сердцам
Сирот оставленных спасенье.
Сирот в семействе бога нет!
Исполним доброго завет
И оправдаем провиденье!

К ВЯЗЕМСКОМУ
ОТВЕТ НА ЕГО ПОСЛАНИЕ К ДРУЗЬЯМ

Ты, Вяземский, хитрец, хотя ты и поэт!
Проблему, что в тебе ни крошки дара нет,
Ты вздумал доказать посланьем,
В котором, на беду, стих каждый заклеим
Высоким дарованьем!
Притворство в сторону! знай, друг, что осужден
Ты своенравными богами

На свете жить и умереть с стихами,
Так точно, как орел над тучами летать,
Как благородный конь кипеть пред знаменами,
Как роза на лугу весной благоухать!
Сноси ж без ропота богов определение!
Не мысли почитать успех за обольщенье

И содрогаться от похвал!

Хвала друзей — поэту вдохновение!
Хвала невежд — бряцающий кимвал!
Страшися, мой невец, не смелости, но лени!
Под маской робости не скроешь ты свой дар;
А тлеющий в твоей груди священный жар
Сильнее, чем друзей и похвалы и пени!
Пиши, когда писать внушает Аполлон!
К святилищу, где скрыт его незримый троп,
Известно нам, ведут бесчисленны дороги;
Прямая же одна!

И только тех очам она, мой друг, видна,
Которых колыбель парнасским лавром боги
Благоволили в час рожденья осенить!
На славном сем пути певца встречает Гений;
И, весел посреди божественных явлений,
Он с беззаботностью младенческой идет,

Куда рукой неодолимой,
Невидимый толпе, его лишь сердцу зримый,
Крылатый проводник влечет!

Блажен, когда, ступив на путь, он за собою
Покинул гордости угрюмой суеты
И славолубия убийственны мечты!
Тогда с свободною и ясною душою
Наследие свое, великолепный свет,
Он быстро на крылах могущих облетает

И, вдохновенный, восклицает,
Повсюду зря красу и благо: я поэт!
Но горе, горе тем, на коих Эвмениды,
За преступленья их отцов,
Наслали Фурию стихов!
Для них страшилищи и Феб и Аониды!
И визг карающих свистков
Во сне и наяву их робкий слух терзает!
Их жребий — петь назло суровых к ним судей!
Чем громозвучней смех, тем струны их звучаей,
И лира, наконец, к перстам их прирастает!
До Леты гонит их свирепый Аполлон;
Но и забвения река их не спасает!
И на берегу ее, сквозь тяжкий смерти сон,
Их тени борются с бесплотными свистками!
Но, друг, не для тебя сей бедственный удел!
Природой научен, ты верный путь обрел!
Летай неробкими перстами
По очарованным струнам
И музы не страшись! В нерукотворный храм
Стезей цветущею, но скрытою от света

Она ведет поэта.

Лишь бы любовью красоты
И славой чистою душа в нас пламенела,
Лишь бы, минутное отринув, с высоты
Она к бессмертному летела —
И муза счастья богиней будет нам!
Пускай слепцы ползут по праху к похвалам,
Венцов презренных ищут в прахе
И, славу позабыв, бледнеют в низком страхе,
Чтобы прелестница-хвала,
Как облако, из их объятий не ушла!
Им вечно не узнать тех чистых наслаждений,
Которые дает нам бескорыстный Гений,
Природы властелин,
Парящий посреди безбрежного пучин,
Красы верховной созерцатель
И в чудном мире сем чудесного создатель!
Мой друг, святых добра законов толкователь,
Поэт, на свете сем — всех добрых семьянин!
И сладкою мечтой потомства оживленной...
Но нет! потомство не мечта!

Не мни, чтоб для меня в дали его священной
 Одних лишь почестей блистала суета!
 Пускай правдивый суд потомством раздается,
 Ему внимать наш прах во гробе не проснется,
 Не прикоснется он к бесчувственным костям!
 Потомство говорит, мой друг, одним гробам;
 Хвалы ж его в гробах почившим невняты!
 Но в жизни мысль о нем нам спутник благодатный!
 Надежда сердцем жить в веках,
 Надежда сладкая — она не заблужденье;
 Пускай покроет лиру прах —
 В сем прахе не умолкнет пенье
 Душой бессмертной полных струн!
 Наш гений будет, вечно юн,
 Неутомимыми крылами
 Парить над дряхлыми племен и царств гробами;
 И будет пламень, в нас горевший, согревать
 Жар славы, благодати и смелых помышлений
 В сердцах грядущих поколений;
 Сих уз ни Крон, ни смерть не властны разорвать!
 Пускай, пускай придет пустынный ветер свистать
 Над нашею с землею сравнившейся могилой —
 Что счастьем для нас в минутной жизни было,
 То будет счастьем для близких нам сердец
 И долго после нас; грядущих лет певец
 От лиры восплает нашей;
 Внимая умиленно ей,
 Страдалец подойдет смелей
 К своей ужасной, горькой чаше
 И волю промысла, смирясь, благословит;
 Сын славы закипит,
 Ее послушав, бранью
 И праздный меч сожмет петерпеливой дланью...
 Давно в развалинах Сабинский уголок,
 И веки уж над ним толпою пролетели —
 Но струны Флакковы еще не онемели!
 И, мнится, не забыл их звука тот поток
 С одушевленными струями,
 Еще шумящий там, где дружными ветвями
 В кудрявые венцы сплелися деревья!
 Там под вечер, когда невидимо роса
 С роскошной свежестью на землю упадает

И мирты спящие Селена осребряет,
Дриад стыдливых хоровод
Кружится по цветам, и тень их пролетает
По зыбкому зеркалу вод!
Нередко в тихий час, как солнце на закате
Льет румяный блеск на море вдалеке
И мирты темные дрожат при ветерке,
На ярком отражаясь злате, —
Вдруг разливается как будто тихий звон;
И ветерок и струй журчанье утихает,
Как бы незримый Аполлон
Полетом легким пролетает —
И путник, погружен в унылость, слышит глас:
«О смертный! жизнь стрелою мчится!
Лови, лови летящий час!
Он, улетев, не возвратится».

ЛЮБОВНАЯ КАРУСЕЛЬ,
или
ПЯТИЛЕТНИЕ МЕЛАНХОЛИЧЕСКИЕ СТРУЧЬЯ
СЕРДЕЧНОГО ЛЮБЛЕНИЯ

Тульская баллада

В трактире тульском тишина,
И на столе уж свечки,
Като на канапе одна,
А Азбукин у печки!
Авдотья, Павлов Николай
Тут с ними — нет лишь Анны.
«О, друг души моей, давай
Играть с тобой в Татьяны!» —
Като сказала так дружку,
И милый приступает,
И просит скромно табачку,
И жгут крутой свивает.

Катошка милого комшит,
А он комшит Катошку;
Сердца их тают — стол накрыт,
И подают окрошку.

Садятся рядом и едят
Весьма, весьма прилежно.
За каждой ложкой поглядят
В глаза друг другу нежно.
Едва возлюбленный чихнет —
Катошка тотчас: *здравствуй!*
А он ей головой кивнет
И нежно: *благодарствуй!*

Близ них Плезира-пес кружит
И моська ростом с лось!
Плезира! — милый говорит;
Катоша кличет: — *мось!*
И милому дает кольцо...
Но вдруг стучит карета —
И на трактирное крыльцо
Идет сестра Анета!
Заметьте: Павлов Николай
Давно уж провалился,
Анета входит невзначай —
И милый подавился!

«О милый! милый! что с тобой?» —
Катоша закричала.
«Так, ничего, дружочек мой,
Мне в горло кость попала!»
Но то лишь выдумка — злодей!
Он струсил от Анеты!
Кольцо в глаза мелькнуло ей
И прочие конжеты!
И говорит: «Что за модель?
Извольте признаваться!»
Като в ответ: «Ложись в постель», —
И стала раздеваться...

Надела спальный свой чепец
И ватошник свой алый
И скомкалася наконец
Совсем под одеяло!
Оттуда выставя носок,
Сказала: «Я пылаю!»
Анета ей в ответ: «Дружок,
Я вас благословляю!

Что счастье вам, то счастье мне!»

Като не улежала

И бросилась на шею к ней, —

Авдотья заплакала.

А пламенный штабс-капитан

Лежал уже раздетый!

Авдотья в дверь, как в барабан,

Стучит и кличет: «Где ты?»

А он в ответ ей: «Виноват!»

«Скорей!» — кричит Анета.

А он надел, как на парад,

Мундир, два эполета,

Кресты и шпагу нацепил —

Забыл лишь панталоны...

И важно двери растворил

И стал творить поклоны...

Какой же кончу я чертой?

Безделкой: многи лета!

Тебе, Василий! вам, Като,

Авдотья и Анета!

Веселье стало веселей;

Печальное забыто;

И дружба сделалась дружней;

И сердце всё открыто!

Кто наш — для счастья тот живи,

И в землю providенью!

Ура, надежде и любви

И киселя терпенью!

ПЛАЧЬ О ПИНДАРЕ

Быль

Однажды наш поэт Пестов,

Неутомимый ткач стихов

И Аполлонов жрец упрямый,

С какою-то ученой дамой

Сидел, о рифмах рассуждал,

Свои творенья величал, —

Лишь древних сравнивал с собою

И вздор свой клюквенной водою,
Кобенясь в креслах, запивал.
Коснулось до Пиндара слово!
Друзья! хотя совсем не ново,
Что славный был Пиндар поэт
И что он умер в тридцать лет,
Но им Пиндара жалко стало!
Пиндар великий! Грек! Певец!
Пиндар, высоких од творец!
Пиндар, каких и не бывало,
Который мог бы мало-мало
Еще не том, не три, не пять,
А десять томов написать, —
Зачем так рано он скончался?
Зачем еще он не остался
Пожить, попеть и побренчать?
С печали дама зарыдала;
С печали зарыдал поэт —
За что, за что судьба сослала
Пиндара к Стиксу в тридцать лет!
Лакей с метлою тут случился,
В слезах их видя, прослезился;
И в детской нянька стала выть;
Заплакал с нянькою ребенок;
Заплакал повар, поваренок;
Буфетчик, бросив чашки мыть,
Заголосил при самоваре;
В конюшне конюх зарыдал, —
И словом, целый дом стонал
О песнопевце, о Пиндаре.
Да, признаюсь вам, друзья,
Едва и сам не плачу я.
Что ж вышло? Все так громко выли,
Что все соседство взгомозили!
Один сосед к ним второях
Бежит и вопит: «Что случилось?
О чем вы все в таких слезах?»
Пред ним все горе объяснилось
В немногих жалобных словах.
«Да что за человек чудесный?
Откуда родом ваш Пиндар?
Каких он лет был? молод? стар?

И что о нем еще известно?
Какого чину? где служил?
Женат был? вдов? хотел жениться?
Чем умер? кто его лечил?
Имел ли время причаститься?
Иль вдруг свалил его удар?
И словом — кто таков Пиндар?»
Когда ж узнал он из ответа,
Что все несчастья от поэта,
Который между греков жил,
Который в славны древни годы
Певал на скачки греков оды,
Язычник, не католик был;
Что одами его пленялся,
Не понимая их, весь свет,
Что более трех тысяч лет,
Как он во младости скончался, —
Поджав бока свои, сосед
Смеяться начал, да смеяться
Так, что от смеха надорваться!
И смотрим, за соседом вслед
Все — кучер, повар, поваренок,
Буфетчик, нянька и ребенок,
Лакей с метлой, и сам поэт,
И дама — взапуски смеяться!
И хоть я рад бы удержаться,
Но признаюсь вам, друзья,
Смеюсь за ними вслед и я!

К ВОЕЙКОВУ

О Воейков! Видно, нам
Помышлять об исправленье!
Если должно верить снам,
Скоро Пиндо-преставленье,
Скоро должно наступить!
Скоро, предлетящим громом,
Аполлон придет судить
По стихам, а не по томам!

Нам известно с древних лет,
Сны, чудовищей явленья
Грозно-пламенных комет
Предвещали измененья
В муравейнике земном!
И всегда бывали правы
Сны в пророчестве своем.
В мире Феба те ж уставы!

Тьма страшилищ меж стихов,
Тьма чудес... дрожу от страху!
Зрел оберткой пирогов
Я недавно Андромаху.
Зрел, как некий Асмодей
Мазал, вид приняв лакея,
Грозной кистию своей
На заклею окон Грея.

Зрел недавно, как Пиндар,
В воду огонь свой обративши,
Затушил в Москве пожар,
Всю дожечь ее грозивший.
Зрел, как Сафу бил голик,
Как Расин кряхтел под тестом,
Зрел окутанный парик
И Электрой и Орестом.

Зрел в ночи, как в высоте
Кто-то, грозный и унылый,
Избоченясь, на коте
Ехал рысью; в шуйце вилы,
А в деснице грозный *Ик*;
По-славянски кот мяукал,
А внимающий старик
В такт с усмешкой Иком тукал.

Сей скакун по небесам
Прокатился метеором;
Вдруг отверзтый вижу храм,
И к нему идут собором
Феб и музы... Что ж? О страх!
Феб — в ужасных рукавицах,

В русской шапке и котах;
Кички на его сестрицах!

Старика ввели во храм,
При печальных Смехов ликах
В стихарях амуры там
И хариты в черевиках!
На престоле золотом
Старина сидит *богиня*;
Одесную Вкус с бельмом,
Простофиля и разиня.

И как будто близ жены,
Поручив кота Эроту,
Сел старик близ Старины,
Сияясь скрыть свою перхоту.
И в гудок для пришлеца
Феб ударил с важным тоном,
И пустились *голубца*
Мельпомена с Купидоном.

Важно бил каданс старик
И подмигивал старушке;
И его державный *Иж*
Перед ним лежал в кадушке.
Тут к престолу подошли
Стихотворцы для присяги;
Те под мышками несли
Расписные с квасом фляги;

Тот тащил кису морщин,
Тот прабабушкину мушку,
Тот старинных слов кувшин,
Тот *кавык* и *юсов* кружку,
Тот перину из бород,
Древле бритых в Петрограде;
Тот славянский перевод
Басен Дмитриева в окладе.

Все, воззрев на Старину,
Персты вверх и, ставши рядом:
«Брань и смерть Карамзину! —
Грянули, сверкая взглядом. —

Зубы грешнику порвем,
Осраим хребет строптивый!
Зад во утро избием,
Нам обиды сотворивый!»

Вздвогнул я. Призрак исчез...
Что ж все это предвещает?
Ах, мой друг, то глас небес!
Полно медлить... наступает
Аполлонов страшный суд,
Дни последние Парнаса!
Нас богини мщенья ждут!
Полно мучить нам Пегаса!

Не покаяться ли нам
В прегрешеньях потаенных?
Если верить старикам,
Муки Фебом осужденных
Неописанные, друг!
Поспешим же покаяньем,
Чтоб и нам за рифмы — крюк
Не был в аде воздаяньем.

Мук там бездна!.. Вот Хлыстов:
Меж огромными ушами,
Как Тантал среди плодов,
С непрочтенными стихами.
Хочет их читать ушам,
Но лишь губы шевельнутся,
Чтобы дать простор стихам, —
Уши разом все свернутся!

Вот, на плечи стих взгрузив,
На гору его волочит
Пустопузов, как Сизиф;
Бьется, силится, хлопочет,
На верху горы вдовец —
Здравый смысл — торчит маяком;
Вот уж близко! вот конец!
Вот дополз — и книзу раком!..

Вот Груздочкип-траголюб
Убирает лоб в морщины

И хитоном свой тулуп
В угожденье Прозерпины
Величает невпопад;
Но хвастливость не у места:
Всех смешит его наряд,
Даже фурий и Ореста!

Полон, треску и огня
И на смысл весьма убогий,
Вот на чахлого коня
Лезет Фирс коротконогий.
Лишь уселся, конь распух.
Ножки вверх — нет сил держаться;
Конь галопом; рыцарь — бух!
Снова лезет, чтоб сорваться!..

Ах! покаемся, мой друг!
Исповедь — пол-исправленья!
Мы достойны этих мук!
Я за ведъм, за привиденья,
За чертей, за мертвецов;
Ты ж за то, что в переводе
Очутился из Садов
Под капустой в огороде!..

АРЕОПАГУ :

О мой Ареопаг священный,
С моею музою смиренной
Я преклоняюсь пред тобой!
Публичный обвинитель твой,
Малютка Батюшков, гигант по дарованью,
Уж суд твой моему «Посланию»
В парнасский протокол вписал
За скрепой Аполлона,
И я к подножию божественного трона
С повинной головой предстал,
С поправками «Послания»
И парой слов для оправданья!
Прошу, да пред него и Аристарх-певец

С своею критикой предстанет,
И да небесный Феб, по Пинду наш отец,
На наше прение негневным взором взглянет! .
За что ж о плане ты, мой грозный судия,
Ни слова не сказал? О, страшное молчанье!
Им муза робкая оглушена моя!

И ей теперь мое «Послание»
Уродом кажется под маской красоты!
Злодей! молчанием сказал мне больше ты
Один, чем критиков крикливое собрание
Разбора строгого шумящею грозой!

Но так и быть, перед тобой

Все тайные ошибки!

О чем молчишь — о том и я хочу молчать!..
Чтоб безошибочно, мой милый друг, писать,

На то талант твой нужен гибкий!

Дерзнет ли свой листок он в тот вплести венец?

Ужасный стих! так ты воскликнул, мой певец!

И музы все с тобой согласны!

Да я и сам кричу, наморщившись: *ужасный!*

Вотще жую перо, вотще молюсь богам,

Чтоб от сего стиха очистили «Послание»!

Напрасное пера невинного жеванье,

Напрасные мольбы! — поправь его ты сам!

Не можешь? Пусть живет векам на посмеянье!

Кто славы твоя опишет красоту!

Ты прав: *опишет* — вздор, написанный водою,

А *твоя* — урод! Готов одной чертою

Убить сей стих! Но, друг! смиренную чету

Двух добрых рифм кто разлучить решится?

Да, может быть, моя поправка пригодится?..

Кто славных дел твоих постигнет красоту? —

Не лучше ли? Прими ж, мой друг, сию поправку,

А прежний вздорный стих в отставку.

Что далее?.. Увы! я слышу не впервой,

Что стих: *Дробила над главой*

Земных народов брань, и что ж еще: *державы!* —

Смешной и темный стих! Быть может, бес лукавый,

Моих баллад герой,

Сшутил таким стихом коварно надо мной.

Над искушителем себя мы позабавим

Балладой новою, а стих хоть так поправим:

*Ниспровергала, враг земных народов, брань!..
Нет! выше бурь венца...* Ты здесь, мой друг,

в сомненье;

Но *бури жизни* есть для всякого певца
Не запрещенное от Феба выраженье!
А *бури жизни*, друг, чем лучше *бурь венца*?

Итак, сомнение приняв за одобренье,
Я с *бурями венца* отважно остаюсь —
Вверяясь твоему сомненью,

Спокойно на берегу с моей подругой ленью

Сижу и бурям критики смеюсь.

Другой же стих — твоя, а не моя погрешность;
Затмила, кажется, рассудок твой поспешность:

Ведь *невнимательных царей*

В Послание нет! лишь ты, по милости своей,

Был невнимательный читатель;

А может быть, и то, что мой переписатель

Царей не отделил

От их народов запятою

И так одной пера чертою

Земной порядок помутил.

Итак — здесь виноват не я, а запятая,

И критика твоя косая. —

Под наклонившихся престолов царских сень

Народы ликовать стекались толпами.

По мненью твоему, туман.

Прости! но с критикой твоей я не согласен,
И в этих двух стихах смысл, кажется мне, ясен!

Зато другие два, как шумный барабан,

Рассудку чуждые, лишь только над ушами

Господствуют: *мой трон у галлов над главами,*

Разгрянувшись...

Своими страшными кусками

Подобен сухарю и так же сух, как он.

Словечко *вспыхнул* мне своею быстротою

Понравилось — винюсь, смиряясь пред тобою;

И робкою пишу рукою:

Вспылал, развергнувшись как гибельный вулкан.

Но чем же странен великан,

С развалин пламенных ужасными очами

Сверкающий на бледный свет? —

Тут, право, милый друг, карикатуры нет!

Вот ты б, малютка, был карикатура,
Когда бы мелкая твоя фигура

Задумала с развалин встать

И на вселенну посверкать.

А тень огромная свирепого тирана...

Нет... Я горой за великана!

Зато, мой друг, при сих забавных трех стихах

Пред критикой твоей бросаю лирой в прах

И рад хоть казачка плясать над их могилой:

Там все...

И вот как этот вздор поправил Феб мой хилый:

Там все — и весь, и град, и храм — взывало: брань!

Все, раболопствуя мечтам тирана, дань

К его ужасному престолу приносило...

Поправка — но вопрос, удачна ли она?

И мздой свою постель страданье выкупало!

Конечно, здесь твой вкус надменный испугало

Словечко бедное: *постель?* Постель бедна

Для пышности стихов — не спорю я нимало;

Но если муза скажет нам:

И мздой свой бедный одр страданье выкупало, —

Такой стишок ее понравится ль ушам?

Как быть! но мой припев: поправь, как хочешь, сам!

И дай вздохнуть моей ты лени —

Тем боле, что твои совсем некстати пени

За этот добрый стих, в котором смысла нет;

И юность их была, как на могиле цвет!

Здесь свежесть юная и блеск цветочка милый

Противоположён унынию могилы;

На гробе расцветя, цветок своей красой

Нам о ничтожности сильнее напоминает:

Не украшает он, а только обнажает

Пред нами ужас гробовой.

И гроба гость, цветок — символ для нас унылый,

Что все живет здесь миг, и для одной могилы...

И хитростью...

Мой друг, я не коснусь до первых двух стихов!

В них вся политика видна Наполеона!

И всем известно нам, что, неизбежный ков

Измены, хитрости расставивши близ трона,

Лишь только добивал его громами он.

Не будь Наполеон —
Разбитый гробами охотно я б поставил!
Последние ж стихи смиренно я поправил,
А может быть, еще поправкой и *добил*:
По ним свободы враг отважною стопою
За всемогуществом шагал от боя к бою!
Что скажешь? угодил? —
А следующий стих, на *ратей переходы*
Служащий рифмою, я так переменил:
Спешащих раздробить еще престол свободы.
Еще трем карачун; их смуглый мой зопл
(Воейков)

На смерть приговорил:
И вслед ему всяк час за ратью рать летела —
И по следам его на место: вслед всяк час
Поставить рожица мне смуглая велела!
И я исполнил сей приказ!
Уж указуешь путь державною рукой —
Приказано писать: *Уж отверзаешь путь.*
Перед тобой весь мир — писать: перед тобою
Мир — весь же зачеркнуть...
Еще на многие стихи он покосился,
Да я не согласился.

* * *

Пред судилище Миноса
Собралися для допроса
Подле Стиксовых берегов
Души бледные скотов.

Ворон, моська, кот, телушка,
Попугай, баран, индюшка,
... Соловей, петух с свиньей
Стали пред Миномом — в строй.

«Говорите, как вы жили?
Много ль в свете вы грешили? —
Так сказал им судия. —
Начинай хоть ты, свинья».

«Я нисколько не грешила;
Не жалея морды, рыла
Я на свете сем павоз;
В этом нет греха, Минос!»

«Я, баран, жил тихомолком,
На беду, столкнулся с волком:
Волк меня и задавил, —
Тем лишь я и согрешил».

«Я смиренная корова;
Нраву я была простова;
Грех мой, право, не велик:
Ободрал меня мясник».

«Хоть слыву я попугаем,
Но на свете был считаем
С человеком наравне;
Этот грех прости ты мне!»

«Я котом служил на свете
И имел одно в предмете:
Бил мышей и сыр таскал;
Этот грех, по чести, мал».

«Я, пичужка, вечно цела;
По-еллински филомела,
А по-русски соловей;
Не грешна ни в чем! Ей-ей!»

«Я курносая собака,
Моська, родом забияка,
И зовут меня Барбос;
Пощади меня, Минос!»

«Я петух, будильник ночи,
С крику выбился из мочи
И принес на Стикс-реку
Я свое кукареку».

«Я индюшка-хлопотунья,
Пустомеля и крикунья;
У меня махровый нос;
Не покинь меня, Минос!»

«Ворон я, вещун и плакса;
Был я черен так, как вакса,
Каркал часто на беду;
Рад я каркать и в аду».

Царь Минос сердитым взглядом
На скотов, стоящих рядом,
Разъяренный засверкал...
И — ни слова не сказал.

МЛАДЕНЕЦ

(В АЛЬБОМ ГРАФИНИ О. П.)

В бурю, в легком челноке,
Окруженный тучи мглою,
Плыл младенец по реке,
И несло челнок волною.

Буря вокруг него кипит,
Челн ужасно колыхает —
Беззаботно он сидит
И веслом своим играет.

Волны плещут на челнок —
Он веселыми глазами
Смотрит, бросив в них цветок,
Как цветок кружит волнам.

Челн, ударясь у берегов
Об утесы, развалился,
И на бреге меж цветов
Мореходец очутился.

Челн забыт... а гибель, страх?
Их невинность и не знает.
Улыбаясь, на цветах
Мой младенец засыпает.

Вот пример! Беспечно в свет!
Пусть гроза, пускай волнение;
Нам погибели здесь нет;
Правит челн наш провиденье.

Здесь стезя твоя верна;
Меньше, чем другим, опасна;
Жизнь красой души красна,
А твоя душа прекрасна.

〈К Т. Е. БОКУ〉

I

Мой друг, в тот час, когда луна
Взойдет над русским станом,
С бутылкой светлого вина,
С заповедным стаканом
Перед дружиной у огня
Ты сядь на барабане —
И в сонме храбрых за меня
Прочти *Певца во стане*.
Песнь брани вам зажжет сердца!
И, в бой летя кровавый,
Про отдаленного певца
Вспомнят чада славы!

II

Любезный друг, гусар и Бок!
Планетам изменять нисколько нам не стыдно!
Их путь от нас далек;
К тому ж, мой друг, для звезд небесных не обидно,
Когда забудешь их на час для звезд земных!
Для беспредельности одной они сияют
И в гордости своей совсем не замечают
Слепцов, которые из мрачности земной
Их куртизируют подзорною трубой!
Хоть я и не гусар, но клясться рад с тобой
Священным именем пророка,
Что, встретившись, как ты, с прекрасною четой,
Забыл бы звезды все, Жуковского и Бока!
В осьмом часу тебя готов я ждать!

Но завяжи глаза, чтоб к нам дойти вернее,
Чтобы опять сирены не видеть!
Близ пропасти слепой всегда пройдет смелее.

III

Мой милый Бок!

Не думай, чтоб я был ленивый лежебок!
Или пренебрегал твоим кабриолетом, —
Нет, нет! но как гусар ты поступил с поэтом!
(Как друг-гусар, прошу меня понять):
Как *друг* ты, согласив с своим мое желанье,
Спешишь скорей меня обнять,
Скорее разделить со мной очарованье,
Которое сестра прелестная твоя
Своим присутствием вокруг нас разливает —
И дружба этому прямую цену знает.
Но как *гусар*, ты все смутил, душа моя:
Ты хочешь приступом взять мирного поэта;
Ты силою кабриолета

Затеял, в миг один, весь план его взорвать!..
Послушай: сняв мундир, привычку разрушать
Оставь с мундиром и усами!

Капитуляция была уж между нами;
Стояло в ней: тебе от друга вести ждать;
Дождавшись же, за ним в своем кабриолете
И налицо во весь опор скакать.

Но, видно, это все ты предал жадной Лете
И в памяти одну лишь дружбу сохранил!
Итак, чтоб памяти ты вновь не утопил,
Вот для тебя рецепт от сей чумы ужасной,
Вот план мой *письменный*, по пунктам, точный,
ясный:

Пункт первый: подождать!

Ты знаешь, до Печор я еду провожать
Своих друзей — на то дней семь иль восемь сроку.
Коль скоро возвращусь, тотчас записку к Боку,
И в этом *пункт второй* — но как ее послать?
Не лучше ли тебе меня уж в Дерпте ждать?

Мы *вместе* славно прокатимся!

Мой план не весь! еще есть пунктов пять,

Но на словах мы лучше объяснимся!
Прости! завидуя моим дурным стихам,
На месте их теперь желал бы быть я сам.

Р. С. Когда ты через десять дней,
По обстоятельствам, за другом и поэтом
Не можешь сам скакать с своим кабриолетом,
То хоть одних пришли с ним лошадей.

СТАРЦУ ЭВЕРСУ ¹

Вступая в круг счастливых молодых,
Я мыслил там — на миг товарищ их —
С веселыми весельем поделиться
И юношей блаженством насладиться.
Но в сем кругу меня мой Гений ждал!
Там Эверс мне на братство руку дал...
Благодарю, хранитель-провиденье!
Могу ль забыть священное мгновенье,
Когда, мой брат, к руке твоей святой
Я прикоснуть дерзнул уста с лобзаньем,
Когда стоял ты, старец, предо мной
С отеческим мне счастья желаньем!
О старец мой, в прекрасных днях твоих
Не пропадет и сей прекрасный миг,
Величием души запечатленный, —
Но для тебя я был пришлец мгновенный;
Как друг *всего*, и мне ты другом был;
Ты с нежностью меня благословил,
Нечаянно в сей жизни повстречавши!
Уже отсель ты в лучший смотришь свет,
И мой тебе незнаем будет след!
Но я, едва полжизни испытавши,
Едва сошед с предела ранних лет,
Не с лучшею, не с легкою судьбою
(И может быть, путь долгий предо мною!),
Мысль о тебе, о брат священный мой,

¹ Писано после праздника, данного студентами Дерптского университета. (Прим. Жуковского.)

Как божий дар, возьму на жизнь с собой!
Брат Эверса!.. так! я сказать дерзаю;
Что имени сего всю цену знаю!
В сем имени мой долг изображен!
Не беден тот, кто свойства не лишен
Пред добрыми душою согреваться;
Кто мыслию способен возвышаться,
Зря благи величественный лик.
О! сладкий жар во грудь мою проник,
Когда твоя рука мне руку сжала!
Мне лучшею земная жизнь предстала,
Училищем для неба здешний свет!
«Не унывать, хотя и счастья нет;
Ждать в тишине и помнить providенье;
Прекрасному — *текущее мгновенье*;
Грядущее — беспечно небесам;
Что мрачно *здесь*, то будет ясно *там*!
Земная жизнь, как странница крылата,
С печалью от гроба улетит;
Что было здесь для доброго утрата,
То жизнь ему другая возвратит!»
Вот правила для Эверсова брата.

Я зрел вчера: сходя на край небес,
Как божество, нас солнце покидало;
Свершив свой день, прощальный луч бросало
Оно с высот на холм, и дол, и лес,
И, тихий блеск оставя на закате;
От нас к другим скатилось небесам..
О! сколько мне красот явилось там!
Я вспомню о небом данном брате;
О дне его, о ясной тишине
И сладостном на *вечере сиянье*;
Я вспомню о нежном завещанье,
Оставленном в названье брата мне, —
И мужество мне в душу пробежало!..
Благослови ж меня, священный друг!
Что б на пути меня ни ожидало,
Отныне мне, как благотворный дух,
Сопутником твое воспоминанье.
Где б ни был я, мой старец брат со мной!
И тихое вечернее сиянье,

С моей о нем беседа душой, —
Таинственный символ его завета, —
Учителем отныне будет мне:
«Свой здешний путь окончить в тишине!» —
И вестником прекраснейшего света.

‘К КН. ВЯЗЕМСКОМУ’

Благодарю, мой друг, тебя за доставленье
Твоих пленительных стихов!
На Волге встретилось с тобою вдохновенье!
Ты, с крутизны ее лесистых берегов
Смотря на пышные окрестностей картины,
С природы список нам похожий написал.
И я тебе вослед мечтою пробежал
Прибрежных скал вершины;
Смотрел, как быстрые крылатые струга,
Сокровищ земледелья полны,
Рулями острыми разрезывали волны;
Как селы между рощ пестрили берега;
Как дым их, тонкими подъямля столбами,
Взвивался и белел на синеве лесов
И, медленно всходя, сливался с облаками, —
Вот что, по милости твоих, мой друг, стихов,
Как наяву, я видел пред собою.
Прочел я их один, потом прочли со мною
Тургенев с Гнедичем, и Блудов, и Дашков.
Потом и критику-богиню пригласили
Их с хладнокровием, ей сродным, прочитать.
Мы, слушая ее, стихи твои херили,
Тебе же по херам осталось поправлять!
Вот *общий* приговор богини беспристрастной:
«Ваш Вяземский прямой поэт!
Он ищет простоты, но простоты прекрасной;
И вялости в его стихах признака нет.
Дар живописи он имеет превосходный!
Природу наблюдать его умеет взор!
Презревши вымыслов блистательный убор,
Он в скромной простоте, красам природы сродный,
Живописует нам природы красоты!

Он в ней самой берет те сильные черты,
Из коих создает ее изображение
И списка точностью дивит воображение». —
Такой был *общий* приговор!

Потом перебирать свободно
Богиня принялась стихи поочередно,
И вышел строгий перебор!
Послушай и поправь, когда тебе угодно!
Благоухает дров

Трепещущая сень. Богиня утверждает
(Я повторяю то, поэту не во гнев),
Что худо делает, когда *благоухает*,
Твоя *трепещущая сень*!

Переступившее ж последнюю ступень
На небе пламенном вечернее светило —
В прекраснейших стихах ее переступило,
Да жаль, что в точности посбилося на пути;
Нельзя ль ему опять на небеса взойти,
Чтоб с них по правилам грамматики спуститься,
Чтоб было ясно все на небе и в стихах?

И скатерть синих вод сравнялась в берегах:
Равняться в берегах *твоих* ей не годится,
Когда в *моих* она сравнялась давно
Не синей скатертью, а попросту рекою:

Мой стих перед тобою,
Но красть у бедняка богатому грешно!
О сем стихе, где живописи много:
Кто в облачной дали конец тебе прозрит?

Богиня говорит,
И справедливо, хоть и строго:
Прозреть, предвидеть — все равно!
Прозреть нам можно то одно,
Что не сбылось еще, чему лишь можно сбыться;
Итак, сие словцо не может пригодиться
К *концу реки*! Он есть давно, хотя и скрыт.
Ты вместо вялого словечка *различит*,
Великолепное *прозрит* вклеил не к месту
И безобразную с ним сочетал невесту:
И неподвижный взор окованный стоит!
Как хочешь стой, но он в жестоком положении!
Из одинаких весь сей стих лоскутьев шит:
Стоит, оковы, недвиженье —

Одно! Такой халат читателя смешит!
Огромные суда в медлительном паренье:
 Запрещено, мой друг,— и нечем пособить! —
 Указом критики судам твоим *парить*:
 Им предоставлено смиренное *течение*;
 А странное: *столбы на них* —
 Простым словцом: *и мачты их*
 Сама своей рукой богиня заменила!
 Но те твои стихи она лишь похерила,
 В которых ты, *внимая гласу волн*,
 Нам говоришь: *люблю гнать резво челн*
По ропотным твоим зыбям и, сердцем весел,
 Под шумом дружных вёсел
 И прочее: *зво... челн* — ей неприятный звук:
 А *вёсел* рифма ли на *весел*, милый друг?
 Жаль! Ведь последний стих разительно прекрасен!
 Воображению он сильно говорит;
 Но рифма вздорная косится и брюзжит!
 Как быть? Она деспот, и гнев ее ужасен!
 Нельзя ли рифму нам другую приискать,
 Чтобы над веслами беспечно задремать,
 Не опасаясь, чтоб вздорщицу смутили,
 И также, чтобы нас *воздушные мечты*,
 А не тяжелые *златые* веселили?..
 Но наше дело — *хер*! Поправки ж делай ты.
Покаты гор крутых! — не лучше ли *пещеры?*
Воспрянувших дубрав! — *развесистых дубрав*,
 Или *проснувшихся!* Слова такой же меры,
 А лучше! В этом вкус богини нашей прав!
Воспрянувших, мой друг, понятно, да не ясно.
 Все прочее прекрасно!
 Но я б весьма желал, чтоб *своды глас забав*
 Не галлицизмами окрестности *вверяли*,
 А русским языком *волнам передавали*.
Младое пенье их — прекрасная черта!
Их слава ясная, как вод твоих зеркало!
 Стих сильный, а нельзя не похерить начало!
 Поставь, прошу тебя: *и слава их чиста*,
 Чтоб следующим трем был способ приютиться.
 О двух других стихах — прекрасных, слова нет —
 Ни я, ни критика не знаем, как решиться:
 В них тьма, но в этой тьме скрывается поэт!

*Гремящих бурь боец, он ярости упорной
Смеется, опершись на брег, ему покорный!*
Боец не то совсем, что ты хотел сказать.
Твой Гений, бурь боец, есть просто бурь слугитель,
Наемный их боец; а мне б хотелось знать,
Что он их победитель!

Нельзя ли этот стих хоть так перемарать:
*Презритель шумных бурь, он злобе их упорной
Смеется, опершись на брег, ему покорный!*
Презритель — новое словцо; но признаюсь:
Не примешь ты его, я сам принять решусь!
К Фегиде с гордостью... Твоей, мой друг, *Фегиде*
Я рад бы из стихов дорогу указать.
В пучину Каспия приличней бы сказать.
Сравнение полней, и Каспий не в обиде!
А бег виющийся ручья —

Неловко — власть твоя;
Я б смело написал: *журчащего в дубраве.*
Спроси о том хоть музу ты свою,
Виющийся идет не к бегу, а к ручью.
Вот все!.. Согласен будь иль нет, ты в полном праве!

СЛАВЯНКА ¹

Элегия

Славянка тихая, сколь ток приятен твой,
Когда, в осенний день, в твои глядятся воды
Холмы, одетые последнею красой
Полуотцветшья природы.

¹ *Славянка* — река в Павловске. Здесь описываются некоторые виды ее берегов, и в особенности два памятника, произведение знаменитого Мартоса. Первый из них воздвигнут государынею вдовствующею императрицею в честь покойного императора Павла. В уединенном храме, окруженном густым лесом, стоит пирамида: на ней медальон с изображением Павла; перед ним гробовая урна, к которой преклоняется величественная женщина в короне и порфире царской; на пьедестале изображено в барельефе семейство императорское: государь Александр представлен сидящим; голова его склонилась на правую руку, и левая рука опирается на щит, на коем изображен двуглавый орел; в об-

Спешу к твоим брегам... свод неба тих и чист;
При свете солнечном прохлада повевает;
Последний запах свой осыпавшийся лист
С осенней свежестью сливает.

Иду под рощею излучистой тропой;
Что шаг, то новая в глазах моих картина;
То вдруг сквозь чащу древ мелькает предо мной,
Как в дыме, светлая долина;

То вдруг исчезло все... окрест сгустился лес;
Все дико вокруг меня, и сумрак и молчанье;
Лишь изредка, струей сквозь темный свод древес
Прокравшись, дневное сиянье

Верхи поблеклые и корни золотит;
Лишь, сорван ветерка минутным дуновеньем,
На сумраке листок трепещущий блестит,
Смущая тишину паденьем...

И вдруг пустынный храм в дичи передо мной;
Заглохшая тропа; кругом кусты седые;
Между багряных лип чернеет дуб густой
И дремлют ели гробовые.

Воспоминанье здесь унылое живет;
Здесь, к урне преклонясь задумчивой главою,

лаках видны две тени: одна летит на небеса, другая летит с небес, навстречу первой. — Спустясь к реке Славянке (сливающейся перед самым дворцом в небольшое озеро), находишь молодую березовую рощу: эта роща называется *семейственною*, пбо в ней каждое дерево означает какое-нибудь радостное происшествие в высоком семействе царском. Посреди рощи стоит уединенная *урна Судьбы*. Далее, на самом берегу Славянки, под тенью дерев, воздвигнут прекрасный памятник великой княгине Александре Павловне. Художник умел в одно время изобразить и прелестный характер и безвременный конец ее; вы видите молодую женщину, существо более небесное, нежели земное; она готова покинуть мир сей; она еще не улетела, но душа ее смиренно покорилась призывающему ее гласу; и взоры и рука ее, поднятые к небесам, как будто говорят: *да будет воля твоя*. Жизнь, в виде юного Гения, простирается у ее ног и хочет удержать летящую; но она ее не замечает; она повинуется одному Небу — и уже пад головою ее сияет звезда новой жизни. (Прим. Жуковского.)

Оно беседует о том, чего уж нет,
С неизменяющей Мечтою.

Все к размышленью здесь влечет невольно нас;
Все в душу томное уныние вселяет;
Как будто здесь она из гроба важный глас
Давно минувшего внимает.

Сей храм, сей темный свод, сей тихий мавзолей,
Сей факел гаснущий и долу обращенный,
Все здесь свидетель нам, сколь блага наших дней,
Сколь все величия мгновены.

И нечувствительно с превратности мечтой
Дружится здесь мечта бессмертия и славы:
Сей витязь, на руку склонившийся главой;
Сей громоносец двоеглавый,

Под шуйцей твердою сидящий на щите;
Сия печальная семья кругом царицы;
Сии небесные друзья на высоте,
Младые спутники денницы...

О! сколь они, в виду сей урны гробовой,
Для унывающей души красноречивы:
Тоскуя ль полетит она за край земной —
Там все утраченные живы;

И земле ль наклонит взор — великий ряд чудес;
Борьба за честь; народ, покрытый блеском славным;
И мир, воскреснувший по манию небес,
Спокойный под щитом державным.

Но вокруг меня опять светлеет частый лес;
Опять река вдали мелькает средь долины,
То в свете, то в тени, то в ней лазурь небес,
То обращенных древ вершины.

И вдруг открытая равнина предо мной;
Там мыза, блеском дня под рощей озаренна;
Спокойное село над ясною рекой,
Гумно и нива обнаженна.

Все здесь оживлено: с овинов дым седой,
Клубясь, по браздам ложится и редет,
И нива под его прозрачной пеленой
То померкает, то светлеет.

Там слышен на току согласный стук цепов;
Там песня пастуха и шум от стад бегущих;
Там медленно, скрипя, тащится ряд возов,
Тяжелый груз снопов везущих.

Но солнце катится безнойное с небес;
Окрест него закат спокойно пламенеет;
Завесой огненной подернут дальний лес;
Восток безоблачный синее.

Спускаюсь в дол к реке: брег темен надо мной,
И на воды легли дерев кудрявых тени;
Противный брег горит, осыпанный зарей;
В волнах блестят прибрежны сени;

То отраженный в них сияет мавзолей;
То холм муравчатый, увенчанный древами;
То ива дряхлая, до свившихся корней
Склонившись гибкими ветвями,

Сенистую главу купает в их струях;
Здесь храм между берез и яворов мелькает;
Там лебедь, притаясь у берега в кустах,
Недвижим в сумраке сияет.

Вдруг гладким озером является река;
Сколь здесь ее берегов пленительна картина;
В лазоревый кристалл слиясь вокруг челнока,
Яснеет вод ее равнина.

Но гаснет день... в тени склонился лес к водам;
Древа облечены вечерней темнотою;
Лишь простирается по тихим их верхам
Заря багряной полозою;

Лишь ярко заревом восточный брег облит,
И пышный дом царей на скате озлащенном,

Как исполин, глядясь в зеркало вод, блестит
В величии уединенном.

Но вечер на него покров накинул свой,
И рощи и брега, смешавшись, побледнели;
Последни облака, блиставшие зарей,
С небес, потухнув, улетели.

И воцарилась повсюду тишина;
Все спит... лишь изредка в далекой тьме промчится
Невнятный глас... или колыхнется волна...
Иль сонный лист зашевелится.

Я на берегу один... окрестность вся молчит...
Как привидение, в тумане предо мною
Семья молодых берез недвижимо стоит
Над усыпленною водою.

Вхожу с волнением под их священный кров;
Мой слух в сей тишине приветный голос слышит;
Как бы эфирное там веет меж листов,
Как бы невидимое дышит;

Как бы сокрытая под юных древ корой,
С сей очарованной мешаясь тишиною,
Душа незримая подымлет голос свой
С моей беседовать душою.

И некто урне сей безмолвный приседит;
И, мнится, на меня вперил он темны очи;
Без образа лицо, и зрак туманный слит
С туманным мраком полуночи.

Смотрю... и, мнится, все, что было жертвой лет,
Опять в видении прекрасном воскресает;
И все, что жизнь сулит, и все, чего в ней нет,
С надеждой к сердцу прилетает.

Но где он?.. Скрылось все... лишь только в тишине
Как бы знакомое мне слышится призыванье,
Как будто Гений путь указывает мне
На неизвестное свиданье.

О! кто ты, тайный вождь? душа тебе вослед!
Скажи: бессмертный ли пределов сих хранитель
Иль гость минутный их? Скажи: земной ли свет
Иль небеса твоя обитель?..

И ангел от земли в сиянье предо мной
Взлетает; на лице величие смиренья;
Взор к небу устремлен; над юною главой
Горит звезда преображенья.

Помедли улетать, прекрасный сын небес;
Младая Жизнь в слезах простерта пред тобою...
Но где я?.. Все вокруг молчит... призрак исчез,
И небеса покрыты мглою.

Одна лишь смутная мечта в душе моей:
Как будто мир земной в ничто преобразился;
Как будто та страна знакомей стала ей,
Куда сей чистый ангел скрылся.

ГОЛОС С ТОГО СВЕТА

Не узнавай, куда я путь склонила,
В какой предел из мира перешла..
О друг, я все земное совершила;
Я на земле любила и жила.

Нашла ли их? Сбылись ли ожидания?
Без страха верь; обмана сердцу нет;
Сбылося все; я в стороне свиданья;
И знаю *здесь*, сколь *ваши* прекрасен свет.

Друг, на *земле* великое не тщетно;
Будь тверд, а *здесь* тебе не изменят;
О милый, *здесь* не будет безответно
Ничто, ничто: ни мысль, ни вздох, ни взгляд.

Не унывай: минувшее с тобою;
Незрима я, но в мире мы одним;
Будь верен мне прекрасною душою;
Сверши *один* начатое *вдвоем*.

ПЕСНЯ

Розы расцветают,
Сердце, отдохни;
Скоро засияют
Благодатны дни.
Все с зимой ненастной
Грустное пройдет;
Сердце будет ясно;
Розою прекрасной
Счастье расцветет.

Розы расцветают —
Сердце, уповай;
Есть, нам обещают,
Где-то лучший край.
Вечно молодая
Там весна живет;
Там, в долине рая,
Жизнь для нас иная
Розой расцветет.

ПЕСНЯ

Птичкой певичею
Быть бы хотел;
С юной денницею
Я б прилетел
Первый к твоим дверям;
В них бы порхнул
И к молодым грудям
Милой прильнул.

Будь я сиянием
Дневных лучей,
Слитый с пыланием
Ярких очей,
Щеки б румяные
Жарко лобзал,
В перси бы рдяные,
Вкравшись, пылал.

Если б я сладостным
Был ветерком,
Веяньем радостным
Тайно кругом
Милой летал бы я;
С долов, с лугов
К ней привевал бы я
Запах цветов.

Стал бы я, стал бы я
Эхом лесов;
Всё повторял бы я
Милой: *любовь...*
Ах! но напрасное
Я загадал;
Тайное, страстное
Кто выражал?

Птичка, небесный цвет,
Бег ветерка,
Эха лесной привет
Издалека —
Быстры, но ясное
Нам без речей,
Тайное, страстное
Всё их быстрей.

ПЕСНЯ

Где фиалка, мой цветок?
Прошлою весною
Здесь поил ее поток
Свежею струею?..
Нет ее; весна прошла,
И фиалка отцвела.

Розы были там в сени
Рощицы тенистой;
Оживляли дол они
Красотой душистой..
Лето быстрое прошло,
Лето розы унесло.

Где фиалку я видал,
Там поток игривый
Сердце в думу погружал
Струйкой говорливой...
Пламень лета был жесток;
Истощенный, смолк поток.

Где видал я розы, там
Рощица, бывало,
В зной приют давала нам...
Что с приютом стало?
Ветр осенний бушевал,
И уютный лист опал.

Здесь нередко по утрам
Мне певец встречался,
И живым его струнам
Отзыв откликался...
Нет его; певец увял;
С ним и отзыв замолчал.

ПЕСНЯ

К востоку, все к востоку
Стремление земли —
К востоку, все к востоку,
Летит моя душа;
Далеко на востоке,
За синевой лесов,
За синими горами
Прекрасная живет.

И мне в разлуке с нею
Все мнится, что она —
Прекрасное преданье
Чудесной старины,
Что мне она явилась
Когда-то в древни дни,
Чтоб мне об ней остался
Один блаженный сон.

* * *

Кто слез на хлеб свой не ронял,
 Кто близ одра, как близ могилы,
 В ночи, бессонный, не рыдал, —
 Тот вас не знает, вышние силы!

На жизнь мы брошены от вас!
 И вы ж, дав знаться нам с виною,
 Страданью выдаете нас,
 Вину преследуете мздою.

ПЕСНЯ

Кольцо души-девицы
 Я в море уронил;
 С моим кольцом я счастье
 Земное погубил.

Мне, дав его, сказала:
 «Носи! не забывай!
 Пока твое колечко,
 Меня своей считай!»

Не в добрый час я невод
 Стал в море полоскать;
 Кольцо юркнуло в воду;
 Искал... но где сыскать!..

С тех пор мы как чужие!
Приду к ней — не глядит!
С тех пор мое веселье
На дне морском лежит!

О ветер полуночный,
Проснися! будь мне друг!
Схвати со дна колечко
И выкати на луг.

Вчера ей жалко стало:
Нашла меня в слезах!
И что-то, как бывало,
Зажглось у ней в глазах!

Ко мне под села с лаской,
Мне руку подала,
И что-то ей хотелось
Сказать, но не могла!

На что твоя мне ласка!
На что мне твой привет!
Любви, любви хочу я...
Любви-то мне и нет!

Ищи, кто хочет, в море
Богатых янтарей...
А мне мое колечко
С надеждою моей.

ВОСПОМИНАНИЕ

Прошли, прошли вы, дни очарованья!
Подобных вам уж сердцу не нажить!
Ваш след в одной тоске воспоминанья!
Ах! лучше б вас совсем мне позабыть!

И вам часто мчит привычное желанье —
И слез любви нет сил остановить!
Несчастье — об вас воспоминанье!
Но более несчастье — вас забыть!

О, будь же грусть заменой упования!
Отрада нам — о счастье слезы лить!
Мне умереть с тоски воспоминанья!
Но можно ль жить, — увы! и позабыть!

НА ПЕРВОЕ
ОТРЕЧЕНИЕ ОТ ПРЕСТОЛА
БОНАПАРТЕ

*Стихи, петье на празднике, данном в С.-Петербурге
английским послом, лордом Каткартом*

Сей день есть день суда и мщенья!
Сей грозный день земле явил
Непобедимость провиденья
И гордых силу пристыдил.

Где тот, пред кем гроза не смела
Валов покорных воздымать,
Когда ладья его летела
С фортуной к берегу пристать?

К стопам рабов бросал он троны,
Срывал с царей красу порфир,
Сдвигал народы в легионы
И мыслил весь заграбить мир.

И где он?.. Мир его не знает!
Забит разбитый истукан!
Лишь пред изгнанником зияет
Неумолимый океан.

И все, что рушил он, природа
Уже красою облекла,
И по следам его свобода
С дарами жизни протекла!

И честь тому — кто, верный чести,
Свободе меч свой посвятил,
Кто в грозную минуту мести
Лишь благодатню отмстил

Так! честь ему: и мир вселенной,
И царские в венцах главы,
И блеск Лютеции спасенной,
И прах низринутой Москвы!

О нем молитва Альбиона
Одна сынов его с мольбой:
«Чтоб долго был красой он трона
И человечества красой!»

СОН

Заснув на холме луговом,
Вблизи большой дороги,
Я унесен был легким сном
Туда, где жили боги.

Но я проснулся наконец
И смутно озирался:
Дорогой шел молодой певец
И с пеньем удалялся.

Вдали пропал за рощей он —
Но струны все звенели.
Ах! не они ли дивный сон
Мне на душу напели?

ПЕСНЯ БЕДНЯКА

Куда мне голову склонить?
Покинут я и сир;
Хотел бы весело хоть раз
Взглянуть на божий мир.

И я в семье моих родных
Когда-то счастлив был;
Но горе спутник мой с тех пор,
Как я их схоронил.

Я вижу замки богачей
И их сады кругом...
Моя ж дорога мимо их
С заботой и трудом.

Но я счастливых не дичусь;
Моя печаль в тиши;
Я всем веселым рад сказать:
Бог помочь! от души.

О щедрый бог, не вовсе ж я
Тобою позабыт;
Источник милости твоей
Для всех равно открыт.

В селенье каждом есть твой храм
С сияющим крестом,
С молитвой сладкой и с твоим
Доступным алтарем.

Мне светит солнце и луна;
Любуюсь на зарю;
И, слыша благовест, с тобой,
Создатель, говорю.

И знаю: будет добрым пир
В небесной стороне;
Там буду праздновать и я;
Там место есть и мне.

· ВЕСЕННЕЕ ЧУВСТВО

Легкий, легкий ветерок,
Что так сладко, тихо веешь?
Что играешь, что светлеешь,
Очарованный поток?
Чем опять душа полна?
Что опять в ней пробудилось?
Что с тобой к ней возвратилось,
Перелетная весна?

Я смотрю на небеса...
Облака, летя, сияют
И, сияя, улетают
За далекие леса.

Иль опять от вышины
Весть знакомая несется?
Или снова раздается
Милый голос старины?
Или там, куда летит
Птичка, странник поднебесный,
Все еще сей неизвестный
Край *желанного* сокрыт?..
Кто ж к неведомым брегам,
Путь неведомый укажет?
Ах! найдется ль, кто мне скажет,
Очарованное *Там*?

СЧАСТИЕ ВО СНЕ

Дорогой шла девица;
С ней друг ее младой;
Болезненны их лица;
Наполнен взор тоской.

Друг друга лобызают
И в очи и в уста —
И снова расцветают
В них жизнь и красота.

Минутное веселье!
Двух колоколов звон:
Она проснулась в *келье*;
В *тюрьме* проснулся он.

* * *

Там небеса и воды ясны!
Там песни птичек сладкогласны!
О родина! все дни твои прекрасны!

Где б ни был я, но все с тобой
Душой.

Ты помнишь ли, как под горою,
Осеребренный росой,
Белелся луч вечернею порою
И тишина слетала в лес
С небес?

Ты помнишь ли наш пруд спокойный,
И тень от ив в час полдня знойный,
И над водой от стада гул нестройный,
И в лоне вод, как сквозь стекло,
Село?

Там на заре пичужка пела;
Даль озарялась и светлела;
Туда, туда душа моя летела:
Казалось сердцу и очам —
Все там!..

ОВСЯНЫЙ КИСЕЛЬ ¹

Дети, овсяный кисель на столе; читайте молитву;
Смирно сидеть, не марать рукавов и к горшку не соваться;
Кушайте: всякий нам дар совершен и даяние благо;
Кушайте, светы мои, на здоровье; господь вас помилуй.
В поле отец посеял овес и весной заскородил.

¹ Опыт перевода с аллеманского наречия. «Гебель», — говорит Гете об авторе *Аллеманских стихотворений*, — изображая свежими, яркими красками неодушевленную природу, умеет оживлять ее милыми аллегориями. Древние поэты и новейшие их подражатели наполняли ее существами идеальными: нимфы, дриады, орады жили в утесах, деревьях и потоках. Гебель, напротив, видит во всех сих предметах одних знакомцев своих *поселян*, и все его стихотворные вымыслы самым приятным образом напоминают нам о сельской жизни, о судьбе смиренного земледельца и пастуха. Он выбрал для мирной своей музыки прекрасный уголок природы, которого никогда с нею не покидает: она живет и скитается в окрестностях Базеля, на берегу Рейна, там, где он, переменив свое направление, обращается к северу. Ясность неба, плодородие земли, разнообразие местоположений, живость воды, веселость жителей и милая простота наречия, избранного поэтом, весьма благоприятны его прекрасному, оригинальному

Вот господь бог сказал: поди домой, не заботься;
Я не засну; без тебя он взойдет, расцветет и созреет.
Слушайте ж, дети: в каждом зерпышке тихо и смирно
Спит невидимкой малютка-зародыш. Долго он, долго
Спит, как в люльке, не ест, и не пьет, и не пикнет, доколе
В рыхлую землю его не положат и в ней не согреют.
Вот он лежит в борозде, и малютке тепло под землею;
Вот тихомолком проснулся, взглянул и сосет, как младенец,
Сок из родного зерна, и растет, и невидимо зреет;
Вот уполз из пелен, молодой корешок пробуравил;
Роется вглубь, и корма ищет в земле, и находит.

Что же?.. Вдруг скучно и тесно в потемках... «Как бы
проведасть,
Что там, на белом свете, творится?..» Тайком, боязливо
Выглянул он из земли... Ах! царь мой небесный, как любо!
Смотришь — господь бог ангела шлет к нему с неба:
«Дай росинку ему и скажи от создателя: здравствуй».
Пьет он... ах! как же малюточке сладко, свежо и свободно.
Рядится красное солнышко; вот нарядилось, умылось,
На горы вышло с своим рукодельем; идет по небесной
Светлой дороге; прилежно работая, смотрит на землю,
Словно как мать на дитя, и малютке с небес улыбнулось,
Так улыбнулось, что все корешки молодые взыграли.
«Доброе солнышко, даром вельможа, а всякому ласка!»
В чем же его рукоделье? Точит облачко дождевое.
Смотришь: посмеркло; вдруг каплет; вдруг полилось,
зашумело.

Жадно зародышек пьет; но подул ветерок — он обсохнул.
«Нет (говорит он), теперь уж под землю меня не заманят.

нальному таланту. Во всем, и на земле и на небесах, он видит
своего сельского жителя; с пленительным простосердечием опи-
сывает он его полевые труды, его семейственные радости и пе-
чали; особенно удаются ему изображения времен дня и года; он
дает душу растениям; привлекательно изображает все чистое,
правственное и радует сердце картинами ясно-беззаботной жизни.
Но так же просто и разительно изображает он и ужасное и
передко о тою же любезною простотою говорит о предметах более
высоких, о смерти, о тленности земного, о неизменяемости небес-
ного, о жизни за гробом, — и язык его, не переставая ни на минуту
быть искусственным языком поселенина, без всякого усилия
возвышается вместе с предметами, выражая равно и важное, и
высокое, и меланхолическое. Наречие, избранное Гебелем, есть так
называемое *аллеманское*, употребляемое в окрестностях Базеля».
(Прим. Жуковского.)

Что мне в потемках? здесь я останусь; пусть будет что
будет».

Кушайте, светы мои, на здоровье; господь вас помилуй.
Ждет и малюточку тяжкое время: темные тучи
День и ночь на небе стоят, и прячется солнце;
Снег и метель на горах, и град с гололедицей в поле.
Ах! мой бедный зародышек, как же он зябнет! как ноет!
Что с ним будет? земля заперлась, и негде взять пищи.
«Где же (он думает) красное солнышко? Что не выходит?
Или боится замерзнуть? Иль и его нет на свете?»
Ах! зачем покидал я родимое зернышко? дома
Было мне лучше; сидеть бы в уютном тепле
под землею».

Детушки, так-то бывает на свете; и вам доведется
Вчуже, меж злыми, чужими людьми, с трудом добывая
Хлеб свой насущный, сквозь слезы сказать в одинокой
печали:
«Худо мне; лучше бы дома сидеть у родимой за печкой...»
Бог вас утешит, друзья; всему есть конец; веселее
Будет и вам, как былиночке. Слушайте: в ясный день
майский

Свежесть повеяла... солнышко яркое на горы вышло,
Смотрит: где наш зародышек? что с ним? и крошку целует.
Вот он ожил опять и себя от веселья не помнит.
Мало-помалу оделись поля муравой и цветами;
Вишня в саду зацвела, зеленеет и слива, и в поле
Гуще становится рожь, и ячмень, и пшеница, и просо;
Наша былиночка думает: «Я назади не останусь!»
Кстати ль! листки распустила... кто так прекрасно
соткал их?

Вот стебелек показался... кто из жилочки в жилку
Чистую влагу провел от корня до маковки сочной?
Вот проглянул, налился и качается в воздухе колос...
Добрые люди, скажите: кто так искусно развесил
Почки по гибкому стеблю на тоненьких шелковых нитях?
Ангелы! кто же другой? Они от былинки к былинке
По полю взад и вперед с благодатью небесной летают.
Вот уж и цветом нежный, зыбучий колосик осыпан:
Наша былинка стоит, как невеста в уборе венчальном.
Вот палилось и зерно и тихохонько зреет; былинка
Шепчет, качая в раздумье головкой: я знаю, что будет.
Смотришь: слетаются мошки, жучки молодую поздравить,

Пляшут, толкутся кругом, припевают ей: *многие лета*;
В сумерки ж, только что мошки, жучки позаснут
и замолкнут,
Тащится в травке светляк с фонарем посветить
ей в потемках.

Кушайте, светы мои, на здоровье; господь вас помилуй.
Вот уж и троицын день миновался, и сено скосили;
Собраны вишни; в саду ни одной не осталось сливки;
Вот уж пожали и рожь, и ячмень, и пшеницу, и просо;
Уж и на жниво собирать босиком ребятишки сходились
Колос оброшенный; им помогла тихомолком и мышка.
Что-то былиночка делает? О! уж давно пополнила;
Много, много в ней зернышек; гнется и думает: «Полно;
Время мое миновалось; зачем мне одной оставаться
В поле пустом меж картофелем, пухлою репой и свеклой?»
Вот с серпами пришли и Иван, и Лука, и Дуняша;
Уж и мороз покусал им утром и вечером пальцы;
Вот и снопы уж сушили в овине; уж их молотили
С трех часов поутру до пяти пополудни на риге;
Вот и Гнедко потащился на мельницу с возом тяжелым;
Начал жернов молотить; и зернышки стали мукою;
Вот молочка надоила от пестрой коровки родная
Полный горшочек; сварила кисель, чтоб детушкам кушать;
Детушки скушали, ложки обтерли, сказали: «спасибо».

ДЕРЕВЕНСКИЙ СТОРОЖ В ПОЛНОЧЬ

*Полночь било; в добрый час!
Спите, бог не спит за нас!*

Как все молчит!.. В полночной глубине
Окрестность вся как будто притаилась;
Нет шороха в кустах; тиха дорога;
В пустой дали не простучит телега,
Не скрипнет дверь; дыханье не провеет,
И коростель замолк в траве болотной.
Все, все теперь под занавесом спит;
И легкою ль, неслышною стопою

Прокрался здесь бесплотный дух... не знаю.
Но чу... там пруд шумит; перебираясь
По мельничным колесам неподвижным,
Сонливою струей бежит вода;
И ласточка тайком ползет по бревнам
Под кровлю; и сова перелетела
По небу тихому от колокольни;
И в высоте, фонарь ночной, луна
Висит меж облаков и светит ясно,
И звездочки в дали небесной брезжут..
Не так же ли, когда осенней ночью,
Измокнувший, усталый от дороги,
Придешь домой, еще не видишь кровель,
А огонек уж там и тут сверкает?..
Но что ж во мне так сердце разгорелось?
Что на душе так радостно и смутно?
Как будто в ней по родине тоска!
Я плачу... но о чем? И сам не знаю!

*Полночь било; в добрый час!
Спите, бог не спит за нас!*

*Пушай темно на высоте;
Сияют звезды в темноте.
То свет родимой стороны;
Про нас они там зажжены.*

Куда идти мне? В нижнюю деревню,
Через кладбище?.. Дверь открыта.
Подумаешь, что в полночь из могил
Покойники выходят навестить
Свое село, проведать, все ли там,
Как было в старину. До сей поры,
Мне помнится, еще ни одного
Не встретил я. Не прокричать ли: *полночь!*
Покойникам?.. Нет, лучше по гробам
Пройду я молча, есть у них на башне
Свои часы. К тому же... как узнать!
Прошла ль уже их полночь или нет?
Быть может, что теперь лишь только тьма
Сгущается в могилах... ночь долга;

Быть может также, что струя рассвета
Уже мелькнула и для них... кто знает?
Как смирно здесь! знать, мертвые покойны?
Дай бог!.. Но мне чего-то страшно стало.
Не все здесь умерло: я слышу, ходит
На башне маятник... ты скажешь, бьется
Пульс времени в его глубоком сне.
И холодом с вершины дует полночь;
В лугу ее дыханье бродит, тихо
Соломою на кровлях шевелит
И пробирается сквозь тын со свистом,
И сыростью от стен церковных пахнет —
Окончины трясутся, и порой
Скрипит, качаясь, крест — здесь подувает
Оно в открытую могилу... Бедный Фриц!
И для тебя готовят уж постелю,
И каменный покров лежит при ней,
И на нее огни отчизны светят.

Как быть! а всем одно, всех на пути
Застигнет сон... что ж нужды! все мы будем
На милой родине; кто на кладбище
Нашел постель — в час добрый; ведь могила
Последний на земле ночлег; когда же
Проглянет день и мы, проснувшись, выйдем
На новый свет, тогда пути и часу
Не будет нам с ночлега до отчизны.

*Полночь било; в добрый час!
Спите, бог не спит за нас!*

*Сияют звезды с вышины,
То свет родимой стороны:
Туда через могилу путь;
В могиле ж... только отдохнуть.*

Где был я? где теперь? Иду деревней;
Прошел через кладбище... Все покойно
И здесь и там... И что ж деревня в полночь?
Не тихое ль кладбище? Разве там,
Равно как здесь, не спят, не отдыхают

От долгия усталости житейской,
От скорби, радости, под властью бога,
Здесь в хижине, а там в сырой земле,
До ясного, небесного рассвета?

А он уж недалёко... Как бы ночь
Ни длилася и неба ни темнила,
А все рассвета нам не миновать.
Деревню раз, другой я обойду —
И петухи начнут мне откликаться,
И воздух утренний начнет в лицо
Мне дуть; проснется день в бору, отдернет
Небесный занавес, и утро тихой
Струей прольется в сумрак; наконец
Посмотришь: холм, и дол, и лес сияют;
Все встрепенулося; там ставень вскрылся,
Там отворилась дверь; и все очнулось,
И всюду жизнь свободная взыграла.
Ах! царь небесный, что за праздник будет,
Когда последняя промчится ночь!
Когда все звезды, малые, большие,
И месяц, и заря, и солнце вдруг
В небесном пламени растают, свет
До самой глубины могил прольется,
И скажут матери младенцам: *утро!*
И всё от сна пробудится; там дверь
Тяжелая отворится, там ставень;
И выглянут усопшие оттуда!..
О, сколько бед забыто в тихом сне!
И сколько ран глубоких в самом сердце
Исцелено! Встают, здоровы, ясны;
Пьют воздух жизни; он вливает крепость
Им в душу... Но когда ж тому случиться?

*Полночь било; в добрый час!
Спите, бог не спит за нас!*

*Еще лежит на небе тень;
Еще далеко светлый день;
Но жив господь, он знает срок:
Он вышлет утро на восток.*

ТЛЕННОСТЬ

Разговор на дороге, ведущей в Базель, в виду
развалин замка Ретлера, вечером.

В н у к

Послушай, дедушка, мне каждый раз,
Когда взгляну на этот замок Ретлер,
Приходит в мысль: что, если то ж случится
И с нашей хижинкой?.. Как страшно там!
Ты скажешь: смерть сидит на этих камнях.
А домик наш?.. Взгляни: как будто церковь,
Светлеет на холме, и окна блещут.
Скажи ж, как может быть, чтобы и с ним
Случилось то ж, что с этим старым замком?

Д е д у ш к а

Как может быть?.. Ах! друг мой, это будет.
Всему черед: за молодостью вслед
Тащится старость: все идет к концу
И ни на миг не постоит. Ты слышишь:
Без умолку шумит вода; ты видишь:
На небесах сияют звезды; можно
Подумать, что опи ни с места... нет!
Все движется, приходит и уходит.
Дивись, как хочешь, друг, а это так.
Ты молод; я был также молод прежде,
Теперь уж все иное... старость, старость!
И что ж? Куда бы я ни шел — на пашню,
В деревню, в Базель — все иду к кладбищу!
Я не тужу... и ты, как я, созреешь.
Тогда посмотришь, где я?.. Нет меня!
Уж вокруг моей могилы бродят козы;
А домик, между тем, дряхлей, дряхлей;
И дождь его сечет, и зной палит,
И тихомолком червь буравит стены,
И в кровлю течь, и в щели свищет ветер...
А там и ты закрыл глаза; детей
Сменили внуки; то чини, другое;
А там и нечего чинить... все сгнило!
А поглядишь: лет тысяча прошло —
Деревня вся в могиле; где стояла
Когда-то церковь, там соха гуляет.

Внук

Ты шутишь: быть не может!

Дедушка

Будет, будет!

Дивись, как хочешь, друг; а это так!
Вот Базель наш... сказать, прекрасный город!
Домов не счесть — иной огромней церкви;
Церквей же боле, чем в иной деревне
Домов; все улицы кипят народом;
И сколько ж добрых там людей!.. Но что же?
Как многих нет, которых я, бывало,
Встречал там... где они? Лежат давно
За церковью и спят глубоким сном.
Но только ль, друг? Ударит час — и Базель
Сойдет в могилу; кое-где, как кости,
Выглядывать здесь будут из земли:
Там башня, там стена, там свод упавший
На них же, по местам, береза, куст,
И мох седой, и в нем на гнездах цапли...
Жаль Базеля! А если люди будут
Все так же глухи и тогда, как нынче,
То заведутся здесь и привиденья,
И черный волк, и огненный медведь,
И мало ли...

Внук

Не громко говори;

Дай мост нам перейти; там у дороги,
В кустарнике, прошедшею весной
Похоронен утопленник. Смотри,
Как пятится Гнедко и уши поднял;
Глядит туда, как будто что-то видит.

Дедушка

Молчи, глупец; Гнедко пуглив: там куст
Чернеется — оставь в покое мертвых,
Нам их не разбудить; а речь теперь
О Базеле; и он в свой час умрет.
И много, много лет спустя, быть может,
Здесь остановится прохожий: взглянет

Туда, где нынче город... там все чисто,
Лишь солнышко над пустырем играет;
И спутнику он скажет: «В старину
Стоял там Базель; эта груда камней
В то время церковью Петра была...
Жаль Базеля».

Внук

Как может это случиться?

Дедушка

Не верь иль верь, а это не минует.
Придет пора — стогрит и свет. Послушай:
Вдруг о полуночи выходит сторож —
Кто он, не знают — он не здешний; ярче
Звезды блестит он и гласит: *Проснитесь!*
Проснитесь, скоро день!.. Вдруг небо рдеет
И загорается, и гром сначала
Едва стучит; потом сильней, сильней;
И вдруг отсюда загремело; страшно
Дрожит земля; колокола гудят
И сами свет сзывают на молитву:
И вдруг... все молится; и всходит день —
Ужасный день: без утра и без солнца;
Все небо в молниях, земля в блистанье;
И мало ль что еще!.. Все, наконец,
Зажглось, горит, горит и прогорает
До дна, и некому тушить, и само
Потухнет... Что ты скажешь? Какова
Покажется тогда земля?

Внук

Как страшно!

А что с людьми, когда земля стогрит?

Дедушка

С людьми?.. Людей давно уж нет: они...
Но где они?.. Будь добр; смиренным сердцем
Верь богу; береги в душе невинность —
И все тут!.. Посмотри: там светят звезды;
И что звезда, то ясное селенье;
Над ними ж, слышно, есть прекрасный город;

Он невидим... но будешь добр, и будешь
В одной из звезд, и будет мир с тобою;
А если бог посудит, то найдешь
Там и своих: отца, и мать, и... деда.
А может быть, когда идти случится
По Млечному Пути в тот тайный город, —
Ты вспомнишь о земле, посмотришь вниз
И что ж внизу увидишь? *Замок Ретлер.*
Все в уголь сожжено; а наши горы,
Как башни старые, чернеют; вокруг
Зола; в реке воды нет, только дно
Осталось пустое — мертвый след
Давнишнего потока; и все тихо,
Как гроб. Тогда товарищу ты скажешь:
«Смотри: там в старину земля была;
Близ этих гор и я жывал в ту пору,
И пас коров, и сеял, и шахал;
Там деда и отца отнес в могилу;
Был сам отцом, и радостного в жизни
Мне было много; и господь мне дал
Контину мирную... и здесь мне лучше».

ЯВЛЕНИЕ БОГОВ

Знайте, с Олимпа
Являются боги
К нам не одни;

Только что Бахус придет говорливый,
Мчится Эрот, благодатный младенец;
Следом за ними и сам Аполлон.

Слетелись, слетелись
Все жители неба,
Небесными полно
Земное жилище.

Чем угощу я,
Земли уроженец,
Вечных богов?

Дайте мне вашей, бессмертные, жизни!
Боги! что, смертный, могу поднести вам?
К вашему небу возвысьте меня!

Прекрасная радость
Живет у Зевеса!
Где нѣктар? налейте,
Налейте мне чашу!

Нѣктара чашу
Певцу, молодая
Геба, подай!

Очи небесной росой окропите;
Пусть он не зрит ненавистного Стикса,
Быть да мечтает одним из богов!

Шумит, заблестала
Небесная влага,
Спокоилось сердце,
Провидели очи.

УТЕШЕНИЕ В СЛЕЗАХ

«Скажи, что так задумчив ты?

Все весело вокруг;

В твоих глазах печали след;

Ты, верно, плакал, друг?»

«О чем грущу, то в сердце мне

Запало глубоко;

А слезы... слезы в сладость нам;

От них душе легко».

«К тебе ласкаются друзья,

Их ласки не дичись;

И что бы ни утратил ты,

Утратой поделись».

«Как вам, счастливым, то понять,

Что понял я тоской?

О чем... но нет! оно мое,

Хотя и не со мной».

«Не унывай же, ободрись;

Еще ты в цвете лет;

Ищи — найдешь; отважным, друг,

Несбыточного нет».

«Увы! напрасные слова!

Найдешь — сказать легко;

Мне до него, как до звезды

Небесной, далеко».

«На что ж искать далеких звезд?
Для неба их краса;
Любуйся ими в ясну ночь,
Не мысли в небеса».

«Ах! я люблюсь в ясный день;
Нет сил и глаз отвести;
А ночью... ночью плакать мне,
Покуда слезы есть».

ЖАЛОБА ПАСТУХА

На ту знакомую гору
Сто раз я в день прихожу;
Стою, склоняся на посох,
И в дол с вершины гляжу.

Вздыхнув, медлительным шагом
Иду вослед я овцам
И часто, часто в долину
Схожу, не чувствуя сам.

Весь луг по-прежнему полон
Младой цветов красоты;
Я рву их — сам же не знаю,
Кому отдать мне цветы.

Здесь часто в дождик и в грóзу
Стою, к земле пригвожден;
Все жду, чтоб дверь отворилась...
Но то обманчивый сон.

Над милой хижинкой светит,
Видаю, радуга мне...
К чему? Она удалилась!
Она в чужой стороне!

Она все дале! все дале!
И скоро слух замолчит!
Бегите ж, овцы, бегите!
Здесь горе душу томит!

МИНА
Романс

Я знаю край! там негой дышит лес,
Златой лимон горит во мгле древес,
И ветерок жар неба холодит,
И тихо мирт и гордо лавр стоит...

Там счастье, друг! туда! туда
Мечта зовет! Там сердцем я всегда!

Там светлый дом! на мраморных столбах
Поставлен свод; чертог горит в лучах;
И ликов ряд недвижимых стоит;
И, мнится, их молчанье говорит...

Там счастье, друг! туда! туда
Мечта зовет! Там сердцем я всегда!

Гора там есть с заоблачной тропой!
В туманах мул там путь находит свой;
Драконы там мутят ночную мглу;
Легит скала и воды на скалу!..

О друг, пойдем! туда! туда
Мечта зовет!.. Но быть ли там когда?

К МЕСЯЦУ

Снова лес и дол покрыл
Блеск туманный твой:
Он мне душу растворил
Сладкой тишиной.

Ты блеснул... и просветлел
Тихо темный луг:
Так улыбкой наш удел
Озаряет друг.

Скорбь и радость давних лет
Отозвались мне,
И минувшего привет
Слышу в тишине.

Лейся, мой ручей, стремись!
Жизнь уж отцвела;
Так надежды пронеслись;
Так любовь ушла.

Ах! то было и моим,
Чем так сладко жить,
То, чего, расставшись с ним,
Вечно не забыть.

Лейся, лейся, мой ручей,
И журчанье струй
С одинокою моей
Лирой согласуй.

Счастлив, кто от хлада лет
Сердце охранил,
Кто без ненависти свет
Бросил и забыл,

Кто делит с душой родной,
Втайне от людей,
То, что презрено толпой
Или чуждо ей.

АРЗАМАССКИЕ СТИХИ

ПРОТОКОЛ ДВАДЦАТОГО АРЗАМАССКОГО ЗАСЕДАНИЯ

Месяц Травный, нахмураясь, престол свой отдал Изоку;
Пылкий Изок появился, но пасмурен, хладен, насуплен;
Был он отцом посаженным у мрачного Грудня. Грудень,
известно,

Очень давно за Зимой волочился; теперь уж они
обвенчались.

С свадьбы Изок принес два дождя, пять луж, три тумана
(Рад ли, не рад ли, а надобно было принять их в подарок).
Он разложил пред собою подарки и фыркал. Меж тем
собирался

Тихо на берегу Карповки (славной реки, где не водятся
карпы,

Где, по преданию, Карш-Богатырь кавардак по субботам
Ел, отдыхая от славы), на берегу Карповки славной
В семь часов ввечеру Арзамас двадесятый, под сводом
Новосозданного храма, на коем начертано имя
Вещего Штейна, породой германца, душой арзамасца.

Сел Арзамас за стол с величавостью скромной и мудрой
наседки,

Сел Арзамас — и явилось в тот миг небывалое чудо:

Нечто пузообразное, пупом венчанное вздулось,
Громко взбурчало, и вдруг гармонией Арфы стало
бурчанье.

Члены смутились. Реин дернул за кофту *Старушку*,
С страшной перхотой *Старушка* бросилась в руки
Барвику,

Журка клюнул *Пустынника*, тот за хвост *Асмодея*.
Начал бодать *Асмодей Громобоя*, а этот облапил,

Сморщась, как дряхлый сморчок, *Светлану*. Одна лишь
Кассандра

Тихо и ясно, как пень благородный, с своим протоколом,
Ушки сжавши и рыльце подняв к милосердому небу,
В креслах сидела. «Уймись, Арзамас! — возгласила
Кассандра. —

Или гармония пуза Эоловой Арфы тебя изумила?
Тише ль бурчало оно в часы пресыщения, когда им
Водка, селедка, конфеты, котлеты, клюква и брюква
Быстро, как вечностью годы и жизнь, поглощались?
Знай же, что ныне пузо бурчит и хлебещет недаром;
Мне — Дельфийский треножник оно. Прорицаю,
внимайте!»

Взлезла Кассандра на пузо, села Кассандра на пузе;
Стала с пуза Кассандра, как древле с вершины Синая
Вождь Моисей ко евреям, громко вещать к арзамасцам:

«Братья-друзья арзамасцы! В пузе Эоловой Арфы
Много добра. Не одни в нем кишки и желудок.
Близко пуза, я чувствую, бьется, копышется сердце!
Это сердце, как Весты лампада, горит не сгорая.
Бродит, я чувствую, в темном Дедале поблизости пуза
Честный отшельник -- душа; она в своем заточенье
Все отразила прельщения бесов и *душиста добротою*
(Так говорит об ней Николай Карамзин, наш историк).
Слушайте ж, вот что душа из пуза инкогнито шепчет:
Полно тебе, Арзамас, слоняться бездельником! Полно
Нам, как портным, сидеть на катке и шить на халдеев,
Сгорбясь, дурацкие шапки из пестрых лоскутьев Беседных;
Время проснуться! Я вам пример. Я бурчу, забурчите ж,
Братцы, и вы, и с такой же гармонией сладкою. Время,
Время летит. Нас доселе сбирала беспечная шутка;
Несколько ясных минут украла она у бесплодной
Жизни. Но что же? Она уж устала иль скоро устанет.
Смех без веселости — только кривлянье! Старые шутки —
Старые девки! Время прошло, когда по следам их
Рой обожателей мчался! теперь позабыты; в морщинах,
Зубы считают, в разладе с собою, мертвы не живши.
Бойся ж и ты, Арзамас, чтоб не сделаться старою девкой.
Слава — твой обожатель; скорее браком законным
С ней сочetaйся! иль будешь бездетен, иль, что еще хуже,
Будешь иметь детей незаконных, не признанных ею,
Светом отверженных, жалких, тебе самому в посрамленье.

О арзамасцы! все мы судьбу испытали; у всех нас
В сердце хранится добра и прекрасного тайна; но каждый,
Жизнью своей охлажденный, к сей тайне уж веру теряет;
В каждой душа, как светильник, горящий в пустыне,
Свет одинокий окрестныя мглы не осветит. Напрасно
Нам он горит, он лишь мрачность для наших очей озаряет.
Что за отрада нам знать, что где-то в такой же пустыне
Так же тускло и тщетно братский пылает светильник?
Нам от того не светлее! Ближе, друзья, чтоб друг друга
Видеть в лицо и, сливши пламень души (неприступной
Хладу убийственной жизни), достоинства первое благо
(Если уж счастья нельзя) сохранить посреди измененья!
Вместе — великое слово! *Вместе*, твердит, унывая,
Сердце, жадное жизни, томяся бесплодным стремленьем.
Вместе! Оно воскресит нам наши младые надежды.
Что мы разны? Один, увлекаем шумным потоком
Скудной толпы, в мелочных затерялся заботах. Напрасно
Ищет себя, он чужд и себе и другим; каменеет,
К мертвому рабству привыкнув, и, цепи свои презирая,
Их разорвать не стремится. Другой, потеряв невозвратно
В миг единый все, что было душою полжизни,
Вдруг меж развалин один очутился и нового зданья
Строить не смеет; и если бы смел, то где ж ободритель,
Дерзкий создатель — Младость, сестра Вдохновенья?

Над грудой развалин
Молча стоит он и с трепетом смотрит, как Гений
унывший
Свой погашает светильник. Иной самому себе незнакомец,
Полный жизни мертвец, себя и свой дар загвоздивший
В гроб, им самим сотворенный, бьется в своем заточенье:
Силен свой проб разломить, но силе не верит — и гибнет.
Тот, великим желаньем волнуемый, силой богатый,
Рад бы разлить по вселенной — в сиянье ль,

в пожаре ль — свой пламень;
К смелому делу сзывает дружину, но... голос в пустыне.
Отзыва нет! О братья, пред нами во дни упованья
Жизнь необъятная, полная блеска, вдали расстилалась.
Близким стало далекое! Что же? Пред темной завесой,
Вдруг упавшей меж нами и жизнью, каждый стоит
безнадежен;

Часто трепещет завеса, есть что-то живое за нею,
Но рука и поднять уж ее не стремится. Нет веры!

Будем ли ж, братья, стоять перед нею с ничтожным
покорством?

Вместе, друзья, и она разорвется, и путь нам свободен.

Вместе — наш Гений-хранитель! при нем благодатная
Бодрость;

Нам оно безопасный приют от судьбы вероломной;

Пусть налетят ее бури, оно для нас уцелеет!

С ним и *Слава*, не рабский криков толпы повторитель,

Но свободный судья современных, потомства наставник;

С ним и *Награда*, не шумная почесть, премущка
младенцев,

Но священное чувство достоинства, внятный не многим

Голос души и с голосом избранных, лучших согласный.

С ним жизнедательный *Труд* с бескорыстной целью —
для пользы;

С ним и великий Гений — Отечество. Так, арзамасцы!

Там, где во имя Отечества по две руки во едину

Слиты, там и оно соприсутственно. Братья,
дайте же руки!

Все минувшее, все, что в честь ему некогда жило,

С славного царского трона и с тихой обители сельской,

С поля, где жатва на пепле падших бойцов расцветает,

С гроба певцов, с великанских курганов, свидетелей чести,

Всё к нам голос знакомый возносит: мы некогда жили!

Все мы готовили славу, и вы приготовьте потомкам! —

Вместе, друзья! чтоб потомству наш голос был слышен!»

Так говорила Кассандра, холя десницею пузо.

Вдруг наморщилось пузо, Кассандра умолкла, и члены,

Ей поклонясь, подошли приложиться с почтеньем

К пузу в том месте, где пул цветет лесной сыроежкой.

Тут осанистый Реин разгладил чело, от волос
обнаженно,

Важно жезлом волшебным махнул — и явилось нечто

Пышным вратам подобное, к светлому зданью ведущим.

Звездная надпись сияла на них: *Журнал арзамасский*.

Мощной рукою врата растворил он; за ними кипели

В светлом хаосе призраки веков; как гиганты, смотрели

Лики славных из сей оживленные тучи; над нею

С яркой звездой на главе гением тихим неслоя

В свежем гражданском венке божество — *Просвещение*,
дав руку

Грозной и мирной богине *Свободе*. И все арзамасцы,

Пламень почуя в душе, к вратам побежали...

Всё скрылось.

Реин сказал: «Потерпите, голубчики! я еще не достроил; Будет вам дом, а теперь и ворот одних вам довольно».

Члены, зная, что Реин — искусный строитель, утихли, Сели опять по местам, и явился, клюкой подпираясь, Сам Асмодей. Погонял он бичом мериносов Беседы.

Важён пред стадом тащился старый баран, волочивший Тяжкий курдюк на скрипящих колесах, — Шишков

седорунный;

Рядом с ним Шутовскóй, овца брюхатая, охал.

Важно вез назади осел Голенищев-Кутузов

Тяжкий с притчами воз, а на козлах мартышка

В бурке, граф Дмитрий Хвостов, тряслась; и, качаясь

на дышле,

Скромно висел в чемодане домашний тушканчик

Вздыхалов.

Стадо загнавши, воткнул Асмодей на вилы Шишкова,

Отдал честь Арзамасу и начал китайские тени

Членам показывать. В первом явлении предстала

С кипой журналов Политика, рот зажимая Цензуре,

Старой кокетке, которую тощий гофмейстер Яценко

Вежливо под руку вел, нестерпимый *Дух* издавая.

Вслед за Политикой вышла Словесность; платье богини

Радужным цветом сияло, и следом за ней ее дети:

С лирой, в венке из лавров и роз, Поэзия-дева

Шла впереди; вокруг нее как крылатые звезды летали

Светлые пчелы, мед свой с цветов чужих и домашних

В дар ей собравшие. Об руку с нею поступью важной

Шла благородная Проза в длинной одежде. Смиренно

Хвост ей несла Грамматика, старая нянька (которой,

Сев в углу на словарь, Академия делала рожи).

Свита ее была многочисленна; в ней отличался

Важный маляр Демид-арзамасец. Он кистью, как древле

Тростью Цирцея, махал, и пред ним, как из дыма,

творились

Лица, из видов заемных в свои обращенные виды.

Все покорялось его всемогуществу, даже Беседа

Вежливой чушкою лезла, пыхтя, из-под докторской ризы.

Третья дочь Словесности: Критика с плетью, с метелкой

Шла, опираясь на Вкус и смелую Шутку; за нею

Князь Тюфякин нес на закорках Театр, и нещадно

Кошками секли его пиериды, твердя: не дурачься.
Смесь последняя вышла. Пред нею музы тащили
Чашу большую с ботвиньей; там все переболтано было:
Пушкина мысли, вести о курах с лицом человеческим,
Письма о бедных к богатым, старое заново с новым.

Быстро тени мелькали пред взорами членов одна
за другою.

Вдруг все исчезло. Члены захлопали. Вилы пред ними
Важно склонил Асмодей и, стряхнув с них Шипкова,
В угол толкнул сего мериносо; он комом свернулся,
К стенке прижался и молча глазами вертел.

Совещанье

Начали члены. Приятно было послушать, как вместе
Все голоса слилися в одну бестолковщину. Бегло
Быстрым своим язычком работала Кассандра, и Реин
Громко шумел; Асмодей воевал на Светлану; Светлана
Бегала взад и вперед с протоколом; впившись в Старушку,
Криком кричал Громобой, упрямясь родить анекдотец.
Арфа курныкала песни. Пустышник возился с Варвиком.
Чем же сумятица кончилась? Дело: журнал состоялся.

〈РЕЧЬ В ЗАСЕДАНИИ «АРЗАМАСА»〉

Братья-друзья арзамасцы! Вы протокола послушать,
Верно, надеялись. Нет протокола! О чем протоколовать?
Все позабыл я, что было в прошедшем у нас заседанье!
Все! да и печего помнить! С тех пор, как за ум

мы взялися,

Ум от нас отступился! Мы перестали смеяться —
Смех заступила зевота, чума окаянной Беседы!
Даром что эта Беседа давно околела — зараза
Все еще в книжках Беседы осталась — и нет карантингов!
Кто-нибудь, верно, из нас, не натершись «Опасным
соседом»,

Голой рукой прикоснулся к «Чтению» в Беседе иль вытер,
Должной не взяв осторожности, свой анфедрон
рассуждением

Деда седого о слоге седом — я не знаю! а знаю
Только, что мы ошалели! что лень, как короста,
Нас облепила! дело не любим! безделью ж отдались!

Мы написали законы; Зегельхен их переплел
и слупил с нас
Восемь рублей и сорок копеек — и всё тут! Законы
Спят в своем переплете, как мощи в окованной раке!
Мы от них ожидаем чудес — но чудес не дождемся.
Между тем, Реин усастый, нас взбаламутив, дал тягу
В Киев и там в Днепре утопил любовь к Арзамасу!
Реин давно замолчал, да и мы не очень воркуем!
Я, Светлана, в графах таблиц, как будто в тенетах,
Скорчась сижусь; Асмодей, распроставившись с халатом
свободы,

Лезет в польское платье, поет мазурку и учит
Польскую азбуку; Резвый Кот всех умнее; мурлычет
Нежно люблю и просится в церковь к наложу; Кассандра,
Сочным бивстексом пленяся, коляску ставит на сани,
Скачет от русских метелей к британским туманам и тонит
Челн Очарованный к квакерам за море; Чу в Цареграде
Стал не Чу, а чума, и молчит; Ахилл, по привычке,
Рыщет и места нигде не согреет; Сверчок, закопавшись
В шелку проказы, оттуда кричит к нам в стихах: я ленюсь.
Арфа, всегда неизменная Арфа, молча жиреет!
Только один Вот-я-вас усердствует славе; к бессмертью
Скачет он на рысях; припряг в свою таратайку
Брата Кабуда к Пегасу, и сей осел вот-я-васов
Скачет, свернувшись кольцом, как будто в «Опасном
соседе»!

Вслед за Кабудом, друзья! Перестанем лениться!
быть худу!

Быть бычку на веревочке! быть Арзамасу Беседой!
Вы же, почетный наш баснописец, вы, нам доселе
Бывший прямым образцом и учителем русского слога,
Вы, впервой заседающий с нами под знаменем Гуся,
О, помолитесь за нас, погруженных бесстыдно
в пакость Беседы!

Да спадет с нас беседная пакость, как с гуся вода!
Да воскреснем.

**НОВАЯ ЛЮБОВЬ — НОВАЯ
ЖИЗНЬ**

Что с тобой вдруг, сердце, стало?
Что ты ноешь? Что опять
Закипело, запылало?
Как тебя растолковать?
Все исчезло, чем ты жило,
Чем так сладостно грустило!
Где беспечность? где покой?..
Ах, что сделалось с тобой?

Расцветающая ль младость,
Речи ль, полные душой,
Взора ль пламенная сладость
Овладели так тобой?
Захочу ли ободриться,
Оторваться, удалиться —
Бросить томный, томный взгляд!
Ах! я к ней лечу назад!

Я неволен, очарован!
Я к неволе золотой,
Обессиленный, прикован
Шелковинкою одной!
И бежать очарованья
Нет ни силы, ни желанья!
Рад тоске! хочу любить!..
Видно, сердце, так и быть!

От дружной ветки отлученный,
 Скажи, листок уединенный,
 Куда летишь?.. «Не знаю сам;
 Гроза разбила дуб родимый;
 С тех пор, по долам, по горам
 По воле случая носимый,
 Стремлюсь, куда велит мне рок,
 Куда на свете *все* стремится,
 Куда и лист лавровый мчится
 И легкий розовый листок».

УТРЕННЯЯ ЗВЕЗДА

Откуда, звездочка-краса?
 Что рано так на небеса
 В одежде праздничной твоей,
 В огне блистающих кудрей,
 В красе воздушно-голубой,
 Умылились утренней росой?

Ты скажешь: встала раньше нас?
 Ая нет! мы жнем уж целый час;
 Не счесть накиданных снопов.
 Кто встал до дня, тот днем здоров;
 Бодрей глядит на божий свет;
 Ему за труд вкусней обед.

Другой привык до полдня спать;
 Зато и утра не видать.
 А жнец с восточною звездой
 Всегда встает перед зарей.
 Работа рано поутру —
 Досуг и песни ввечеру.

А птички? Все давно уж тут;
 Играют, свищут и поют;
 С куста на куст, из сени в сень;
 Кричат друг дружке: «Добрый день!»

И томно горлинка журчат;
Да чу! и к заутрене звонят.

Везде молитва началась:
«Небесный царь, услыши нас;
Твое владычество приди;
Нас в искушение не введи;
На путь спасения наставь
И от лукавого избавь».

Зачем же звездочка-краса
Всегда так рано в небеса?..
Звезда-подружка там горит.
Пока родное солнце спит,
Спешат увидеться оне
В уединенной вышине.

Тайком сквозь дремлющий рассвет
Она за милою вослед
Бежит, сияя, на восток;
И будит ранний ветерок;
И, тихо вея с высоты,
Он милой шепчет: «Где же ты?»

Но что ж? Увидеться ли?.. Нет.
Спешит за ними солнце вслед.
Уж вот оно: восток зажгло,
Свой алый завес подняло,
Надело знойный свой убор
И ярко смотрит из-за гор.

А звездочка?.. Уж не блеснит;
Печально-бледная, бежит;
Подружке шепчет: «Бог с тобой!»
И скрылась в бездне голубой.
И солнце на небе одно,
Великолепно и красно.

Идет по светлой высоте
В своей спокойной красоте;
Затеппился на церкви крест;
И тонкий пар встает окрест;

И взглянет лишь куда оно,
Там мигом все оживлено.

На кровле аист нос острит;
И в небе ласточка кружит,
И дым клубится из печей;
И будит мельницу ручей;
И тихо рдеет темный бор;
И звучно в нем стучит топор.

Но кто там в утренних лучах
Мелькнул и спрятался в кустах?
С ветвей посыпалась роса.
Не ты ли, девица-краса,
Душе сказалася моей
Веселой прелестью своей?

Будь я восточною звездой
И будь на тверди голубой,
Моя звезда-подружка, ты
И мне сияй из высоты —
О звездочка, душа моя,
Не испугался б солнца я.

ВЕРНОСТЬ ДО ГРОБА

Младый Рогер свой острый меч берет:
За веру, честь и родину сразиться!
Готов он в бой... Но к милой он идет:
В последний раз с прекрасною проститься.
«Не плачь: над нами щит творца;
Еще нас небо не забыло;
Я буду верен до конца
Свободе, мужеству и милой».

Сказал, свой шлем надвинул, поскакал;
Дружина с ним; кипят сердца их боем;
И скоро строй неустрашимых стал
Перед врагов необозримым строем.

«Сей вид не страшен для бойца;
И смерть ли небо мне судило —
Останусь верен до конца
Свободе, мужеству и милой».

И, на врага взор мести бросив, он
Влетел в ряды, как пламень-истребитель;
И вспыхнул бой, и враг уж истреблен;
Но... победив, сражен и победитель.
Он почесть бранного венца
Приял с безвременной могилой,
И был он верен до конца
Свободе, мужеству и милой.

Но где же ты, певец великих дел?
Иль песнь твоя твоей судьбою стала?..
Его уж нет; он в край тот улетел,
Куда давно мечта его летала.

Он пал в бою — и глас певца
Бессмертно дело освятило;
И он был верен до конца
Свободе, мужеству и милой.

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Знать, солнышко утомлено:
За горы прячется оно;
Луч погашает за лучом
И, алым тонким облачком
Задержнув лик усталый свой,
Уйти готово на покой.

Пора ему и отдохнуть;
Мы знаем, летний долг путь.
Везде ж работа: на горах,
В долинах, в рощах и лугах;
Того сопрей; тем свету дай
И всех притом благословляй.

Буди заснувшие цветы
И им расписывай листы;

Потом медвяною росой
Пчелу-работницу напой
И чистых капель меж листов
Оставь про резвых мотыльков.

Зерну скорлупку расколи
И молодую из земли
Былинку выведи на свет;
Пичужкам приготовь обед;
Тех приюти между ветвей;
А тех на гнездышке согрей.

И вишням дай румяный цвет;
Не позабудь горячий свет
Рассыпать на зеленый сад,
И золотистый виноград
От зноя листьями прикрыть,
И колос зрелостью налить.

А если жар для стад жесток,
Смани их к роще в холодок;
И тучку темную скопи,
И травку влагой окропи,
И яркой радугой с небес
Сойди на темный луг и лес.

А где под острою косою
Трава ложится полосой,
Туда безоблачно сияй
И сено в копны собирай,
Чтоб к ночи луг от них пестрел
И с ними ряд возов скришел.

Итак, совсем немудрено,
Что разгорелось оно,
Что отдыхает на горах
В полупотухнувших лучах
И нам, сходя за небосклон,
В прохладе шепчет: «Добрый сон».

И вот сошло, и свет потух;
Один на башне лишь петух

За ним глядит, сияя, вслед...
Гляди, гляди! В том пользы нет!
Сейчас оно перед тобой
Задернет алый завес свой.

Есть и про солнышко беда:
Нет ладу с сыном никогда.
Оно лишь только в глубину,
А он как раз на вышину;
Того и жди, что заблестит;
Давно за горкой он сидит.

Но что ж так медлит он вставать?
Все хочет солнце переждать.
Вставай, вставай, уже давно
Заснуло в сумерках оно.
И вот он всходит; в дол глядит
И бледно зелень серебрит.

И ночь уж на небо взошла
И тихо на небе зажгла
Гостеприимные огни;
И все замолкнуло в тени;
И по долинам, по горам
Все спит... Пора ко сну и нам.

ГОРНАЯ ДОРОГА

Над страшною бездною дорога бежит,
Меж жизнью и смертью мчится;
Толпа великанов ее сторожит;
Погибель над нею гнездится.
Страшись пробужденья лавины ужасной:
В молчанье пройди по дороге опасной.

Там мост через бездну отважной дугой
С скалы на скалу перегнулся;
Не смертною был он поставлен рукой —
Кто смертный к нему бы коснулся?
Поток под него разъяренный бежит;
Сразить его рвется и ввек не сразит.

Там, грозно раздавшись, стоят *ворота*:
Мнишь: область теней пред тобою;
Пройди их — долина, долин красота,
Там осень играет с весною.
Приют сокровенный! желанный предел!
Туда бы от жизни ушел, улетел.

Четыре *потока* оттуда шумят —
Не зрели их выхода очи.
Стремятся они на восток, на закат,
Стремятся к полудню, к полночи;
Рождаются вместе; родясь, расстаются;
Бегут без возврата и ввек не сольются.

Там в блеске небес два *утеса* стоят,
Превыше всего, что земное;
Кругом облака золотые кипят,
Эфира семейство младое;
Ведут хороводы в стране голубой;
Там не был, не будет свидетель земной.

Царица сидит высоко и светло
На вечно незыблемом троне;
Чудесной красой обвивает чело
И блещет в алмазной короне;
Напрасно там солнцу сиять и гореть:
Ее золотит, но не может согреть.

ОТВЕТ КН. ВЯЗЕМСКОМУ НА ЕГО СТИХИ «ВОСПОМИНАНИЕ»

Ты в утешители зовешь воспоминанье;
Глядишь без прелести на свет!
И раззнакомилось с душой твоей желанье!
И веры к будущему нет!

О друг! в твоем мое мне сердце отозвалось:
Я понимаю твой удел!
И мне вожатым быть желанье отказалось,
И мой светильник побледнел!

Сменил блестящие мечтательного краски
Однообразной жизни свет!
Из-под обманчиво смеющиеся маски
Угрюмый выглянул скелет.

На что же, друг, хотеть призвать воспоминальс?
Мечты не дозовемся мы!
Без утоления пробудим лишь желанье;
На небо взглянем из тюрьмы!

**ГОСУДАРЫНЕ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНЕ
АЛЕКСАНДРЕ ФЕДОРОВНЕ
НА РОЖДЕНИЕ В. КН. АЛЕКСАНДРА
НИКОЛАЕВИЧА**

Послание

Изобразу ль души смятенной чувство?
Могу ль найти согласный с ним язык?
Что лирный глас и что певца искусство?..
Ты слышала сей милый первый крик,
Младенческий привет существованью;
Ты зрела блеск проглянувших очей
И прелесть уст, открывшихся дыханью..
О, как дерзну я мыслию моей
Приблизиться к сим тайнам наслажденья?
Он пролетел, сей грозный час мученья;
Его сменил небесный гость Покой
И тишина исполненной надежды;
И, первым сном сомкнув беспечны вежды,
Как ангел спит твой сын перед тобой..
О матерь! кто, какой язык земной
Изобразит сие очарованье?
Что с жизнью прекрасного дано,
Что нам сулит в прядущем упованье,
Чем прошлое для нас озарено,
И темное к безвестному стремленье,
И ясное для сердца провиденье,
И что душа небесного досель
В самой себе неведомо скрывала —
То всё теперь без слов тебе сказала

Священная младенца колыбель.
Забуду ль миг, навеки незабвенный?..
Когда шепнул мне тихой вести глас,
Что наступил решительный твой час, —
Безвестности волнением стесненный,
Я ободрить мой смутный дух спешил
На ясный день животворящим взглядом.
О, как сей взгляд мне душу умирил!
Безоблачны, над пробужденным градом,
Как благодать лежали небеса;
Их мирный блеск, молодой зари краса,
Всходящая, как новая надежда;
Туманная, как таинство, одежда
Над красотой воскреснувшей Москвы;
Бесчисленны церквей ее главы,
Как алтари, зажженные востоком,
И вечный Кремль, протекшим мимо Роком
Нетронутый свидетель божества,
И всюду глас святого торжества,
Как будто глас Москвы преображенной...
Все, все душе являло ободренной
Божественный спасения залог.
И с верою, что близко провиденье,
Я устремлял свой взор на тот чертог,
Где матери священное мученье
Свершалось как жертва в оный час...
Как выразить сей час невыразимый,
Когда еще сокрыто все для нас,
Сей час, когда два ангела незримы,
Податели конца иль бытия,
Свидетели страдания безвластны,
Еще стоят в неведение, безгласны,
И робко ждут, что скажет Судия,
Кому из двух невозвратимым словом
Иль жизнь, иль смерть велит благовестить?..
О, что в сей час сбывалось там, под кровом
Царей, где миг был должен разрешить
Нам промысла намерение тайно,
Угадывать я мыслью не дерзал;
Но сладкий глас мне душу проникал:
«Здесь божий мир; ничто здесь не случайно!»
И верила бестрепетно душа.

Меж тем, восход спокойно соверша,
Как ясный бог, горело солнце славой;
Из храмов глас молений вылетал;
И, тишины исполнен величавой,
Торжественно державный Кремль стоял..
Казалось, все с надеждой ожидало.
И в оный час пред мыслию моей
Минувшее безмолвно воскресало:
Сия река, свидетель давних дней,
Протекшая меж стольких поколений,
Спокойная меж стольких изменений,
Мне славною блистала стариной;
И образы великих привидений
Над ней, как дым, взлетали предо мной;
Мне чудилось: развертывая знамя,
На бой и честь скликал полки Донской;
Пожарский мчал, сквозь ужасы и пламя,
Свободу в Кремль по трупам поляков;
Среди дружин, хоругвей и крестов
Романов брал могущество державы;
Вводил полки бессмертья и Полтавы
Чудесный *Петр* в столицу за собой;
И праздновать звала *Екатерина*
Румянцева с вождями пред Москвой.
Ужасный пир Кагула и Эвксина.
И, дальние лета перелетев,
Я мыслию ко близким устремился.
Давно ль, я мнил, горел здесь божий гнев?
Давно ли Кремль разорванный дымился?
Что зрели мы?.. Во прахе дом царей;
Бесславие разбитых алтарей;
Святылища, лишённые святыни;
И вся Москва как гроб среди пустыни.
И что ж теперь?.. Стою на месте том,
Где супостат ругался над Кремлем,
Зажженною любуюся Москвою, —
И тишина святая надо мною;
Москва жива; в Кремле семья царя;
Народ, теснясь к ступеням алтаря,
На празднике великом воскресенья
Смирненно ждет надежды совершенья,
Ждет милого пришельца в божий свет...

О, как у всех душа заликовала,
Когда молва в громах Москве сказала
Исполненный создателя обет!
О, сладкий час, в надежде, в страхе жданный!
Гряди в наш мир, младенец, гость желанный!
Тебя узрев, коленопреклонен,
Младой отец пред матерью спасенной
В жару любви рыдает, слов лишен;
Перед твоей невинностью смиренной
Безмолвная праматерь слезы льет;
Уже Москва *своим* тебя зовет...
Но как понять, что в час сей непонятный
Сбылось с твоей, младая мать, душой?
О, для нее открылся мир иной.
Твое дитя, как вестник благодатный,
О лучшем ей сказало бытии;
Чистейшие зажглись в ней упования;
Не для тебя теперь твои желанья,
Не о тебе днесь радости твои;
Младенчества обвитый шеленами,
Еще без слов, незрящими очами
В твоих очах любовь встречает он;
Как тишина, его прекрасен сон;
И жизни весть к нему не достигала...
Но уж Судьба свой суд об нем сказала;
Уже в ее святилище стоит
Ему испытать назначенная чаша.
Что скрыто в ней, того надежда наша
Во тьме земной для нас не разрешит...
Но он рожден в великом праде славы,
На высоте воскресшего Кремля;
Здесь возмужал орел наш двоеглавый;
Кругом него и небо и земля,
Питавшие Россию в колыбели;
Здесь жизнь отцов великая была;
Здесь битвы их за честь и Русь кипели,
И здесь их прах могила приняла —
Обманет ли сие знаменованье?..
Прекрасное Россия упованье
Тебе в твоём младенце отдает.
Тебе его младенческие лета!

От их плен ко входу в бури света
Пускай тебе вослед он перейдет
С душой, на все прекрасное готовой;
Наставленный: достойным счастья быть,
Великое с величием сносить,
Не трепетать, встречая рок суровый,
И быть в делах времен своих красой.
Лета пройдут, подвижник молодой,
Откинувши младенчества забавы,
Он полетит в путь опыта и славы...
Да встретит он обильный чеством век!
Да славного участник славный будет!
Да на чреде высокой не забудет
Святейшего из званий: *человек*.
Жить для веков в величии народном,
Для блага *всех* — *свое* позабывать,
Лишь в голосе отечества свободном
С смирением дела свои читать:
Вот правила царей великих внуку.
С тобой ему начать сию науку.
Теперь, едва проснувшийся душой,
Пред матерью, как будто пред Судьбой,
Беспечно он играет в колыбели,
И Радости младые прилетели
Ее покой прекрасный оживлять;
Житейское от ней еще далеко...
Храни ее, заботливая мать;
Твоя любовь — всевидящее око;
В твоей любви — святая благодать.

ПЕСНЯ

Минувших дней очарованье,
Зачем опять воскресло ты?
Кто разбудил воспоминанье
И замолчавшие мечты?
Шепнул душе привет бывалой;
Душе блеснул знакомый взор;
И зримо ей минуту стало
Незримое с давнишних пор.

О милый гость, святое *Прежде*,
Зачем в мою теснишься грудь?
Могу ль сказать: *живи* надежде?
Скажу ль тому, что было: *будь*?
Могу ль узреть во блеске новом
Мечты увядшей красоты?
Могу ль опять одеть покровом
Знакомой жизни наготу?

Зачем душа в тот край стремится,
Где были дни, каких уж нет?
Пустынный край не населится,
Не узрит он минувших лет;
Там есть *один* жилище безгласный,
Свидетель милой старины;
Там вместе с ним все дни прекрасны
В единый гроб положены.

〈В АЛЬБОМ
Е. Н. КАРАМЗИНОЙ〉

Будь, милая, с тобой любовь небес святая;
Иди без трепета, в тебе — открытый свет!
Прекрасная душа! цветы, не увядая;
Для светлых души в сей жизни мрака нет!
Все для души, сказал отец твой несравненный;
В сих двух словах открыл нам ясно он
И тайну бытия и наших дел закон...
Они тебе — на жизнь завет священный.

УТЕШЕНИЕ

Светит месяц; на кладбище
Дева в черной власянице
Одинокая стоит,
И слеза любви дрожит
На густой ее реснице.

«Нет его; на том он свете;
Сердцу смерть его утешна:
Он достался небесам,
Будет чистый ангел там —
И любовь моя безпрешна».

Скорбь ее к святому лику
Богоматери подводит:
Он стоит в огне лучей,
И на деву из очей
Милость тихая нисходит.

Пала дева пред иконой
И безмолвно упования
От пречистыя ждала...
И душою перешла
Неприметно в мир свиданья.

МЕЧТА

Ах! если б мой милый был роза-цветок,
Его унесла бы я в свой уголок;
И там украшал бы мое он окно;
И с ним я душой бы жила заодно.

К нему бы в окно ветерок прилетал
И свежий мне запах на грудь навевал;
И я б унывала, им сладко дыша,
И с милым бы, тая, сливалась душа.

Его бы и ранней и поздней порой
Я, нежа, поила струей ключевой;
Ко мне прилипая, живые листы
Шептали б: «Я милый, а милая ты».

Не села бы пчелка на милый мой цвет;
Сказала б я: «Меду для пчелки здесь нет;
Для пчелки-летуньи есть шелковый луг;
Моим без раздела останься, мой друг».

Сильфиды бы легкой слетелись толпой
К нему любоваться его красотой;
И мне бы шепнули, целуя листы:
«Мы любим, что мило, мы любим, как ты».

Тогда б вострепнулся мой милый цветок,
С цветка сорвался бы румяный листок,
К моей бы щеке распаленной пристал
И пурпурным жаром на ней заиграл.

Родная б спросила: «Что, друг мой, с тобой?
Ты вся разгорелась, как день молодой». —
«Родная, родная, — сказала бы я, —
Мне в душу свой запах льет роза моя».

〈К М. Ф. ОРЛОВУ〉

О Рейн, о Рейн, без волненья
К тебе дерзну ли подступить?
Давно уж ты — река забвенья
И перестал друзей поить
Своими сладкими струями!
На «Арзамас» тряхнул усами —
И Киев дружбу перемог!
Начальник штаба, педагог —
Ты по ланкастерской методе
Мальчишек учишь говорить
О славе, пряниках, природе,
О кубарях и о свободе —
А нас забыл... Но так и быть!
На страх пишу к тебе два слова!
Вот для души твоей обнова:
Письмо от милой красоты!
Узнаешь сам ее черты!
Я шлю его через друга,
Санктпетербургского Орлова —
Чтобы верней дошло оно.
Прости! Но для сего посланья,
Орлов, хоть тень воспоминанья
Дай дружбе, брошенной давно!

НАДГРОБИЕ
И. П. И А. И. ТУРГЕНЕВЫМ

Судьба на месте сем разрознила наш круг:
Здесь милый наш отец, здесь наш любимый друг;
Их разлучила смерть и смерть соединила;
А нам в святой завет святая их могила:
«Их неутраченной любви не изменить;
Ту жизнь, где их уж нет, как с ними, совершить,
Чтоб быть достойными о них воспоминанья,
Чтоб встретить с торжеством великий час свиданья».

НА КОНЧИНУ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА
КОРОЛЕВЫ ВИРТЕМБЕРГСКОЙ ¹

Элегия

Ты улетел, небесный посетитель;
Ты погостил недолго на земли;
Мечталось нам, что *здесь* твоя обитель;
Навек *своим* тебя мы нарекли...
Пришла Судьба, свирепый истребитель,
И вдруг следов твоих уж не нашли:
Прекрасное погибло в пышном цвете...
Таков удел прекрасного на свете!

Губителем, неслышным и незримым,
На всех путях Беда нас сторожит;
Приюта нет главам, равно грозимым;
Где не была, там будет и сразит.
Вотще дерзать в борьбу с необходимым:
Житейского никто не победит;
Гнетомы все единой прозой Силой;
Нам всем сказать о здешнем счастье: *было!*

Но в свой черед с деревьев обветшалых
Осенний лист, отвянувши, падет;
Слагая жизнь старик с рамен усталых
Ее, как долг, могиле отдает;
К страдальцу Смерть на прах надежд увялых,

¹ Некоторые стихи сей элегии покажутся непонятными для читателя, если не будет он знать обстоятельств того печального происшествия, которое в ней описано. Кончина незабвенной Екатерины была разительюно неожиданная: она ужасно напомнила нам о неверности земного величия и счастья. Еще никакое известие о потере нашей не могло до нас достигнуть, а уже какое-то неизъ-

Как званый друг, желанная, идет...
Природа здесь верна стезе привычной:
Без ужаса берем удел обычной.

Но если вдруг, нежданная, вбегает
Беда в семью играющих Надежд;
Но если жизнь изменою слетает
С веселых, ей лишь миг знакомых всжд
И Счастье младое умирает,
Еще не сняв и праздничных одежд...
Тогда наш дух объемлет трепетанье
И силой в грудь врывается роптанье.

О наша жизнь, где верны лишь утраты,
Где милому мгновенье лишь дано,
Где скорбь без крыл, а радости крылаты
И где навек минувшее одно...
Почто ж мы здесь мечтами так богаты,
Когда мечтам не сбыться суждено?
Впимая глас Надежды, нам поющей,
Не слышим мы шагов Беды прядущей.

Кого спешишь ты, Прелесть молодая,
В твоих дверях так радостно встречать?¹
Куда бежишь, ужасного не чая,
Привыкшая с сей жизнью лишь играть?
Не радость — Весть стучится гробовая...
О! подожди сей праг переступить;
Пока ты здесь — ничто не умирало;
Переступи — и милое пропало.

Ты, знавшая житейское страданье,
Постигшая все таинства утрат,
И ты спешишь с надеждой на свиданье...²
Ах! удались от входа сих палат;

яснимое предчувствие распространило пророческие о ней слухи, и горестная истина скоро их подтвердила. (Прим. Жуковского.)

¹ Автор имел честь находиться у ее императорского высочества великой княгини Александры Федоровны за минуту перед тем, как она узнала о кончине королевы. Вдруг, посреди веселого, спокойного разговора, послышался стук в дверях, потом голос великого князя. Ее высочество с веселым лицом вышла к нему, и за порогом дверей встретило ее страшное известие. (Прим. Жуковского.)

² Государыне императрице Елисавете Алексеевне определено было испытать весь ужас неожиданной потери. Ее величество,

Отложено навек торжествованье;
Счастливыцы там тебя не угостят:
Ты посетишь обитель уж пустую...
Смерть унесла хозяйку молодую.

Из дома в дом по улицам столицы
Страшилищем скитается Молва;¹
Уж прорвалась к убежищу царицы;
Уж шепчет там ужасные слова;
Трепещет все, печалью бледны лица...
Но мертвая для матери жива;
В ее душе спокойствие незнанья;
Пред ней мечта недавнего свиданья.

О Счастье, почто же на отлете
Ты нам в лицо умильно так глядишь?
Почто в своем предательском привете,
Спеша от нас: *я вечно!* говоришь;
И к милому, уж *бывшему* на свете,
Нас прелестью нежнейшею манишь?..
Увы! в тот час, как матерь ты пленяло,
Ты только дочь на жертву украшало.

И, нас губя с холодностью ужасной,
Еще Судьба смеяться любит нам;
Ее уж нет, сей жизни столь прекрасной...
А мать, склонясь к обманчивым листам,
В них видит дочь надеждою напрасной,
Дарует жизнь безжизненным чертам,

ничего не предчувствуя, ехала в Штутгарт на веселое свидание с королевою: но она должна была воротиться с последней станции; ибо той, которая ждала ее, которую она надеялась обнять, уже не было на свете. (*Прим. Жуковского.*)

¹ Весь Петербург поражен был ужасною вестью, а сердце матери было спокойно: его еще наполняла свежая радость недавнего свидания; наконец общая печаль и несколько слов, приготовляющих к узнанию неизбежного, пробудили в нем тревогу: оно уже открывалось для принятия скорби, но случай, жестокая игра судьбы, снова его ободрил: пришло письмо из Штутгарта, писанное королевою, можно сказать, за минуту до разлуки ее с жизнью, и мертвая воскресла для матери, воскресла на минуту, чтобы в другой раз умереть для нее и живее разорвать ее душу после мгновенной, мучительно-обманчивой радости. (*Прим. Жуковского.*)

В них голосу умолкшему внимает,
В них воскресить умершую мечтает.

Скажи, скажи, супруг осиротелый,
Чего над ней ты так упорно ждешь? ¹
С ее лица приветное слетело;
В ее глазах узнанья не найдешь;
И в руку ей рукой оцепенелой
Ответного движенья не вожмешь.
На голос чад зовущих недвижима...
О! верь, отец, она невозвратима.

Запри навек ту мирную обитель,
Где спутник твой тебе минуту жил;
Твоей души свидетель и хранитель,
С кем жизни долг не столько бременил,
Советник дум, прекрасного делитель,
Слабеющих очарователь сил —
С полушуты ушел он от земного,
От бытия прелестно молодого.

И вот — сия минутная царица,
Какою смерть ее нам отдала;
Отторгнута от скипетра десница:

¹ Король с каким-то упрямством отчаяния долго не хотел и не мог верить своей утрате: долго сидел он над бездыханным телом супруги, сжавши в руках своих охладевшую руку ее, и ждал, что она откроет глаза. Окруженный ее детьми, он шел за ее гробом. Не долго она украшала трон свой, не долго была радостью нового своего отечества; но милая память ее хранима любовью благодарною. Близ Штутгарта есть высокий холм (Rothenberg), на котором некогда стоял прародительский замок фамилии Виртембергской — время его разрушило; но теперь, на месте его развалин, воздвигнуто здание, столь же разительно напоминающее о непрочности всех земных величий, церковь, в которой должны храниться останки нашей Екатерины; прекрасная ротонда с четырьмя портиками. Памятник необыкновенно трогательный: с порога этого надгробного храма восхитительный вид на живую, всегда неизменную природу. В штутгартской русской церкви, в которую приходила молиться Екатерина, все осталось (1821), как было при ней; кресла ее стоят на прежнем своем месте. Нельзя без грустного чувства смотреть на образ, которым в последний раз благословил ее государь император: на нем изображен святой Александр Невский, видны Нева, Зимний дворец, и над ними радуга — светлое, но *минутное* украшение здешнего неба. (Прим. Жуковского.)

Развенчано величие чела;
На страшный гроб упала багряница,
И жадная судьбина пожрала
В минуту все, что было так прекрасно,
Что всех влекло, и так влекло напрасно.

Супруг, зовут! иди на расставанье!
Сорвав с чела супружеский венец,
В последнее земное прощанье
Веди сирот за матерью, вдовец;
Последнее отдайте ей лобзанье;
И там, где всем свиданиям конец,
Невнемлющей *прости* свое скажите
И в землю с ней все блага положите.

Прости ж, наш цвет, столь пышно восходивший, —
Едва зарю успел ты перецвести.
Ты, Жизнь, прости, красавец не доживший;
Как радости обманчивая весть,
Пропадала ты, лишь сердце приманивши,
Не дав и дня надежде перечесть.
Простите вы, благие начинанья,
Вы, славных дел напрасны упованья...

Но мы... смотря, как наше счастье тленно,
Мы жизнь свою дерзнем ли презирать?
О нет, главу подставивши смиренно,
Чтоб ношу бед от промысла принять,
Себя отдав руке неоткровенной,
Не мни творца, страдалец, вопрошать;
Слепцом иди к концу стези ужасной...
В последний час слепцу все будет ясно.

Земная жизнь небесного наследник;
Несчастье нам учитель, а не враг;
Спасительно-суровый собеседник,
Безжалостный разитель бранных благ,
Великого понятный проповедник,
Нам об руку на тайный жизни праг
Оно идет, все руша перед нами
И скорбию дружит нас с небесами.

Здесь радости — не наше обладанье;
Пролетные пленители земли

Лишь по пути заносят к нам преданье
О благах, нам обещанных вдали;
Земли жилец безвыходный — Странданье;
Ему на часть Судьбы нас обрекли;
Блаженство нам по слуху лишь знакомец;
Земная жизнь — страдания питомец.

И сколь душа велика сим страданьем!
Сколь радости при нем помрачены!
Когда, простясь свободно с упованьем,
В величии покорной тишины,
Она молчит пред прозным испытаньем,
Тогда... тогда с сей светлой вышины
Вся промысла ей видима дорога;
Она полна понятного ей бога.

О! матери печаль непостижима,
Смиряются все мысли пред тобой!
Как милое сокровище, таима,
Как бытие, слиянная с душой,
Она с одним лишь небом делима.
Что ей сказать дерзнет язык земной?
Что мир с своим презренным утешеньем
Перед ее великим вдохновеньем?

Когда грустишь, о мать, одинока,
Скажи, тебе не слышится ли глас,
Призывное несущий издадека,
Из той страны, куда все манит нас,
Где милое скрывается до срока,
Где возвратим отнятое на час?
Не сходит ли к душе благовеститель,
Земных утрат и неба изъяснитель?

И в горнее унынием влекома,
Не верю ль душа твоя полна?
Не мнится ль ей, что отческого дома
Лишь только вход земная сторона?
Что милая небесная знакома
И ждущею семьей населена?
Все тайное не зрится ль откровенным,
А бытие великим и священным?

Внемли ж: когда молчит во храме пеньё
И вышних сил мы чувствуем нисход;
Когда в алтарь на жертвосовершенье
Сосуд Любви сияющий трядет;
И на тебя с детьми благословенье
Торжественно мольба с небес зовет;
В час таинства, когда союзом тесным
Соединен житейский мир с небесным, —

Уже в сей час не будет, как бывало,
Отшедшая твоя наречена;
Об ней навек земное замолчало;
Небесному она передана;
Задержнулось за нею покрывало...
В божественном святилище она,
Незрима нам, но видя нас оттоле,
Безмолвствует при жертвенном престоле.

Святый символ надежд и утешенья!
Мы все стоим у таинственных врат;
Опущена завеса провиденья;
Но проникать ее дерзает взгляд;
За нею скрыт предел соединенья;
Из-за нее, мы слышим, говорят:
«Мужайтесь; душою не скорбите!
С надеждою и с верой приступите!»

К ЭММЕ

Ты вдали, ты скрыто мглою,
Счастье милой старины,
Неприступною звездою
Ты сияешь с вышины!
Ах! звезды не триманить!
Счастью бывшему не быть!

Если б жадною рукою
Смерть тебя от нас взяла,
Ты была б моей тоскою,
В сердце всё бы ты жила!

Ты живешь в сиянье дня!
Ты живешь не для меня!

То, что нас одушевляло,
Эмма, как то пережить?
Эмма, то, что миновало,
Как тому любовью быть!
Небом в сердце зажжено,
Умирает ли оно!

ЦВЕТ ЗАВЕТА

Мой милый цвет, былинка полевая,
Скорей покинь приют твой луговой:
Теперь тебя рука нашла родная;
Доселе ты с непышной красотой
Цвела в тиши, очей не привлекая
И путника не радуя собой;
Ты здесь была желанью нешприметна,
Чужда любви и сердцу безответна.

Но для меня твой вид — очарованье;
В твоих листах вся жизнь минувших лет;
В них милое цветет воспоминанье;
С них веет мне давнишнего привет;
Смотрю... и все, что мило, на свиданье
С моей душой, к тебе, родимый цвет,
Воздушною слетелось толпою,
И прошлое воскресло предо мною.

И всех друзей душа моя узнала...
Но где ж они? На миг с путей земных
На север мой мечта вас призывала,
Сопутников младенчества родных...
Вас жадная рука не удержала,
И голос ваш, пленив меня, затих.
О, будь же вам заменой свиданья
Мой северный цветок воспоминанья!

Он вспомнит вам союза час священный,
Он возвратит вам прошлы времена...

О сладкий час! о вечер незабвенный!
Как божий рай, цвела там сторона;
Безоблачен был запад озаренный,
И свежая на землю тишина,
Как ясное предчувствие, сходила;
Природа вся с душою говорила.

И к нам тогда, как Гений, прилетало
За песнею веселой старины
Прекрасное, что некогда бывало
Товарищем младенческой весны;
Отжившее нам снова оживало;
Минувших лет семьей окружены,
Все лучшее мы зрели настоящим;
И время нам казалось нелетящим.

И *Верная* была незримо с нами...
Сии окрест волшебные места,
Сей тихий блеск заката за горами,
Сия небес вечерних чистота,
Сей мир души, согласный с небесами,
Со всем была, как таинство, слита
Ее душа присутствием священным,
Невидимым, но сердцу откровенным.

И нас *Ее* любовь благословляла;
И ободрял на благо тихий глас...
Друзья, тогда Судьба еще молчала
О жребиях, назначенных для нас;
Неизбранны, на дне ее фиала
Они еще таились в оный час;
Играли мы на тайном праге света...
Тогда был дан вам мною *цвет завета*.

И где же вы?.. Разрознен круг наш тесный;
Разлучена веселая семья;
Из области младенчества прелестной
Разведены мы в разные края...
Но розно ль мы? Повсюду в поднебесной,
О верные, далекие друзья,
Прекрасная всех благ земных примета,
Для нас цветет наш милый цвет завета.

Из северной, любовью избранной
И промыслом указанной страны
К вам ныне шлю мой дар обетованный;
Да скажет он друзьям моей весны,
Что выпал мне на часть удел желанный:
Что младости мечты совершенны;
Что не вотще доверенность к надежде
И что *Теперь* пленительно, как *Прежде*.

Да скажет он, что в наш союз прекрасный
Еще один товарищ приведен...
На путь земной из люльки безопасной
Нам подает младую руку он;
Его лицо невинностию ясно,
И жизнь над ним как легкий веет сон;
Беспечному предав его веселью,
Судьба молчит над тихой колыбелью.

Но сладостным предчувствием теснится
На сердце мне грядущего мечта:
Младенчества веселый сон промчится,
Разоблачат житейское лета,
Огнем души сей взор воспламенится
И мужески созреет красота;
Дойдут к нему возвышенные вести
О праотцах, о доблести, о чести...

О! да поймет он их знаменованье,
И жизнь его да будет им верна!
Да перейдет, как чистое преданье
Прекрасных дел, в другие времена!
Что б ни было судьбы обетованье,
Лишь благом будь она освящена!..
Вы ж, милые, товарища примите
И путь его земной благословите.

А ты, наш цвет, питомец скромный луга,
Символ любви и жизни молодой,
От севера, от запада, от юга
Летай к друзьям желанною молвой;

Будь голосом, приветствующим друга;
Посол души, внимаемый душой,
О верный цвет, без слов беседуй с нами
О том, чего не выразить словами.

〈ГРАФИНЕ С. А. САМОЙЛОВОЙ〉

Графиня, признаюсь, большой беды в том нет,
Что я, ваш павловский поэт,
На взморье с вами не катался,
А скромно в Колпине спасался
От искушения той прелести живой,
Которою непобедимо
Пленил бы душу мне вечернею порой
И вместе с вами зримый,
Под очарованной луной,
Безмолвный берег Монплезира!
Воскреснула б моя покинутая лира...
Но что бы сделалось с душой?
Не знаю! Да и рад, признаться, что не знаю!
И без опасности все то воображаю,
Что так прекрасно мне описано от вас:
Как полная луна, в величественный час
Всемирного успокоенья,
Над спящею морской равниною взошла
И в тихом блеске потекла
Среди священного небес уединенья;
С какою прелестью по дремлющим берегам
Со тьмою свет ее мешался,
Как он сквозь ветви лип на землю пробирался
И ярко в темноте светился на корнях;
Как вы на камнях над водою
Сидели, трепетный подслушивая шум
Волны, дробимая пред вашею ногою,
И как толпы крылатых дум
Летали в этот час над вашей головою...
Все это вижу я и видеть не боюсь,
И даже в шлюпку к вам сажусь
Неустрашимою мечтою!
И мой беспечно взор летает по волнам!

Любуюсь, как они кругом руля играют;
Как прядают лучи по зыбким их верхам;
Как звучно веслами гребцы их расшибают;
Как брызги легкие взлетают жемчугом
И, в воздухе блеснув, в паденье угасают!..

О мой уютный уголок!

Сей прелестью в тебе я мирно усладился!
Меня мой Гений спас. Графиня, страшный рок

Неизбежно бы со мною совершился

В тот час, как изменил неверный вам платок.

Забыв себя, за ним я бросился б в пучину

И утонул. И что ж? теперь бы ваш певец

Пугал на дне морском балладами *Ундины*,

И сонный дядя *Студенец*,

Склонивши голову на влажную подушку,

Зевал бы, слушая *Старушку*!

Платок, спасенный мной в подводной глубине,

Надводных прелестей не заменил бы мне!

Пускай бы всякий час я мог им любоваться,

Но все бы о земле грустил исподтишка!

Платок ваш очень мил, но сами вы, признаться,

Милее вашего платка.

Но только ль?.. Может быть, подводные народы

(Которые, в своей студеной глубине

Не зная перемен роскошныя природы,

В однообразии, во скуке и во сне

Туманные проводят годы),

В моих руках увидя ваш платок,

Со всех сторон столпились бы в кружок,

И стали б моему сокровищу дивиться,

И верно б вздумали сокровище отнять!

А я?.. Чтоб хитростью от силы защититься,

Чтоб шуткой чудаков чешуйчатых занять,

Я вызвал бы их всех играть со мною в жмурки,

Да самому себе глаза б и завязал!

Такой бы выдумкой платок я удержал,

Зато бы все моря мой вызов взбунтовал!

Плыло бы все ко мне: из темныя конурки

Морской бы вышел рак, кобенясь на клешнях;

Явился бы и кит с огромными усами,

И нильский крокодил в узорных чешуях,

И выдра, и мокой, сверкающий зубами,

И каракатицы, и устрицы с сельдями,
 Короче — весь морской содом!
 И начали б они кругом меня резвиться,
 И щекотать меня, кто зубом, кто хвостом,
 А я (чтобы с моим сокровищем-платком
 На миг один не разлучиться,
 Чтоб не досталось мне глаза им завязать
 Ни каракатице, ни раку, ни мокою)
 Для вида только бы на них махал рукою,
 И не ловил бы их, а только что пугал!
 Итак — теперь легко дойти до заключенья —
 Я в жмурки бы играл
 До светопреставленья;
 И разве только в час всех мертвых воскресенья,
 Платок сорвавши с глаз, воскликнул бы: *поймал!*
 Ужасный жребий сей поэта миновал!
 Платок ваш странствует по царству Аквилона,
 Но знайте, для него не страшен Аквилон, —
 И сух и невредим на влаге будет он!
 Самим известно вам, поэта Ариона
 Услужливый дельфин донес до берегов,
 Хотя грозилася на жизнь певца пучина!
 И нынче внук того чудесного дельфина
 Лелеет на спине красу земных платков!
 Пусть буря бездны колыхает,
 Пусть рушит корабли и рвет их паруса,
 Вокруг него ее свирепость утихает
 И на него из туч сияют небеса
 Благотворящей теплотою;
 Оп скоро пышный Бельт покинет за собою,
 И скоро донесут покорные валы
 Его до тех краев, где треснули скалы
 Перед могущею десницей Геркулеса,
 Минует он брега старинного Гадеса,
 И — слушайте ж теперь, к чему назначил рок
 Непостоянный ваш платок! —
 Благочестивая красавица принцесса,
 Купаясь на взморье в летний жар,
 Его увидит, им пленится,
 И ношу милую поднести прекрасной в дар
 Дельфин услужливый в минуту согласится.
 Но здесь неясное пред нами объяснится.

Натуралист Бомар
В ученом словаре ученых уверяет,
Что никогда дельфинов не бывает
У петергофских берегов
И что поэтому потерянных платков
Никак не может там ловить спина дельфина!
И это в самом деле так!
Но знайте: наш дельфин ведь не дельфин —
башмак!

Тот самый, что в Москве графиня Катерина
Петровна вздумала так важно утопить
При мне в большой придворной луже!
Но что же? От того дельфин совсем не хуже,
Что счастье имел он башмаком служить
Ее сиятельству и что угодно было
Так жестоко играть ей жизнью башмака!
Предназначение судьбы его хранило!
Башмак дельфином стал для вашего платка!

Воротимся ж к платку. Вы слышали, принцесса,
Красавица, у берегов Гадеса
Купаясь на взморье в летний жар,
Его получит от дельфина;
Красавицу с платком умчит в Алжир корсар;
Продаст ее паше; паша назначит в дар
Для императорова сына!
Сын императоров — не варвар, а герой,
Душой Малек-Адель, учтивей Солимана;
Принцесса же умом другая Роксолана
И точь-в-точь милая Матильда красотой!
Не трудно угадать, чем это все решится!
Принцессой деев сын пленится;
Принцесса в знак любви отдаст ему платок;
Руки ж ему отдать она не согласится,
Пока не будет им отвергнут лжепророк,
Пока он не крестится,
Не снимет с христиан невольничьих цепей
И не предстанет ей
Геройской славой озаренный.
Алжирец храбрый наш терять не станет слов:
Он вмиг на все готов —
Крестился, иго снял невольничьих оков

С несчастных христиан и крикнул клич военный!
Платок красавицы, ко древку пригвожденный,
Стал гордым знаменем, предшествующим в бой,
И Африка зажглась священной войной!
Египет, Фец, Марок, Стамбул, страны Востока —
Все завоевано крестившимся вождем,
И пала пред его карающим мечом
Империя пророка!

Свершив со славою святой любви завет,
Низринув алтари безумия во пламя
И богу покорив весь мусульманский свет,
Спешит герой принести торжественное знамя,
То есть *платок*, к ногам красавицы своей...

Не трудно угадать развязку:
Перевенчаются, велят созвать гостей;

Подымут пляску;
И счастливой чете

Воскликнут: многи лета!

А наш платок? Платок давно уж в высоте!
Взлетел на небеса и сделался комета,
Первостепенная меж всех других комет!
Ее влияние преобразует свет!

Настанут нам другие

Благословенны времена!

И будет на земле навек воцарена

Премудрость — а сказать по-гречески: *София!*

〈ВАСИЛИЮ АЛЕКСЕЕВИЧУ
ПЕРОВСКОМУ〉

Товарищ! Вот тебе рука!
Ты другу вовремя сказался;
И любви душа была близка:
Уже в ней пламень загорался,
Животворитель бытия,
И жизнь отцветшая моя
Надеждой снова зацветала!
Опять о счастье мне шептала
Мечта, знакомец старины...

Дорогой странник утомленный,
Узрев с холма неотдаленный
Предел родимой стороны,
Трепещет, сердцем оживает,
И жадным взором различает
За горизонтом отчий кров,
И слышит снова шум дубов,
Которые давно шумели
Над ним, игравшим в колыбели,
В виду родительских гробов.
Он небо узнает родное,
Под коим счастье молодое
Ему сказалося впервой!
Прискорбно-радостным желаньем,
Невыразимым упованьем,
Невыразимою мечтой
Живым утраченное мнится;
Он снова гость минувших дней,
И снова жизнь к нему теснится
Всей милой прелестью своей...
Таков был я одно мгновенье!
Прелестно-быстрое виденье,
Давно не посещавший друг,
Меня внезапно навестило,
Меня внезапно уманило
На первобытный в жизни луг!
Любовь мелькнула предо мною.
С возобновленною душою
Я к лире бросился моей,
И под рукой нетерпеливой
Бывалый звук раздался в ней!
И мертвое мне стало живо,
И снова на бездушный свет
Я оглянулся как поэт!..
Но удались, мой посетитель!
Не у меня тебе гостить!
Не мне о жизни возвестить
Тебе, святой благовеститель!

Товарищ! мной ты не забыт!
Любовь — друзей не раздружит.
Сим несозревшим упованьем,

Едва отведавшим душой,
Подорожу ль перед тобой?
Сравню ль его с твоим страданьем?
Я вижу, молодость твоя
В прекрасном цвете умирает
И страсть, убийца бытия,
Тебя безмолвно убивает!
Давно веселости уж нет!
Где остроты приятной живость,
С которой ты являлся в свет?
Угрюмый спутник — молчаливость
Повсюду следом за тобой.
Ты молча радостных дичишься
И, к жизни охладев, дружишься
С одной убийственной тоской,
Владельцем сердца одиноким.
Мой друг! с участием глубоким
Я часто на лице твоём
Ловлю души твоей движенья!
Болезнь любви без утоленья
Изображается на нём.
Сие смятение во взоре,
Склоненном робко перед *ней*;
Несвязность смутная речей
В желанном сердцу разговоре;
Перерывающийся глас;
К тому, что окружает нас,
Задумчивое невниманье;
Присутствия очарованье,
И неприсутствия тоска,
И трепет, признак страсти тайной,
Когда послышится случайно
Любимый глас издалека,
И это все, что сердцу ясно,
А выраженью неподвластно,
Сии приметы знаю я!..
Мой жребий дал на то мне право!
Но то, в чем сладость бытия,
Должно ли быть ему отравой?
Нет, милый! ободрись! *она*
Столь восхитительна не даром:

Души глубокой чистым жаром
Сия краса оживлена!
Сей ясный взор — он не обманчив:
Не прелестью ума одной,
Он чувства прелестью приманчив!
Под сей веселостью живой
Задумчивое что-то скрыто,
Уныло-сладостное слито
С сей оживленной красотой;
В ней что-то искреннее дышит,
И в милом голосе ея
Доверчиво душа твоя
Какой-то звук знакомый слышит,
Всему в нем лучшему родной,
В нее участие лиющий
И без усилия дающий
Ей убеждение и покой.
О, верь же, друг, душе прекрасной!
Ужель природою напрасно
Ей столько милого дано?
Люби! любовь и жизнь — *одно!*
Отдайся ей, забудь сомненье
И жребий жизни соверши;
Она поймет твоё мученье,
Она поймет язык души!

К МИМОПРОЛЕТЕВШЕМУ ЗНАКОМОМУ ГЕНИЮ

Скажи, кто ты, пленитель безымянный?
С каких небес примчался ты ко мне?
Зачем опять влечешь к обетованной,
Давно, давно покинутой стране?

Не ты ли тот, который жизнь младую
Так сладостно мечтами усыплял
И в старину про гостью неземную —
Про милую надежду ей шептал?

Не ты ли тот, кем всё во дни прекрасны
Так жило там, в счастливых тех краях,

Где луг душист, где воды светло-ясны,
Где весел день на чистых небесах?

Не ты ль во грудь с живым весны дыханьем
Таинственной унылостью влетал,
Ее теснил томительным желаньем
И трепетным весельем волновал?

Поэзии священным вдохновеньем
Не ты ль с душой носился в высоту,
Пред ней горел божественным виденьем,
Разоблачал ей жизни красоту?

В часы утрат, в часы печали тайной,
Не ты ль всегда беседой сердца был,
Его смирял утешкою случайной
И тихою надеждою целил?

И не тебе ль всегда она внимала
В чистейшие минуты бытия,
Когда судьбы святыню постигала,
Когда лишь бог свидетель был ея?

Какую ж весть принес ты, мой пленитель?
Или опять мечтой лишь поманишь
И, прежних дум напрасный пробудитель,
О счастья шепнешь и замолчишь?

О Гений мой, побудь еще со мною;
Бывалый друг, отлетом не спеши;
Останься, будь мне жизнью землею;
Будь ангелом-хранителем души.

К ПОРТРЕТУ ГЕТЕ

Свободу смелую приняв себе в закон,
Всезрящей мыслию над миром он носился.
И в мире все постигнул он —
И ничему не покорился.

Отуманенным потоком
Жизнь унылая плыла;
 Берег в сумраке глубоком;
 На холодном небе мгла;
 Тьмою звезды обложило;
 Бури нет — один туман;
 И вдали ревет уныло
 Скрытый мглою океан.

Было время — был день ясный,
 Были пышны берега.
 Были рощи сладкогласны,
 Были зéлены луга.
 И за *ней* вились толпою
 Светлокрылые друзья:
Юность легкая с *Мечтою*
 И живых *Надежд* семья.

К ней теснились, услаждали
 Мирный путь ее игрой
 И над нею расстилали
 Благодатный парус свой.
 К ней *Фантазия* летала
 В блеске радужных лучей
 И с небес к ней прикликала
 Очарованных гостей:

Вдохновение с звездою
 Над возвышенной главой
 И *Хариту* с молодою
Музой, Гения сестрой;
 И она, их внемя пенье,
 Засыпала в тишине
 И ловила привиденье
 Счастья милого во сне!..

Все пропало, изменило;
 Разлетелися друзья;
 В бездне брошена унылой
 Одишкая ладья;

Року странница послушна,
Не желает и не ждет
И прискорбно-равнодушна
В беспредельное плывет.

Что же вдруг затрепстало
Над поверхностью зыбей?
Что же прелестью бывалой
Вдруг повеяло над ней?
Легкой птичкой встрепенулся
Пробужденный ветерок;
Сонный парус развернулся;
Дрогнул руль; быстрее челнок.

Смотрит... ангелом прекрасным
Кто-то светлый прилетел,
Улыбнулся, взором ясным
Подарил и в лодку сел;
И запел он песнь надежды;
Жизнь очнулась, ожила
И с волненьем робки вежды
На красавца подняла.

Видит... мрачность разлетелась;
Снова зёркальна вода;
И приветно загорелась
В небе яркая звезда;
И в нее проникла радость,
Прежней веры тишина,
И как будто снова младость
С упованьем отдана.

О хранитель, небом данный!
Пой, небесный, и ладьей
Правь ко пристани желанной
За попутною звездой.
Будь сиянье, будь ненастье;
Будь, что надобно судьбе;
Все для *Жизни* будет счастье,
Добрый спутник, при тебе.

НЕВЫРАЗИМОЕ

(Отрывок)

Что наш язык земной пред дивною природой?
С какой небрежною и легкою свободой
Она рассыпала повсюду красоту
И разнovidное с единством согласила!
Но где, какая кисть ее изобразила?
Едва-едва одну ее черту
С усилием поймать удастся вдохновеннью...
Но лъзя ли в мертвое живое передать?
Кто мог создание в словах пересоздать?
Невыразимое подвластно ль выраженью?..
Святые таинства, лишь сердце знает вас.
Не часто ли в величественный час
Вечернего земли преображенья,
Когда душа смятенная полна
Пророчеством великого виденья
И в беспредельное унесена, —
Спирается в груди болезненное чувство,
Хотим прекрасное в полете удержать,
Ненареченному хотим название дать —
И обессиленно безмолвствует искусство?
Что видимо очам — сей пламень облаков,
По небу тихому летящих,
Сие дрожанье вод блестящих,
Сии картины берегов
В пожаре пышного заката —
Сии столь *яркие черты* —
Легко их ловит мысль крылата,
И есть *слова* для их *блестящей* красоты.
Но то, что слито с сей блестящей красотой —
Сие столь смутное, волнующее нас,
Сей внемлемый одной душою
Обворожающего глас,
Сие к далекому стремленье,
Сей миновавшего привет
(Как прилетевшее незапно дуновенье
От луга родины, где был когда-то цвет,
Святая молодость, где жило упованье),
Сие шепнувшее душе воспоминанье
О милом радостном и скорбном старины,

Сия сходящая святыня с вышины,
Сие присутствие создателя в создание —
Какой для них язык?.. Горé душа летит,
Все необъятное в единый вздох теснится,
И лишь молчание понятно говорит.

* * *

О дивной розе без шипов
Давно твердят в стихах и прозе;
Издrevле молим мы богов
Открыть нам путь к чудесной розе:
Ее в далекой стороне
Цветущею воображаем;
На грозной мыслим вышине,
К которой доступ охраняем
Толпой драконов и духов,
Средь ужасов уединенья —
Таится роза без шипов;
Но то обман воображенья —
Очаровательный цветок
К нам близко! В райский уголок,
Где он в тиши благоухает,
Дракон путей не заграждает:
Его святилище хранит
Богиня-благодать с ясным взором,
Приветливость — сестра харит —
С приятным, сладким разговором,
С обворожающим лицом —
И скромное Благотворенье
С тем очарованным жезлом,
Которого прикосновение
Велит сквозь слез сиять очам
И сжатым горестью устам
Улыбку счастья возвращает.
Там невидимкой расцветает
Создание лучшее богов —
Святая Роза без шипов.

Взошла заря. Дыханием приятным
 Сманила сон с моих она очей;
 Из хижины за гостем благодатным
 Я восходил на верх горы моей;
 Жемчуг росы по травкам ароматным
 Уже блистал младым огнем лучей,
 И день взлетел, как гений светлокрылый!
 И жизнью все живому сердцу было.

Я восходил; вдруг тихо закурился
 Туманный дым в долине над рекой;
 Густел, редел, тянулся, и клубился,
 И вдруг взлетел, крылатый, надо мной,
 И яркий день с ним в бледный сумрак слился,
 Задержнулась окрестность пеленой,
 И, влажною пустыней окруженный,
 Я в облаках исчез, уединенный...

ПУТЕШЕСТВЕННИК И ПОСЕЛЯНКА

П у т е ш е с т в е н н и к

Благослови господь
 Тебя, младая мать,
 И тихого младенца,
 Приникшего к груди твоей;
 Здесь, под скалою,
 В тени олив твоих приютных,
 Сложивши ношу, отдохну
 От зноя близ тебя.

П о с е л я н к а

Скажи мне, странник,
 Куда в палящий зной
 Ты пыльною идешь дорогой?
 Товары ль городские
 Разносишь по селеньям?...
 Ты улыбнулся, странник,
 На мой вопрос.

П у т е ш е с т в е н н и к

Товаров нет со мной.
Но вечер холодеет;
Скажи мне, поселянка,
Где тот ручей,
В котором жажду утоляешь?

П о с е л я н к а

Взойди на верх горы;
В кустарнике тропинкой
Ты мимо хижины пройдешь,
В которой я живу;
Там близко и студеный ключ,
В котором жажду утоляю.

П у т е ш е с т в е н н и к

Следы создательной руки
В кустах передо мною;
Не ты сии образовала камни,
Обильно-щедрая природа.

П о с е л я н к а

Иди вперед.

П у т е ш е с т в е н н и к

Покрытый мохом архитрав,
Я узнаю тебя, творящий Гений;
Твоя печать на этих мшистых камнях.

П о с е л я н к а

Все дале, странник.

П у т е ш е с т в е н н и к

И надпись под моей ногою;
Ее затерло время:
Ты удалилось,
Глубоко врезанное слово,
Рукой творца немому камню
Напрасно вверенный свидетель
Минувшего богопочтенья.

Поселянка

Дивишься, странник,
Ты этим камням?
Подобных много
Близ хижины моей.

Путешественник

Где? где?

Поселянка

Там, на вершине,
В кустах.

Путешественник

Что вижу? Музы и хариты.

Поселянка

То хижина моя.

Путешественник

Обломки храма.

Поселянка

Вблизи бежит
И ключ студеной,
В котором воду мы берем.

Путешественник

Не умирая, веешь
Ты над своей могилой,
О Гений; над тобою
Обрушилось во прах
Твое прекрасное созданье...
А ты бессмертен.

Поселянка

Помедли, странник, я подам
Кувшин, напиться из ручья.

Путешественник

И плющ обвесил
Твой лик божественно-прекрасный.

Как величаво
Над этой грудю обломков
Возносится чета столбов.
А здесь их одинокий брат.
О, как они,
В печальный мох одев главы священные,
Скорбя величественно, смотрят
На раздробленных
У ног их братий;
В тени шиповников зеленых,
Под камнями, под прахом
Лежат они, и ветер
Травой над ними шевелит.
Как мало дорожишь, природа,
Ты лучшего созданья своего
Прекраснейшим созданием!
Сама святилище свое
Бесчувственно ты раздробила
И терн посеяла на нем.

Поселянка

Как спит младенец мой.
Войдешь ли, странник,
Ты в хижину мою
Иль здесь, на воле отдохнешь?
Прохладно. Подержи дитя;
А я кувшин водой наполню.
Спи, мой малютка, спи.

Путешественник

Прекрасен твой покой...
Как тихо дышит он,
Исполненный небесного здоровья.
Ты, на святых остатках
Минувшего рожденный,
О, будь с тобой его великий Гений;
Кого присвоит он,
Тот в сладком чувстве бытия
Земную жизнь вкушает.
Цвети ж надеждой,
Весенний цвет прекрасный;
Когда же отцветешь,

Созрей на солнце благодатном
И дай богатый плод.

Поселянка

Услышь тебя господь!.. А он все спит.
Вот, странник, чистая вода
И хлеб; дар скудный, но от сердца.

Путешественник

Благодарю тебя.
Как все цветет кругом
И живо зеленеет!

Поселянка

Мой муж придет
Через минуту с поля
Домой; останься, странник,
И ужин с нами раздели.

Путешественник

Жилище ваше здесь?

Поселянка

Здесь, близко этих стен
Отец нам хижину построил
Из кирпичей и каменных обломков.
Мы в ней и поселились.
Меня за пахаря он выдал
И умер на руках у нас...
Проснулся ты, мое дитя?
Как весел он! Как он играет!
О милый!

Путешественник

О вечный сеятель, природа,
Даруешь всем ты сладостную жизнь;
Всех чад своих, любя, ты наделила
Наследством хижины уютной.
Высоко на карнизе храма
Селится ласточка, не зная,
Чье пышное созданье застилает,
Лепя свое гнездо.

Червяк, заткав живую истку,
Готовит зимнее жилище
Своей семье.
А ты среди великих
Минувшего развалил
Для нужд своих житейских
Шалаш свой ставишь, человек,
И счастлив над гробами.
Прости, младая поселянка.

Поселянка

Уходишь, странник?

Путешественник

Да бог благословит
Тебя и твоего младенца!

Поселянка

Прости же, добрый путь!

Путешественник

Скажи, куда ведет
Дорога этою горою?

Поселянка

Дорога эта в Кумы.

Путешественник

Далек ли путь?

Поселянка

Три добрых мили.

Путешественник

Прости!
О, будь моим вождем, природа;
Направь мой страннический путь;
Здесь, над гробами
Священной древности, скитаюсь;
Дай мне найти приют,
От хладов севера закрытый,

Чтоб зной полдневный
Топóлевая роща
Веселой сенью отвевала.
Когда ж в вечерний час,
Усталый, возвращусь
Под кров домашний,
Лучом заката позлащенный,
Чтоб на порог моих дверей
Ко мне навстречу вышла
Подобно милая подруга
С младенцем на руках.

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ В ИГРЕ, НАЗЫВАЕМОЙ «СЕКРЕТАРЬ»

1. ЗВЕЗДА И КОРАБЛЬ

Звезда небес плывет пучиною небесной,
Пучиной бурных волн земной корабль плывет!
Кто по небу ведет звезду — нам неизвестно;
Но по морю корабль звезда небес ведет!

II. БЫК И РОЗА

Задача трудная для бедного поэта?
У розы иглы есть, рога есть у быка —
Вот сходство. Разница ж: легко любви рука
Совет из роз букет для милого предмета;
А из быков никак нельзя связать букета!

ТРИ ПУТНИКА

В свой край возвратяся из дальней земли,
Три путника в гости к старушке зашли.

«Прими, приюти нас на темную ночь;
Но где же красавица? Где твоя дочь?»

«Принять, приютить вас готова, друзья;
Скончалась красавица дочка моя».

В светлице свеча пред иконой горит:
В светлице красавица в гробе лежит.

И первый поднявший покров гробовой
На мертвую смотрит с унылой душой:

«Ах! если б на свете еще ты жила,
Ты мною б отныне любима была!»

Другой покрывало опять наложил,
И горько заплакал, и взор опустил:

«Ах, милая, милая, ты ль умерла?
Ты мною так долго любима была!»

Но третий опять покрывало поднял
И мертвую в бледны уста целовал:

«Тебя я любил; мне тебя не забыть;
Тебя я и в вечности буду любить!»

ПОДРОБНЫЙ ОТЧЕТ О ЛУНЕ ¹
ПОСЛАНИЕ К ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ
МАРИИ ФЕДОРОВНЕ

Хотя и много я стихами
Писал про светлую луну,
Но я лишь тень ее одну
Моими бледными чертами
Неверно мог изобразить.
Здесь, государыня, пред вами
Осмелюсь вкратце повторить
Все то, что ветреный мой гений,
Летучий невидимка, мне
В минуты светлых вдохновений
Шептал случайно о луне.

Когда с усопшим на коне
Скакала робкая *Людмила*,
Тогда в стихах моих луна
Неверным ей лучом светила;
По темным облакам она
Украдкою перебегала;
То вся была меж них видна,
То пряталась, то зажигала
Края волнующихся туч;
И изредка бродящий луч
Ужасным блеском отражался
На хладной белизне лица
И в тусклом взоре мертвеца. —
Когда ж в санях с *Светланой* мчался
Другой известный нам мертвец,
Тогда кругом луны венец
Сквозь завес снежного тумана
Сиял на мутных небесах;
И с вещей робостью Светлана

¹ Прекрасная лунная ночь в Павловске подала повод написать это послание. Государыне императрице угодно было дать заметить поэту красоту этой ночи, и он, исчислив разные прежде им сделанные описания луны, признается в стихах своих, что некоторая из этих описанных лун не была столь прелестна, как та, которая в ту ночь освещала павловские рощи и воды. (*Прим. Жуковского.*)

В недвижных спутника очах
Искала взора и привета...
Но, взор на месяц устремив,
Был неприветно-молчалив
Пришелец из другого света. —
Я помню: рыцарь *Адельстан*,
Свершитель страшного обета,
Сквозь хладный вечера туман
По Рейну с сыном и женою
Плыл, озаряемый луною;
И очарованный челнок
По влаге волн под небом ясным
Влеком был лебедем прекрасным;
Тогда роскошный ветерок,
Струи лаская, тихо веял
И парус пурпурный лелеял;
И, в небе плавая одна,
Сквозь сумрак тонкого ветрила
Сияньем трепетным луна
Пловцам задумчивым светила
И челнока игривый след,
И пышный лебедя хребет,
И цепь волшебную златила. —
Но есть еще челнок у нас;
Под бурю в полночный час
Пловец неведомый с *Варвиком*
По грозно воющей реке
Однажды плыл в том челноке;
Сквозь рев воды протяжным криком
Младенец их на помощь звал;
Ужасно вихорь тучи гнал,
И великанскими главами
Валы вставали над валами,
И все гремело в темноте;
Тогда *рог месяца блестящий*
Прорезал тучи в высоте
И, став над бездною кипящей,
Весь ужас бури осветил:
Засеребрилися вершины
Встающих, падающих волн...
И на скалу помчался челн;
Среди сияющей пучины

На той скале Варвика ждал
Младенец — неизбежный мститель,
И руку сам невольно дал
Своей гибели губитель;
Младенца нет; Варвик исчез...
Вмиг ужас бури миновался;
И ясен посреди небес,
Вдруг успокоенных, остался
Над усмиренной рекой,
Как радость, месяц молодой. —
Когда ж невидимая сила
Без кормщика и без ветрила
Вадима в третьем челноке
Стремилась по Днепру-реке:
Над ним безоблачно сияло
В звездах величие небес;
Река, надводный темный лес,
Высокий берег — все дремало;
И ярко полная луна
От горизонта подымалась,
И одичалая страна
Очам Вадимовым являлась...
Ему луна сквозь темный бор
Лампадой таинственной светит;
И все, что изумленный взор
Младого путника ни встретит,
С его душою говорит
О чем-то горестно-ужасном,
О чем-то близком и прекрасном...
С невольной робостью он зрит
Пригорок, храм, могильный камень;
Над повалившимся крестом
Какой-то легкий веет пламень,
И сумрачен сидит на нем
Недвижный ворон, сторож ночи,
Туманные уставив очи
Неотвратимо на луну;
Он слышит: что-то тишину
Смутило: древний крест шатнулся
И сонный ворон встрепнулся;
И кто-то бледной тенью встал,

Пошел ко храму, помолился...
Но храм пред ним не отворился,
И в отдаленье он пропал,
Слиясь, как дым, с ночным туманом.
И дале трепетный Вадим;
И вдруг является пред ним
На холме светлым великаном
Пустынный замок; блеск луны
На стены сыплется зубчаты;
В кудрявый мох облечены
Их неприступные раскаты;
Ворота заперты скалой;
И вот уже над головой
Луна, достигнув полуночи;
И видят путниковы очи
Двух дев: одна идет стеной,
Другая к ней идет на стену,
Друг другу руку подают,
Прощаются и врозь идут,
Свершив задумчивую смену...
Но то, как девы спасены,
Уж не касается луны. —
Еще была воспета мною
Одна прекрасная луна:
Когда пылала пред Москвою
Святая русская война —
В рядах отечественной рати,
Певец, по слуху знавший бой,
Стоял я с лирой боевой
И мщенье пел для ратных братий.
Я помню ночь: как бранный щит,
Луна в небесном рдела мраке;
Наш стан молчаньем был покрыт,
И ратник в лиственном биваке,
Вооруженный, мирно спал;
Лишь стражу стража окликал;
Костры дымились, пламенея,
И кое-где перед огнем,
На ярком пламени чернея,
Стоял казак с своим конем,
Окутан буркою косматой;
Там острых копий ряд крылатый

В сиянье месяца сверкал;
Вблизи уланов ряд лежал;
Над ними их дремали кони;
Там грозные сверкали брони;
Там пушек заряженных строй
Стоял с готовыми громами;
Стрелки, припав к ним головами,
Дремали, и под их рукой
Фитиль курился роковой;
И в отдаленье полосами,
Слиянны с дымом облаков,
Биваки дымные врагов
На крае горизонта рдели;
Да кое-где вблизи, вдали
Тела, забытые в пыли,
В ужасном образе чернели
На ярких месяца лучах...
И между тем на небесах,
Над грозным полем истребления,
Ночные мирные виденья
Свершались мирно, как всегда:
Младая вечера звезда
Привычной прелестью пленяла;
Неизменяема сияла
Луна земле с небес родных,
Не зная ужасов земных;
И было тихо все в природе,
Как там, на отдаленном своде:
Спокойно лес благоухал,
И воды к берегам ласкались,
И берега в них отражались,
И ветерок равно порхал
Над благовонными цветами,
Над лоном трепетных зыбей,
Над бронями, над знаменами
И над безмолвными рядами
Объятых сном богатырей...
Творенье божие не знало
О человеческих бедах
И беззаботно ожидало,
Что ночь пройдет и в небесах
Опять засветится денница.

А Рок, меж тем, не засыпал;
Над ратью молча он стоял;
Держала жребии десница;
И взор неизбежимый лица
Им обреченных замечал. —
Еще я много описал
Картин луны: то над гробами
Кладбища сельского она
Катится по небу одна,
Сиянием неверным бродит
По дерну свежему холмов:
И тени шаткие дерёв
На зелень бледную наводит,
Мелькает быстро по крестам,
В оконницах часовни блещет
И, внутрь ее закравшись, там
На золоте икон трепещет;
То вдруг, как в дыме, без лучей,
Когда встают с холмов туманы,
Задумчиво на дуб *Минваны*
Глядит, и, вея перед ней,
Четой слиянною две тени
Спускаются к любимой сени,
И шорох слышится в листьях,
И пробуждается в струнах,
Перстам невидимым послушных,
Знакомый глас друзей воздушных;
То вдруг на *взморье* — где волна,
Плеская, прыщет на каменья
И где в тиши уединенья,
Воспоминая предана,
Привыкла вслушиваться Дума
В гармонию ночного шума, —
Она, в *величественный час*
Всемирного успокоенья,
Творит волшебные для глаз
На влаге дремлющей виденья;
Иль, тихо зыблясь, в ней горит,
Иль, раздробившись, закипит
С волнами дрогнувшей пучины,
Иль вдруг огромные морщины

По влаге ярко проведет,
Иль огненной змеей мелькнет,
Или под шлюшкою летящей
Забрызжет пеною блестящей...
Довольно; все пересчитать
Мне трудно с Музою ленивой;
К тому ж, ей долг велит правдивый
Вам, государыня, сказать,
Что сколько раз она со мною,
Скитаясь в сумраке почей,
Ни замечала за луною:
Но все до сей поры мы с ней
Луны такой не подглядели,
Какою на небе ночном,
В конце прошедших недели,
Над чистым павловским прудом
На колоннаде любовались;
Давно, давно не наслаждались
Мы тихим вечером таким;
Казалось все преображенным;
По небесам уединенным,
Полупотухшим и пустым,
Ни облачка не пролетало;
Ни колыхания в листьях;
Ни легкой струйки на водах;
Все нежилось, все померкало;
Лишь ярко звездочка одна,
Лампадою гостеприимной
На крае неба зажжена,
Мелькала нам сквозь запад дымный,
И светлым лебедем луна
По бледной синеве востока
Плыла, тиха и одинока;
Под усыпительным лучом
Все предавалось усыплению —
Лишь изредка пустым путем,
Своей сопутствуемый тенью,
Шел запоздалый пешеход,
Да сонной пташки содроганье,
Да легкий шум плеснувших вод
Смущали вечера молчанье.

В зеркало ровного пруда
Гляделось мирное светило,
И в лоне чистых вод тогда
Другое небо видно было,
С такой же ясною луной,
С такой же тихой красотой;
Но иногда, едва бродящий,
Крылом неслышным ветерок
Дотронувшись до влаги спящей,
Слегка наморщивал поток:
Луна звездами рассыпалась;
И смутною во глубине
Тогда краса небес являлась,
Толь мирная на вышине...
Понятное знаменованье
Души в ее земном изгнанье:
Она небесного полна,
А все земным возмущена.
Но как назвать очарованье,
Которым душу всю луна
Объемлет так непостижимо?
Ты скажешь: ангел невидимо
В ее лучах слетает к нам...
С какою вестью? Мы не знаем;
Но вестника мы понимаем;
Мы верим сладостным словам,
Невыражаемым, но внятным;
Летим неволею за ним
К тем благам сердца невозвратным,
К тем упованиям святым,
Которыми когда-то жили,
Когда с приветною Мечтой,
Еще не встретившись с Судьбой,
У ясной Младости гостили.
Как часто вдруг возвращено
Каким-то быстрым мановеньем
Все улетевшее давно!
И видим мы воображеньем
Тот свежий луг, где мы цвели;
Даруем жизнь друзьям отжившим;
Былое кажется небывшим
И нас манящим издали;

И то, что *нашим* было прежде,
С чем мы простились навсегда,
Нам мнится *нашим*, как тогда,
И вверенным еще надежде...
Кто ж изъяснит нам, что она,
Сия волшебная луна,
Друг нашей ночи неизменный?
Не остров ли она блаженный
И не гостиница ль земли,
Где, навсегда простясь с землею,
Душа слетается с душою,
Чтоб повидаться издали
С покинутой, но все любимой
Их прежней жизни стороною?
Как с прага хижины родимой
Над брошенной своей клюкой
С утехой странник отдохнувший
Глядит на путь, уже минувший,
И думает: «Там я страдал,
Там был уныл, там ободрялся,
Там утомленный отдыхал
И с новой силою сбирался».
Так наши, может быть, друзья
(В обетованное селенье
Переведенная семья)
Воспоминаний утешенье
Вкушают, глядя из луны
В пределы здешней стороны.
Здесь и для них была когда-то
Прелестна жизнь, как и для нас;
И их манил надежды глас,
И их испытывала тратой
Тогда им тайная рука
Разгаданного провиденья.
Здесь все их прежние волненья,
Чем жизнь прискорбна, чем сладка,
Любви счастливой упоенья,
Любви отверженной тоска,
Надежды смелость, трепет страха,
Высоких замыслов мечта,
Великость, слава, красота...
Все стало бедной горстью праха;

И прежних темных, ясных лет
Один для них приметный след:
Тот уголок, в котором где-то,
Под легким дерном гробовым,
Спит сердце, некогда земным,
Смятенным пламенем согрето;
Да, может быть, в краю ином
Еще любовью не забытой
Их бытие и ныне слито,
Как прежде, с нашим бытием;
И ныне с милыми родными
Они беседуют душой;
И, знавшись с тратами земным,
Деля их, не смущаясь ими,
Подчас утехой неземной
На сердце наше налетают
И сердцу тихо возвращают
Надежду, веру и покой.

К КНЯГИНЕ А. Ю. ОБОЛЕНСКОЙ

Итак, еще нам суждено
Дорогой жизни повстречаться
И с *милым прошлым* заодно
В воспоминанье повидаться.
Неволею, внимая вам,
К давно утраченным годам
Я улетаю воображеньем;
Душа была пробуждена —
И ей неожиданным привиденьем
Минувшей жизни старина
В красе минувшей показалась.
И вам и мне — в те времена,
Когда лишь только разгоралась
Денница младости для нас, —
Одна прекрасная на час
Веселой гостьей нам являлась;
Ее живая красота,
Пленительная, как мечта
Души, согретою упованьем,
В моей душе с воспоминаньем

Всего любимого слита;
Как сон воздушный, мне предстала
На утре дней моих она
И вместе с утром дней пропала
Воздушной прелестию сна.
Но от всего, что после было,
Что невозвратно истребило
Стремленье невозвратных лет,
Ее, как лучший жизни цвет,
Воспомянуье отделило...
Идя назначенным путем,
С утехой тайной видит странник,
Как звездочка, зари посланник,
Играет в небе голубом,
Пророчествуя день желанный;
Каков бы ни был день потом,
Холодный, бурный иль туманный, —
Но он о звездочке своей
С любовью вспомнит и в ненастье.
Нашлось иль нет земное счастье —
Но *милое минувших дней*
(На ясном утре упованья
Нас веселившая звезда)
Милейшим будет завсегда
Сокровищем воспомянуья.

ПЕСНЯ

Отымает наши радости
Без замены хладный свет;
Вдохновенье пылкой младости
Гаснет с чувством жертвой лет;
Не одно ланит пылание
Тратим с юностью живой —
Видим сердца увядание
Прежде юности самой.

Наше счастье разбитое
Видим мы игрушкой волн.
И в далекий мрак сердитое
Море мчит наш бедный челн;

Стрелки нет путеводительной,
Иль вотще ее магнит
В бурю к пристани спасительной
Челн беспарусный манит.

Хлад, как будто ускоренная
Смерть, заходит в душу к нам;
К наслажденью охлажденная,
Охладев к самим бедам,
Без стремленья, без желанья,
В нас душа заглушена
И навек очарования
Слез отрадных лишена.

На минуту ли улыбкою
Мертвый лик наш оживет,
Или *прежнее* ошибкою
В сердце сонное зайдет —
То обман; то плющ, играющий
По развалинам седым;
Сверху лист благоухающий, —
Прах и тление под ним.

Оживите сердце вялое;
Дайте быть по старине;
Иль оплакивать *бывалое*
Слез *бывалых* дайте мне.
Сладко, сладко появление
Ручейка в пустой глуши;
Так и слезы — освежение
Залустевших души.

ЛАЛЛА РУК

Милый сон, души пленитель,
 Гость прекрасный с вышины,
 Благодатный посетитель
 Поднебесной сторопы,
 Я тобою наслаждался
 На минуту, но вполне:
 Добрым вестником явился
 Здесь небесного ты мне.

Мнил я быть в обетованной
 Той земле, где вечный мир;
 Мнил я зреть благоуханный
 Безмятежный Кашемир;
 Видел я: торжествовали
 Праздник розы и весны
 И пришелицу встречали
 Из далекой стороны.

И блистая и пленяя —
 Словно ангел неземной —
 Непорочность молодая
 Появилась предо мной;
 Светлый завес покрывала
 Отенял ее черты,
 И застенчиво склоняла
 Взор умильный с высоты.

Все — и робкая стыдливость
 Под сиянием венца,

И младенческая живость,
И величие лица,
И в чертах глубокость чувства
С безмятежной тишиной —
Все в ней было без искусства
Неописанной красой!

Я смотрел — а призрак мимо
(Увлекая душу вслед)
Пролетал невозвратно;
Я за ним — его уж нет!
Посетил, как упование;
Жизнь минуту озарил;
И оставил лишь преданье,
Что когда-то в жизни был!

Ах! не с нами обитает
Гений чистый красоты;
Лишь порой он навещает
Нас с небесной высоты;
Он поспешен, как мечтанье,
Как воздушный утра сон;
Но в святом воспоминанье
Неразлучен с сердцем он!

Он лишь в чистые мгновенья
Бытия бывает к нам
И приносит откровенья,
Благотворные сердцам;
Чтоб о небе сердце знало
В темной области земной,
Нам туда сквозь покрывало
Он дает взглянуть порой;

И во всем, что *здесь* прекрасно,
Что наш мир животворит,
Убедительно и ясно
Он с душою говорит;
А когда пас покидает,
В дар любви у пас в виду
В нашем пебе зажигает
Он прощальную звезду.

Теснятся все к тебе во храм,
 И все с коленопреклоненьем
 Тебе приносят фимиам,
 Тебя гремящим славят пеньем;
 Я одинок в углу стою,
 Как жизнью, полон я тобою,
 И жертву тайную мою
 Я приношу тебе душою.

ЯВЛЕНИЕ ПОЭЗИИ В ВИДЕ ЛАЛЛА РУК

К востоку я стремлюсь душою!
 Прелестная впервые там
 Явилась в блеске над землею
 Обрадованным небесам.

Как утро юного творенья,
 Она пленительна пришла
 И первый пламень вдохновенья
 Струнами первыми зажгла.

Везде любовь ее встречает;
 Цветет ей каждая страна;
 Но всюду милый сохраняет
 Обычай родины она.

Так пролетела здесь, блистая
 Востока пламенным венцом,
 Богиня песней молодая
 На паланкине золотом.

Как свежей утренней порою
 В жемчуге утреннем цветы,
 Она пленяла красотой,
 Своей не зная красоты.

И нам с своей улыбкой ясной,
 В своей веселости младой,

Она казалась прекрасной
Всеобновляющей весной.

Сама гармония святая —
Ее нам мнилось бытие,
И мнилось, душу разрешая,
Манила в рай она ее.

При ней все мысли наши — пенье!
И каждый звук ее речей,
Улыбка уст, лица движенье,
Дыханье, взгляд — все песня в ней.

ВОСПОМИНАНИЕ

О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: *их нет*;
Но с благодарностию: *были*.

ОБЕТЫ

Будьте, о духи лесов, будьте, о нимфы потока,
Верны далеким от вас, доступны близким друзьям!
Нет их, некогда здесь беспечною жизнью живших;
Мы, сменя их, им вслед смиренно ко счастью идем.
С нами, Любовь, обитай, богиня радости чистой!
Жизни прелесть она, близко далекое с ней!

ПОБЕДИТЕЛЬ

Сто красавиц светлооких
 Председали на турнире.
 Все — цветочки полевые;
 А моя одна как роза.
 На нее глядел я смело,
 Как орел глядит на солнце.
 Как от щек моих горячих
 Разгоралось забрало!
 Как рвалось пробиться сердце
 Сквозь тяжелый, твердый пашцырь!
 Светлых взоров тихий пламень
 Стал душе моей пожаром;
 Сладкошепчущие речи
 Стали сердцу бурным вихрем;
 И она — младое утро —
 Стала мне грозой могучей;
 Я помчался, я ударил —
 И ничто не устояло.

БЛИЗОСТЬ ВЕСНЫ

На небе тишина;
 Тайнственно луна
 Сквозь тонкий пар сияет;
 Звезда любви играет
 Над темною горой;

И в бездне голубой
Бесплотные, летая,
Чаруя, оживляя
Ночную тишину,
Приветствуют весну.

МОРЕ

Элегия

Безмолвное море, лазурное море,
Стою очарован над бездной твоей.
Ты живо; ты дышишь; смятенной любовью,
Тревожною думой наполнено ты.
Безмолвное море, лазурное море,
Открой мне глубокую тайну твою:
Что движет твое необъятное лоно?
Чем дышит твоя напряженная прудь?
Иль тянет тебя из земныя неволи
Далекое светлое небо к себе?..
Таинственной, сладостной полное жизни,
Ты чисто в присутствии чистом его:
Ты льешься его светозарной лазурью,
Вечерним и утренним светом горишь,
Ласкаешь его облака золотые
И радостно блещешь звездами его.
Когда же собираются темные тучи,
Чтоб ясное небо отнять у тебя —
Ты бьешься, ты воешь, ты волны подьемлешь,
Ты рвешь и терзаешь враждебную мглу...
И мгла исчезает, и тучи уходят,
Но, полное прошлой тревоги своей,
Ты долго вздымаешь испуганны волны,
И сладостный блеск возвращенных небес
Не вовсе тебе тишину возвращает;
Обманчив твоей неподвижности вид:
Ты в бездне покойной скрываешь смятенье,
Ты, небом любуясь, дрожишь за него.

19 МАРТА 1823

Ты предо мною
Стояла тихо.
Твой взор унылый
Был полон чувства.
Он мне напомнил
О милом прошлом...
Он был последний
На здешнем свете.

Ты удалилась,
Как тихий ангел;
Твоя могила,
Как рай, спокойна!
Там все земные
Воспоминанья,
Там все святые
О небе мысли.

Звезды небес,
Тихая ночь!..

ПРИВИДЕНИЕ

В тени дерев, при звуке струн, в сиянье
Вечерних гаснущих лучей,
Как первыя любви очарованье,

Как прелесть первых юных дней —
Явилась она передо мною
В одежде белой, как туман;
Воздушною лазурной пеленою
Был окружен воздушный стан;
Таинственно она ее свивала
И развивала над собой;
То, сняв ее, открытая стояла
С темнокудрявой головой;
То, вдруг всю ткань чудесно распустивши,
Как призрак, исчезала в ней;
То, перст к устам и голову склонивши,
Огнем задумчивых очей
Задумчивость на сердце наводила.
Вдруг... покрывало подняла...
Трижды им куда-то поманила...
И скрылася... как не была!
Вотще продлить хотелось упоенье...
Не возвратилась она;
Лишь грустию по милом привиденье
Душа осталась полна.

НОЧЬ

Уже утомившийся день
Склонился в багряные воды,
Темнеют лазурные своды,
Прохладная стелется тень;
И ночь молчаливая мирно
Пошла по дороге эфирной,
И Геспер летит перед ней
С прекрасной звездою своей.

Сойди, о небесная, к нам
С волшебным твоим покрывалом,
С целебным забвенья фиалом.
Дай мира усталым сердцам.
Своим миротворным явленьем,
Своим усыпительным пенем
Томимую душу тоской,
Как мать дитя, успокой.

* * *

Я Музу юную, бывало,
 Встречал в подлунной стороне,
 И Вдохновение летало
 С небес, незванное, ко мне;
 На все земное наводило
 Животворящий луч оно —
 И для меня в то время было
 Жизнь и Поэзия одно.

Но дарователь песнопений
 Меня давно не посещал;
 Бывалых нет в душе видений,
 И голос арфы замолчал.
 Его желанного возврата
 Дождаться ль мне когда опять?
 Или навек моя утрата
 И вечно арфе не звучать?

Но все, что от времен прекрасных,
 Когда он мне доступен был,
 Все, что от милых темных, ясных
 Минувших дней я сохранил —
 Цветы мечты уединенной
 И жизни лучшие цветы, —
 Кладу на твой алтарь священный,
 О Гений чистой красоты!

Не знаю, светлых вдохновений
 Когда воротится чреда, —

Но ты знаком мне, чистый Гений!
И светит мне твоя звезда!
Пока еще ее сиянье
Душа умеет различать:
Не умерло очарованье!
Былое сбудется опять.

ТАИНСТВЕННЫЙ ПОСЕТИТЕЛЬ

Кто ты, призрак, гость прекрасный?
К нам откуда прилетал?
Безответно и безгласно
Для чего от нас пропал?
Где ты? Где твое селенье?
Что с тобой? Куда исчез?
И зачем твое явленье
В поднебесную с небес?

Не Надежда ль ты молодая,
Приходящая порой
Из неведомого края
Под волшебной пеленой?
Как она, неумолимо
Радость милую на час
Показал ты, с нею мимо
Пролетел и бросил нас.

Не Любовь ли нам собою
Тайно ты изобразил?..
Дни любви, когда одною
Мир для нас прекрасен был,
Ах! тогда сквозь покрывало
Неземным казался он...
Снят покров; любви не стало;
Жизнь пуста, и счастье — сон.

Не волшебница ли Дума
Здесь в тебе явилась нам?
Удаленная от шума
И мечтательно к устам

Приложивши перст, приходит
К чам, как ты, она порой
И в минувшее уводит
Нас безмолвно за собой.

Иль в тебе сама святая
Здесь Поэзия была?..
К нам, как ты, она из рая
Два покровов принесла:
Для небес лазурно-ясный,
Чистый, белый для земли:
С ней все близкое прекрасно;
Все знакомо, что вдали.

Иль Предчувствие сходило
К нам во образе твоём
И понятно говорило
О небесном, о святом?
Часто в жизни так бывало:
Кто-то светлый к нам летит,
Подымает покрывало
И в далекое манит.

МОТЫЛЕК И ЦВЕТЫ

Поляны мирной украшение,
Благоуханные цветы,
Минутное изображение
Земной, минутной красоты;
Вы равнодушно расцветаете,
Глядяся в воды ручейка,
И равнодушно упрекаете
В непостоянстве мотылька.

Во дни весны с востока ясного,
Младой денницей пробужден,
В пределы бытия прекрасного
От высоты спустился он.
Исполненный воспоминанием
Небесной, чистой красоты,

Он вашим радостным сиянием
Пленился, милые цветы.

Он мнил, что вы с ним однородные
Переселенцы с вышины,
Что вам, как и ему, свободные
И крылья и душа даны;
Но вы к земле, цветы, прикованы;
Вам на земле и умереть;
Глаза лишь вами очарованы,
А сердца вам не разогреть.

Не рождены вы для внимания;
Вам непонятен чувства глас;
Стремишься к вам без упования;
Без горя забываешь вас.
Пускай же к вам, резвясь, ласкается,
Как вы, минутный ветерок;
Иною прелестью пленяется
Бессмертья вестник мотылек...

Но есть меж вами два избранные,
Два ненадменные цветка:
Их имена, им сердцем данные,
К ним привлекают мотылька.
Они без пышного сияния;
Едва приметны красотой:
Один есть цвет воспоминания,
Сердечной думы цвет другой.

О милое воспоминание
О том, чего уж в мире нет!
О дума сердца — упование
На лучший, неизменный свет!
Блажен, кто вас среди губящего
Волненья жизни сохранил
И с вами низость настоящего
И пренебрег и позабыл.

* * *

Был у меня товарищ,
Уж прямо брат родной.
Ударили тревогу,
С ним дружным шагом, в ногу
Пошли мы в жаркий бой.

Вдруг свистнула картеча...
Кого из нас двоих?
Меня промчалось мимо;
А он... лежит, родимый,
В крови у ног моих.

Пожать мне хочет руку...
Нельзя, кладу заряд.
В той жизни, друг, сочтемся;
И там, когда сойдемся,
Ты будь мне верный брат.

СОЛНЦЕ И БОРЕЙ

Солнцу раз сказал Борей:
 «Солнце, ярко ты сияешь!
 Ты всю землю оживляешь
 Теплотой своих лучей!..
 Но сравнишься ль ты со мною?
 Я сто раз тебя сильнее!
 Захочу — пущусь, завою
 И в минуту мраком туч
 Потемню твой яркий луч.
 Всей земле свое сиянье
 Ты без шума раздаешь,
 Тихо на небо взойдешь,
 Продолжаешь путь в молчанье,
 И закат спокоен твой!
 Мой обычай не такой!
 С ревом, свистом я летаю,
 Всем верчу, все возмущаю,
 Все дрожит передо мной!
 Так не я ли царь земной?..
 И труда не будет много
 То на деле доказать!
 Хочешь власть мою узнать?
 Вот, гляди: большой дорогой
 Путешественник идет;
 Кто скорей с него сорвет
 Плащ, которым он накрылся,
 Ты иль я?..» И вмиг Борей
 Всею силою своей,

Как неистовый, пустился
С путешественником в бой.
Тянет плащ с него долой.
Но напрасно он хлопочет...
Путешественник вперед
Все идет себе, идет,
Уступить никак не хочет
И плаща не отдает.
Наконец Борей в досаде
Замолчал; и вдруг из туч
Показало Солнце луч,
И при первом Солнца взгляде,
Оживленный теплотой,
Путешественник по воле
Плащ, ему не нужный боле,
Снял с себя своей рукой.
Солнце весело блеснуло
И сопернику шепнуло:
«Безрассудный мой Борей!
Ты расхвастался напрасно!
Видишь: злобы самовластной
Милость кроткая сильнее!»

УМИРАЮЩИЙ ЛЕБЕДЬ

День уж к вечеру склонялся,
Дряхлый лебедь умирал.
Он в тени дерев лежал,
Тихо с жизнью прощался
И при смерти сладко пел.
И над ним сидел уныло
Голубочек сизокрылый,
Слушал пение, смотрел,
Как покойно он кончался,
И грустил и восхищался.
«Что глядишь на старика?» —
Так спросила голубка
Легкомысленная утка.
«Ах! для сердца и рассудка
Смерть его — святой урок! —
Отвечал ей голубок. —

Слышишь, как он сладкогласно
При конце своем поет!
Кто на свете жил прекрасно,
Тот прекрасно и умрет!»

ПРИНОШЕНИЕ

Тому, кто *арфою* чудесный мир творит!
Кто таинства *покров* с Создания снимает,
Минувшее животворит
И будущее предreshает!

К ГЕТЕ

Творец великих вдохновений!
Я сохраню в душе моей
Очарование мгновений,
Столь счастливых в близи твоей!

Твое вечернее сиянье
Не о закате говорит!
Ты юноша среди созданья!
Твой гений, как творил, творит.

Я в сердце уношу надежду
Еще здесь встретиться с тобой:
Земле знакомую одежду
Не скоро скинет *гений* твой.

В далеком полуночном свете
Твоею Музою я жил.
И для меня мой *гений Гете*
Животворитель жизни был!

Почто судьба мне запретила
Тебя узреть в моей весне?
Тогда душа бы воспалила
Свой пламень на твоём огне.

Тогда б вокруг меня созданся
Иной, чудесно-пышный свет;
Тогда б и обо мне остался
В потомстве слух: он был поэт!

ВИДЕНИЕ

Блеском утра озаренный,
 Светоносный, окрыленный,
 Ангел встретился со мной:
 Взор его был грустно-ясен,
 Лик задумчиво-прекрасен;
 Над главою молодой
 Кудри легкие летали,
 И короною сияли
 Розы белые на ней;
 Снега чистого белей
 На плечах была одежда;
 Он был светел, как надежда,
 Как покорность небу, тих;
 И на крылиих живых —
 Как с приветственного берега
 Голубь древнего ковчега
 С веткой мира — он летел...
 С чем летел? куда?.. Я знаю!
 Добрый путь! благословляю,
 Божий ангел, твой удел.
 Ждут тебя; твое явленье
 Будет там, как провиденье,
 Откровенное очам;
 Сиротство увидишь там,
 Младость плачущую встретишь
 И скорбящую любовь
 И для них надеждой вновь
 Опустелый мир осветишь...

С нами был твой чистый брат;
Срок земной его свершился,
Он с землею навек простился,
Он опять на небо взят;
Ты им дан за их утрату;
Твой черед — благотворить
И отозванному брату
На земле заменой быть.

СМЕРТНЫЙ И БОГИ

Клеанту ум вскружил Платон.
 Мечтал ежеминутно он
 О той гармонии светил,
 О коей мудрый говорил.
 И стал Зевеса он молить
 Хотя минуту усладить
 Его сим таинством небес!..
 «Несчастный! — отвечал Зевес. —
 О чем ты молишь? Смертным, вам
 Внимать не должно небесам,
 Пока вы жители земли!»
 Но он упорствовал: *«Внемли!
 Отец, тебя твой молит сын!»*
 И неба мощный властелин
 Безумной просьбе уступил
 И слух безумцу отворил;
 И стал внимать он небесам,
 Но что ж слышалось там?..
 Земных промов стозвучный стук,
 Всех молний свист, из мощных рук
 Зевеса льющихся на нас,
 Всех яростных орканов глас
 Слабей жужжанья мошки был
 Пред сей гармонией светил!
 Он побледнел, он в прах упал.
*«О, что ты мне услышать дал?
 То ль небеса твои, отец?..»*
 И рек Зевес: «Смирись, слепец!

И знай: доступное богам
Вовеки недоступно вам!
Ты слышишь бурю прозных сил..
А я — гармонию светил».

НОМЕР

Веки идут, и веки уходят, а пенье Гомера
Все раздается, и свеж, вечен Гомеров венец.
Долго думав, природа вдруг создала и, создавши,
Молвила так: одного будет Гомера земле!

* * *

Некогда муз угостил у себя Геродот дружелюбно!
Каждая муза ему книгу оставила в дар.

ДВЕ ЗАГАДКИ

I

Не человеческими руками
 Жемчужный разноцветный мост
 Из вод построен над водами.
 Чудесный вид! огромный рост!
 Раскинув паруса шумящи,
 Не раз корабль под ним проплыл;
 Но на хребет его блестящий
 Еще никто не восходил!
 Идешь к нему — он прочь стремится
 И в то же время недвижим;
 С своим потоком он рождается
 И вместе исчезает с ним.

II

На пажити необозримой,
 Не убавляясь никогда,
 Скитаются неисчислимо
 Сереброрунные стада.
 В рожок серебряный играет
 Пастух, приставленный к стадам:
 Он их в златую дверь впускает
 И счет ведет им по ночам.
 И, недочета им не зная,
 Пасет он их давно, давно,
 Стада поит вода живая,
 И умирать им не дано.
 Они одной дорогой бродят

Под стражей пастырской руки,
И юноши их там находят,
Где находили старики;
У них есть вождь — *Овен* прекрасный,
Их сторожит огромный *Пес*,
Есть *Лев* меж ними неопасный
И *Дева* — чудо из чудес.

ЗАМОК НА БЕРЕГУ МОРЯ

«Ты видел ли замок на берегу морском?
Ипрают, сияют над ним облака;
Лазурное море прекрасно кругом».

«Я замок тот видел на берегу морском;
Сияла над ним одиноко луна;
Над морем клубился холодный туман».

«Шумели ль, плескали ль морские валы?
С их шумом, с их плеском сливался ли глас
Веселого пенья, торжественных струн?»

«Был ветер спокоен; молчала волна;
Мне слышалась в замке печальная песнь;
Я плакал от жалобных звуков ее».

«Царя и царицу ты видел ли там?
Ты видел ли с ними их милую дочь,
Младую, как утро весеннего дня?»

«Царя и царицу я видел... Вдвоем
Безгласны, печальны сидели они;
Но милой их дочери не было там».

ПРИХОД ВЕСНЫ

Зелень нивы, рощи лепет,
В небе жаворонка трепет,
Теплый дождь, сверканье вод, —
Вас назвавши, что прибавить?
Чем иным тебя прославить,
Жизнь души, весны приход?

Милостивая государыня Александра Иосифовна!

Честь имею препроводить с моим человеком,
Федором, к вашему превосходительству данную вами
Книгу мне для прочтения, записки французской известной
Вам герцогини Абрантес. Признаться, прекрасная книжка!
Дело, однако, идет не об этом. Эту прекрасную книжку
Я спешу возвратить вам по двум причинам: во-первых,
Я уж ее прочитал; во-вторых, столь несчастно навлекши
Гнев на себя ваш своим непристойным вчера поведением,
Я не дерзаю более думать, чтоб было возможно
Мне, преховоднику, ваши удерживать книги. Прошу вас,
Именем дружбы, прислать мне, сделать
Милость мне, недостойному псу, и сказать мне, прошла ли
Ваша холера и что мне, собаке, свиной образине,
Надобно делать, чтоб грех свой проклятый загладить

и снова

Милость вашу к себе заслужить? О царь мой небесный!
Я на все решиться готов! Прикажете ль — кожу
Дам содрать с своего благородного тела, чтоб сшить вам
Дюжину теплых калошей, дабы, гуляя по травке,
Ножек своих замочить не могли вы? Прикажете ль — уши
Дам отрезать себе, чтоб, в летнее время хлопущей
Вам усердно служа, колотили они дерзновенных
Мух, досаждающих вам, недоступной, своею любовью
К вашему смуглому личику? Должно, однако, признаться:
Если я виноват, то не правы и вы. Согласитесь
Сами, было ль за что вам вчера всколыхаться, подобно
Бурному Черному морю? И сколько слов оскорбительных
с ваших

Уст, размалеванных богом любви, смертоносной картечью
Прямо на сердце мое налетело! И очи ваши, как русские
пушки,

Страшно палили, и я, как мятежный поляк, был из вашей,
Мне благосклонной доньине, обители выгнан! Скажите ж,
Долго ль изгнание продлится?.. Мне сон привиделся
чудный!

Мне показалось, будто сам дьявол (чтоб черт его побрал)
В лапы меня ухватил, да и в рот, да и начал, как репу,

Грызть и жевать — изжевал, да и плюнул. Что же случилось?
Только что выплюнул дьявол меня — беда миновалась,
Стал по-прежнему я Василий Андреич Жуковский,
Вместо дьявола был предо мной дьяволенок небесный...
Пользуюсь случаем сим, чтоб опять изъяснить перед вами
Чувства глубокой, сердечной преданности, с коей пребуду
Вечно вашим покорным слугою, *Василий Жуковский.*

МЕЧТА

Всем владеет обаянье!
Все покорствуем ему!
Очарованным покровом
Облачает мир оно;
Сей покров непроницаем
Для затменных наших глаз;
Сам спадет он. С упованьем,
Смертный, жди, не испытуй.

* * *

Поэт наш прав: альбом — кладбище,
В нем племя легкое певцов
Под легкой пеленой стихов
Находит верное жилище.

И добровольным мертвецом
Я, Феба чтитель недостойный,
Певец давно уже покойный,
Спешу зарыться в ваш альбом.

Вот надпись: старожил московский,
Мучитель струн, гроза ушей,
Певец чертей
Жуковский

В альбоме сем похоронен;
Уютным местом погребенья
Весьма, весьма доволен он
И не желает воскресенья.

Нет, не прошла, певец наш вечно юный,
Твоя пора: твой гений бодр и свеж;
Ты пробудил давно молчавши струны,
И звуки нас пленили те ж.

Нет, никогда ничтожный прах забвенья
Твоим струнам коснуться не дерзнет;
Невидимо их Гений вдохновенья,
Всегда крылатый, стережет.

Державина струнам родные, пели
Они дела тех чудных прошлых лет,
Когда везде мы битвами гремели
И битвам тем дивился свет.

Ты нам воспел, как «буйные Титаны,
Смутившие Астреи нашей дни,
Ее орлом низринуты, попранны;
В прах! в прах! рекла... и где они?»

И ныне то ж, певец двух поколений,
Под сединой ты третьему поешь
И нам, твоих питомцам вдохновений,
В час славы руку подаешь.

Я помню дни — магически мечтою
Был для меня тогда разубран свет —
Тогда, явясь, сорвал передо мною
Покров с поэзии поэт.

С задумчивым, безмолвным умилением
Твой голос я подслушивал тогда
И вопрошал судьбу мою с волнением:
«Наступит ли и мне чреда?»

О! в эти дни, как райское виденье,
Был с нами он, теперь уж не земной,
Он, для меня живое провиденье,
Он, с юности товарищ твой.

О! как при нем все сердце разгоралось!
Как он для нас всю землю украшал!
В младенческой душе его, казалось,
Небесный ангел обитал...

Лежит венец на мраморе могилы;
Ей молится России верный сын;
И будит в нем для дел прекрасных силы
Святое имя: *Карамзин*.

А ты цветы, певец, наш вдохновитель,
Младый душой под снегом старых дней;
И долго будь нам в старости учитель,
Как был во младости своей.

ОРЕЛ И ГОЛУБКА

Басня

С утеса молодой орел
Пустился на добычу;
Стрелок пронзил ему крыло,
И с высоты упал
Он в маслячную фощу.
Там он томился
Три долгих дня,
Три долгих ночи
И содрогался
От боли; наконец
Был исцелен
Живительным бальзамом
Всеисцеляющей природы.
Влекомый хищничеством смелым,
Приют покинув свой,
Он хочет крылья испытать...
Увы! они едва
Его поднимают от земли,
И он в унынии глубоком
Садится отдохнуть
На камне у ручья;
Он смотрит на вершину дуба,
На солнце, на далекий
Небесный свод,
И в пламенных его глазах
Сверкают слезы.

Поблизости, между олив,
Крылами тихо вея,
Летали голубь и голубка.
Они к ручью спустились
И там по золотому
Песку гуляли вместе.
Вода кругом
Пурпурными глазами,
Голубка наконец
Приметила сидящего в безмолвном
Унынии орла.
Она товарища тихонько
Крылом толкнула;
Потом, с участием сердечным
Взглянувши на страдальца,
Ему сказала:
«Ты унываешь, друг;
О чем же? Оглянись, не все ли,
Что нам для счастья
Простого нужно,
Ты здесь имеешь?
Не дышат ли вокруг тебя
Благоуханием оливы?
Не защищают ли зеленой
Прозрачной сению своей
Они тебя от зноя?
И не прекрасно ль блещет
Здесь вечер золотой
На мураве и на игривых
Струях ручья?
Ты здесь гуляешь по цветам,
Покрытым свежою росой;
Ты можешь пищу
Сбирать с кустов и жажду
В струях студеных утолять.
О друг! поверь,
Умеренность прямое счастье;
С умеренностью мы
Везде и всем довольны». —
«О мудрость! — прошептал орел,
В себя сурово погрузившись, —
Ты рассуждаешь, как голубка».

Д. В. ДАВЫДОВУ,
ПРИ ПОСЫЛКЕ ИЗДАНИЯ
«ДЛЯ НЕМНОГИХ»

Мой друг, усастый воин,
Вот рукопись твоя;
Промедлил, правда, я,
Но, право, я достоин,
Чтоб ты меня простил!
Я так завален был
Бездельными делами,
Что дни вослед за днями
Бежали на рысях,
А я и знать не знаю,
Что делал в этих днях.
Все кончив, посылаю
Тебе твою тетрадь;
Сердитый лоб разгладь
И выговоров строгих
Не шли ко мне, Денис!
Терпеньем ополчись
Для чтенья рифм убогих
В журнале «Для немногих».
В нем много пустоты;
Но, друг, суди не строго,
Ведь из *немногих* ты
Таков, каких *немного*.
Спи, ешь и объезжай
Коней четвероногих,
Как хочешь — только знай,
Что я, друг, как *не многих*
Люблю тебя. — Прощай.

НОЧНОЙ СМОТР

В двенадцать часов по ночам
 Из гроба встает барабанщик;
 И ходит он взад и вперед,
 И бьет он проворно тревогу.
 И в темных гробах барабан
 Могучую будит пехоту:
 Встают молодцы егеря,
 Встают старики гренадеры,
 Встают из-под русских снегов,
 С роскошных полей италийских,
 Встают с африканских степей,
 С горючих песков Палестины.

В двенадцать часов по ночам
 Выходит трубач из могилы;
 И скачет он взад и вперед,
 И громко трубит он тревогу.
 И в темных могилах труба
 Могучую конницу будит:
 Седые гусары встают,
 Встают усачи кирасиры;
 И с севера, с юга летят,
 С востока и с запада мчатся
 На легких воздушных конях
 Один за другим эскадроны.

В двенадцать часов по ночам
 Из гроба встает полководец;

На нем сверх мундира сюртук;
Он с маленькой шляпой и шпагой;
На старом коне боевом
Он медленно едет по фрунту:
И маршалы едут за ним,
И едут за ним адъютанты;
И армия честь отдает.
Становится он перед нею;
И с музыкой мимо его
Проходят полки за полками.

И всех генералов своих
Потом он в кружок собирает,
И ближнему на ухо сам
Он шепчет пароль свой и лозунг;
И армии всей отдают
Они тот пароль и тот лозунг:
И *Франция* — тот их пароль,
Тот лозунг — *Святая Елена*.
Так к старым солдатам своим
На смотр генеральный из проба
В двенадцать часов по ночам
Встает император усопший.

ЕРМОЛОВУ

Жизнь чудная его в потомство перейдет:
Делами славными она бессмертно дышит.
Захочет — о себе, как Тацит, он напишет
И лихо летопись свою переплетет.

**〈ИЗ АЛЬБОМА, ПОДАРЕННОГО
ГРАФИНЕ РОСТОПЧИНОЙ〉**

РОЗА

Утро одно — и роза поблекла; напрасно, о дева,
Ищешь ее красоты; иглы одни ты найдешь.

ЛАВР

Вы, обуянные Вакхом, певцы Афродитиных оргий,
Бойтесь коснуться меня: девственны ветви мои.
Дафной я был. От объятий любящего бога
Лавром дева спаслась. Чтите мою чистоту.

НАДГРОБИЕ ЮНОШЕ

Плавал, как все вы, и я по волнам ненадежныя жизни.
Имя мое Аноним. Скоро мой кончился путь.
Буря внезапно восстала; хотел я противиться буре,
Юный, бессильный пловец; волны умчали меня.

ГОЛОС МЛАДЕНЦА ИЗ ГРОБА

Матерь Илифа и матерь Земля одни благосклонны
Были минуту мне. Та помогла мне жизнь получить,
Тихо другая покрыла меня; ничего остального —
Кто я, откуда, куда — жизнь не поведала мне.

МЛАДОСТЬ И СТАРОСТЬ

О веселая младость! о печальная старость!
Та — поспешно от нас! эта — стремительно к нам!

Фидий

Фидий — иль сам громовержец в тебе нисходил от Олимпа,
Или взлетал на Олимп сам ты его посетить!

СУДЬБА

С светлой главой, на тяжких свинцовых ногах между нами
Ходит судьба! Человек, прямо и смело иди!
Если, ее повстречав, не потупишь очей и спокойным
Оком ей взглянешь в лицо — сам просветлеешь лицом;
Если ж, испуганный ею, пред нею падешь ты — наступит
Тяжкой ногой на тебя, будешь затоптан в грязи!

ЗАВИСТНИК

Завистник ненавидит
Любимое богами;
Безумец, он в раздоре
С любящими богами;
Из всех цветов прекрасных
Он пьет одну отраву.
О! как любить мне сладко
Любимое богами!

(А. С. ПУШКИН)

Он лежал без движенья, как будто по тяжелой работе
Руки свои опустив. Голову тихо склоня,
Долго стоял я над ним, один, смотря со вниманьем
Мертвому прямо в глаза; были закрыты глаза,
Было лицо его мне так знакомо, и было заметно,
Что выражалось на нем, — в жизни такого
Мы не видали на этом лице. Не горел вдохновенья
Пламень на нем; не сиял острый ум;
Нет! Но какою-то мыслью, глубокой, высокою мыслью
Было объято оно: мнилось мне, что ему
В этот миг предстояло как будто какое виденье,
Что-то сбывалось над ним, и спросить мне хотелось:
что видишь?

* * *

Плачь о себе: *твое* мы счастье схоронили;
 Ее ж на родину из чужи проводили.
 Не для земли *она* назначена была.
 Прямая жизнь ее теперь лишь началась —
 Она уйти от нас спешила и рвалась,
 И здесь в свой краткий век два века прожила.
 Высокая душа так много *вдруг* узнала,
 Так много тайного небес вдруг поняла,
 Что для нее земля темницей душевной стала,
 И смерть ей выкупом из тяжких уз была.
 Но в миг святой, как дочь навек смежила вежды,
 В отца проникнул вдруг день веры и надежды...

* * *

Ведая прошлое, видя грядущее, скальд вдохновенный
 Сладкие песни поет в вечнозеленом венце,
 Он раздает лишь достойным награды рукой неподкупной —
 Славный великий удел выпал ему на земле.
 Силе волшебной возвышенных песней покорствуют гробы,
 В самом прахе могил ими герои живут.

ЛЮБОВЬ

На воле природы,
 На луге душистом,
 В цветущей долине,
 И в пышном чертоге,

И в звездном блистанье
Безмолвные ночи —
Дышу лишь тобою.
Глубокую сладость,
Глубокое пламя
В меня ты вливаешь.
В весне животворной,
В цветах благовонных
Меня ты объемлешь
Спокойствием неба,
Святая любовь!

ТОСКА

Младость легкая порхает
В свежем радости венке,
И прекрасно перед нею
Жизнь цветами убрана.
Для меня ж в благоуханье
Упоительной весны —
Несказанное волненье,
Несказанная тоска.
Сердце мукой безымянной
Все проникнуто насквозь,
И меня отсель куда-то
Все зовет какой-то глас.

СТРЕМЛЕНИЕ

Часто, при тихом сиянии месяца, полная тайной
Грусти, сижу я одна и вздыхаю и плачу, и душу
Вдруг обнимает мою содроганье блаженства; живая,
Свежая, чистая жизнь приливает к душе, и глазами
Вижу я то, что в гармонии струн лишь дотоле таилось,
Вижу незнаемый край, и мне сквозь лазурное небо
Светится издали радостно, ярко звезда упования.

СЕЛЬСКОЕ КЛАДБИЩЕ¹

Элегия

(Второй перевод из Грея)

Колокол поздний кончину отшедшего дня возвещает;
 С тихим блеяньем бредет через поле усталое стадо;
 Медленным шагом домой возвращается пахарь, уснувший
 Мир уступая молчанью и мне. Уж бледнеет окрестность,
 Мало-помалу теряясь во мраке, и воздух наполнен
 Весь тишиною торжественной: изредка только промчится
 Жук с усыпительно-тяжким жужжаньем

да рог отдаленный,

Сон наводя на стада, порою невнятно раздастся;
 Только с вершины той пышно плющем украшенной башни
 Жалобным криком сова пред тихой луной обвиняет
 Тех, кто, случайно зашедши к ее гробовому жилищу,
 Мир нарушают ее безмолвного древнего царства.
 Здесь под навесом нагнувшихся вязов, под свежую тенью
 Ив, где зеленым дерном могильные холмы покрыты,
 Каждый навек затворяся в свою одинокую келью,
 Спят непробудно смиренные предки села. Ни веселый

¹ Греева элегия переведена мною в 1802 году и напечатана в «Вестнике Европы», который в 1802 и 1803 г(одах) был издаваем Н. М. Карамзиным. Это мое *первое напечатанное* стихотворение. Оно было посвящено тогда Андрею Ивановичу Тургеневу. Находясь, в мае месяце 1839 года, в Виндзоре, я посетил кладбище, подавшее Грею мысль написать его элегию (оно находится в деревне Stock Poges, неподалеку от Виндзора); там я перечитал прекрасную Грееву поэму и вздумал снова перевести ее, как можно ближе к подлиннику. Этот второй перевод, почти через сорок лет после первого, посвящаю Александру Ивановичу Тургеневу в знак нашей с тех пор продолжающейся дружбы и в воспоминание о его брате. (Прим. Жуковского.)

Голос прохладно-душистого утра, ни ласточки ранней
С кровли соломенной трель, ни труба петуха, ни отзывный
Рог, ничто не подымет их боле с их бедной постели.
Яркий огонь очага уж для них не зажжется: не будет
Их вечеров услаждать хлопотливость хозяйки; не будут
Дети тайком к дверям подбегать, чтоб подслушать,

нейдут ли

С поля отцы, и к ним на колена тянуться, чтоб первый
Прежде других схватить поцелуй. Как часто серпам их
Нива богатство свое отдавала; как часто их острый
Плуг побеждал упорную глыбу; как весело в поле
К трудной работе они выходили; как звучно топор их
В лесе густом раздавался, рубя вековые деревья!
Пусть издевается гордость над их полезною жизнью,
Низкий удел и семейственный мир поселян презирая;
Пусть величие с хладной насмешкой читает простую
Летопись бедного; знатность породы,

могущества пышность,

Все, чем блесит красота, чем богатство пленяет, все будет
Жертвой последнего часа: ко гробу ведет нас и слава.
Кто обвинит их за то, что над прахом смиренным

их память

Пышных гробниц не воздвигла; что в храмах,

по сводам высоким,

В блеске торжественном свеч, в благовонном дыму фимиама,
Им похвала не гремит, повторенная звучным органом?
Надпись на урне иль дышащий в мраморе лик не воротят
В прежнюю область ее отлетевшую жизнь, и хвалебный
Голос не тронет безмолвного праха, и в хладно-немое
Ухо смерти не вкрадется сладкий ласкательства лепет.
Может быть, здесь, в могиле, ничем не заметной, истлело
Сердце, огнем небесным некогда полное; стала
Прахом рука, рожденная скипетр носить иль восторга
Пламень в живые струны вливать. Но наука пред ними
Свитков своих, богатых добычей веков, не раскрыла,
Холод нужды умертвил благородный их пламень, и сила
Гением полной души их бесплодно погибла навеки.
О! как много чистых, прекрасных жемчужин сокрыто
В темных, неведомых нам глубинах океана! Как часто
Цвет рождается на то, чтоб цвести незаметно и сладкий
Запах терять в беспредельной пустыне! Быть может,
Здесь погребен какой-нибудь Гампден незнаемый, грозный

Мелким тиранам села, иль Мильтон немой и неславный,
Или Кромвель, неповинный в крови сограждан.

Всемогущим
Словом сенат покорять, бороться с судьбою, обилье
Щедрую сыпать рукой на цветущую область и в громких
Плесках отечества жизнь свою слышать — то рок
запретил им;

Но, ограничив в добре их, равно и во зле ограничил:
Не дал им воли стремиться к престолу стезею убийства,
Иль затворять милосердия двери пред страждущим братом,
Или, коварствуя, правду таить, иль стыда на ланитах
Чистую краску терять, иль срамить вдохновение святое,
Гласом поэзии славя могучий разврат и фортуна.
Чуждые смут и волнений безумной толпы, из-за тесной
Грани желаньям своим выходить запрещая, вдоль свежей,
Сладко-бесшумной долины жизни они тихомолком
Шли по тропинке своей, и здесь их приют безмятежен.
Кажется, слышишь, как дышит кругом их спокойствие
неба,

Все тревоги земные смиряя, и, мнится, какой-то
Сердце объемлющий голос, из тихих могил подымаясь,
Здесь разликает предчувствие вечного мира. Чтоб праха
Мертвых никто не обидел, надгробные камни с простою
Надписью, с грубой резьбою прохожего молят почтить их
Вздохом минутным; на камнях рука неграмотной музы
Их имена и лета написала, кругом начертавши,
Вместо надгробий, слова из святого писанья, чтоб скромный
Сельский мудрец по ним умирать научался. И кто же,
Что в добычу немому забвению эту земную,
Милую, смутную жизнь предавал и с цветущим пределом
Радостно-светлого дня расставался, назад не бросая
Долгого, томного, грустного взгляда? Душа, удаляясь,
Хочет на нежной груди отдохнуть, и очи, темнея,
Ищут прощальной слезы; из могилы нам слышен знакомый
Голос, и в нашем прахе живет бывалое пламя.
Ты же, заботливый друг погребенных без славы, простую
Повесть об них рассказавший, быть может кто-нибудь,
сердцем

Близкий тебе, одинокой мечтою сюда приведенный,
Знать пожелает о том, что случилось с тобой,
и, быть может,
Вот что расскажет ему о тебе старожил поседелый:

«Часто видали его мы, как он на рассвете поспешным
Шагом, росу отряхая с травы, всходил на пригорок
Встретить солнце; там, на мшистом, изгибистом корне
Старого вяза, к земле приклонившего ветви, лежал он
В полдень и слушал, как ближний ручей журчит, извиваясь;
Вечером часто, окончив дневную работу, случалось
Нам видать, как у входа в долину стоял он, за солнцем
Следуя взором и слушая зяблицы позднюю песню;
Также не раз мы видали, как шел он вдоль леса с какой-то
Грустной улыбкой и что-то шептал про себя, наклонивши
Голову, бледный лицом, как будто оставленный целым
Светом и мучимый тяжкою думой или безнадежным
Горем любви. Но однажды поутру его я не встретил,
Как бывало, на хólме, и в полдень его не нашел я
Подле ручья, ни после, в долине; прошло и другое
Утро и третье; но он не встречался нигде, ни на хólме
Рано, ни в полдень подле ручья, ни в долине
Вечером. Вот мы однажды поутру печальное пенье
Слышим: его на кладбище несли. Подойди; здесь на камне,
Если умеешь, прочтешь, что о нем тогда написали:
*Юноша здесь погребен, неведомый счастьем и славе;
Но при рожденье он был небесною музой присвоен,
И меланхолия знаки свои на него положила.
Был он душой откровенен и добр, его наградило
Небо: несчастным давал, что имел он, — слезу; и в награду
Он получил от неба самое лучшее — друга.
Путник, не трогай покоя могилы: здесь все, что в нем было
Некогда доброго, все его слабости робкой надеждой
Преданы в лоно благого отца, правосудного бога».*

БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА

Русский царь созвал дружины
Для великой годовщины
На полях Бородина.
Там земля окрещена:
Кровь на ней была святая;
Там, престол и Русь спасая,
Войско целое легло
И престол и Русь спасло.

Как ярилась, как кипела,
Как пылала, как гремела
Здесь народная война
В страшный день Бородина!
На полки полки бросались,
Холмы в громах загорались,
Бомбы падали дождем,
И земля тряслась кругом.

А теперь пора иная:
Благовонно-золотая
Жатва блещет по холмам;
Где упорней бились, там
Мирных инокинь обитель;¹
И один остался зритель
Сих кипевших бранью мест,
Всех решитель браней — крест.

И на пир поминовенья
Рать другого поколенья
Новым, славным уж царем
Собрана на месте том,
Где предместники их бились,
Где столь многие свершились
Чудной храбрости дела,
Где земля их прах взяла.

Так же рать числом обильна;
Так же мужество в ней сильно;
Те ж орлы, те ж знамена
И полков те ж имена...
А в рядах другие стали;
И серебряной медали,
Прежним данной ей царем,
Не видать уж ни на ком.

¹ Спасо-Бородинский монастырь, основанный близ села Семёновского вдовою генерала А. А. Тучкова на той батарее, где он убит, сражаясь храбро. Тело его не было отыскано. Все кости, найденные на сем месте, были зарыты в одну могилу, над которою теперь возвышается церковь, и в этой церкви гробница Тучкова. (Прим. Жуковского.)

И вождей уж прежних мало:
Много в день великий пало
На земле Бородина;
Позже тех взяла война;
Те, свершив в Париже тризну
По Москве и рать в отчизну
Проводивши, от земли
К храбрым братьям отошли.

Где Смоленский, вождь спасенья?
Где герой, пример смиренья,
Введший рать в Париж Барклай?
Где, и свой и чуждый край
Дерзкой бодростью дививший
И под старость сохранивший
Все, что в молодости есть,
Коновницын, ратных честь?

Неподкупный, неизменный,
Хладный вождь в грозе военной,
Жаркий сам подчас боец,
В дни спокойные мудрец,
Где Раевский? Витязь Дона,
Русской рати оборона,
Неприятелю аркан,
Где наш Вихорь-атаман?

Где наездник, вождь летучий,
С кем врагу был страшной тучей
Русских тыл и авангард,
Наш Роланд и наш Баярд,
Милорадович? Где славный
Дохтуров, отвагой равный
И в Смоленске на стене
И в святом Бородине?

И других взяла судьбина:
В бое зрев погибель сына,
Рано Строганов увял;
Нет Сен-При; Ланской наш пал;
Кончил Тормасов; могила
Неверовского сокрыла;

В гробе старец Ланжерон;
В гробе старец Бенингсон.

И боец, сын Аполлонов...
Мнил он гроб Багратионов
Проводить в Бородино...
Той награды не дано:
Вмиг Давыдова не стало!
Сколько славных с ним пропало
Боевых преданий нам!
Как в нем друга жаль друзьям!

И тебя мы пережили,
И тебя мы схоронили,
Ты, который трон и нас
Твердым царским словом спас,
Вождь вождей, царей диктатор,
Наш великий император,
Мира светлая звезда,
И твоя пришла чреда!

О година русской славы!
Как теснились к нам державы!
Царь наш с ними к чести шел!
Как спасительно он ввел
Рать Москвы к врагам в столицу!
Как незлобно он десницу
Протянул врагам своим!
Как гордился русский им!

Вдруг... от всех честей далеко,
В бедном крае, одиноко, —
Перед плачущей женой,
Наш владыка, наш герой,
Гаснет царь благословенный;
И за гробом сокрушенно,
В погребальный слившись ход,
Вся империя идет.

И *его* как не бывало,
Перед кем все трепетало!..
Есть далекая скала;
Вкруг скалы — морская мгла;

С морем степь слилась другая,
Бездна неба голубая;
К той скале путь загражден...
Там зарыт Наполеон.

Много с тех времен, столь чудных,
Дней блистательных и трудных
С новым зрели мы царем;
До Стамбула русский гром
Был доброшен по Балкану;
Миром мстили мы султану;
И вскатил на Арарат
Пушки храбрый наш солдат.

И все царство Митридата
До подошвы Арарата
Взял наш северный Аякс;
Русской гранью стал Аракс;
Арзерум сдался нам дикий;
Закипел мятеж великий;
Пред Варшавой стал наш фрунт,
И с Варшавой рухнул бунт.

И, нежданная ограда,
Флот наш был у стен Царьграда;
И с турецких берегов,
В память северных орлов,
Русский сторож на Босфоре,
Отразясь в заветном море,
Мавзолей наш говорит:
«Здесь был русский стан разбит».

Всходит дневное светило
Так же ясно, как всходило
В чудный день Бородина;
Рать в колонны собрана,
И сияет перед ратью
Крест небесной благодатью,
И под ним в виду колонн
В гробе спит Багратион.

Здесь он пал, Москву спасая,
И, далеко умирая,

Слышал весть: Москвы уж нет!
И опять он здесь, одет
В гробе дивною броней,
Бородинскою землею;
И великий в гробе сон
Видит вождь Багратион.

В этот час тогда здесь бились!
И враги, ярясь, ломились
На холмы Бородина;
А теперь их тишина,
Небом полная, объемлет,
И как будто бы подъемлет
Из-за гроба голос свой
Рать усопшая к живой.

Несказанное мгновенье!
Лишь изрек, свершив моление,
Предстоявший алтарю:
Память вечная царю!
Вдруг обгрянул залл единый
Бородинские вершины,
И в один великий глас
Вся с ним армия слилась.

Память вечная, наш славный,
Наш смиренный, наш державный,
Наш спасительный герой!
Ты обет изрек святой;
Слово с трона роковое
Повторилось в дивном бое
На полях Бородина:
Им Россия спасена.

Память вечная вам, братья!
Рать молодая к вам объятья
Простирает в глубь земли;
Нашу Русь вы нам спасли;
В свой черед мы грудью станем;
В свой черед мы вас помянем,
Если царь велит отдать
Жизнь за общую нам мать.

〈ЕЛИЗАВЕТЕ РЕЙТЕРН〉

О, молю тебя, создатель,
Дай вблизи ее небесной,
Пред ее небесным взором
И гореть и умереть мне,
Как горит в немом блаженстве,
Тихо, ясно угасая,
Огнь смиренныя лампы
Пред небесною Мадонной.

**СТИХОТВОРЕНИЯ,
ПОСВЯЩЕННЫЕ ПАВЛУ ВАСИЛЬЕВИЧУ
И АЛЕКСАНДРЕ ВАСИЛЬЕВНЕ ЖУКОВСКИМ**

ПТИЧКА

Птичка летает,
Птичка играет,
Птичка поет;
Птичка летала,
Птичка играла,
Птички уж нет!
Где же ты, птичка?
Где ты, певичка?
В дальнем краю
Гнездышко вьешь ты;
Там и поешь ты
Песню свою.

КОТИК И КОЗЛИК

Там котик усатый
По садику бродит,
А козлик рогатый
За котиком ходит;
И лапочкой котик
Помадит свой ротик;
А козлик седою
Трясет бородою.

ЖАВОРОНОК

На солнце темный лес зардел,
В долине пар белеет тонкий,
И песню раннюю запел
В лазури жаворонок звонкий.

Он голосисто с вышины
Поет, на солнышке сверкая:
Весна пришла к нам молодая,
Я здесь пою приход весны;

Здесь так легко мне, так радушно,
Так беспредельно, так воздушно;
Весь божий мир здесь вижу я.
И славит бога песнь моя!

МАЛЬЧИК С ПАЛЬЧИК

Сказка

Жил маленький мальчик:
Был ростом он с пальчик,
Лицом был красавчик,
Как искры глазенки,
Как пух волосенки;
Он жил меж цветочков;
В тени их листочков
В жары отдыхал он,
И ночью там спал он;
С зарей просыпался,
Живой умывался
Росой, наряжался
В листочек атласный
Лилей прекрасной;
Проворную пчелку
В свою одноколку
Из легкой скорлупки
Потом запрягал он,
И с пчелкой летал он,
И жадные губки
С ней вместе впивал он
В цветы луговые,
К нему золотые
Цикады слетались
И с ним забавлялись,
Кружась с мотыльками,
Жужжа, и порхая,
И ярко сверкая
На солнце крылами;

Ночною ж порою,
Когда темнотою
Земля покрывалась
И в небе с луною
Одна за другою
Звезда зажигалась,
На луг благовонный
С лампадой зажженной,
Лазурно-блестящий,
К малютке являлся
Светляк; и сбирался
К нему в круговую
На пляску ночную
Рой альфов летучий;
Они — как бегучий
Источник волнами —
Шумели крылами,
Свивались, сплетались,
Проворно качались
На тонких былинках,
В перловых купались
На травке росинках,
Как искры сверкали
И шумно плясали
Пред ним до полночи.
Когда же на очи
Ему усыпление,
Под пляску, под пенье,
Сходило — смолкали
И вмиг исчезали
Плясуньи ночные;
Тогда, под живые
Цветы угнездившись
И в сон погрузившись,
Он спал под защитой
Их кровли, омытой
Росой, до восхода
Зари лучезарной
С границы янтарной
Небесного свода.
Так милый красавчик
Жил мальчик наш с пальчик...

Лебедь белогрудый, лебедь белокрылый,
 Как же нелюдимо ты, отшельник хилый,
 Здесь сидишь на лоне вод уединенных!
 Спутников давнишних, прежней современных
 Жизни, переживши, сетуя глубоко,
 Их ты поминášшь думой одинокой!
 Сумрачный пустынный, из уединенья
 Ты на молодое смотришь поколенье
 Грустными очами; прежнего единый
 Брошенный обломок, в новый лебединый
 Свет на пир веселый гость не приглашенный,
 Ты вступить дичишься в круг неблагоклонный
 Резвой молодежи. На водах широких,
 На виду царевых теремов высоких,
 Пред Чесменской гордо блещущей колонной,
 Лебеди младые голубое лоно
 Озера тревожат плаваньем, плесканьем,
 Боем крыл могучих, белых шей купаньем;
 День они встречают, звонко окликаясь;
 В зеркале прозрачной влаги отражаясь,
 Длинной вереницей, белым флотом стройно
 Плавают в сиянье солнца по спокойной
 Озера лазури; ночью ж меж звездам
 В небе, повторенном тихими водами,
 Облаком перловым, вод не зыбля, реют
 Иль двойною тенью, дремля, в них белеют;
 А когда гуляет месяц меж звездами,
 Влагу расшибая сильными крылами,
 В блеске волн, зажженных месячным сияньем,
 Окруженны брызгов огненных сверканьем,
 Кажутся волшебным призраков явленьем —
 Племя молодое, полное кипеньем
 Жизни своевольной. Ты ж старик печальный,
 Молодость их образ твой монументальный
 Резвую пугает; он на них наводит
 Скуку, и в приют твой ни один не входит
 Гость из молодежи, ветрено летящей
 Вслед за быстрым мигом жизни настоящей.
 Но не сетуй, старец, пращур лебединый:
 Ты родился в славный век Екатерины,

Был ее ласкаем царскою рукою, —
Памятников гордых битве под Чесмою,
Битве при Кагуле воздвижение зрел ты;
С веком Александра тихо устарел ты;
И, почти столетний, в веке Николая
Видишь, угасая, как вся Русь святая
Вкруг царевой силы, — вековой зеленый
Плющ вокруг силы дуба, — вьется под короной
Царской, от окрестных бурь ища защиты.

Дни текли за днями. Лебедь позабытый
Таял одиноко; а младое племя
В шуме резвой жизни забывало время...
Раз среди их шума раздался чудесно
Голос, всю пронзивший бездну поднебесной;
Лебеди, услышав голос, присмирели
И, стремимы тайной силой, полетели
На голос: пред ними, вновь помолоделый,
Радостно вздымая перья груди белой,
Голову на шее гордо распрямленной
К небесам подъявля, — весь воспламененный,
Лебедь благородный дней Екатерины
Пел, прощаясь с жизнью, гимн свой лебединый!
А когда допел он — на небо взглянувши
И крылами сильно дряхлыми взмахнувши —
К небу, как во время оное бывало,
Он с земли рванулся... и его не стало
В высоте... и навзничь с высоты упал он;
И прекрасен мертвый на хребте лежал он,
Широко раскинув крылья, как летящий,
В небеса вперяя взор, уж не горящий.

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящее собрание сочинений В. А. Жуковского объединяет все наиболее ценное, наиболее существенное из литературного наследия этого выдающегося русского поэта первой половины XIX века, представляя читателю его творчество по возможности всесторонне и в историческом развитии. В состав собрания сочинений В. А. Жуковского включены его стихотворения (т. 1), баллады, поэмы и повести (т. 2), «Орлеанская дева», сказки и эпические произведения (т. 3), «Одиссея», сочинения в прозе и письма писателя, наиболее значительные в историко-литературном или биографическом отношении (т. 4). Внутри каждого из разделов собрания сочинений произведения расположены в хронологической последовательности.

В течение своей более чем пятидесятилетней литературной деятельности В. А. Жуковский, как и большинство других писателей, неоднократно переделывал многие свои произведения; иные настолько основательно подвергались переработке, что поэт считал необходимым печатать обе редакции — прежнюю и новую — как разные самостоятельные вещи (например, «Сельское кладбище»). В данном собрании сочинений произведения Жуковского печатаются в последней авторской редакции (для большинства из них этой редакцией является последнее прижизненное собрание сочинений, тт. I—IX, подготовленное к печати самим писателем и изданное в 1849 году). Наиболее существенные разночтения с ранними авторскими редакциями даются в примечаниях.

Все тексты произведений печатаются в соответствии с новыми «Правилами русской орфографии и пунктуации» (1956), но с некоторыми исключениями в тех случаях, когда размер стиха или рифма обязывают сохранить устаревшее написание слова или устаревшую грамматическую форму, когда это необходимо сделать по стили-

стическим условиям (сохранение, например, церковнославянизмов), и, наконец, тогда, когда устаревшее написание слова или его огласовка весьма характерны для индивидуальной особенности письма В. А. Жуковского; оставляется также написание с прописной буквы тех слов, которые выражают символические понятия или являются персонификацией (олицетворением).

Так как в художественной литературе, и особенно в поэзии, знаки препинания нередко используются писателями как одно из средств передачи интонаций, в текстах произведений В. А. Жуковского в ряде случаев оставлены неприкосновенными подобные интонационные знаки препинания, хотя по современным правилам пунктуации они могут быть лишними.

Заглавия некоторых своих произведений В. А. Жуковский печатал с пропусками букв (например, «К Б...у»). Для удобства читателей подобного типа заглавия произведений даны полностью, но пропущенные писателем буквы заключены в угловые скобки — «К Б(лудов)у». Ряд произведений, не печатавшихся при жизни В. А. Жуковского, имеет заглавия, данные им редакторами или другими лицами, публиковавшими эти произведения уже после смерти поэта. Учитывая, что подобные заглавия имеют широкую и давнюю известность, они оставлены в настоящем собрании сочинений, но взяты также в угловые скобки (например, <А. С. Пушкин>).

Все произведения В. А. Жуковского, входящие в состав этого собрания сочинений, снабжены примечаниями. Примечания, сделанные самим поэтом в последнем прижизненном собрании сочинений, изданном в 1849 году, помещены непосредственно под текстом (за исключением примечаний к «Певцу во стане русских воинов», составленных Жуковским совместно с Д. В. Дашковым; эти примечания отнесены в конец 1 тома).

В конце каждого тома находятся примечания, в которых указываются даты написания и первой публикации произведений (все даты даются по старому стилю); если произведение является переводным, то в примечаниях сообщается название оригинала и имя его автора; сообщаются краткие сведения историко-литературного характера, касающиеся данного произведения, и приводятся наиболее существенные варианты текста из ранних авторских редакций. В конце собрания сочинений помещен сводный пояснительный словарь мифологических имен и названий, а также устаревших слов, встречающихся в произведениях В. А. Жуковского. В конце 3 тома дан аннотированный указатель писателей, произведения которых переводились В. А. Жуковским.

Майское утро. Написано в 1797 г. Напечатано впервые в журнале «Приятное и полезное препровождение времени», 1797, ч. XVI. Это первое печатное произведение Жуковского. В прижизненные собрания сочинений не входило.

Добродетель («Под звездным кровом тихой ночи...»). Написано в 1798 г. Напечатано впервые в журнале «Приятное и полезное препровождение времени», 1798, ч. XVII. В прижизненные собрания сочинений Жуковского не входило.

Добродетель («От света светов луч излился...»). Написано в 1798 г. Напечатано впервые в издании «Речь, разговор и стихи, читанные на публичном акте, бывшем в Университетском благородном пансионе декабря 22 дня 1798 года». В прижизненные собрания сочинений Жуковского не входило.

Дохнула злоба — и родился Кровавый, яростный раздор... — Имеется в виду французская буржуазная революция 1789 г.

Михаилу Матвеевичу Хераскову. Написано в марте 1799 г. Напечатано в 1799 г. на отдельном листке. В прижизненные собрания сочинений Жуковского не входило.

М. М. Херасков (1733—1807) — известный писатель, представитель русского классицизма и один из родоначальников русского сентиментализма. Был близок к Н. И. Новикову и московским масонам. С 1778 г. был куратором (попечителем) Московского университета и Университетского благородного пансиона, в котором учился Жуковский.

Могущество, слава и благоденствие России. Написано в 1799 г. Напечатано впервые в издании «Речь, разговор и стихи, читанные на публичном акте, бывшем в Университетском благородном пансионе декабря 21 дня 1799 года» и с некоторыми изменениями перепечатано в издании Университетского благородного пансиона, сборнике «Утренняя заря», 1800, кн. I. В прижизненные собрания сочинений Жуковского не входило.

Стихи на новый, 1800 год. Написано в конце 1799 г. Напечатано впервые в «Московских ведомостях», 1800, № 1 (4 января). В прижизненные собрания сочинений Жуковского не входило.

К Тибуллу. На прошедший век. Написано в начале 1800 г. Напечатано впервые в сборнике «Утренняя заря», 1800, кн. I. В прижизненные собрания сочинений Жуковского не входило.

Мир. Написано в конце 1800 г. Напечатано впервые в издании «Речь, разговор и стихи, читанные на публичном акте, быв-

шем в Университетском благородном пансионе декабря 22 дня 1800 года». С некоторыми изменениями и пропуском 7 строфы перепечатано в сборнике «Утренняя заря», 1803, кн. II. В прижизненные собрания сочинений Жуковского не входило. Написанное в стиле ломоносовских од, это стихотворение связано с окончанием войны России с Францией.

Пифийский поэт — «Пиндар, 2-я и 3-я строфа взяты из одной его оды» (прим. Жуковского).

Герой. Написано, предположительно, в 1800 г. Напечатано впервые в Полном собрании сочинений В. А. Жуковского под ред. А. С. Архангельского, т. I, СПб., 1902.

Человек. Написано в 1801 г. Напечатано впервые в издании «Речь, разговор и стихи, читанные на публичном акте, бывшем в Университетском благородном пансионе декабря 21 дня 1801 года». С незначительными изменениями и без последней строфы перепечатано в сборнике «Утренняя заря», 1803, кн. II. В прижизненные собрания сочинений Жуковского не входило. Приводим последнюю строфу стихотворения, впоследствии опущенную:

О вы, птенцы наук, путь жизни перед вами!
Теките, ополчась премудрости мечом,
Изгнав из сердца страх — и бледных бедствий сонм
Исчезнет как туман пред дневными лучами;
Вас радость, слава, вечность ждут.

Эпиграфом взяты слова из поэмы «Жалобы, или Ночные думы» Э. Юнга.

Сельское кладбище. Написано в мае — сентябре 1802 г. Впервые напечатано в журнале «Вестник Европы», 1802, № 24, с посвящением А. И. Т—у (Андрею Ивановичу Тургеневу). Вольный перевод прославленной элегии Т. Грея «Elegy written in a Country Churchyard» («Элегия, написанная на сельском кладбище»). Эта элегия была известна русскому читателю задолго до перевода Жуковского. Уже в 1789 г. «Беседующий гражданин» поместил довольно близкий к подлиннику прозаический перевод этого произведения, а еще ранее, в журнале Новикова «Покойщийся трудолюбец» за 1786 г., был напечатан стихотворный перевод заключительной части элегии под заголовком «Эпитафия господина Грея самому себе». Существовали и другие переводы.

Лишь слышится вдали рогов унылый звон. — В «Вестнике Европы» к этой строке автором сделано примечание: «В Англии привязывают колокольчики к рогам баранов и коров».

Гампден надменный — Джон Гемпден (1596—1643), активный участник английской революции XVII века на первых ее этапах,

Стихи, сочиненные в день моего рождения. Написано 29 января 1803 г. Впервые напечатано в сборнике «Утренняя заря», 1803, кн. II. В прижизненные собрания сочинений Жуковского не входило.

На смерть А<ндрея Тургенева>. Написано в июле 1803 г. Впервые напечатано в сборнике «Письма В. А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу», М., изд. «Русского архива», 1895, стр. 12, примеч.

Тургенев Андрей Иванович (1781—1803), старший сын И. П. Тургенева (директора Университетского благородного пансиона), был связан с Жуковским узами теснейшей дружбы. Эти стихи были непосредственным откликом на смерть друга (Тургенев умер 8 июля 1803). Когда отец покойного юноши посоветовал Жуковскому опубликовать стихотворение, тот отвечал в письме от 11 августа 1803 г.: «Но такими ли стихами я должен почтить кончину его? Они написаны для меня и для вас. Публика смотрит на стихи, а не на чувства. Она не поймет меня».

К К. М. Соковниной. Написано в декабре 1803 г. Напечатано впервые в «Стихотворениях Василия Жуковского», ч. II, СПб., 1816.

Соковнина Катерина Михайловна (ум. в 1807) — невеста Андрея Тургенева и сестра С. М. Соковнина, товарища Жуковского по Университетскому благородному пансиону и Дружескому литературному обществу. Стихотворение является своеобразным поэтическим словом утешения по поводу смерти А. Тургенева.

К поэзии. Написано в декабре 1804 г. Напечатано впервые в издании «Речь, разговор и стихи, читанные на публичном акте, бывшем в Университетском благородном пансионе декабря 21 дня 1804 года» и с некоторыми изменениями перепечатано в сборнике «Утренняя заря», 1805, кн. III. В прижизненные собрания сочинений Жуковского не входило.

Дружба. Написано в 1805 г. Напечатано впервые в «Стихотворениях Василия Жуковского», ч. II, СПб., 1816.

Опустевшая деревня. Написано в декабре 1805 г. Напечатано впервые в Полном собрании сочинений В. А. Жуковского, под ред. А. С. Архангельского, т. I, СПб., 1902. Вольный перевод отрывка поэмы О. Гольдсмита «Deserted village» («Покинутая деревня»). Замысел перевода этой поэмы у Жуковского возник еще в 1802 г., не без влияния Андрея Тургенева. В этом произведении изображается одно из явлений процесса капитализации Англии периода «первоначального накопления», так называемое «огораживание». Лендлорды (крупные землевладельцы) пасильственно

сгоняли крестьян с земли, чтобы использовать ее как пастбища для овец. Обезземеленные крестьяне вынуждены были или работать на мануфактурах, или нищенствовать.

Послание Элоизы к Абеляру. Написано в начале апреля 1806 г. Напечатано впервые в Полном собрании сочинений В. А. Жуковского под ред. А. С. Архангельского, т. I, СПб., 1902. Перевод начала стихотворения А. Попа «Epistle from Eloisa to Abelard» («Письмо Элоизы к Абеляру»).

Песня («Когда я был любим»). Написано в мае 1806 г. Напечатано впервые в журнале «Вестник Европы», 1807, № 2. В прижизненные собрания сочинений Жуковского не входило.

Саффинода. Написано в мае 1806 г. Напечатано впервые в журнале «Вестник Европы», 1807, № 5. В прижизненные собрания сочинений Жуковского не входило. Вольный перевод знаменитого стихотворения древнегреческой поэтессы Сафо, или Сапфо. Это произведение было уже известно русскому читателю по ряду переводов XVIII века. Самый ранний из них принадлежал А. П. Сумарокову.

Идиллия. Написано в мае 1806 г. Напечатано впервые в журнале «Вестник Европы», 1807, № 5, с подзаголовком «Подражание». Свободная обработка первой строфы стихотворения Шиллера «An Minna» («К Минне»).

Вечер. Написано в мае — июле 1806 г. Напечатано впервые в журнале «Вестник Европы», 1807, № 4, с пометой: «Белев. 1806 года». Эта элегия Жуковского, по свидетельству биографа поэта, — «одно из лучших его описаний вечерней красоты природы села Мишенского» (см.: К. К. Зейдлиц, Жизнь и поэзия В. А. Жуковского, СПб., 1883, стр. 32).

Один — минутный цвет — почил, и непробудно... — Имеется в виду умерший Андрей Тургенев.

Другой... о небо правосудно!.. — Здесь речь идет о товарище поэта по Университетскому благородному пансиону и участнике Дружеского литературного общества С. Е. Родзянко, сошедшем с ума.

Песнь барда над гробом славян-победителей. Написано между 28 сентября и 15 ноября 1806 г. Напечатано впервые в журнале «Вестник Европы», 1806, № 24, с подзаголовком: «Посвящается неустрашимым защитникам отечества», и эпиграфом на французском языке из дифирамба «О бессмертии души» Деллиа. Кроме того, в журнале были сделаны примечания. К строкам:

Тот, шуйцей рану сжав, десной изнеможенной
Оторванну хоругвь скрывает на груди,

дано примечание: «Известный поступок солдата Емельянова». К строке:

О юноша, о ты, бессмертью приобщенный! —

дано примечание: «Здесь автор думал об одном молодом человеке, Новосильцеве, который в прошедшую войну был изранен в сражении и умер от ран, разлученный со своим отечеством, разлученный с родными, которые и теперь оплакивают его потерю. Автор желал бы наименовать всех наших героев, столь недавно принесших в дар отечеству и кровь свою и жизнь, но их имена известны, и благодарность сохранит об них вечное воспоминание».

Тема стихотворения была подсказана, как впоследствии выразился сам поэт, «военными обстоятельствами того времени», то есть сражением под Аустерлицем между русско-австрийской и французской армиями 20 ноября 1805 года. Находясь под влиянием патриотического настроения, царившего тогда в широких кругах русского общества, Жуковский хочет, чтобы это его произведение, которое он называет «даром отечеству», получило самое широкое распространение. С этой целью он посылает «Песнь барда» в Петербург А. И. Тургеневу с просьбой издать его отдельным изданием (оно вышло в 1807 г.). Когда московский композитор того времени Д. Н. Кашин решил переложить на музыку это стихотворение, поэт, думая превратить «Песнь барда» в кантату, написал дополнительно хор:

Росс! И щит и меч во длань!
Враг за гибелью притек!
Смерть ему от росс дань!
Жертвой рок его нарек!
Прочь покоем наслажденье!
Там отчизна! Там наш царь!
Братья, руки на алтарь!
Клятва: смерть или спасенье!
Мы ль на жертву предадим
Вас, славян отцы священные?
Мы ль врага не потребим
От отчизны ополченны?
Росс! И щит и меч во длань, и пр.

(Опубликовано в сборнике «Письма В. А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу», М., изд. «Русского архива», 1895, стр. 29).

Старик к молодой и прекрасной девушке. Написано 1 ноября 1806 г. Напечатано впервые в Полном собрании сочинений В. А. Жуковского под ред. А. С. Архангельского, т. I, СПб., 1902. Перевод стихотворения Сен-Ламбера «Je touche aux bornes de ma vie...» («Я приближаюсь к пределу моей жизни...»).

Увлечение Жуковского в октябре — ноябре 1806 г. переводом басен Флориана и Лафонтена связано с его активной деятельностью в журнале «Вестник Европы». В дальнейшем поэт из 18 переведенных им басен включал в свои сочинения только одну — Сон могильца».

Мартышка, показывающая китайские тени. Написана 11 октября 1806 г. Напечатана впервые в журнале «Вестник Европы», 1807, № 5. Перевод басни Флориана «Le Singe qui montre la lanterne magique» («Обезьяна, показывающая волшебный фонарь»). Руссификация в переводе (место действия переносится в Москву, обезьяна Жако получает имя Потапа, она пляшет впридавку и т. д.) восходит к традиции перевода XVIII века.

Сокол и голубка. Написана 12 октября 1806 г. Напечатана впервые в журнале «Вестник Европы», 1807, № 4. Перевод басни Флориана «Le Milan et le Pigeon» («Коршун и голубь»).

Мартышка и лев. Написана 12 октября 1806 г. Напечатана впервые в журнале «Вестник Европы», 1807, № 8. Вольный перевод басни Флориана «Les Singes et le Léopard» («Обезьяны и леопард»).

Кот и зеркало. Написана 13 октября 1806 г. Впервые напечатана в журнале «Вестник Европы», 1807, № 14. Вольный перевод одноименной басни Флориана «Le Chat et le miroir».

Смерть. Написана 17 октября 1806 г. Напечатана впервые в журнале «Вестник Европы», 1807, № 13. Вольный перевод одноименной басни Флориана «La Mort». Разработка сюжета у Жуковского более реалистична.

Сон могильца. Написана 23 октября 1806 г. Напечатана впервые в журнале «Вестник Европы», 1807, № 7. Перевод одноименной басни Лафонтена «Le songe d'un Habitant du Mogol». Жуковского эта басня заинтересовала своей второй частью, которая представляет собой гимн уединению, напоминающий своей лиричностью «Вечер». Впоследствии текст басни поэт подверг переработке.

Моголец — житель царства Великих Моголов, властвовавших в Индии с 1505 по 1788 г.

Старый кот и молодой мышонок. Написана 26 октября 1806 г. Напечатана впервые в журнале «Вестник Европы», 1807, № 19. Перевод одноименной басни Лафонтена «Le vieux Chat et la jeune Souris».

Каплун и сокол. Написана 27 октября 1806 г. Напечатана впервые в журнале «Вестник Европы», 1807, № 15. Вольный перевод одноименной басни Лафонтена «Le Faucon et le Charon». Жуковский сократил нравоучения, имевшиеся у Лафонтена, в один стих; нормандца из Манса превратил в москвича Матюшку-долгохвоста, придав его словам трагикомический колорит.

Кот и мышь. Написана 29 октября 1806 г. Напечатана впервые в журнале «Вестник Европы», 1807, № 8. Перевод басни Лафонтена «Le Chat et le Rat» («Кот и крыса»).

Сокол и филимела. Написана 2 ноября 1806 г. Напечатана впервые в журнале «Вестник Европы», 1807, № 18. Вольный перевод басни Лафонтена «Le Milan et le Rossignol» («Коршун и соловей»).

Похороны львицы. Написана 6 ноября 1806 г. Напечатана впервые в журнале «Вестник Европы», 1807, № 11. Вольный перевод одноименной басни Лафонтена «Les Obsèques de la Lionne». Жуковский в своем пересказе пополнил французскую басню рядом образов, взятых из русской бытовой действительности и обрядов.

ЭПИГРАММЫ

В октябре — ноябре 1806 г. Жуковский переводит 18 эпиграмм, примечательных как в плане его творческих исканий, так и в плане его журнальной деятельности. В прижизненных собраниях сочинений Жуковского они не печатались.

«Ты драму, Фефил, написал?» Написана 18 октября 1806 г. Напечатана впервые в журнале «Вестник Европы», 1807, № 4. Вольное переложение эпиграммы неизвестного французского автора «Certain Pradon, bâtard de Melpomène» («Некий Прадон, незаконный сын Мельпомены») из «Elite de poésies fugitives» («Сборник мелких стихотворений»), т. 1, Лондон, 1769.

Эпитафия лирическому поэту. Написана 19 октября 1806 г. Напечатана впервые в журнале «Вестник Европы», 1807, № 12. Вольный перевод эпиграммы Ж.-Б. Руссо «Si-gît l'auteur d'un gros livre» («Здесь покоится автор толстой книги»). Перевод, возможно, направлен Жуковским против представителей классицизма.

«С повязкой на глазах за шалости Фемида!» Написана 25 октября 1806 г. Напечатана впервые в журнале «Вестник Европы», 1807, № 2.

Новопожалованный. Написана 25 октября 1806 г. Напечатана впервые в журнале «Вестник Европы», 1807, № 2. В рукописи носит название «Баварский король». Эпиграмма направлена против баварского курфюрста Максимилиана IV, получившего 1 января 1806 г. от Наполеона титул короля Баварии. Новопожалованный король возглавил объединение немецких князей («Рейнский союз»), которое приняло на себя обязательство в случае войны предоставить Наполеону 30 000 солдат.

Злодей — Наполеон Бонапарт.

«Не знаю почему, по дружбе или так...» Написана 25 октября 1806 г. Напечатана впервые в журнале «Вестник Европы», 1807, № 4. Переделка эпиграммы Ж.-О. Гомбо «Une fois l'an il me vient voir» («Раз в году он меня навещает»).

«Для Клина все как дважды два!» Написана 25 октября 1806 г. Напечатана впервые в журнале «Вестник Европы», 1807, № 4. Переработка эпиграммы Ж.-Б. Руссо «Chrysologue toujours opine» («Хризолог всегда возражает»).

«Трим счастья искал ползком и тихомолком...» Написана 25 октября 1806 г. Напечатана впервые в журнале «Вестник Европы», 1807, № 6.

«Румян французских штукатура...» Написана 25 октября 1806 г. Напечатана впервые в журнале «Вестник Европы», 1807, № 6. Переделка эпиграммы Ж.-О. Гомбо «Blanc d'Espagne, couleurs vermeilles» («Испанские белила, румяна»). Эпиграмма Жуковского отражает ту борьбу с французским влиянием на русское дворянство, которая развернулась в связи с войной против Наполеона.

«Сей камень над моей возлюбленной жепой!» Написана 25 октября 1806 г. Напечатана впервые в «Отчете императорской Публичной библиотеки за 1884 г.». Перевод сатирической эпитафии Драйдена «Epitaph, intended for his Wife» («Эпитафия, предназначенная его жене»).

Новый стихотворец и древность. Написана 1 ноября 1806 г. Напечатана впервые в журнале «Вестник Европы», 1807, № 2. Переложение эпиграммы Д'Асейи «Dis-je quelque chose assez belle» («Говорю ли я что-нибудь интересное»).

«Барма, нашед Фому чуть жива, на отходе...» Написана 1 ноября 1806 г. Напечатана впервые в журнале «Вестник Европы», 1807, № 2. Вольный перевод анонимной эпиграммы из сборника «Nouvelle Anthologie Française, ou Choix des Epigrammes et Madrigaux de tous les poètes François depuis Marot jusqu'à ce jour» («Новая французская антология, или Избранные эпиграммы

и мадригалы всех французских поэтов от Маро до наших дней», т. II. Париж, 1769).

«Ты сердишься за то, приятель мой Гарпас...» Написана предположительно в ноябре 1806 г. Напечатана впервые в журнале «Вестник Европы», 1807, № 6. Оригинал перевода не установлен.

«О непостижное злоречие уму!» Написана, предположительно, в ноябре 1806 г. Напечатана впервые в журнале «Вестник Европы», 1807, № 6. Оригинал перевода не установлен.

«Скажи, чтоб там потише были!» Написана 1 ноября 1806 г. Напечатана впервые в Полном собрании сочинений В. А. Жуковского под ред. А. С. Архангельского, т. I, СПб., 1902. Вольный перевод эпиграммы Баратона «Huissiers, qu'on fasse silence» («Пусть пристава водворят тишину»). Жуковский перенес место действия в русскую обстановку судебных порядков эпохи «Ябеды».

«У нас в провинции нарядней нет Любви!» Написана, предположительно, в ноябре 1806 г. Напечатана впервые в Полном собрании сочинений В. А. Жуковского под ред. А. С. Архангельского, т. I, СПб., 1902. Оригинал перевода не установлен.

Тоска по милом. Написано 18 февраля 1807 г. Напечатано впервые в журнале «Вестник Европы», 1808, № 12, под заглавием «Романс». Вольный перевод стихотворения Шиллера «Des Mädchens Klage» («Жалоба девушки»).

К Филалету. Написано в начале 1808 г. Напечатано впервые в журнале «Вестник Европы», 1809, № 4. В первых изданиях собрания сочинений В. А. Жуковского послание было посвящено А. И. Тургеневу.

К Нине («О Нина, о мой друг!..»). Написано, предположительно, в 1808 г. Напечатано впервые в журнале «Вестник Европы», 1808, № 8, с подзаголовком «С английского». Оригинал перевода не установлен.

Нина — условное имя, к которому Жуковский часто прибегал в своих стихотворениях.

Песня («Мой друг, хранитель-ангел мой...»). Написано 1 апреля 1808 г. Напечатано впервые в журнале «Вестник Европы», 1809, № 9, с подзаголовком: «На голос: Je t'aime tant, je t'aime tant» («Я так люблю тебя, так люблю тебя»), и с подписью: «1 Апреля, N. N.». Перевод стихотворения Ф. Фабра д'Эглантина.

Мальвина. Написано 20 апреля 1808 г. Напечатано впервые в журнале «Вестник Европы», 1808, № 10, с подзаголовком: «Романс». Перевод романса «*Depuis qu'un autre a su te plaire*» («С тех пор, как тебе понравилась другая») из романа Коттен «*Malvina*» («Мальвина»).

Гимн («О боге нам гласит времен круговращенье...»). Написано в 1808 г. Напечатано впервые в журнале «Вестник Европы», 1808, № 14, с подзаголовком: «Из поэмы Томпсона: «Времена года». Это довольно точный перевод английского оригинала. Лишь в конце перевода, где упоминается о поэте, Жуковский отходит от текста Д. Томпсона. Знаменитая поэма «Времена года» была известна русскому читателю до Жуковского по ряду переводов, в том числе и переводу Карамзина.

Расстройство семейственного согласия. Написано в 1808 г. Напечатано впервые в журнале «Вестник Европы», 1808, № 17. В прижизненные собрания сочинений Жуковского не входило.

И в наказание могущему злодею... — Видимо, следует подразумевать Наполеона.

Брутова смерть. Написано, предположительно, в 1808 г. Напечатано впервые в «Отчете императорской Публичной библиотеки за 1884 г.».

К Нине («О Нина, о Нина, сей пламень любви...»). Написано в 1808 г. Напечатано впервые в журнале «Вестник Европы», 1808, № 23. Вероятно, это послание адресовано М. А. Протасовой.

Моя богиня. Написано, предположительно, в середине 1809 г. Напечатано впервые в журнале «Вестник Европы», 1809, № 17, с подзаголовком: «Подражание Гете». Вольное переложение одноименного стихотворения Гете «*Meine Göttin*». Образу *богини-фантазии* (творческого воображения) Жуковский придал сентиментально-меланхолические черты, отсутствующие в стихотворении Гете.

Песня («Счастлив тот, кому забавы...»). Написано, предположительно, в 1809 г. Напечатано впервые в журнале «Вестник Европы», 1809, № 18, с подзаголовком: «Подражание немецкой». Оригинал перевода не установлен.

На смерть фельдмаршала графа Каменского. Написано в августе 1809 г. Напечатано впервые в журнале «Вестник Европы», 1809, № 18, под заголовком: «Мысли над гробом Каменского». Граф М. Ф. Каменский (1738—1809), известный генерал-фельдмаршал, который по незначительным причинам отказался в конце 1806 г. командовать русской армией, действующей против

Наполеона, и поселился в своем поместье, где его зарубил топором крепостной за непомерную жестокость к крестьянам. Впоследствии Жуковский не печатал последних семи строф. Приводим эти строфы по журнальному тексту:

Но будь утешен, вождь! Не скорбный твой удел!
Он удивление рождать в умах достоин!
Пуškai, среди полков, в бою, на пепле сел,
Перунами низринут воин!

Пусть гибнет, от других концом не отличен!..
Презренной гибелью судьба тебя почтила!
То новый для тебя трофей сооружен —
Сия внезапная могила!

Рекла: будь им урок и самой смерти след
Сего, протекшего чрез мир стезею правой!
О вождь! для нас твой прах есть промысла завет;
Лишь доброю пленяться славой!

Приблизься, брани сын, и в думу погрузись,
На гроб могущего склоняя взор унылый!
От праха замыслов смиренню научись!
Прими учение могилы:

«Кончина дней — лишь миг! убийцы ль топором
Сраженный, распростерт на прахе, без покрова,
В блистающий ли гроб, средь плесков, под венцом,
Сведен с престола золотова —

Коль пользы с славою в делах не различал —
Твоих священных дел не тронет разрушенье!
Здесь рок Каменскому конец презренный дал
Живым лишь только в уstraшенье!»

Так ты, мечтающий вращать земли судьбой,
На счастья высоте страшишь, непобедимый!
Пусть сонмы грозных сил ничто перед тобой!
Страшишь — не дремлет враг незримый!

Последняя строфа относится к Наполеону.

Счастье. Написано в 1809 г. Напечатано впервые в журнале «Вестник Европы», 1809, № 19, с подзаголовком: «Из Шиллера». Перевод одноименного стихотворения Шиллера «Das Glück».

Плач Людмилы. Написано, предположительно, в 1809 г. Напечатано впервые в журнале «Вестник Европы», 1809, № 20. В прижизненные собрания сочинений Жуковского не входило. Вольный перевод стихотворения Шиллера «Amalia» («Амалия»).

На смерть семнадцатилетней Эрмими. Написано в 1809 г. Напечатано впервые в журнале «Вестник Европы», 1810, № 3, с подзаголовком: «Подражание».

К Д е л и ю. Написано в 1809 г. Напечатано впервые в журнале «Вестник Европы», 1810, № 3. Вольный пересказ III оды Горация, сделанный, видимо, с французского прозаического перевода.

П у т е ш е с т в е н н и к. Написано в 1809 г. Напечатано впервые в журнале «Вестник Европы», 1810, № 4. Вольный перевод стихотворения Шиллера «Der Pilgrim» («Странник»).

К Б л у д о в у. Написано в феврале 1810 г. Впервые напечатано в журнале «Вестник Европы», 1810, № 5, под заглавием: «К***. При отъезде его в армию».

Блудов Д. Н. (1785—1864) — близкий друг Жуковского и Карамзина, один из основателей «Арзамаса» (получивший в нем прозвище «Кассандра»). Литературная деятельность Блудова незначительна и носила случайный характер. По своим литературно-эстетическим воззрениям Блудов был скорее сторонником классицизма, что не мешало ему быть авторитетом в области литературного вкуса среди карамзинистов. Так, Жуковский в «Посвящении» ко второй части «Двенадцати спящих дев», адресованном Блудову, писал:

Твой вкус был мне учитель.

Советы и вмешательство Блудова в творческую деятельность Жуковского вызывали резкие протесты со стороны А. С. Пушкина.

В 1825 г. по рекомендации Карамзина Николай I назначил Блудова делопроизводителем верховной следственной комиссии по делу декабристов. Без труда поняв, чего от него ждут, Блудов своим ретивым участием в работе этой комиссии приобрел благосклонность царя и вызвал глубокое возмущение наиболее прогрессивной части русского общества. После жестокой расправы, учиненной Николаем I над декабристами, Блудов получает все более и более высокие назначения: статс-секретарь, а затем товарищ министра народного просвещения, потом министр внутренних дел, министр юстиции и, наконец, председатель государственного совета и председатель комитета министров. Кроме того, Блудов был и президентом Академии наук. В 1852 г. он получил титул графа. Жуковский поддерживал приятельские отношения с этим человеком до конца своей жизни.

Настоящее послание относится к тому времени, когда Блудов служил правителем дипломатической канцелярии гр. Н. М. Каменского, назначенного в феврале 1810 г. главнокомандующим русской армии на Дунае. Перед отъездом в армию Блудов женился на близкой родственнице Н. М. Каменского — А. А. Щербатовой, и Жуковский был на его свадьбе шафером. Строки в послании: *Где*

ждет тебя, уныла, Твой друг, твоя Людмила — отнёсся к жене Блудова.

С утраченным Филоном — возможно, здесь подразумевается Андрей Тургенев.

Песнь араба над могилою коня, Написано, предположительно, в начале 1810 г. Напечатано впервые в журнале «Вестник Европы», 1810, № 7. Перевод стихотворения Ш. Мильвуа «L'arabe au tombeau de son coursier» («Араб у могилы своего скакуна»). Последняя строфа отсутствует в подлиннике, она добавлена Жуковским.

Моя тайна. Написано в 1810 г. Напечатано впервые в журнале «Вестник Европы», 1810, № 7.

На прославителя русских героев, в сочинениях которого нет ни начала, ни конца, ни связи. Написано, предположительно, в 1810 г. Напечатано впервые в журнале «Вестник Европы», 1883, № 2. Эпиграмма направлена против поэмы кн. С. А. Шпринского-Шихматова (1783—1837) «Пожарский, Минин, Гермоген, или Спасенная Россия», в трех песнях. СПб., 1807. Автор поэмы, впоследствии член «Беседы», неоднократно подвергался осмеянию за свои произведения со стороны противников классицизма. Лицейст Пушкин также написал эпиграмму на эту поэму:

*Пожарский, Минин, Гермоген,
Или Спасенная Россия.
Слог дурен, темен, напыщен —
И тяжки слова пустые,*

К ней. Написано, предположительно, в 1811 г. Напечатано впервые в альманахе «Памятник отечественных муз, изданный в 1827 год Борисом Федоровым», СПб., 1827. В прижизненные собрания сочинений Жуковского не входило. Вольный перевод немецкой песни неизвестного автора. По свидетельству одного из биографов Жуковского, стихотворение посвящено М. А. Протасовой.

Песня («О милый друг! теперь с тобою радость!»). Написано 29 сентября 1811 г. Напечатано впервые в журнале «Вестник Европы», 1813, № 7 и 8, под заголовком «К моему другу». Переложение стихотворения Х.-А. Тидге «Vergiss mein nicht. An Arminia» («Не позабудь меня. К Арминии»).

Желание. Написано в 1811 г. Напечатано впервые в журнале «Вестник Европы», 1813, № 7 и 8. Перевод с небольшими отступлениями стихотворения Шиллера «Sehnsucht» («Томление»),

Цветок. Написано в 1811 г. Напечатано впервые в «Стихотворениях Василия Жуковского», ч. I, СПб., 1815. Подражание одноименному романсу Мидльруа «La fleur».

Жалоба. Написано в 1811 г. Напечатано впервые в журнале «Вестник Европы», 1813, № 7 и 8 с подзаголовком: «Подражание немецкой». Перевод первых двух строф стихотворения Шиллера «Der Jüngling am Bache» («Юноша у ручья»).

Певец. Написано в 1811 г. Напечатано впервые в журнале «Вестник Европы», 1813, № 7 и 8. Современники, и в частности Батюшков, высоко ценили этот романс (см. письмо К. Н. Батюшкова к П. А. Вяземскому от 10 июня 1813 г.).

Элизиум. Написано в апреле 1812 г. Напечатано впервые в журнале «Вестник Европы», 1813, № 7 и 8. Перевод одноименного стихотворения Фр. фон Маттисона «Elysium», использовавшего античный миф о душе, попадающей в обитель мертвых.

Послание к Плещееву. В день светлого воскресения. Написано до 21 апреля 1812 г. Напечатано впервые (весь текст) в Полном собрании сочинений В. А. Жуковского под ред. А. С. Архангельского, т. II, СПб., 1902.

Плещеев Александр Алексеевич (ок. 1775—1827) — двоюродный брат М. А. и А. А. Протасовых, был в родстве с Карамзиным. Его родителям Карамзин посвятил «Письма русского путешественника». Гвардейский офицер в отставке, Плещеев жил в своем имении, селе Черни, Болховского уезда, Орловской губернии, в сорока верстах от Муратова, где жили Е. А. Протасова со своими дочерьми и Жуковский. Плещеев был большим любителем музыки и театра, отчасти и сам композитор (он написал музыку ко многим произведениям Жуковского), сочинял пьесы, писал стихи по-французски и т. д. Чернь, по свидетельству очевидцев, была центром веселья на всю округу — здесь был домашний театр, устраивались маскарады и т. п. Сам Плещеев, по словам Жуковского, был «неисчерпаемым источником веселья». Жуковский дружил с Плещеевым, часто у него гостил, вместе с ним сочинял комедии и т. п. В 1817 году Плещеев переезжает в Петербург, становится членом «Арзамаса», под прозвищем «Черного врана». При посредстве Жуковского он назначается чтецом императрицы Марии Федоровны; впоследствии является членом театральной дирекции.

Возникновение этого послания объясняется в одном из писем Жуковского к Вяземскому: «Посылаю тебе вместо красного яичка начало нашей переписки с Плещеевым. Мы побоялись друг с другом не переписываться иначе, как в стихах. Это послание не первое; я уже много намарал к нему вздору, — но это, кажется,

вышло не вздорное. Критиковать его тебе позволяется, и я за его слог не стою, ибо оно написано в два утра с половиною и писано как письмо на почту. По этой скорости оно изрядное. Плещеев пишет ко мне на ответ (по-французски. — *Ред.*), на который, натурально, и с моей стороны должен последовать ответ же. Из этого выйдет со временем «переписка двух соседей на двух языках». Послание действительно не «взорное», при всей шутливости тона оно полно большого общественного звучания, свидетельствует о патриотизме его автора. Видимо, это послание было распространено среди знакомых поэта. Так в письме К. Н. Батюшкова к Жуковскому (июнь 1812) читаем: «Пришли нам свое послание к Плещееву, которое, говорят, прелестно».

Тередорщик — устаревшее название печатника, работающего на ручном прессе.

Осип Букильон — управитель имения Плещеева.

Гарпагон — главное действующее лицо комедии Мольера «Скупой».

Отмщение за Тильзит! — Подразумевается Тильзитский мирный договор между Россией и Францией (1807 г.).

К Б а т ю ш к о в у. Написано в мае 1812 г. Напечатано впервые в журнале «Вестник Европы», 1813, № 9 и 10. Ответ на стихи К. Н. Батюшкова «Мои пенаты. Послание к Жуковскому и Вяземскому». Часть произведения, начиная от строки: «Ты помнишь ли преданье...» и кончая строкой: «Ты презришь мир земной», представляет собой перевод стихотворения Шиллера «Die Theilung der Erde» («Дележ земли»).

Ужасный домик твой. — В рукописи к этому стиху Жуковский сделал примечание: «Не выдавши твоего дома, я описал свой».

К А. Н. А р б е н е в о й. Написано 16 июля 1812 г. Напечатано впервые (вторая половина послания) в «Отчете императорской Публичной библиотеки за 1884 г.».

Арбенева Авдотья Николаевна — дочь одной из старших дочерей А. И. Бунина, Натальи Афанасьевны Вельяминовой. Она приходилась племянницей Жуковскому, была сверстницей его детских лет. Во время сватовства Жуковского к Маше Протасовой она всячески поддерживала Е. А. Протасову против этой предполагаемой **жени́тбы**.

Все суета! — Суета сует, и всяческая суета, и томление духа — библейское выражение из книги «Экклезиаст», написанной якобы иерусалимским царем Соломоном.

Пиршество Александра, или Сила гармонии. Написано в 1812 г. Напечатано впервые в журнале «Вестник

Европы», 1813, № 7 и 8. Перевод стихотворения Драйдена «Alexander's Feast».

Пловец. Написано в середине 1812 г. Напечатано впервые в журнале «Вестник Европы», 1813, № 7 и 8. Это стихотворение, положенное на музыку А. А. Плещеевым, Жуковский исполнял на домашнем концерте в усадьбе Плещеевых 3 августа 1812 г. в присутствии Е. А. Протасовой и ее дочерей. Незадолго перед этим Жуковский просил у Е. А. Протасовой согласия на брак с ее дочерью Машей. Е. А. Протасова решительно отказала ему в этом и даже потребовала, чтобы он ничего не говорил о своих чувствах ее дочери. В романсе «Пловец» Е. А. Протасова усмотрела явные намеки на отношение поэта к ее семье («три ангела» — это она сама и ее дочери: М. А. и А. А. Протасовы). Расценив исполнение романса как непозволительное нарушение Жуковским ее требования молчать о любви к Маше, она принудила его покинуть Муратово.

Песня матери над колыбелью сына. Написано в середине 1812 г. Напечатано впервые в журнале «Вестник Европы», 1813, № 11 и 12. В прижизненные собрания сочинений Жуковского не входило. Перевод стихотворения А. Беркена «Plaintes d'une femme abandonnée par son amant» (Жалобы женщины, покинутой ее возлюбленным).

Мечты. Написано в 1812 г. Напечатано впервые в журнале «Вестник Европы», 1813, № 14. Вольный перевод стихотворения Шиллера «Die Ideale» («Идеалы»).

Певец во стане русских воинов. Написано в сентябре — начале (до 6) октября 1812 г. Напечатано впервые в журнале «Вестник Европы», 1812, № 23 и 24, с подзаголовком: «Писано после отдачи Москвы перед сражением при Тарутине». Вскоре же «Певец во стане» стал выходить отдельными изданиями, каждый раз с некоторыми изменениями в тексте, вызываемыми ходом военных действий: характеристики одних военачальников расширялись, других сокращались; вводились новые имена, а некоторые были исключены. Так, например, из первоначального:

Хвала наш Нестор — *Бенингсон!*
И вождь и муж совета!
Хвала вам: твердый *Воронцов,*
Наш *Коновницын* смелый
И *Тормасов*, гроза врагов,
Во брани поседель!
И *Витгенштейн*, наш Арей!

Твердыня Петрограда,
И все вы, бранный сонм вождей,
Отечества ограда!

— позднее Беннингсен получает четверостишие, Воронцов — две строфы, Коновницын — строфу и т. д. Наоборот, Чичагов, когда он возбудил против себя общее негодование, «упустив» Наполеона под Березиной, совсем перестал упоминаться. Окончательная редакция «Певца во стане» установилась к изданию «Стихотворений Василия Жуковского», ч. I, СПб., 1815. Ко второму, отдельному изданию «Певца во стане» (вышедшему в мае 1813 г.) Жуковский совместно с Д. В. Дашковым (1784—1839) — известным в свое время карамзинистом, а позднее членом «Арзамаса» — сделали примечания, частью подписанные Жуковским, частью — Дашковым, впоследствии сохраненные во всех прижизненных изданиях. В этих примечаниях сообщалось, что «автор писал эти стихи после отдачи Москвы, перед сражением при Тарутине, находясь в Московском ополчении».

Приводим в несколько сокращенном виде эти примечания.

Погибнем! мертвым срама нет! — «Древние летописи сохранили нам краткую, но сильную речь великого князя Святослава Игоревича к его воинам на походе против греков. «Не посрамя земли русския, — сказал он, — ляжем аде костыми, мертвии бо срама не имут!» Воины, одушевленные словами и примером вождя, устремились на многочисленного неприятеля и одержали победу».

И ты, неверных страх, Донской, С четою двух соименных... — «Великий князь Димитрий Иоаннович, избавитель России от постыдного рабства. Со времени несчастного сражения при Калке (1223) татары господствовали над князьями российскими, свергая их по произволению с престола и налагая тяжкие дани. Димитрий отмстил за сии поругания и, предводительствуя сам соединенными русскими силами, истребил на берегу Дона несметное воинство Мамай. Он положил первое основание могуществу России, утвержденному потом великою четою соименных (Иоаннами III и IV) и вознесенному на высочайшую степень Петром и августейшими его преемниками».

Внимайте клич: Полтава! — «Сражение при Полтаве решило навсегда участь России. Обыкновенные последствия войны суть всеобщее опустошение и грабительства; но сей знаменитый день был виною благополучия многих миллионов, увенчав труды, подъятые Великим Петром для преобразования своего отечества. Дерзкий Карл, ворвавшийся в пределы российские с непобедимым войском, едва мог спастись бегством с немногими спутниками.

в числе коих был изменник Мазепа, названный здесь *братом владыки* (Карла XII)».

О горе! горе, супостат! То грозный наш Суворов! — «Кому из современников наших неизвестны подвиги российского Аннибала, преодолевшего самую природу на вершинах альпийских? Потомство будет с удивлением читать в летописях беспристрастной истории дела *Вождя победы*, грозы оттоманов и сарматов, избавителя Италии. Он скончал славные дни свои; но дух его еще предводит полками нашими и вливает новое мужество в сердца воинов».

Отчизне кубок сей, друзья! — «Воздав должную хвалу почившим героям, певец посвящает сей кубок любви к отечеству, столь славно ознаменовавшей народ российский, при нашествии свиропного неприятеля».

Хвала тебе, наш добрый вождь! — «Имя князя Смоленского, спасителя России, пребудет всегда незабвенным для истинных патриотов. В то печальное время, когда враги гнездились в древней столице, угрожая разрушить последний оплот вольности Европы, мудрый вождь не унывал духом и готовил достойную казнь гордыне их. С быстротою молнии перелетел он от берегов Москвы до Эльбы, расточив сонмища иноплеменных и устлав путь свой бесчисленными их трупами. Орлиный взор его измерял уже берега Рейна, когда жестокая смерть, которой он столько раз подвергал себя во брани, сразила его на одре болезни, посреди блистательного поприща. Но благодарное отечество, почтившее героя доверенностью своею, сохранит навеки память его вместе с бессмертною памятию Пожарского; а мужественные воины, сражавшиеся под его знаменами, с гордостью некогда скажут юным товарищам и детям своим: «И мы были его сподвижниками, и мы мстили за Москву, обращенную в пепел неистовою злобою!»

Титул князя Смоленского М. И. Кутузов получил за сражение при Бородине.

О диво! се орел пронзил Над ним небес равнины! — «У древних парящий орел почитаем был предвестником победы; знамени сие не обмануло и нас на достопамятном Бородинском поле. Когда российский вождь устраивал полки свои, орел пролетел над ним при радостных кликах воинов и был верным предтечею гибели врагов наших».

Хвала сподвижникам-вождям! — Далее перечисляются виднейшие участники Бородинского сражения. *Ермолов А. П.* (1772—1861) командовал левым флангом русской армии, *Раевский Н. П.*

(1771—1829) командовал важнейшим пунктом русской армии — «Исурганной» батареей. По некоторым рассказам современников, он в бою под Дашковкой повел в атаку перед войсками двух своих сыновей. *Милорадович* М. А. (1770—1825) — ученик Суворова, был одним из деятельных участников Бородинского сражения. *Витгенштейн* П. Х. (1768—1842) — командовал корпусом, прикрывавшим пути к Петербургу от французов, поэтому он назван «Петрополя спаситель». *Коновницын* П. П. (1766—1822) — один из ближайших помощников Кутузова, принявший в Бородинском сражении командование над войсками после ранения Багратиона. *Платов* М. И. (1751—1818) — атаман донских казаков, совершивший в Бородинском сражении кавалерийский рейд в тыл левого фланга французов. *Беннигсон*, вернее — Беннигсен Л. Л. (1745—1826) — начальник штаба Кутузова, названный поэтом Нестором (именем старейшего вождя греков в Троянской войне, описываемой в «Илиаде» Гомера) потому, что по возрасту был старше других военачальников, участвовавших в Отечественной войне 1812 года. *Остерман*, граф Остерман-Толстой А. И. (1770—1857), *Тормасов* А. П. (1752—1819), *Багговут* К. Ф. (1761—1812), *Дохтуров* Д. С. (1756—1816), *Пален* П. П. (1777—1864) — генералы, участники Бородинского сражения. К строкам, где упоминается Багговут, в примечаниях Жуковского и Дашкова сказано: «Стихи сии сочинены прежде Тарутинского сражения. Багговут был первою его жертвою (6 октября 1812)». *Воронцов* М. С. (1782—1856) — генерал, раненный пулей в Бородинском сражении. *Щербатов* А. Г. (1777—1848) — генерал, незадолго до сражения лишившийся жены. *Строганов* П. А. (1774—1817) — государственный деятель, добровольно вступивший в армию в 1812 г.

Хвала бестрепетных вождям! — В примечаниях Жуковского и Дашкова говорится: «Вождями *бестрепетных* названы здесь партизаны, которые в прошедшую войну, особенно в кампанию 1812 г., много способствовали к истреблению неприятеля».

В следующих двух строфах поэт воздает хвалу виднейшим начальникам партизанских отрядов: *Фигнеру* А. С. (1787—1813), *Сеславицу* А. Н. (1780—1858), *Давыдову* Д. В. (1784—1839) — известному поэту, *Кудашеву* Н. Д. (ум. 1813), *Чернышеву* А. И. (1785—1857). Далее называется *Орлов-Денисов* В. В. (1775—1844) — казачий генерал, отличившийся в бою при Тарутине; *Кайсаров* П. С. (1783—1844) — генерал штаба Кутузова, или его брат А. С. (1782—1813) — товарищ Жуковского по Университетскому благородному пансиону, профессор Дерптского университета, добровольно вступивший в армию.

Где жизнь судьба ему дала, Там брань его сразила. — К этим строкам сделано примечание: «Кульнев убит в 30 верстах от местечка Люцина, где жила его мать и где провел он свое младенчество». *Кульнев Я. П.* (1763—1812) — кавалерийский генерал, убитый французами в бою под селом Клястицы.

А ты, Кутайсов, вождь молодой! — В примечаниях сказано: «Кутайсов убит под Бородином. В нем погибла одна из блистательнейших надежд нашей армии. С великими дарованиями война соединял он ум приятный и прекрасный характер нравственный. Он любил словесность и в свободное время писал стихи. После Бородинского сражения увидели его лошадь, обгавленную кровию, бегущую без седока, и долго не могли отыскать его тела». *Кутайсов А. П.* (1784—1812) — командовал артиллерией в Бородинском сражении.

Еще дружин надежда в нем! — «Багратион умер от раны, полученной в сражении под Бородином. Армия несколько времени надеялась на его выздоровление, но судьба решила иначе».

Он в область храбрых воспарил, К тебе, отец Суворов! — «По мифологии северных народов, витязи, сраженные во бранях, переселялись в Валгаллу, к отцу своему Одну. Стихотворец заменил здесь баснословного Одена бессмертным Суворовым».

О радость древних лет, Боян! — «Автор соглашается здесь со мнением некоторых писателей, приемлющих Бояна за великого стихотворца, который процветал во мрачные времена истории нашей и, подобно греческому Тиртею, возбуждал песнями своими мужество славянских воинов».

Петру возник среди снегов Певец — податель славы... — Подразумевается М. В. Ломоносов, воспевавший в своих одах Петра I.

Честь Задунайскому — Петров... — Одописец В. П. Петров (1736—1799) прославлял победы над турками фельдмаршала П. А. Румянцева-Задунайского.

Державин грянет в струны. — Г. Р. Державин посвятил ряд стихотворений военному гению Суворова.

Песня в веселый час. Написано в 1812 г. Напечатано впервые в журнале «Вестник Европы», 1813, № 1 и 2. В прижизненные собрания сочинений Жуковского не входило.

Вождю победителей. Написано 10 ноября 1812 г. Напечатано впервые отдельным изданием в походной типографии штаба Кутузова и повторено в журнале «Вестник Европы», 1812, № 21 и 22, с примечанием: «С печатанного в селе Романове 1812 года ноября 10 в походной типографии».

Сражение под Красным происходило 3—6 ноября 1812 г.

Достойные Арминия сыны... — Подразумеваются германские государи, «потомки» Арминия, примкнувшие к Наполеону I в войне 1812 года.

Уж росс главу под низкий мир склонил... — Подразумевается Тильзитский мир 1807 г.

Еще вдали трепещет оттоман... — Имеются в виду победы Кутузова над турками и заключенный им мир с Турцией в 1812 г.

Узник к мотыльку, влетевшему в его темницу. Написано в начале 1813 г. Напечатано впервые в журнале «Вестник Европы», 1813, № 3 и 4, с подзаголовком «Подражание Мейстеру». Перевод стихотворения К. де Местра «Le prisonnier et le papillon («Узник и бабочка»).

К Филону. Написано в январе — марте 1813 г. Напечатано впервые в журнале «Вестник Европы», 1813, № 7 и 8. Перевод, несколько измененный, стихотворения Фр. фон Маттисона «Die Grazien» («Грация»).

К Плещееву («Напрасно я, друг милый, говорил...»). Написано, предположительно, в первой половине 1813 г. Напечатано впервые в Полном собрании сочинений В. А. Жуковского под ред. А. С. Архангельского, т. II, СПб., 1902. Отрывок из послания, перекликающегося с «Посланием к Плещееву. В день светлого воскресения».

Под сундучком подразумевается Наполеон.

Уединение. Написано в апреле 1813 г. Напечатано впервые в «Стихотворениях Василия Жуковского», ч. II, СПб., 1816.

Вспомни, вспомни, друг мой милый... — Написано 1 июня 1813 г. Напечатано впервые в Полном собрании сочинений В. А. Жуковского под ред. А. С. Архангельского, т. II, СПб., 1902.

Тургеневу, в ответ на его письмо. Написано в первой половине сентября 1813 г. Напечатано впервые в «Стихотворениях Василия Жуковского», ч. I, СПб., 1815.

Тургенев Александр Иванович (1784—1845) воспитывался в московском Университетском благородном пансионе вместе с Жуковским, а затем учился в Геттингенском университете. Он был постоянным другом Жуковского, был близок к Карамзину, Дмитриеву, Батюшкову, Вяземскому; входил в «Арзамас» (его прозвище «Эолова арфа»). По служебному положению являлся крупным чиновником. Плодотворно собирал в заграничных архивах и библиотеках материалы по истории России, которые позднее были изданы.

...исчезло все — и сад и ветхий дом, где мы в осенний хлад Святой союз любви торжествовали... — Возможно, что здесь

имеются в виду собрания Дружеского литературного общества, чаще всего собиравшиеся или у А. Ф. Воейкова, жившего тогда на Девичьем Поле, или в доме Тургеневых, сгоревшем в 1812 г.

Эпиграмма. Написано в 1813 г. Напечатано впервые в «Российском музее», 1815, ч. I, № 2. Перевод одноименного стихотворения Парви «Ephimécide».

Светлане. Написано, предположительно, в 1813 г. Напечатано впервые в журнале «Русский архив», 1900, кн. III. Стихотворение посвящено А. А. Протасовой («Светлане») и представляет своеобразный поэтический комментарий к балладе «Светлана».

К самому себе. Написано, предположительно, в 1813 г. Напечатано впервые в журнале «Вестник Европы», 1814, № 4. В прижизненные собрания сочинений Жуковского не входило.

Письмо к*** («Я сам, мой друг, не понимаю...»). Написано 4 января 1814 г. Напечатано впервые в журнале «Русский вестник», 1859, т. 22, с примечанием: «Стихотворение это есть частное письмо В. А. Жуковского, не назначавшееся к печати. За доставление его из бумаг особы, к которой оно было адресовано, мы обязаны благодарностью В. А. Норову, родственнику ее. Ред.». Кому адресовано стихотворение, точно не установлено.

К 16 января 1814 года («Прелестный день, не обмани!»). Написано ко дню рождения Маши Протасовой. Напечатано впервые в «Отчете императорской Публичной библиотеки за 1884 г.».

29 января 1814 года («Когда б родиться в свет и жить...»). Написано в день рождения Жуковского. Напечатано впервые в Собрании сочинений Жуковского под ред. П. А. Ефремова, т. I, СПб., 1878.

К Воейкову («Добро пожаловать, певец...»). Написано 29 января 1814 г. Напечатано впервые в журнале «Вестник Европы», 1814, № 6, под заглавием «Послание к Воейкову» и с несколькими примечаниями, из которых в позднейших изданиях этого произведения оставлено только первое, притом без последней фразы: «Свидание с приятелем и похвалы такой поэмы, *какой еще нет*, подали мысль сочинить это послание». Был также изменен и сокращен текст послания. Так, вместо стиха *Мой падший гений оживил* в журнале было:

Воздвигнул падший гений мой...
Как древле статуя Мемнона
Звучала арфой Аполлона,
Когда главы ее пустой
Касалось дневное сиянье,
Так я, прочтя твое *послание*,
Готов запеть, готов дерзнуть

За обольстительную славой! —
Что сделал ты, певец лукавый!
Мою ты душу погубил!

«К Воейкову» написано в ответ на его «Послание к Жуковскому», опубликованное в журнале «Вестник Европы», 1813, № 5 и 6, под заглавием «К Ж.».

Воейков Александр Федорович (1778—1839) учился с Жуковским в московском Университетском благородном пансионе, входил в Дружеское литературное общество, а позднее в «Арзамас» (где носил прозвище «Дымная печурка» или «Две огромные руки»); известен в литературе как автор стихотворных памфлетов «Дом сумасшедших» и «Парнаасский адрес-календарь». Во время Отечественной войны 1812 г. был в армии до изгнания французов из России. Затем Воейков отправляется путешествовать по югу России (места, в которых он бывал, упоминаются в послании Жуковского). В конце 1813 г. Воейков приезжает к Жуковскому, в Муратово. Здесь он знакомится с семейством Протасовых и с помощью Жуковского, обещая тому оказать свое содействие в заключении брака с Марией Андреевной Протасовой, женится (14 июля 1814) на Александре Андреевне Протасовой. Но, став членом семьи Протасовых, Воейков начал всячески противодействовать желанию Жуковского жениться на своей свояченице. Наступившее в связи с этим охлаждение отношений между Жуковским и Воейковым, между прочим, сказалось на тексте настоящего послания при последующих его изданиях: были убраны приметы яркого выражения дружбы. Впрочем, Жуковский, несмотря на двуличность Воейкова, помогал ему всю жизнь: выхлопотал Воейкову место профессора русской словесности в Дерптском университете, позднее устроил его редактором доходной газеты «Русский инвалид», поддерживал его во многих издательских начинаниях своим литературным авторитетом, хотя все это делалось исключительно ради жены Воейкова — Александры Андреевны, «Светланы».

Ты был под знаменами славы... — Подразумевается участие Воейкова в Отечественной войне 1812 г.

Певец Тибурский — поэт Гораций Флакк, живший в своем поместье Тибуре.

Шери-Сарай — столица Золотой Орды в устье Волги.

Батья новых дней... — Подразумевается Наполеон I.

Сарепта — приволжская колония евангелистов.

И се, идут в усопших сени... — К этой строке в журнальном тексте сделано примечание: «У овангелических братьев заутреню светлого Христова воскресения служат на кладбище».

Ты зрел, как Терек в быстром беге... и следующие строки, посвященные Кавказу, написаны Жуковским не без влияния оды Державина «На возвращение графа Зубова из Персии», где даны картины кавказской природы. Эти строки высоко ценил Пушкин, называя их «прелестными». В примечании к «Кавказскому пленнику» он счел нужным поместить описания Кавказа, сделанные Державиным и Жуковским. Жуковский еще не бывал тогда на Кавказе и, основываясь лишь на рассказах очевидцев, допустил ряд неточностей. Так, Эльбрус (*Эльборус*) не виден с берегов Терека, названия некоторых кавказских племен вымышлены (*камукинец, чечерец*) или даны искаженно.

Жилище Вихря-атамана — атамана донских казаков М. И. Платова (см. «Певец во стане русских воинов»), местожительство которого было в станице Цимлянской.

Друг, оглянись... еще нет брата... — В примечании к журнальному тексту сказано: «Поэт говорит здесь о незабвенном Андрее Сергеевиче Кайсарове, убитом в сражении с французами в мае 1813 года» (см. о нем в примечаниях к «Певцу во стане русских воинов»).

Я вижу древни чудеса и следующие строки посвящены тем сказочно-былинным образам, которые должны были находиться в задуманной Жуковским большой поэме «Владимир».

О ветер, ветер! что ты въешься? и следующие строки являются вольным переложением «Плача Ярославны» из «Слова о полку Игореве».

И кто, скажи мне, научил... — К этим строкам в журнальном тексте дано примечание: «Это место темно для тех, кто не читал сих осьми стихов, написанных на белой книге, в которой будет твориться Русская Поэма в роде Виландова Оберона». «Белая книга», упоминаемая в этом примечании, не сохранилась. Видимо, она предназначалась для работы над поэмой «Владимир», которую поэт так и не создал. О характере стихотворного обращения (*«сих осьми стихов»*) можно судить по «Посланию к Жуковскому», в котором Боейков призывает поэта создать поэму в «русском вкусе»:

Напиши поэму славную,
В русском вкусе повесть древнюю!
Будь наш Виланд, Ариост, Байн!
Нам предметов не заимствовать
И за словом не за море плыть!
На Руси был свой Великий Карл,
Князь Владимир, солнце светлое..

К Тургеневу, в ответ на стихи, присланные им вместо письма. Написано 26 марта 1814 г. Напечатано впервые в «Стихотворениях Василия Жуковского», ч. II, СПб., 1816.

Посылая А. И. Тургеневу эти стихи, Жуковский писал: «Вот тебе ответ на твои два итальянские стиха, которых всю цену и все значение понимаю и чувствую».

«Хорошо, что ваше письмо коротко...» Написано, предположительно, 12 августа 1814 г. Напечатано впервые в Полном собрании сочинений В. А. Жуковского под ред. А. С. Архангельского, т. II, СПб., 1902. Адресат послания не установлен. Сохранилось в копии, сделанной рукой А. И. Тургенева, с поправками П. А. Вяземского: *Хлыстов* переделан в *Хвостов*, *Кубышкин* переделан в *Кутузов*; см. о последних в примечаниях «К Воейкову» («О Воейков! Видно, нам...»).

Б и б л и я. Написано 4—5 октября 1814 г. Напечатано впервые в журнале «Российский музей», 1815, ч. I, № 1. Перевод из поэмы Л. Фонтана «*Les Livres saints*» («Священное писание»).

И м п е р а т о р у А л е к с а н д р у. Написано 14—23 ноября 1814 г. Напечатано впервые отдельной брошюрой (СПб., 1815). Жуковский писал это произведение строго обдуманно, с предварительным планом, как бы поэтически обобщая историческое значение победы русского народа над Наполеоном I. В письме к Рылееву (1825) А. С. Пушкин приводил это послание Жуковского как образец благородства и независимости «наших талантов»: «Вот как русский поэт говорит русскому царю!» Высоко ценил это произведение и К. Н. Батюшков. Он писал (в письме к А. И. Тургеневу): «Здесь Жуковский превзошел себя: его стихи — верьте мне! — бессмертные».

Как троны падали под хищникову длань... — Имеется в виду война Наполеона I против Австрии в 1800—1801 гг., положившая начало его завоеваниям Западной Европы.

Давно ль одряхший мир мы зрели в мертвом сне? — Подразумевается предреволюционное состояние Европы до 1789 г.

И первый Лилий трон у галлов над главами Вспылал, разверзнувшись как гибельный вулкан — трон французской королевской династии Бурбонов (на гербе которой были изображены лилии), низвергнутый французской буржуазной революцией 1789 г.

Питомец ужасов, безвластия и брани — Наполеон Бонапарт.

От Сциллы древняя до Бельта берегов... — *Сцилла* — Сицилия (здесь в значении — Италия); *Бельт* — Балтийское море.

И грозно возблестал спасенья страшный год! — 1812 г.,

И брошенными в прах потушими громами... — Замолкнувшими пушками.

И вождь наш смертью окованные везды... — Кутузов, умерший в самом начале европейского похода, 16 апреля 1813 г..

И чуждый вождь — увы! судьба его щадила, Чтоб первой жертвой он на битве правды пал... — французский генерал Моро, прибывший из Америки, чтобы бороться с Наполеоном на стороне союзников, и убитый в сражении под Дрезденом в августе 1813 г.

К ним Герман с хорда нес свободы знамена. — Подразумевается Пруссия, которая первой примкнула к антинаполеоновской коалиции 1813 г.

О славный Кульмский бой! о доблесть славянина! — Сражение при Кульме (в Чехии), где русскими была одержана победа над французскими войсками, произошло 17—18 августа 1813 г.

Уж видят тот рубеж, ту цель и т. д. — Речь идет о сражении под Лейпцигом (16—19 октября 1813), получившем название «битвы народов», где войска союзников одержали решительную победу над французами.

Секвана — древнеримское название реки Сены.

О незабвенный день! смотрите — победитель и т. д. — После ваяния Парижа был отслужен молебен в присутствии русской армии на площади Согласия, там, где в 1793 г. казнили Людовика XVI.

И гордо по зыбям потек от Альбиона Спасительный корабль, несущий кровь Бурбона... — Речь идет о возвращении из Англии Людовика XVIII, возведенного на французский престол союзниками.

Предтеча в славе твой, герой спасенья спит... — М. И. Кутузов, погребенный в Казанском соборе в Петербурге.

Усыпленный храм — собор в Петропавловской крепости на Неве, где погребен Петр I.

Те о н и Э с х и н. Написано 1—11 декабря 1814 г. Напечатано впервые в журнале «Вестник Европы», 1815, № 5 и 6. «На это стихотворение можно смотреть как на программу всей поэзии Жуковского, как на изложение основных принципов ее содержания», — писал Белинский в своих статьях о Пушкине (Полное собрание сочинений, т. VII, М., 1955, стр. 194).

В а л ь б о м. Барону П. И. Черкасову. Написано 12 декабря 1814 г. Напечатано впервые в «Русском архиве», 1870, № 3. П. И. Черкасов (1797—1867) — сын соседа Юшковых по имению, его село Володьково, где часто бывал поэт, находилось непо-

далеку от Долбина. Жуковский ценил этого юношу, через А. И. Тургенева хлопотал о его устройстве в Петербургский университет или в Педагогический институт. Впоследствии, поступив на военную службу, поручик П. И. Черкасов примкнул к тайному обществу. Следственной комиссией по делу о декабристах он был осужден на каторжные работы в Ялуторовск со следующим определением по «Росписи государственным преступникам»: «Знал об умысле на цареубийство и принадлежал к Тайному обществу с знанием цели».

ДОЛБИНСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Название этой группы стихотворений принадлежит самому поэту, который, вынужден был из-за своих сложных отношений с Протасовыми провести сентябрь — декабрь 1814 г. и начало января 1815 г. в Долбине — имении А. П. Киреевской (рожд. Юшковой). В некоторых из этих стихотворений уже видны те приемы полемической литературной борьбы, которыми характеризуется период деятельности «Арзамаса». В прижизненных собраниях сочинений Жуковского из этой группы стихотворений печатались только «Добрый совет. В альбом В. А. Азбукину» и «Отрывок из послания к кн. Вяземскому» («Нам славит древность Амфиона...»).

Добрый совет. В альбом В. А. Азбукину. Написано 2 октября 1814 г. Напечатано впервые в «Стихотворениях Василия Жуковского», ч. II, СПб., 1816.

Азбукин Василий Андреевич (ум. 1832) приходился сводным братом племянниц Жуковского, М. и А. Протасовых, и мужем его племянницы Е. Юшковой. Во время Отечественной войны 1812 г. Азбукин был начальником Жуковского в ополчении. Поводом для этого стихотворения послужили стихи самого Азбукина:

Живу без страха меж людей,
Мой кров — святое провиденье,
А спутники грядущих дней —
Любовь, надежда и терпенье.

Бесподобная записка к трем сестрицам в Москву. Написано 6 октября 1814 г. Напечатано впервые (в отрывке) в сборнике «Памятник отечественных муз, изданный на 1827 год Борисом Федоровым», СПб., 1827, со слов «Не возвратил ли воспоминанья». Возможно, что «три сестрицы» — это жена барона И. П. Черкасова и ее сестры.

Что такое закон? Написано в начале октября 1814 г. Напечатано впервые в «Русском архиве», 1864, № 10. М. Горький так охарактеризовал это произведение: «умные и меткие слова» (см. его «Историю русской литературы», М., 1939, стр. 62).

ЭПИТАФИИ

Написаны 8 октября 1814 г. Напечатаны впервые — «Завоевателям», «Пьянице», «Хромому» — в «Российском музее», 1815, ч. II, № 4; «Моту», «Грамотею» — в «Русском архиве», 1864, № 10; «Толстому эгоисту» — в Полном собрании сочинений В. А. Жуковского под ред. А. С. Архангельского, т. II, СПб., 1902. Видимо, эпитафии являются переводными, но источники их не установлены.

К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину («Друзья, тот стихотворец — горе...»). Написано 16 октября 1814 г. Напечатано впервые в «Российском музее», 1815, ч. II, № 6, под заглавием «Послание к Вяземскому и Пушкину».

Пушкин Василий Львович (1767—1830) — поэт карамзинской школы, дядя А. С. Пушкина; напечатал в «Цветнике» в 1810 г. «Послание к В. Жуковскому», в котором говорил о вражде шипковистов к новой поэзии. Позднее В. Л. Пушкин написал подобного же характера послание к князю П. А. Вяземскому. Тот написал ответное послание, где советовал Пушкину презирать завистников и следовать во всем Карамзину. Настоящее послание Жуковского как бы подвело итог этой поэтической дискуссии.

«Димитрия» творец — В. А. Озеров (1770—1816), автор патристической трагедии «Дмитрий Донской» (1807), пользовавшейся большой популярностью в годы войны с Наполеоном.

Чувствительность его сразила... — Нападки и литературные интриги после неуспеха трагедии Озерова «Поликсена» (1809) привели его к помешательству.

Моина — имя героини другой трагедии Озерова — «Фингал» (1805).

Послания к кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину («Вот прямо одолжили...», «На этой почте все в стихах...»). Написано 17 октября 1814 г. Напечатано впервые в «Русском архиве», 1866, № 6. Первое послание посвящено стилистическому разбору послания В. Л. Пушкина «К кн. П. А. Вяземскому» и послания П. А. Вяземского «К В. Л. Пушкину». Второе же послание Жуковского содержит отзыв поэта о собственном послании к Вяземскому и Пушкину («Друзья, тот стихотворец — горе...»),

Друг юности — реакционный журнал религиозно-мистического направления «Друг юношества», издававшийся в 1807—1815 гг.

Или напишутся одни иносказанья! — Взамен «карамзинского» слова «аллегория» А. С. Шишков предлагал употреблять слово «иносказание».

Смерть («То сказано глупцом и принято глупцами...»). Написано в октябре 1814 г. Напечатано впервые в «Российском музее», 1815, ч. III, № 8. В прижизненные собрания сочинений Жуковского не входило. Пересказ афоризма Сенеки.

Максим. Написано в 1814 г. Напечатано впервые в «Русском архиве», 1864, № 10. Перевод французского шуточного стихотворения-куплетов «Monsieur de la Palice» («Господин де ла Палис»). Для названия стихотворения Жуковский взял имя своего старого слуги Максима, которого он в 1823 г. отпустил на волю.

К князю Вяземскому («Нам славит древность Амфиона...»). Написано 7 ноября 1814 г. Напечатано впервые в «Российском музее», 1815, ч. III, № 9.

К Вяземскому. Ответ на его послание к друзьям. Написано 8—9 ноября 1814 г. В «Российском музее», 1815, ч. I, № 3 опубликован был лишь отрывок со слов: «Надежда сердцем жить в веках», который затем перепечатывался в прижизненных собраниях сочинений Жуковского.

Послание Вяземского «К друзьям» было обращено к Жуковскому и Батюшкову. В нем он, давая оценку своему творчеству, заявляет:

Чтоб более меня читали,
Я стану менее писать

Похвалы и пени — слова из послания Вяземского «К друзьям».

Любовная карусель, или Пятилетние меланхолические стручья сердечного любления. Написано в 1814 г. Напечатано впервые полностью в Полном собрании сочинений В. А. Жуковского под редакцией А. С. Архангельского, т. II, СПб., 1902, под заглавием: «Любовная карусель. Тульская баллада».

Каго, Анета и Авдотья — Екатерина, Анна и Авдотья Юшковы, племянницы Жуковского.

Азбукин — муж Екатерины Юшковой, которому поэт посвятил стихотворение «Добрый совет. В альбом В. А. Азбукину».

Плач о Пиндаре. Написано 20 декабря 1814 г. Напечатано впервые в «Русском архиве», 1864, № 10, с подзаголовком: «Быль». Сатира направлена против эпигонов классицизма, ревностных

участников «Беседы любителей русского слова», приверженцев литературных взглядов А. С. Шишкова.

Пестов — то есть граф Д. И. Хвостов (1757—1835), бездарный одописец, считавший себя последователем Гомера и Пиндара.

Ученая дама — вероятно, поэтесса А. П. Бунина (1774—1828), уважаемая Шишковым за «ученость».

К Воейкову («О Воейков! Видно, нам...»). Написано 21 декабря 1814 г. Напечатано впервые в журнале «Современник», 1856, т. LX, № 11, в «Библиографических записках» М. Н. Лонгинова, где были раскрыты подлинные фамилии осмеиваемых лиц — членов «Беседы любителей русского слова».

Зрел обверткой пиров Я недавно Андромашу. — Намек на перевод гр. Хвостова трагедии Ж. Расина (1639—1699) «Андромаха».

...на заклею окон Грея. Зрел недавно, как Пиндар... Зрел, как Сафу бил голик... — Намек на переводы произведений этих поэтов, сделанные ярым врагом карамзинистов, сенатором П. И. Голенищевым-Кутузовым.

...и Электрой и Орестом — намек на трагедию бездарного поэта А. Н. Грузинцева «Электра и Орест», на которую Жуковский написал рецензию в «Вестнике Европы», 1811, № 22.

Внимающий старик — А. С. Шишков.

Голубец — народная пляска.

И подмигивал старушке... — Старушка — А. П. Бунина.

Басен Дмитриева в окладе. — Поэт-карамзинист И. И. Дмитриев (1760—1837), лишь по положению высокопоставленного лица (до 1814 г. он был министром юстиции и членом государственного совета) состоял членом «Беседы».

Хлыстов — Д. И. Хвостов.

Пустопузов — С. А. Ширинский-Шихматов, активный деятель «Беседы», автор поэмы «Пожарский, Минин, Гермоген...».

Груздочкин-траголюб — А. Н. Грузинцев.

Фирс Коротконогий — Ф. П. Львов, член «Беседы».

Очугился из Садов... — Имеется в виду перевод А. Ф. Воейкова поэмы «Сады» французского поэта Жака Делиля (1738—1813), произведения которого были широко известны в России в начале XIX века.

Ареопагу. Написано в конце декабря 1814 или в январе 1815 г. Напечатано впервые в «Русском архиве», 1864, № 10. Послание императору Александру I (1814) Жуковский еще в рукописи посылал на просмотр своим литературным друзьям. Батюшков и Вяземский сделали ему ряд критических замечаний, возражения на которые Жуковский изложил в этом стихотворении.

Однако некоторые поправки Жуковский внес в «Послание», в том числе поправки, сделанные, очевидно, по устным замечаниям Воейкова.

«Предсудилище Миноса...» Написано 1 января 1815 г. Напечатано впервые в «Русском архиве», 1864, № 10. Вероятно, это пародия на творчество Д. И. Хвостова в области басен.

Младенец. Написано в январе — марте 1815 г. Напечатано впервые в «Российском музее», 1815, ч. II, № 5, под заглавием «Стансы». Перепечатано в «Стихотворениях В. Жуковского», ч. I, СПб., 1824, под заглавием «Младенец (в альбом графини О. П.)» — то есть Ольги Станиславовны Потоцкой, в замужестве Нарышкиной, без первой строфы:

Можно ль в жизни молодой
Сердце мучить лживой тенью?
Нет, считай мечту мечтой,
Остальное ж — провиденью.

⟨К Т. Е. Боку.⟩ Написано в 1815 г. Напечатано впервые в «Летописях русской литературы и древности», 1859, т. I, в статье Н. П. Лыжина «Знакомство Жуковского со взглядами романтической школы». Эти стихотворения свидетельствуют о дружбе Жуковского с одним из передовых людей того времени, из которых формировалось декабристское движение.

Тимофей-Эбергард Георгиевич (Егорович) фон Бок (1787—1836) — сын влиятельного деятеля дворянской общественности Лифляндии, известного своим участием в деле восстановления Дерптского университета. Т. Е. Бок с восемнадцатилетнего возраста начал военную службу, участвовал во всех войнах, которые вела Россия с 1806 г., в том числе в войнах с Наполеоном. В 1813 г. он был уже полковником лейб-гвардии гусарского полка, награжденным несколькими боевыми орденами и золотым оружием за храбрость. В 1815 г., находясь в отпуску на родине, он знакомится в Дерпте с Жуковским, который здесь бывал в связи с тем, что семья Протасовых переехала сюда вместе с А. Ф. Воейковым, назначенным профессором русской словесности местного университета. Вместе с Т. Е. Боком Жуковский слушает лекции проф. Г. Эверса по истории средних веков, они бывают в домах дерптской интеллигенции, вместе ездят в Петербург. Благодаря Жуковскому Т. Е. Бок знакомится с А. И. Тургеневым, Карамзиным. Дружба эта продолжалась до 1818 г. Сохранилось письмо поэта к Боку, датированное 18 февраля 1818 г., в котором он пишет: «Душа везде и во всякое время тебе откликнется». В апреле 1818 г. Бок отправил Александру I, которого он лично знал, «Записку», обосновы-

вающую необходимость введения в России конституционного образа правления. Царь за такую «неслыханную дерзость» приказал немедленно заключить Бока в каземат Шлиссельбургской крепости. Девять лет провел Бок в секретном заточении и сошел там с ума.

Первое из этих стихотворений написано в связи со срочным отъездом Бока в действующую русскую армию, когда стало известно о попытке Наполеона, бежавшего с острова Эльба, захватить власть во Франции (так называемые «Сто дней»). Жуковский подарил Боку отдельное издание «Певца во стане русских воинов», на последней странице которого был написан автограф данного стихотворения с пометой: 1815 г. Апрель 7.

Старцу Эверсу. Написано 14 августа 1815 г. Напечатано впервые в «Стихотворениях Василия Жуковского», ч. I, СПб., 1815.

Эверс Лоренц (1742—1830) — профессор догматического богословия в Дерптском университете. Жуковский называл эти стихи «дерптскими повторениями» «Теона и Эсхина».

К кн. Вяземскому («Благодарю, мой друг, тебя за доставление...»). Написано 19 сентября 1815 г. Напечатано впервые в «Русском архиве», 1866, № 6. Критический разбор «Вечера на Волге», данный в этом послании, был учтен Вяземским, и в произведение, опубликованное в «Сыне отечества», 1821, № 28, были внесены рекомендуемые поправки.

Мой стих перед тобою... — Имеются в виду следующие строки из «Двенадцати спящих дев» («Громобой»):

Река сравнялась в берегах;
Зажглись светила ночи;
И сон глубокий на полях;
И близок час полночи...

Славянка. Написано в сентябре — первой половине октября 1815 г. Напечатано впервые в «Стихотворениях Василия Жуковского», ч. II, СПб., 1816.

Одной из самых характеристических черт поэзии Жуковского Белинский считал искусство этого поэта «живописать картины природы и влагать в них *романтическую* жизнь. Утро ли, полдень ли, вечер ли, ночь ли, ведро ли, буря ли, или пейзаж — все это дышит в ярких картинах Жуковского какою-то таинственною, исполненною чудных сил жизнью...» Приведя ряд отрывков из стихотворений Жуковского, в том числе из «Славянки», Белинский заключает: «Таких примеров мы могли бы выписать и еще больше, но думаем, что и этих слишком достаточно, чтобы показать, что изображаемая Жуковским природа — *романтическая природа*,

дышащая таинственной жизнью души и сердца, исполненная высшего смысла и значения» (Полное собрание сочинений, т. VII, М., 1955, стр. 215 и 219).

В *Павловске* — царской летней резиденции — жила тогда Мария Федоровна (вдова Павла I).

Маркос Иван Петрович (ок. 1750—1835) — знаменитый русский скульптор, автор находящегося в Москве на Красной площади монумента Минину и Пожарскому и многих других выдающихся произведений.

Голос с того света. Написано в 1815 г. Напечатано впервые в сборнике «Für Wenige. Для немногих», 1818, № 3, под заглавием: «Юлия, Голос с того света». Вольный перевод стихотворения Шиллера «Thekla. Eine Geisterstimme» («Текла. Посмертный голос»).

Текла — героиня трагедии Шиллера «Валленштейн».

Песня («Розы расцветают...»). Написано в 1815 г. Напечатано впервые в журнале «Славянин», 1827, ч. 2, № 15, под названием «Розы», с иным окончанием первой строфы:

Небо станет ясно;
Счастье прекрасной
Розой расцветет!

Перевод стихотворения Ф.-Г. Ветцеля «Wenn die Rosen blühn» («Когда расцветают розы»).

Песня («Птичкой певичею...»). Написано в 1815 г. Напечатано впервые в журнале «Славянин», 1827, ч. 3, № 31, под заглавием «Моя желанья». Перевод немецкой песни «Wär'g ich ein Vögelein flög ich zu dir» («Будь я птичкой, я полетел бы к тебе»). Автор оригинала неизвестен.

Песня («Где фиалка, мой цветок?»). Написано в 1815 г. Напечатано впервые в журнале «Славянин», 1827, ч. 3, № 35, под заглавием «Фиалка». Перевод стихотворения И.-Г. Якоби «Nach einem alten Liede» («Вслед за старой песней»).

Песня («К востоку, все к востоку...»). Написано в 1815 г. Напечатано впервые в четвертом собрании сочинений Жуковского (1835—1844 гг.). Перевод стихотворения Ф.-Г. Ветцеля «Nach Osten» («На восток»).

«Кто слез на хлеб свой не ропял...» Написано в начале 1816 г. Напечатано впервые в сборнике «Für Wenige. Для немногих», 1818, № 2. Перевод стихотворения Гете «Wer nie sein Brot mit Tränen ass...» («Кто никогда не ел свой хлеб со сле-

зами...»), входящего в его роман «Годы учения Вильгельма Мейстера» (кн. II, гл. XIII).

Песня («Кольцо души-девицы...»). Написано в 1816 г. Напечатано впервые в сборнике «Für Wenige. Для немногих», 1818, № 1. Вольный перевод немецкой народной песни «Der Ring ist mir entfallen» («Кольцо у меня выпало»).

Воспоминание («Прошли, прошли вы, дни очарования!»). Написано в начале 1816 г. Напечатано впервые в сборнике «Für Wenige. Для немногих», 1818, № 2. Перевод одноименного романа Монкрифа «Souvenance».

На первое отречение от престола Бонапарте. Написано во второй половине марта 1816 г. Напечатано впервые в журнале «Сын отечества», 1816, ч. 29, № 14, под заглавием «Стихи, петье на празднестве английского посла лорда Карткарта, в присутствии его и. в.» и с примечанием: «Сей великолепный праздник дан был ныне 28 марта, в день падения и отречения Бонапартова за два года перед сим. Все генералы, участвовавшие в той знаменитой кампании, были приглашены к оному». (Отречение Наполеона от французского престола произошло 28 марта 1814 года в Фонтенбло.)

В прижизненные собрания сочинений Жуковского не входило.

Сон. Написано в 1816 г. Напечатано впервые в альманахе «Полярная звезда на 1823 год». Перевод стихотворения И.-Л. Уланда «Sängers Vorüberziehn» («Промелькнувший певец»), с небольшими отступлениями от подлинника.

Песня бедняка. Написано в 1816 г. Напечатано впервые в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения», 1820, ч. X, № 6. Перевод одноименного стихотворения И.-Л. Уланда «Lied eines Armen».

Весеннее чувство. Написано в 1816 г. Напечатано впервые в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения», 1821, ч. XIII, № I.

Счастье во сне. Написано в 1816 г. Напечатано впервые в альманахе «Полярная звезда на 1823 год». Перевод стихотворения И.-Л. Уланда «Der Traum» («Сон»).

«Там небеса и воды ясны!» Написано между сентябрем и ноябрем 1816 г. Напечатано впервые в журнале «Москвитин», 1853, т. I, № 2, в речи С. П. Шевырева «О значении Жуковского в русской жизни и поэзии». Вольный перевод стихотворения Р. Шатобриана «Combien j'ai douce souvenance...» («Как сладко мне воспоминание...»), входящего в его повесть «История последнего из Абеспераджей».

Овсяный кисель. Написано в октябре 1816 г. Напечатано впервые в сборнике «Für Wenige. Для немногих», 1818, № 2. Перевод одноименного стихотворения И.-П. Гебеля «Das Haberthuss». В своем переводе Жуковский заменил немецкие имена русскими и отбросил три последних стиха.

Деревенский сторож в полночь. Написано в октябре 1816 г. Напечатано впервые в сборнике «Für Wenige. Для немногих», 1818, № 4. Перевод идиллии И.-П. Гебеля «Der Wächter in der Mittelnacht» («Сторож в полночь»).

Тленность. Написано в октябре 1816 г. Напечатано впервые в сборнике «Für Wenige. Для немногих», 1818, № 3. Перевод одноименного стихотворения Гебеля «Die Vergänglichkeit». А. С. Пушкин пародировал начало этого стихотворения:

Послушай, дедушка, мне каждый раз,
Когда взгляну на этот замок Ретлер,
Приходит в мысль: что, если это проза,
Да и дурная?.. —

выражая тем самым свое отрицательное отношение к белым (не рифмованным) беседурным ямбам Жуковского. Но затем, как известно, Пушкин сам стал писать белым ямбом (например, «Борис Годунов»). Батюшков также не оценил сразу новаторские переводы из Гебеля Жуковского; он писал последнему в августе 1819 г.: «Прошу тебя писать ко мне; чего тебе стоит, когда ты имеешь время писать ко всем фрейлинам, и еще время переводить какого-то базельского Пиндара на какие-то пятистопные стихи».

Явление богов. Написано в 1816 г. Напечатано впервые в журнале «Славянин», 1827, ч. III, № 33. В прижизненные собрания сочинений Жуковского не входило. Перевод стихотворения Шиллера «Dithyrambe» («Дифирамб»).

Утешение в слезах. Написано в конце 1817 г. Напечатано впервые в сборнике «Für Wenige. Для немногих», 1818, № 1. Перевод одноименного стихотворения Гете «Trost in Tränen».

Жалоба пастуха. Написано в конце 1817 г. Напечатано впервые в сборнике «Für Wenige. Для немногих», 1818, № 1. В прижизненные собрания сочинений Жуковского не входило. Перевод стихотворения Гете «Schäfers Klagelied» («Жалобная песня пастуха»).

Ми на. Написано в конце 1817 г. Впервые напечатано в сборнике «Für Wenige. Для немногих», 1818, № 1. В прижизненные собрания сочинений Жуковского не входило. Перевод песни Миньоны «Kennst du das Land...» («Знаешь ли ты край...»), из романа Гете «Годы учения Вильгельма Мейстера».

К м е с я ц у. Написано в конце 1817 г. Напечатано впервые в сборнике «Für Wenige. Для немногих», 1818, № 2. Перевод одноименного стихотворения Гете «An den Mond». В тексте сборника есть еще одна строфа, которую при последующих перепечатках стихотворения Жуковский отбросил:

Что в полночный тихий час
Слышимо душой,
Очаровывает нас
Тайною мечтой.

АРЗАМАССКИЕ СТИХИ

Литературное общество «Арзамас» (полное его название — «Арзамасское общество безвестных людей») формально организовалось вскоре после постановки на сцене в 1815 г. комедии А. А. Шаховского «Липецкие воды, или Урок кокеткам», направленной против Жуковского, а в его лице — против всех карамзинистов. Одной из основных задач «Арзамаса» была борьба против Академии российской и примыкавшей к ней «Беседы любителей русского слова», созданной в 1811 г. А. С. Шишковым. Характер и формы этой борьбы в некоторой степени отражены в протоколах «Арзамаса», значительная часть которых написана Жуковским, являвшимся бессменным секретарем общества. (Все сохранившиеся протоколы и другие документы «Арзамаса» опубликованы М. С. Боровковой-Майковой в сб. «Арзамас и арзамасские протоколы», Л., 1933.) Большинство протоколов, как и речи членов «Арзамаса», написаны прозой, но некоторые из них Жуковский написал гекзаметром (из последних сохранились только четыре протокола и одна его речь). Высмеивая и зло критикуя литературные произведения своих противников, арзамасцы использовали пародийно в своих сочинениях слова и фразеологические обороты старославянского языка, достигая этим необычайно комических эффектов. Многие из арзамасских сочинений имели значительное распространение, скоро становились известными тем, против кого они были направлены, и, разумеется, вызывали соответствующую реакцию. Так, исследователями установлено, что после весьма остроумной речи Жуковского, произнесенной им на одном из заседаний «Арзамаса» о басенном творчестве Д. И. Хвостова, тот при переиздании своих «Избранных притч» исключил ряд раскритикованных басен, а другие переделал.

Помимо литературной борьбы с членами Академии российской и «Беседы любителей русского слова», прекратившей свое суще-

ствование в середине 1816 г., «Арзамас» много внимания уделял обсуждению новых произведений писателей — членов общества; на заседаниях читались некоторые главы «Истории государства российского» Карамзина, проводились беседы политического характера и т. п. Собирались арзамасцы издавать собственный журнал, обсуждению программы которого было посвящено несколько заседаний общества. Протокол одного из них написан Жуковским гекзаметром как стихотворный отчет.

Протокол двадцатого арзамасского заседания. Напечатано впервые в «Русском архиве», 1868, № 4 и 5. Заседание «Арзамаса», о котором идет речь, является не двадцатым (*двадесятым*, как пишет Жуковский), а двадцать первым, происходившим в июне 1817 г. Оно являлось продолжением двадцатого заседания, состоявшегося 22 апреля 1817 г.

Травный, Исок, Грудень — май, июнь, декабрь; старославянские названия месяцев. Арзамасцы использовали их в плане пародии на «славянщину» литераторов «Беседы любителей русского слова».

...на берегу Карповки... — Карповка — река, протекавшая на окраине тогдашнего Петербурга; здесь находилась дача С. С. Уварова.

Вещего Штейна... — Имеется в виду барон Г. Штейн (1756—1831), немецкий государственный деятель, изгнанный по требованию Наполеона из Пруссии за патриотическую, антибонапартистскую деятельность. В честь его была названа беседка в саду уваровской дачи, где нередко происходили заседания «Арзамаса».

Все члены «Арзамаса» имели прозвища, заимствованные из баллад Жуковского, называемых в протоколах общества «мученическими», так как они подверглись осмеянию в комедии Шаховского «Липецкие воды». В «Протоколе» упоминаются: *Эолова Арфа* (из баллады того же названия) — А. И. Тургенев (1784—1845); *Рейн* («Адельстан») — М. Ф. Орлов (1788—1842); *Старушка* («Баллада, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне...») — С. С. Уваров (1786—1855); *Варвик* («Варвик») — Н. И. Тургенев (1789—1871); *Журка* (то есть журавль из баллады «Ивиковы журавли») — Ф. Ф. Вигель (1786—1865); *Пустынный* («Пустынный») — Д. А. Кавелин (1778—1851); *Асмодей* («Двенадцать спящих дев», баллада первая — «Громобой») — П. А. Вяземский (1792—1878); *Громобой* (из той же баллады) — С. П. Жихарев (1787—1860); *Светлана* («Светлана») — В. А. Жуковский; *Кассандра* («Кассандра») — Д. Н. Блудов (1785—1864).

В «Протоколе» упоминаются также литературные враги «Арзамаса», члены «Беседы любителей русского слова» (*халдеи*), к моменту этого заседания уже прекратившей свою деятельность: председатель ее и президент Академии российской А. С. Шишков (1754—1841), *Шутовской* — драматург А. А. Шаховской (1777—1846), П. И. Голенищев-Кутузов (1767—1829), с реакционных позиций критиковавший Карамзина, гр. Д. И. Хвостов (1757—1835); под именем *Вздохалова* разумеется или кн. П. И. Шаликов (1768—1852), эпигон карамзинизма, примкнувший к «Беседе», или Е. И. Станевич (1775—1835), деятельный член «Беседы», друг и верный последователь Шишкова; Г. М. Яценко (ум. 1852) — цензор и журналист, издатель журнала «Дух журналов».

Сев в углу на словарь... — Имеется в виду «Словарь Академии российской» (1783—1794), в котором центральное место занимали слова «высокого слога», преимущественно старославянские.

Демид-арзамасец — Н. М. Карамзин, *важный маляр*, то есть крупный художник, управляющий делами Словесности (Демид — имя управляющего именьями П. А. Вяземского).

Князь Тюфякин П. И. (1769—1845) — директор императорских театров, крайний реакционер в вопросах театра и литературы.

Пушкина мысли — намек на легкомыслие В. Л. Пушкина.

...вести о курах с лицом человеческим... — По объяснению П. А. Вяземского, имеется в виду книга Г. Фишера «Описание курицы, имеющей в профиле фигуру человека», М., 1815.

Письма о бедных к богатым... — Под этим ироническим обозначением Жуковский, возможно, разумеет свои собственные статьи, помещенные в «Вестнике Европы», когда журнал выходил под его редакцией: «О повой книге. Училище бедных, сочинение госпожи Ле Пренс де Бомон...» (1808, № 21) и «Печальное происшествие» (1809, № 6).

Журнал состоялся. — Речь идет о решении издавать журнал. Это решение не было осуществлено.

⟨Речь в заседании «Арзамаса⟩. Напечатано впервые — не полностью, с пропуском 25 стихов — в «Отчете императорской Публичной библиотеки за 1884 год». Речь Жуковского (вместо протокола) приготовлена была, вероятно, для последнего заседания «Арзамаса», которое состоялось лишь 7 апреля 1818 г. (предыдущее заседание было 2 октября 1817 г.).

Беседа давно сколела... — Враг «Арзамаса» «Беседа любителей русского слова» прекратила существование вскоре после смерти Г. Р. Державина.

«Опасный сосед» — комическая поэма В. Л. Пушкина, высмеивающая литературных староверов, одно из любимых произведений арзамасцев.

«Чтения» — «Чтения в Беседе любителей русского слова» — орган «Беседы», редактируемый А. С. Шишковым.

Рассуждение Деда седого о слоге седом — сочинение А. С. Шишкова «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» (1803).

Мы написали законы; Зегельзен их переплел... — Устав «Арзамаса», составленный Жуковским и Д. Н. Блудовым и переплетенный петербургским переплетчиком Зегельхеном, хранится ныне в Государственном историческом музее в Москве.

Реин — М. Ф. Орлов был в 1817 г. назначен на службу в Киев; *нас взбаламутит* — Орлов был одним из инициаторов издания «Арзамасом» политического журнала.

Я, Светлана, в графах таблиц... — Жуковский с 1817 г. преподавал русский язык великой княгине Александре Федоровне, для чего составлял грамматические таблицы.

Асмодей, распростившись с халатом свободы... — П. А. Вяземский был в 1817 г. назначен на службу в Варшаву и, написав перед отъездом «Прощание с халатом», выехал в феврале 1818 г. из Петербурга к месту службы.

Резвый Кот (из баллады Жуковского «Пустынник») — Д. П. Соверин (1791—1865), женившийся вскоре, в 1818 г., на Е. С. Стурдза.

Кассандра — Д. Н. Блудов, назначенный в начале 1818 г. сотрудником русского посольства в Лондон.

Челн Очарованный (из баллады «Адельстан») — П. И. Полетика (1778—1849), дипломат, с 1817 г. — русский посланник в США.

Чу (выражение, встречающееся во многих балладах Жуковского) — Д. В. Дашков (1788—1839), один из основателей «Арзамаса», в 1818—1820 гг. служил в русском посольстве в Константинополе.

Ахилл (из баллады Жуковского того же названия) — К. Н. Батышков (1787—1855), живший зимою 1817—1818 г. то в Петербурге, то в Москве, то в деревне.

Сверчок (из баллад «Светлана» или «Пустынник») — А. С. Пушкин, во второй половине января 1818 г. серьезно заболевший.

Арфа (из баллады «Эолова арфа») — А. И. Тургенев.

Вот-я-вас (Вот, Вотрушка, Вот-я-вас-опять; словом «Вот» часто начинается строфа в «Светлане») — В. Л. Пушкин (1767—1830), автор «Опасного соседа» и сказки «Кабуд-путешественник» (напеч. 1818).

Почетный наш баснописец — И. И. Дмитриев (1760—1837), «почетный гусь» «Арзамаса» (эмблемой которого был гусь); об участии Дмитриева, постоянно жившего в Москве, в заседании общества «под знаменем гуся» никаких сведений не имеется.

Новая любовь — новая жизнь. Написано в январе или феврале 1818 г. Напечатано впервые в сборнике «Für Wenige. Для немногих», 1818, № 2. В прижизненные собрания сочинений Жуковского не входило. Вольный перевод одноименного стихотворения Гете «Neue Liebe — neues Leben».

Листок. Написано в январе или феврале 1818 г. Напечатано впервые в сборнике «Für Wenige. Для немногих», 1818, № 2. Перевод одноименного стихотворения А. В. Арно «La feuille». Стихотворение «La feuille» было написано тогда, когда его автор, бонапартист, находился в изгнании во время Реставрации; судьбу листка читатели и критики сопоставляли с судьбой поэта и других политических изгнанников, гонимых деспотизмом. Пушкин, в статье 1836 г. «Французская академия», писал о «Листке» Арно: «Участь этого маленького стихотворения замечательна. Костюшко перед своею смертью повторил его на берегу Женевского озера; Александр Ипсиланти перевел его на греческий язык; у нас его перевели Жуковский и Давыдов...»

Утренняя звезда. Написано в 1818 г. Напечатано впервые в сборнике «Für Wenige. Для немногих», 1818, № 3. Перевод одноименного стихотворения Гебеля «Der Morgenstern».

Верность до гроба. Написано в феврале или марте 1818 г. Напечатано впервые в сборнике «Für Wenige. Для немногих», 1818, № 3. Вольный перевод стихотворения Т. Кернера «Der treue Tod» («Верная смерть»), дописанного другом поэта, Карлом Шалем.

Летний вечер. Написано в 1818 г. Напечатано впервые в сборнике «Für Wenige. Для немногих», 1818, № 4. Перевод одноименного стихотворения Гебеля «Der Sommerabend».

Горная дорога. Написано в марте или начале апреля 1818 г. Напечатано впервые в сборнике «Für Wenige. Для немногих», 1818, № 4. Перевод стихотворения Шиллера «Berglied» («Горная песня»). Здесь романтически изображается подъем на перевал Сен-Готард в Альпах. Так, например, гигантская вершина Мутенгорн дается в образе: «Царица сидит высоко и светло».

Ответ кн. Вяземскому на его стихи «Вспоминание». Написано в первой половине апреля 1818 г. Напечатано впервые в «Дамском журнале», 1823, № 17. В прижизненные со-

брания сочинений Жуковского не входило. Стихотворение П. А. Вяземского «К воспоминанию» было также напечатано в «Дамском журнале», 1823, № 6, но написано оно в 1818 г. Ознакомившись с ним в рукописи, Жуковский написал ответ в стихах и послал его Вяземскому в письме от 17 апреля 1818 г.

Государыне великой княгине Александре Федоровне на рождение в. кн. Александра Николаевича. Написано 17—20 апреля 1818 г. Напечатано впервые отдельными двумя изданиями в Москве, 1818 г., цензурное разрешение 7 мая 1818 г., с датой: «Апреля 20 дня 1818 года». Послание посвящено рождению 17 апреля 1818 г. в Москве великого князя Александра Николаевича (впоследствии Александр II) и обращено к его матери.

Романов брал могущество державы... — Имеется в виду избрание царем Михаила Романова в 1613 г.

Ужасный пир Кагула и Эвксина. — Речь идет о победах над турками фельдмаршала Румянцева П. А. на реке Кагуле (1770) и в тот же год русского флота на Эгейском море.

Младой отец — великий князь Николай Павлович, в будущем — Николай I.

Праматерь — вдова Павла I Мария Федоровна.

Песня («Минувших дней очарованье...»). Написано в июле — ноябре 1818 г. Напечатано впервые в журнале «Сын отечества», 1821, ч. 74, № 4, под заглавием «Прежнее время».

«В альбом Е. Н. Карамзиной» («Будь, милая, с тобой любовь небес святая...»). Написано 24 ноября 1818 г. в альбом Екатерины Николаевны Карамзиной (1806—1867), дочери Карамзина от второго брака. Напечатано впервые в Собрании сочинений В. Жуковского под ред. К. С. Сербиновича, т. IV, СПб., 1869.

Все для души — формула из речи Карамзина на торжественном собрании Российской академии 5 декабря 1818 г.; этой формулой как бы выражалась сущность карамзинского психологизма, разделяемого Жуковским. Речь Карамзина была написана заранее, и с нею Жуковский был знаком еще в октябре 1818 г.

Утешение. Написано в 1818 г. Напечатано впервые в альманахе «Полярная звезда на 1823 г.». Вольный перевод стихотворения И.-Л. Уланда «Die Nonne» («Монахиня»). Жуковский перенес действие из монастырского сада на кладбище, русифицировал обстановку.

Мечта. Написано в 1818 г. Напечатано впервые в «Стихотворениях В. Жуковского», т. VI, СПб., 1836.

«К М. Ф. Орлову.» Написано в 1818 г. Напечатано впервые в «Отчете императорской Публичной библиотеки за 1884 г.».

Рейн — Орлов Михаил Федорович (1788—1842), генерал, участник Отечественной войны 1812 г., член «Союза благоденствия», был принят в члены «Арзамаса» в апреле 1817 г. и получил прозвище «Рейн». Орлов являлся одним из инициаторов издания арзамасцами общественно-политического журнала. В конце 1817 г. он был назначен на службу в Киев, что было замаскированным удалением из Петербурга за вольнолюбие, и здесь, в качестве начальника штаба корпуса, стал деятельно учреждать «ланкастерские» школы взаимного обучения для солдат; школы использовались для политической, антикрепостнической пропаганды. Под *милой красотой Жуковский*, возможно, разумеет самого себя — «Светлану» по арзамасскому прозвищу, так как все послание выдержано в «арзамасском» тоне и могло быть отправлено без подписи.

Санктпетербургский Орлов — вероятно, брат М. Ф. Орлова — Ф. Ф. Орлов (1792—1835), позднее служивший в Кишиневе и встречавшийся там с Пушкиным. Послание свидетельствует о желании оживить ставший уже бездеятельным «Арзамас». Было ли оно отправлено — неизвестно.

Надгробие И. П. и А. И. Тургеневым. Написано в конце декабря 1818 г. Напечатано впервые в сборнике «Памятник отечественных муз, изданный на 1827 год Борисом Федоровым», СПб., 1827, под заглавием: «Надгробие И. П. и А. И. Т...», с примечанием, что стихотворение написано за несколько лет до напечатания. Эпитафия для общего надгробия написана потому, что, по желанию И. П. Тургенева, он был похоронен (1807) рядом с сыном Андреем, под одной плитой.

На кончину ее величества королевы Виртембергской. Написано в январе 1819 г. Напечатано впервые отдельным изданием в СПб., 1819 (цензурное разрешение 2 февраля 1819 г.), с двумя эпиграфами из произведений Шиллера: первый — из монолога Теклы в IV действии трагедии «Смерть Валленштейна» (этот стих повторен, уже в переводе Жуковского, в конце первой строфы элегии: «Таков удел прекрасного на свете!»), второй — из стг. творения «Hoffnung» («Надежда»), третья строфа.

Королева Виртембергская Екатерина Павловна — сестра Александра I, внезапно скончавшаяся в Штутгарте 28 декабря 1818 г. В русской поэзии существовала традиция надгробных стихотворений (см., например, оду Г. Р. Державина на смерть князя Мещерского), но Жуковский эту тему разработал в плане лирического романтизма. Элегия пользовалась огромным успехом у современников. В одном из писем (К С. С. Уварову, май, 1819) К. Н. Батюшков писал: «Поздравляю любителей поэзии... с прекрасными сти-

хами Жуковского на смерть королевы». Белинский в статьях «Сочинения Александра Пушкина» так характеризует это произведение: «Жуковского можно назвать певцом *сердечных утрат*, и кто не знает его превосходной элегии на «Кончину королевы Виртембергской» — этого высокого католического реквиема, этого скорбного *гимна житейского страдания и таинства утрат?*..» (Полное собрание сочинений, т. VII, М., 1955, стр. 186).

К Э м м е («Ты вдали, ты скрыто мглою...»). Написано 12 июля 1819 г. Напечатано впервые в журнале «Славянин», 1828, ч. VIII, № 40. В прижизненные собрания сочинений Жуковского не входило. Перевод одноименного стихотворения Шиллера «An Emma».

Ц в е т з а в е т а. Написано 16 июня — 2 июля 1819 г. Напечатано впервые в журнале «Современник», 1837, т. V, под заглавием «Цветок». Стихотворение написано по желанию ученицы Жуковского, великой княгини Александры Федоровны, и содержит намеки на события в жизни царской семьи. Посылая текст этого стихотворения П. А. Вяземскому, А. И. Тургенев писал: «Посылаю тебе стихи Жуковского, написанные по заказу великой княгини. Она же дала и тему на немецком: «Ländler-Gras», у немцев — цвет завета. Чего не выразит чародей Жуковский! В сем «Цветке» соединяется воспоминание прошедшего с таинственностью будущего. Он часто означает какую-нибудь эпоху или минуту жизни, например свидание или разлуку. Знаменование его скорее понять, нежели объяснить можно».

Ознакомившись со стихотворением, П. А. Вяземский пишет (7 августа 1819): «Этот обер-черт Жуковский!.. Как можно быть поэтом по заказу? Стихотворцем — так, я понимаю; но чувствовать живо, дать языку души такую верность, когда говоришь за другую душу, и еще порфиородную, я постигнуть этого не могу!»

Г р а ф и н е С. А. С а м о й л о в о й («Графиня, признаюсь, большой беды в том нет...»). Написано 28—29 июня 1819 г. Напечатано впервые в Собрании сочинений Жуковского под ред. П. А. Ефремова, т. III, СПб., 1878, под заглавием, данным редактором: «Платок гр. Самойловой». Шутливое послание Жуковского адресовано фрейлине императрицы Марии Федоровны — графине Самойловой Софье Александровне (1797—1866), в которую тридцатилетний поэт был влюблен. Видимо, к ней относится четверостишие, написанное 15 июля 1819 г.:

Мы поменялись сердцами,
Взаимностью обручены,
На брак мы не равны годами,
Зато мы дружеством равны.

Колпино — пригород Петербурга, находящийся недалеко от Павловска.

Монплеизур — павильон в Петергофе (Петродворце), на берегу Финского залива.

Унди́на — героиня одноименной повести Ф. де Ламот-Фуке.

Студенец — персонаж повести «Унди́на» (в переводе Жуковского — Струй).

Старушка — из «Баллады, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне вдвоем и кто сидел впереди».

Бомар — Жак-Христоф-Вальмон де Бомар (1731—1807) — французский натуралист, автор знаменитого в свое время «Dictionnaire raisonné universel d'histoire naturelle».

Красавицу умчит в Алжир корсар и т. д. — смесь персонажей различных современных Жуковскому авантюрных романов западноевропейских авторов.

София — имя графини Самойловой — значит по-гречески: мудрость.

(Василию Алексеевичу Перовскому). Написано 23 июля — 2 августа 1819 г. Напечатано впервые в «Московском телеграфе», 1827, № 7, под заглавием «К***». В прижизненные собрания сочинений Жуковского не входило.

Перовский Василий Алексеевич (1794—1857) — побочный сын графа А. К. Разумовского, брат писателя, известного под псевдонимом Антония Погорельского, участник Отечественной войны 1812 г. (его сделал героем своего романа «Сожженная Москва» Г. П. Данилевский). Близкий друг и с 1818 г. адъютант великого князя Николая Павловича, В. А. Перовский находился в приятельских отношениях с Жуковским. Одно время они оба были увлечены графиней С. А. Самойловой. Между ними произошло по этому поводу откровенное объяснение, в результате которого Жуковский отказался от своих притязаний на Самойлову, свидетельством чего и является настоящее послание. По-видимому, Перовскому же адресованы и следующие стихотворные строки, написанные 11 июля 1819 г.:

Счастливец! *Ею* ты любим!
Но будет ли она любима так тобою,
Как сердцем искренним *моим*,
Как пламенной *моей* душою!
Возьми ж их от меня — и страстию *своей*
Достоин будь своей судьбы прекрасной!
Мне ж сердце, и душа, и жизнь, и все *напрасно*,
Когда *всего* отдать нельзя на жертву *Ей!*

ошибочно относимые ранее издателями сочинений Жуковского к Мойеру (мужу М. А. Протасовой). Но графиня С. А. Самойлова ока-

залась равнодушной к этим двум своим поклонникам и в апреле 1821 г. вышла замуж за графа Бобринского. В 30-е годы В. А. Перовский был губернатором Оренбурга, и к нему приезжали Жуковский и А. С. Пушкин.

К мимопролетевшему знакомому гению. Написано 7 августа 1819 г. Напечатано впервые в журнале «Сын отечества», 1820, ч. 65, № 42. Вольный перевод стихотворения Ф.-В. Шеллинга «Lied» («Песня»). А. С. Пушкин высоко ценил это произведение Жуковского и сетовал, что оно не было включено в собрание сочинений поэта, вышедшее в 1824 г. Символ «гения вдохновенья», ставший любимым поэтическим образом Жуковского в эти годы, некоторые биографы связывают с именем графини С. А. Самойловой.

К портрету Гете. Написано между 7 и 10 августа 1819 г. Напечатано впервые в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения», 1821, ч. XIII, № I. А. С. Пушкин находил, что эта «надпись» — «прелесть» (см. его письмо к Жуковскому от 20—24 апреля 1825 г.). М. Горький в лекциях 1908—1909 гг. по истории русской литературы писал о стихотворении Жуковского «К портрету Гете»: «Здесь в четырех строках не только дан очерк Гете — это выше Гете. Здесь заключен общечеловеческий лозунг — Служи свободе, все познавай, ничему не покоряйся! Таких строк немного в литературе мира». (См. его «Историю русской литературы», М., 1939, стр. 58.)

Жизнь. Написано 10 августа 1819 г. Напечатано впервые в журнале «Сын отечества», 1821, ч. 67, № 6, с подзаголовком «Видение во сне». Стихи, видимо, относятся к графине С. А. Самойловой.

Невыразимое. Написано во второй половине августа 1819 г. Напечатано впервые в альманахе «Памятник отечественных муз, изданный на 1827 год Борисом Федоровым», СПб., 1827.

О дивной розе без шипов... Написано 14 сентября 1819 г. Напечатано впервые в «Стихотворениях» В. А. Жуковского, изданных в большой серии «Библиотеки поэта» под редакцией Ц. С. Вольпе, т. 2, 1940. Стихотворение написано на сюжет, весьма популярный у немецких романтиков мистического направления.

Взошла заря. Дыханием приятным... Написано 27 ноября 1819 г. Напечатано впервые в «Русском архиве», 1873, вып. 9, под заглавием «Утро на горе», не принадлежащим Жуковскому. Перевод двух первых строф «посвящения» Гете к собранию лирических стихотворений «Утро настало...» («Der Morgen kam...»).

Путешественник и поселянка. Написано 29 ноября 1819 г. Напечатано впервые в журнале «Сын отечества», 1823, ч. 84. Перевод стихотворения Гете «Der Wanderer» («Странник»).

Написано в 1819 г. Напечатано впервые в Полном собрании сочинений В. А. Жуковского под ред. А. С. Архангельского, т. II, СПб., 1902.

Игра «секретарь» была одним из любимых развлечений Жуковского. Она заключается в следующем: каждый из принимающих участие в игре пишет какой-либо вопрос, в котором предлагает указать сходство и разницу между двумя определенными предметами. Все вопросы складываются в общую коробку, а затем каждый вытягивает себе записку с вопросом, на который должен дать ответ. Давший наиболее остроумный ответ избирается «королем секретаря», и все остальные участники игры обязаны выполнять его желания. Эта игра была распространена и при царском дворе. Во время одной игры в «секретаря» на придворном вечере Жуковский и сочинил эти «ответы».

Т р и п у т н и к а. Написано в начале 1820 г. Напечатано впервые в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения», 1820, ч. X, № 5. Вольный перевод стихотворения И.-Л. Уланда «Die Wirtin Töchterlein» («Дочка хозяйки»), в котором Жуковский немецкие бытовые черты заменил элементами русского быта (светлица, икона) и придал произведению балладный характер.

П о д р о б н ы й о т ч е т о л у н е. Написано 10 июня 1820 г. Напечатано впервые отдельным изданием под заглавием «Подробный отчет о луне, представленный ее имп. вел. государыне Марии Федоровне 1820 г. июня 18 в Павловске», СПб., 1820 (цензурное разрешение 22 июня 1820 г.).

К к н. А. Ю. Оболенской («Итак, еще нам суждено...»). Написано 19 июля 1820 г. Напечатано впервые в журнале «Сын отечества», 1822, № 1.

Кн. Оболенская Аграфона Юрьевна — дочь писателя-карамзиниста Ю. А. Нелединского-Мелецкого.

П е с н я («Отымает наши радости...»). Написано в 1820 г. Напечатано впервые в журнале «Сын отечества», 1822, ч. 77, № 15. Вольный перевод стихотворения Байрона «Stanzas for music» («Стансы для музыки»). Жуковский внес в перевод черты задумчивой меланхолии, отсутствующие в оригинале.

Л а л л а Р у к. Написано между 15 января — 7 февраля 1821 г. Напечатано впервые в «Московском телеграфе», 1827, ч. XIV,

№ 5. При перепечатке в последующих изданиях была выпущена последняя строфа:

Кто же ты, очарователь
Бед и радостей земных?
О побесный жизнедатель,
Мне знаком ты! для других
Нет тебе именованья:
Ты без имени им друг!
Для меня ж тебе название
Сердце дало: Лалла Рук.

Поводом для написания этого стихотворения явился праздник, давший в Берлине 15 января 1821 г. прусским королем Фридрихом, по случаю приезда его дочери — великой княгини Александры Федоровны и зятя — будущего императора Николая I. На празднике были разыграны живые картины на сюжеты, заимствованные из поэмы «Лалла Рук» Томаса Мура. Роль индийской принцессы Лалла Рук исполняла Александра Федоровна. Жуковский, присутствовавший на празднике, написал это стихотворение, где образ Лалла Рук превратился в символ поэзии, поэтического вдохновения.

К стихотворению Жуковский сделал обширное примечание, но не опубликовал его. Приводим это примечание по рукописи: «Руссо говорит: *il n'y a de beau que ce qui n'est pas*: прекрасно только то, чего нет; это не значит *только то, что не существует*. Прекрасное существует, но его нет, ибо оно является нам только минутами, для того единственно, чтобы нам сказаться, оживить нас, возвысить нашу душу — но его ни удержать, ни разглядеть, ни постигнуть мы не можем; ему нет имени, ни образа; оно ощутительно и непонятно; оно посещает нас в лучшие минуты нашей жизни: величественное зрелище природы, еще более величественное зрелище души человеческой, поэзия, счастье и еще более несчастье дают нам сии высокие ощущения прекрасного. И весьма понятно, почему почти всегда соединяется с ними грусть, но грусть, не лишающая бодрости, а животворная и сладкая, какое-то смутное стремление: это происходит от его скоротечности, от его невыразимости, от его необъятности — прекрасно только то, чего нет! В эти минуты живого чувства стремишься не к тому, чем оно произведено и что перед тобою, но к чему-то лучшему, тайному, далекому, что с ним соединяется, и чего с ним нет, и что для тебя где-то существует. И это стремление есть одно из невыразимых доказательств бессмертия: иначе отчего бы в минуту наслаждения не иметь полноты и ясности наслаждения! Нет, эта грусть убедительно говорит нам, что прекрасное здесь не дома, что оно только

мимопролетающий благовеститель лучшего; оно есть восхитительная тоска по отчизне; оно действует на нашу душу не *настоящим*, а темным воспоминанием всего прекрасного в *прошедшем* и тайным ожиданием чего-то в *будущем*.

А когда нас покидает,
В дар любви, у нас в виду
В нашем небе зажигает
Нам прощальную звезду.

И эта прощальная звезда на нашем небе есть знак того, что прекрасное было в нашей жизни, и вместе того, что оно не к нашей жизни принадлежит. Звезда на темном небе — она не сойдет на землю, но утешительно сияет нам из дали и некоторым образом сближает нас с тем небом, с которого недвижно нам светит. Жизнь наша есть ночь под звездным небом. Наша душа в лучшие минуты бытия открывает новые звезды, которые не дают и не должны давать полного света, но, украшая наше небо, знакомя с ним, служат в то же время и путеводителями по земле.

«Теснятся все к тебе во храм...» Написано 4 февраля 1821 г. Напечатано впервые в «Отчете императорской Публичной библиотеки за 1884 год». Вероятно, эти стихи обращены к великой княгине Александре Федоровне.

Явление поэзии в виде Лалла Рук. Написано 1—6 февраля 1821 г. Напечатано впервые в альманахе «Памятник отечественных муз, изданный на 1827 год Борисом Федоровым», СПб., 1827, под заглавием: «Поэзия в виде Лалла Рук». В письме к А. И. Тургеневу от 6 февраля 1821 г. Жуковский писал: «Эти стихи сочинены здесь одною молодою девушкою: я их перевел». Автор стихов — вероятно, Гедвига Штегеман, о стихотворениях которой упоминается в дневнике Жуковского за 1821 г.

Воспоминание («О милых спутниках, которые нас свет...»). Написано 16 февраля 1821 г. Напечатано впервые в «Московском телеграфе», 1827, ч. XV, № 9, под заглавием «K. N. N.».

Обеты. Написано в 1821 г. Впервые напечатано в «Московском телеграфе», 1827, ч. XVI, № 14. Перевод стихотворения Гето «Ländliches Glück» («Сельское счастье»).

Победитель. Написано в 1822 г. Напечатано впервые в альманахе «Полярная звезда на 1823 год». Перевод одноименного стихотворения И.-Л. Уланда «Der Sieger».

Близость весны. Написано в 1822 г. Напечатано впервые в «Стихотворениях В. Жуковского», ч. II, СПб., 1824 г.

Море. Написано в 1822 г. Напечатано впервые в альманахе «Северные цветы на 1829 год», СПб., 1828, А. С. Пушкин высоко це-

ния это стихотворение (см. его письмо к П. А. Вяземскому от 25 января 1829 г.).

19 марта 1823. Написано, предположительно, 19 марта 1823 г. Напечатано впервые в Собрании сочинений Жуковского под ред. П. А. Ефремова, т. III, СПб., 1878. Написано, вероятно, в день получения известия из Дерпта о смерти М. А. Мойер (Протасовой), последовавшей 18 марта 1823 г.

Привидение. Написано в 1823 г. Напечатано впервые в альманахе «Северные цветы на 1825 год», СПб., 1824.

Ночь. Написано в 1823 г. Напечатано впервые в альманахе «Северные цветы на 1825 год», СПб., 1824. Перевод романса неизвестного немецкого автора «*Schon sank auf rosiger Bahn Der Tag in wallende Fluten...*» («Уже опускался по розовой дороге День в кипящие волны...»).

«Я музую юную, бывало...» Написано, предположительно, в начале 1824 г. Напечатано впервые в «Стихотворениях В. Жуковского», ч. III, СПб., 1824 г. Является как бы посвящением нового издания стихотворений гению поэзии — творческому вдохновению.

Таинственный посетитель. Написано в 1824 г. Напечатано в альманахе «Северные цветы на 1825 год», СПб., 1824. Белинский считал, что это стихотворение «есть одно из самых характеристических стихотворений Жуковского» (Полное собрание сочинений, т. VII, М., 1955, стр. 179).

Мотылек и цветы. Написано в 1824 г. Напечатано впервые в альманахе «Северные цветы на 1825 год», СПб., 1824, с примечанием: «Стихи, написанные в альбоме Н. И. И., на рисунок, представляющий бабочку, сидящую на букете из *pensées* (авютиных глазок) и незабудок». А. С. Пушкин так отозвался об этом стихотворении: «Что прелестнее строфы Ж. Он мнил, что вы с ним однородны и следующей. Конца не люблю». (См. его письмо к Л. С. Пушкину и П. А. Плетневу от 15 марта 1825.)

«Был у меня товарищ...» Написано, предположительно, в конце 1826 г. Напечатано впервые в Полном собрании сочинений В. А. Жуковского под редакцией А. С. Архангельского, т. III, СПб., 1902. Перевод стихотворения И.-Л. Уланда «*Der gute Kamerad*» («Хороший товарищ»).

Солнце и Борей. Написано в 1827 г. Напечатано впервые в «Отчете императорской Публичной библиотеки за 1884 г.».

Умирающий лебедь. Написано в 1827 г. Напечатано впервые в «Отчете императорской Публичной библиотеки за 1884 г.».

Припошение. Написано 21 августа 1827 г. Напечатано впервые в «Литературном наследстве», 1932, № 4—6. Написано на подаренной Жуковским Гете картине К. Г. Каруса (1789—1869), художника-романтика. Сюжет картины аллегорически связан со смертью Байрона, творчество которого высоко ценил Гете.

К Гете («Творец великих вдохновений!»). Написано 22—26 августа 1827 г. Напечатано впервые в издании «Письма А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу», Лейпциг, 1872. Произведение написано во время пребывания Жуковского в Веймаре у Гете. Жуковский сам его перевел на немецкий, озаглавив «Dem guten grossen Manne» («Дорогому великому человеку»), и преподнес Гете.

Видение. Написано в конце 1828 г. Напечатано впервые в альманахе «Северные цветы на 1829 г.». В прижизненные собрания сочинений Жуковского не входило. В этом произведении в романтической форме говорится о таком незначительном событии придворной жизни, как первое посещение императрицей Александрой Федоровной 6 декабря 1828 г. учебных заведений, находившихся прежде под управлением императрицы Марии Федоровны.

Смертные и боги. Написано в 1829 г. Напечатано впервые в журнале «Собиратель», 1829, № 2. Стихотворение написано под влиянием идей Гете о гармонии сфер.

Номер. Написано в 1829 г. Напечатано впервые в «Отчете императорской Публичной библиотеки за 1884 г.». Перевод стихотворения И.-Г. Гердера «Zeiten hinab und Zeiten hinab, tönt ewig Nomerus...».

«Некогда муз угостил у себя Геродот дружелюбно!» Написано в конце 1830 г. Напечатано впервые в «Отчете императорской Публичной библиотеки за 1884 г.». Перевод дистиха И.-Г. Гердера. История Греции Геродота (ок. 480—426 до н. э.) состоит из девяти книг, каждая из которых носит название одной из девяти муз.

Две загадки. Написано 10—17 марта 1831 г. Напечатано впервые в журнале «Муравейник», 1831, № 3. Перевод двух загадок из «Притч и загадок» Шиллера.

Ответы: первая загадка — радуга, вторая — звезды и луна.

Овен, Пес, Лев, Дева — названия созвездий.

Замок на берегу моря. Написано 28 марта 1831 г. Напечатано впервые в журнале «Муравейник», 1831, № 4. Перевод с небольшими сокращениями стихотворения И.-Л. Уланда «Das Schloss am Meere» («Замок у моря»).

Приход весны. Написано во второй половине марта 1831 г. Напечатано впервые в «Русском архиве», 1873, № 9, под заглавием

«Появление весны». Вольный перевод стихотворения И.-Л. Улапда «Lob des Frühlings» («Похвала весне»).

(А. О. Россет-Смирновой). Написано в июле 1831 г. Напечатано впервые в «Русском архиве», 1871, № 2, в «Воспоминаниях» А. О. Смирновой, по с некоторыми пропусками.

Россет Александра Осиповна, в замужестве Смирнова (1809—1882) — фрейлина царицы, бывшая в дружеских отношениях с А. С. Пушкиным и Жуковским. Летом 1831 г., живя в Царском Селе, она все время общалась с поэтами. В письме к П. А. Вяземскому от 3 августа 1831 г. А. С. Пушкин описывает обстановку возникновения этого шуточного послания: «У Жуковского зубы болят, он бранится с Россети; она выгоняет его из своей комнаты, а он пишет ей арзамасские извинения гекзаметрами».

Записки... герцогини Абрантес (1784—1838). Герцогиня Абрантес — жена французского генерала Жюно, награжденного Наполеоном титулом герцога Абрантес за завоевание Португалии и Испании. Ею перу принадлежат многие сочинения, в том числе пользовавшиеся успехом записки об испанской и португальской войне и об эпохе от революции до Реставрации.

Я, как мятежный поляк — сравнение подсказано польским восстанием 1830—1831 гг.

Мечта. Написано в 1831 г. Напечатано впервые в «Отчете императорской Публичной библиотеки за 1884 г.».

Поэт наш прав: альбом — кладбище... Написано в 1831 г. Напечатано впервые в «Стихотворениях» Жуковского, в большой серии «Библиотеки поэта», под ред. Ц. С. Вольпе, т. II, Л., 1940. Стихи, вероятно, адресованы К. Яниш (Каролине Павловой) и предназначались для ее альбома.

Поэт наш прав... — Имеется в виду стихотворение Е. Баратынского, написанное в альбом К. Яниш:

Альбом, заметить не грешно,
Весьма походит на кладбище...

и позднее опубликованное в «Галатее», 1829, № 2.

К И в. И в. Д м и т р и е в у. Написано 16 декабря 1831 г. Напечатано впервые в альманахе «Северные цветы на 1832 год», под заглавием «Ответ Ивану Ивановичу Дмитриеву». В сентябре 1831 г. Жуковский послал И. И. Дмитриеву свои стихи на взятие Варшавы. Тот ответил посланием «Василию Андреевичу Жуковскому, по случаю получения от него двух стихотворений на взятие Варшавы», в котором говорил о себе, что его время миновало: «Пришла пора: увянул, стал безгласен...» Жуковский, в свою очередь, отво-

тил настоящим посланием и письмом, в котором указывал, какую роль для его творчества сыграли Карамзин и Дмитриев.

Ты нам воспел, как «буйные Титаны...» — начало стихотворения И. И. Дмитриева («Глас патриота на взятие Варшавы», 1794.) Под *титанами* разумеются вожди польского национально-освободительного восстания 1794 года — Т. Костюшко и другие.

Асгрея — имеется в виду Екатерина II.

Орел и голубка. Написано в 1833 г. Напечатано впервые в «Стихотворениях В. Жуковского», т. VI, СПб., 1836. Перевод одноименной басни Гете «Adler und Taube».

Д. В. Давыдову, при посылке издания «Для немногих». Написано в 1835 г. Напечатано впервые в «Библиографических записках», 1858, № 7.

Ночной смотр. Написано в начале 1836 г. Напечатано впервые в журнале «Современник», 1836, т. I. Перевод одноименного стихотворения И.-Х. фон Цедлица «Die nächtliche Herschau». Это стихотворение Жуковского высоко ценилось Пушкиным, поместившим его в первом номере своего «Современника». Денис Давыдов писал об этом Жуковскому: «Мне Пушкин пишет, что ты в журнал его дал такие стихи, что мой белый локон дыбом станет от восторга». Белинский в рецензии на пушкинский «Современник» отметил: «Ночной смотр» — «одно из тех стихотворений, которых у нас теперь в целый год является не больше одного или двух... Это истинное перло поэзии как по глубине поэтической мысли, так и по простоте, благородству и высоте выражения» (Полное собрание сочинений, т. II, М., 1953, стр. 179).

Ермолову. Написано 10 декабря 1837 г. на экземпляре второго тома «Стихотворений В. Жуковского», СПб., 1835. На титульном листе этой книги сделана надпись: «Его превосходительству Алексею Петровичу Ермолову от автора на память глубокого почтения. Москва, 1837, декабря 10», а на обороте листа помещено это стихотворение. Напечатано впервые в «Московских ведомостях», 1858, № 66, в статье Г. Н. Геннади о библиотеке Московского университета.

Ермолов А. П. (1772—1861) — генерал, прославившийся в Отечественной войне 1812 г. Жуковский называет его в числе героев в «Певце во стане русских воинов». Позднее (с 1816 г.) он был командующим Отдельным кавказским корпусом и главнокомандующим гражданской частью на Кавказе. Авторитет Ермолова был высок в декабристских кругах. После вынужденной отставки (в 1827 г.) Ермолов поселился в Москве, где вокруг него

группировались оппозиционно настроенные военные. Ермолов любил собственноручно переплетать книги, что и отмечено Жуковским в последнем стихе четверостишья.

(Из альбома, подаренного
графине Ростопчиной)

Написано в 1837 г. Напечатано впервые (с искажениями) в газете «Русский», 1867, № 11—12. 25 апреля 1838 г. Жуковский послал в подарок салонной поэтессе графине Ростопчиной Евдокии Петровне (1811—1858) альбом для стихов, принадлежавший А. С. Пушкину. На первых страницах этого альбома Жуковский написал посвящение к «Ундине», восемь стихотворений в стиле греческой антологической поэзии и переложение стихами отрывка своего письма к С. Л. Пушкину о смерти А. С. Пушкина (см. т. 4 настоящего Собрания сочинений).

«Плачь о себе: твое мы счастье схоронили...» Написано в конце апреля 1838 г. Напечатано впервые в журнале «Отечественные записки», 1840, т. 12, № 10, без двух последних стихов, как эпиграф к статье «Сочинения в стихах и прозе гр. С. Ф. Толстой». Написано на смерть семнадцатилетней писательницы Сарры Федоровны Толстой, скончавшейся 24 апреля 1838 г., дочери графа Ф. И. Толстого, к которому и обращены эти стихи. Ф. И. Толстой был близко знаком со многими виднейшими литераторами своего времени (А. С. Пушкиным, П. А. Вяземским, В. И. Далем и др.), хотя и пользовался дурной репутацией. Жуковский считал, что Толстой был «добрым приятелем своих приятелей», и весьма благожелательно относился к нему.

«Веда я прошлое, видя грядущее, скальд в дохновенный...» Написано 29 мая—3 июня 1838 г. Напечатано впервые в «Стихотворениях» Жуковского, в большой серии «Библиотеки поэта», под ред. Ц. С. Вольпе, т. II, Л., 1940. Перевод стихотворения неизвестного шведского поэта. Во время своего путешествия с великим князем Александром Николаевичем в 1838 г. Жуковский был с 28 мая по 3 июля в Стокгольме, где его знакомили со шведской литературой. Он сделал перевод тех поэтических строк, которые были близки его представлениям о роли поэзии.

Любовь. Написано, предположительно, в 1838 г. Напечатано впервые в «Отчете императорской Публичной библиотеки за 1884 г.».

Тоска. Написано, предположительно, в 1838 г. Напечатано впервые в «Отчете императорской Публичной библиотеки за 1884 г.».

Стремление. Написано, предположительно, в 1838 г. Напечатано впервые в «Отчете императорской Публичной библиотеки за 1884 г.».

Сельское кладбище (второй перевод из Грея). Написано в мае — июле 1839 г. Напечатано впервые в журнале «Современник», 1839, т. 16, под заглавием: «Сельское кладбище. Греева элегия. Новый перевод В. А. Жуковского». Перевод сделан во время пребывания поэта в Англии. Жуковский стремился в новом переводе наиболее точно воспроизвести элегию Грея, но отступил от размера оригинала, считая, что чувства, выраженные в ней, лучше передаются гекзаметром.

В собраниях стихотворений Жуковский печатал переводы этой элегии 1802 и 1839 гг. как два самостоятельных произведения. В примечании к этому переводу Жуковский указывает, что перевод «Сельского кладбища», сделанный им в 1802 году, — *мое первое напечатанное стихотворение*, хотя это не соответствует действительности. Дело здесь не в забывчивости. Начиная печатать свое, пятое по счету, собрание сочинений в 1849 году, называя его *полным* в предисловии и располагая в нем произведения в хронологическом порядке, поэт на первом месте поместил «Сельское кладбище» 1802 г., считая, видимо, более ранние свои произведения незрелыми, недостойными внимания читателей.

Бородинская годовщина. Написано 26 августа 1839 г. Напечатано впервые отдельной брошюрой (М., 1839). Написано по случаю торжественного открытия памятника на Бородинском поле (26 августа 1839 г.).

«Утро Бородинского праздника, — писал Жуковский в одном письме, — было так же ясно, как утро Бородинского боя. Тогда чувствовалась осенняя свежесть; теперь было тепло, от долговременной засухи повсюду была ужасная пыль, которая при малейшем ветерке поднималась столбами. Войска, около ста пятидесяти тысяч, были рано поутру сведены на места, им назначенные; они стояли колопнами по наклону покатоствей, окружая с трех сторон то возвышение, на коем теперь стоит памятник бородинский, и у подошвы его лежит Багратион, на коем тогда произошла самая жаркая битва, где дрались Раевский, Барклай, Паскевич, где ранен Воронцов, где погиб Кутайсов, на котором без умолку гремело более двухсот наполеоновских пушек, где, наконец, все перемешалось в рукопашной убийственной схватке» (Полное собрание сочинений В. А. Жуковского под ред. А. С. Архангельского, т. XII, СПб., 1902, стр. 53—54).

В стихотворении Жуковский называет ряд деятелей Отечественной войны 1812 года, умерших до празднования годовщины: *Смоленский* — М. И. Кутузов-Смоленский, умерший в 1813 г.; М. Б. Барклай-де-Толли (ум. 1818), который, после назначения Кутузова главнокомандующим, остался под его начальством (потому он и *пример смиренья*), а в 1814 г. был вновь назначен главнокомандующим русскими войсками, занявшими Париж; П. П. Коновницын (ум. 1822), Н. Н. Раевский (ум. 1829), *Витязь Дона* — М. И. Платов (ум. 1818), М. А. Милорадович (ум. 1825), Д. С. Дохтуров (ум. 1816), гр. П. А. Строганов (ум. 1817), Э. Ф. Сен-При (убит в 1814 г. под Реймсом), С. Н. Ланской (убит в 1814 г. под Краном), А. П. Тормасов (ум. 1819), Д. П. Неверовский (убит в 1813 г. под Лейпцигом), А. Ф. Ланжерон (ум. 1831), Л. Л. Беннигсен (ум. 1826); *Боец, сын Аполлонов* — Д. В. Давыдов, полт-партизан, умерший 22 апреля 1839 г., то есть до Бородинского торжества, в котором он должен был участвовать в качестве командира почетного конвоя при перенесении на поле битвы праха П. И. Багратиона, погребенного во Владимирской губернии; Александр I, по официально-монархической легенде считавшийся «спасителем» России и Европы в 1812—1814 гг., умер неожиданно для всех 19 ноября 1825 г. в далеком Таганроге; Наполеон (ум. 5 мая 1821 г. на острове св. Елены).

До Стамбула русский гром Был доброшен по Балкану... — Имеется в виду война России с Турцией (1828—1829), во время которой русские войска едва не заняли Константинополь (Стамбул).

Митридат (132—63 до н. э.) — широко распространивший свои владения царь Понта. В стихотворении «царство Митридата» следует понимать иносказательно. Имеется в виду война России с Персией (1826—1828), которая привела к тому, что граница России стала проходить по реке Аракс и притязаниям Персии на Кавказе был положен предел.

Северный Аякс. — Подразумевается генерал Паскевич, командовавший с 1827 по 1831 г. на Кавказе русской армией.

Закипел мятеж великий — польское восстание 1830—1831 гг., жестоко подавленное генералом Паскевичем.

Русский сторож на Босфоре. — В 1833 г. был заключен Унклар-Искелесский договор с Турцией, по которому Турция обязалась запереть Босфор и Дардавеллы для прохода в Черное море военных судов всех иностранных держав. Чтобы обеспечить выполнение этого договора, русский флот пришел в Константинополь.

«Елизавете Рейтерн» («О, молю тебя, создатель...»). Написано в 1840 г. Напечатано впервые в журнале «Музыкальный

и театральный вестник», 1833, № 3, в воспоминаниях графа Соллогуба «Быль». Вольный перевод из стихотворения Ленау «Stumme Liebe» («Безмолвная любовь»).

Елизавета Евграфовна Рейтерн (1821—1856) — дочь друга Жуковского художника Рейтерна, на которой Жуковский женился 21 апреля 1841 г.

Стихотворения, посвященные
Павлу Васильевичу и Александре Васильевне
Жуковским

Написаны в 1851 г. Напечатаны впервые в отдельном сборнике «Стихотворения, посвященные Павлу Васильевичу и Александре Васильевне Жуковским. Карлсруэ, 1852».

Дети Жуковского — Павел (1845—1912) и Александра (1842—1899) с помощью этих стихотворений усваивали русский язык, которого они не знали, живя в Германии.

Царскосельский лебедь. Написано в ноябре или начале декабря 1851 г. Напечатано впервые в сборнике «Стихотворения, посвященные Павлу Васильевичу и Александре Васильевне Жуковским. Карлсруэ, 1852».

По поводу этого стихотворения Жуковский писал: «Этот лебедь не выдумка, а правда. Я сам видел в Царском Селе старого лебедя, который всегда был один, никогда не покидал своего уединенного пруда и когда являлся в общество молодых лебедей, то они поступали с ним весьма неучтиво. Его называли Екатерининским Лебедем». В письме к П. А. Плетневу (7 декабря 1851 г.) Жуковский признается: «Мне хотелось просто написать картину Лебедя в стихах, дабы моя дочка выучила их наизусть; но вышел не простой Лебедь; посылаю его вам; может быть, в его стихотворной биографии вы найдете ту же старческую хилость ее автора, какой страдал описанный им лебедь».

В описании Царскосельского парка упоминаются памятники русским победам над турками в войне 1769—1774 гг.: морской битве при Чесме в Эгейском море и битве при Кагуле под командованием П. А. Румянцева (обе — 1770).

СОДЕРЖАНИЕ¹

И. М. Семенко. В. А. Жуковский V

СТИХОТВОРЕНИЯ

1797—1851

1797

Майское утро 3 415

1798

Добродетель («Под звездным кровом тихой ночи...») . . 5 415

Добродетель («От света светов луч излился...») 7 415

1799

Михаилу Матвеевичу Хераскову 10 415

Могущество, слава и благоденствие России 10 415

Стихи на новый, 1800 год 15 415

1800

К Тибуллу. На прошедший век 17 415

Мир 18 415

Герой 21 416

1801

Человек 25 416

¹ Первая цифра обозначает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечания.

1802

Сельское кладбище. <i>Элегия</i>	29 416
--	--------

1803

Стихи, сочиненные в день моего рождения	34 417
На смерть А(ндрея Тургенева)	35 417
К К. М. С(оковнин)ой	35 417

1804

К поэзии	37 417
--------------------	--------

1805

Дружба	39 417
Опустевшая деревня	39 417

1806

Послание Элоизы к Абеляру	43 418
Песня («Когда я был любим...»)	45 418
Сафина ода	45 418
Идиллия	46 418
Вечер. <i>Элегия</i>	46 418
Песнь барда над гробом славян-победителей	49 418
Старик к молодой и прекрасной девушке. <i>Мадригал</i>	56 419

Басни

Мартышка, показывающая китайские тени	57 420
Сокол и голубка	58 420
Мартышки и лев	59 420
Кот и зеркало	60 420
Смерть	61 420
Сон могольца	61 420
Старый кот и молодой мышонок	63 420
Каплун и сокол	64 421
Кот и мышь	65 421
Сокол и филемела	66 421
Похороны львицы	67 421

Эпиграммы

«Ты драму, Фефил, написал?»	70	421
Эпитафия лирическому поэту	70	421
«С повязкой на глазах за шалости Фемида!»	70	421
Новопожалованный	70	422
«Не знаю почему, по дружбе или так...»	71	422
«Для Климá все как дважды два!»	71	422
«Трим счастья искал ползком и тихомолком...»	71	422
«Румян французских штукатура...»	71	422
«Сей камень над моей возлюбленной женой!»	72	422
Новый стихотворец и древность	72	422
«Барма, напешд Фому чуть жива, на отходе...»	72	422
«Ты сердидься за то, приятель мой Гарпас...»	72	423
«О непостижное злоречие уму!»	72	423
«Скажи, чтоб там потише были!»	73	423
«У нас в провинции нарядней пет Любóви!»	73	423

1807

Тоска по милóм. <i>Песня</i>	74	423
--	----	-----

1808

К Филалету. <i>Послание</i>	76	423
К Нине. <i>Романс</i> («О Нина, о мой друг! ужель без сожаленья...»)	78	423
<i>Песня</i> («Мой друг, хранитель-ангел мой...»)	79	423
Мальвина. <i>Песня</i>	80	424
Гимн	81	424
Расстройка семейственного согласия	84	424
Брутова смерть	85	424
К Нине. <i>Послание</i> («О Нина, о Нина, сей пламень любви...»)	85	424

1809

Моя богиня	89	424
<i>Песня</i> («Счастлив тот, кому забавы...»)	93	424
На смерть фельдмаршала графа Каменского	93	424
Счастье	94	425
Плач Людмилы	96	425
На смерть семнадцатилетней Эрминии	97	425

К Делию	97	426
Путешественник. <i>Песня</i>	98	426

1810

К Б<лудов>у. <i>Послание</i>	100	426
Песнь араба над могилою коня	103	427
Моя тайна	105	427
На прославителя русских героев, в сочинениях которого нет ни начала, ни конца, ни связи	105	427

1811

К ней	106	427
Песня («О милый друг! теперь с тобою радость!»)	106	427
Желание. <i>Романс</i>	107	427
Цветок. <i>Романс</i>	108	428
Жалоба. <i>Романс</i>	109	428
Певец	109	428

1812

Элизиум. <i>Песня</i>	112	428
Послание к Плещееву. В день светлого воскресения	114	428
К Батюшкову. <i>Послание</i>	120	429
К А. Н. Арбеновой	136	429
Пиршество Александра, или Сила гармонии	139	429
Пловец	143	430
Песня матери над колыбелью сына	144	430
Мечты. <i>Песня</i>	146	430
Певец во стане русских воинов	149	430
Песня в веселый час	167	434
Вождю победителей. <i>Послание</i>	168	434

1813

Узник к мотыльку, влетевшему в его темницу	171	435
К Филону	173	435
К Плещееву («Напрасно я, друг милый, говорил...»)	173	435
Уединение (<i>Отрывок</i>)	174	435
«Вспомни, вспомни, друг мой милый...»	176	435
Тургеневу, в ответ на его письмо. <i>Послание</i>	176	435
Эпимесид	181	436
Светлане	183	436
К самому себе	184	436

Письмо к***	185	436
К 16 января 1814 года («Прелестный день, не обмани!»)	186	436
29 января 1814 года («Когда б родиться в свет и жить...»)	187	436
К Воейкову. <i>Послание</i> («Добро пожаловать, певец...»)	187	436
К Тургеневу, в ответ на стихи, присланные им вместо письма	195	439
«Хорошо, что ваше письмо коротко...»	195	439
Библия	198	439
Императору Александру. <i>Послание</i>	199	439
Теон и Эсхин	211	440
В альбом. Барону П. И. Черкасову	215	440

ДОЛБИНСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

(1814—1815)

Добрый совет. В альбом В. А. Азбукину	216	441
Бесподобная записка к трем сестрицам в Москву . . .	217	441
Что такое закон?	218	442

Эпитафии

Хрому	219	442
Пьянице	219	442
Завоевателям	219	442
Моту	219	442
Грамотею	220	442
Толстому агоисту	220	442

К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину. <i>Послание</i> («Друзья, тот стихотворец — горе...»)	221	442
Послания к кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину («Вот прямо одолжили...», «На этой почте все в стихах...») . . .	224	442
Смерть	229	443
Максим	229	443
К князю Вяземскому («Нам славит древность Амфиона...») .	231	443
К Вяземскому. Ответ на его послание к друзьям	234	443
Любовная карусель, или Пятилетние меланхолические стручья сердечного любления. <i>Тульская баллада</i> . .	237	443
Плач о Пиндаре. <i>Быль</i>	239	443
К Воейкову («О Воейков! Видно, нам...»)	241	444
Ареопагу	245	444
«Пред судилище Мипоса...»	249	445

1815

Младенец (В альбом графини О. П.)	252	445
〈К Т. Е. Боку〉	253	445
Старцу Эверсу	255	446
〈К кн. Вяземскому〉 («Благодарю, мой друг, тебя за доставленье...»)	257	446
Славянка. <i>Элегия</i>	260	446
Голос с того света	265	447
Песня («Розы расцветают...»)	266	447
Песня («Птичкой певичею...»)	266	447
Песня («Где фиалка, мой цветок?»)	267	447
Песня («К востоку, все к востоку...»)	268	447

1816

«Кто слез на хлеб свой не ронял...»	269	447
Песня («Кольцо души-девицы...»)	269	448
Воспоминание	270	448
На первое отречение от престола Бонапарте	271	448
Сон	272	448
Песня бедняка	272	448
Весеннее чувство	273	448
Счастье во сне	274	448
«Там небеса и воды ясны!»	274	448
Овсяный кисель	275	449
Деревенский сторож в полночь	278	449
Тленность	282	449
Явление богов	285	449

1817

Утешение в слезах	287	449
Жалоба пастуха	288	449
Мина. <i>Романс</i>	289	449
К месяцу	289	450

Арзамасские стихи

Протокол двадцатого арзамасского заседания	291	451
〈Речь в заседании «Арзамаса»〉	296	452

1818

Новая любовь — новая жизнь	298	454
Листок	299	454

Утренняя звезда	299	454
Верность до гроба	301	454
Летний вечер	302	454
Горная дорога	304	454
Ответ кн. Вяземскому на его стихи «Воспоминание» . . .	305	454
Государыне великой княгине Александре Федоровне на рождение в. кн. Александра Николаевича. <i>Послание</i>	306	455
Песня («Минувших дней очарованье...»)	310	455
〈В альбом Е. Н. Карамзиной〉	311	455
Утешение	311	455
Мечта	312	455
〈К М. Ф. Орлову〉	313	455
Надгробие И. П. и А. И. Тургеневым	314	456

1819

На кончину ее величества королевы Виртембергской. <i>Элегия</i>	315	456
К Эмме	321	457
Цвет завета	322	457
〈Графине С. А. Самойловой〉 («Графиня, признаюсь, больш- шой беды в том нет...»)	325	457
〈Василию Алексеевичу Перовскому〉	329	458
К мимопролетевшему знакомому гению	332	459
К портрету Гете	333	459
Жизнь	334	459
Невыразимое (<i>Отрывок</i>)	336	459
«О дивной розе без шипов...»	337	459
«Взошла заря. Дыханием приятным...»	338	459
Путешественник и поселянка	338	459

Ответы на вопросы в игре, называемой «секретарь»

I. Звезда и корабль	345	460
II. Бык и роза	345	460

1820

Три путника	346	460
Подробный отчет о луне. Послание к государыне импе- ратрице Марии Федоровне	347	460
К княгине А. Ю. Оболенской	356	460
Песня («Отымает наши радости...»)	357	460

1821

Лалла Рук	359	460
«Теснятся все к тебе во храм...»	361	462
Явление поэзии в виде Лалла Рук	361	462
Воспоминание	362	462
Обеты	362	462

1822

Победитель	363	462
Близость весны	363	462
Море. <i>Элегия</i>	364	462

1823

19 марта 1823	365	463
Привидение	365	463
Ночь	366	463

1824

«Я Музу юную, бывало...»	367	463
Таинственный посетитель	368	463
Мотылек и цветы	369	463

1826

«Был у меня товарищ...»	371	463
-----------------------------------	-----	-----

1827

Солнце и Борей	372	463
Умиравший лебедь	373	463
Приношение	374	464
К Гете («Творец великих вдохновений!»)	374	464

1828

Видение	375	464
-------------------	-----	-----

1829

Смертный и боги	377	464
Номер	378	464

1830

«Некогда муз угостил у себя Геродот дружелюбно!» . . 379 464

1831

Две загадки 380 464
 Замок на берегу моря 381 464
 Приход весны 381 464
 <А. О. Россет-Смирновой> 382 465
 Мечта 383 465
 «Поэт наш прав: альбом — кладбище...» 383 465
 К Ив. Ив. Дмитриеву 384 465

1833

Орел и голубка. *Басня* 386 460

1835

Д. В. Давыдову, при посылке издания «Для немногих» . . 388 466

1836

Ночной смотр 389 466

1837

Ермолову 391 466

<Из альбома, подаренного графине Ростопчиной>

Роза 392 467
 Лавр 392 467
 Надгробие юноше 392 467
 Голос младенца из гроба 392 467
 Младость и старость 392 467
 Фидий 393 467
 Судьба 393 467
 Завистник 393 467
 <А. С. Пушкин.> 393 467

1838

«Плачь о себе: *твое* мы счастье схоронили...» 394 467
 «Ведаю прошлое, видя грядущее, скальд вдохновенный...» 394 467

Любовь	394	467
Тоска	395	467
Стремление	395	468

1839

Сельское кладбище. <i>Элегия (Второй перевод из Грея)</i> . .	396	468
Бородинская годовщина	399	468

1840

«Елизавете Рейтерн»	405	469
-------------------------------	-----	-----

1851

Стихотворения, посвященные Павлу Васильевичу
и Александре Васильевне Жуковским

Птичка	406	470
Котик и козлик	406	470
Жаворонок	406	470
Мальчик с пальчик. <i>Сказка</i>	407	470

Царскосельский лебедь	409	470
---------------------------------	-----	-----

Примечания	413	
----------------------	-----	--

Василий Андреевич
ЖУКОВСКИЙ

Собрание сочинений, т. 1

Редактор В. Базанова. Художественный редактор Л. Чалова
Технический редактор М. Кондратьева. Корректоры А. Большаков
и Э. Урицкая

Сдано в набор 23/IX 1958 г. Подписано к печати 26/I 1959 г. Бумага
84 × 108¹/₃₂ — 16,62 печ. л. = 27,26 усл. печ. л. Уч. изд. л. 27,15 + 1 вкл. =
= 27,19 л. Тираж 60000 экз. Зак. № 272. Цена 10 р. 50 к.

Гослитиздат. Ленинградское отделение. Ленинград, Невский пр., 28.

Ленинградский Совет народного хозяйства. Управление полиграфической
промышленности. Типография № 1 «Печатный Двор» им. А. М. Горького,
Ленинград, Гатчинская, 26.